

Министерство образования и науки Российской Федерации
Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
Нижневартовский государственный университет

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы II Всероссийской научно-практической конференции

г.Нижневартовск, 8 февраля 2013 года

Часть I

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2013

ББК 72я43
К 90

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

К 90   **Культура, наука, образование: проблемы и перспективы:** Материалы II Всероссийской научно-практической конференции (г.Нижевартовск, 8 февраля 2013 года) / Отв. ред. А.В.Коричко. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гос. ун-та, 2013. Ч. I. История идей и история общества. Проблемы всеобщей истории. — 163 с.

ISBN 978–5–00047–009–1

Часть I издания включает статьи участников конференции секций «Проблемы всеобщей истории. Проблемы всеобщей истории». Авторы освещают актуальные проблемы всеобщей истории. Для преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

ББК 72я43

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 06.06.2013
Формат 60×84/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 21
Тираж 300 экз. Заказ 1445

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISBN 978–5–00047–009–1

© Издательство НВГУ, 2013

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Е.В.Башмакова

г.Иваново

Ивановский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ УЛИЧНОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА В АНГЛИЙСКИХ ГОРОДАХ ЭПОХИ ТЮДОРОВ

Одно из важных условий для благоустройства города, которое способствовало бы его развитию, остается состояние улиц и дорог. Для многих средневековых городов XV—XVI века Западной Европы неудовлетворительное состояние дорог являлось основной проблемой. Муниципальные власти были вынуждены выделять огромные средства на поддержание дорог, так как безопасное передвижение горожан послужило бы дальнейшему развитию городской экономики.

В англоязычной историографии данная тема освещена лишь в общих чертах. Следует упомянуть работу Дж.Томаса, которая затрагивает общие вопросы мощение, уборки и освещение улиц английских городов эпохи Тюдоров [14]. Отдельные моменты, связанные с благоустройством городских улиц Англии конца XV — начало XVII века, в частности применение противопожарных мер и введение санитарных законов рассматривают в своих работах Ф.Клиффорд [3], С.Смайлс [8] и др.

Среди современных отечественных исследователей, занимающихся проблемой развития английских городов раннего Нового времени, следует также упомянуть исследование В.А.Евсеева. Автор, в частности, рассматривает в своей работе такие интересующие нас вопросы как противопожарная безопасность и организация вывоза мусора в английских городах [2].

В средневековом английском городе не было ни больших площадей с их общественными сооружениями, ни широких вымощенных улиц. Дома теснились вдоль узких и кривых улочек, которые от нависающих вразнобой эркеров казались еще уже. Улицы были застроены домами и мастерскими. Их ширина, как правило, не превышала семи-восьми метров, по бокам тянулись открытые сточные канавы, кучи навоза тормозили уличное движение [1, 105].

Одна из самых трудных задач, которая возникла перед муниципальными властями, была борьба против скученности домов. До XV века в городских постановлениях редко встречались акты, связанные с благоустройством улиц. Однако, уже к концу XV века во многих английских городах появляются предписания относительно правил возведения домов и поддержания их внешнего вида, которые были обязаны соблюдать каждый горожанин-домовладелец [1, 106]. Городские власти боролись со стремлением горожан расширить жилое пространство за счет земли, граничащей с проезжей частью улиц. Именно эту цель преследовали домовладельцы, пристраивая к своим домам выносные лестницы и хозяйственные помещения [1, 106]. Так, например, в Лондоне издавались предписания, согласно которым устанавливались границы фасадов зданий на центральных улицах. В случае нарушений установленных границ домовладельцы подвергались штрафам [5, 33].

Еще одной важной проблемой для городов оставалась проблема мощения и уборки улиц. Изначально мостились только те дороги, которые имели первостепенное значение для города, так как это требовало огромных затрат, лишь с XV века начинают мостить городские улицы. Мощение улиц привело к изменению облика города [14, 40]. Улицы обычно мостились булыжником, но в некоторых районах использовали и необлицованный камень. К XVI веку большинство улиц уже были замощены, поэтому возникла необходимость регулирования дорожного обслуживания со стороны муниципальных властей [14, 41].

На протяжении XV—XVII веков муниципальные власти издавали акты и предписания, согласно которым домовладельцы были обязаны сами мостить и ремонтировать улицы перед своими домами. Если они были не в состоянии это сделать, местные власти брали эту обязанность на себя, но домовладелец или арендатор был обязан внести часть средств в городскую казну [3, 257]. В некоторых случаях город был вынужден брать на себя обязанность по мощению и ремонту улиц, это касалось скверов и парков. Такие территории признавались как общая собственность, соответственно, и результаты достигались посредством общего труда [14, 42].

В XVI веке в ряде английских городов появляются первые специальные службы, в обязанность которых входило мостить улицы. Известно, что жители платили особый налог на содержание таких служб. Некоторые провинциальные города вводили должность мостильщика улиц [14, 43]. В его обязанность входило мостить те участки улицы, за ремонт которых отвечали городские власти. Так, например, в Ноттингеме была создана организация в обязанность, которой входил контроль над общественными работами и сбор налогов с домовладельцев на мощение улиц [7, 309]. В случае кто не мог заплатить налог, был обязан отработать. Иные методы использовались в Лестере [6, 85] и в Ипсвиче [10, 208]. В этих городах мостильщик нанимался по контракту за установленную заработную плату. В его обязанность входило ремонтировать улицы, а город должен был предоставлять ему материал. Но такие методы не всеми городами заимствовались. Городской совет Кембриджа, в частности, принял указ, по которому горожане делились на корпорации. Их обязанностью

было мостить улицы гравием в парках, скверах и рыночные площади [14, 41]. Но, по всей видимости, эта работа частично оплачивалась, так как в городских предписаниях содержится пункт, в котором упоминается о заработной плате за подобную работу. К тому же нанимали человека, который был обязан наблюдать за работой и докладывать обо всех нарушениях [14, 41].

Пожертвования и благотворительность являлись еще одним способом финансирования мощения улиц. Богатые меценаты часто завещали огромные суммы для починки той или иной улицы. Так, Дж. Стоу неоднократно упоминает как тот или иной человек жертвует деньги на благоустройство городских улиц [5, 42].

На протяжении XVI века одной из важнейших проблем городских властей оставалась освещение улиц. Уличного освещения еще не существовало, а единственным источником искусственного света в течение шестнадцатого столетия оставалась сальная свеча. К XVI веку освещение городских улиц было достаточно простым. Все акты и предписания, изданные до XV века, затрагивающие вопросы освещения улиц, касались лишь безопасности путников на улицах города. К XVI веку городские власти начали издавать предписания, согласно которым каждый домовладелец должен был сам выносить фонарь со свечей и освещать, таким образом, территорию своего дома. Об этом факте и свидетельствует предписание городских властей Нортгемптона, изданное в XVI веке, которое гласило, что каждый домовладелец, также был обязан освещать с помощью фонаря прилегающую территорию возле дома, если предписания нарушались, на них налагался штраф [12, 268].

В Лестере муниципальные власти кроме всех прочих указанных мер, также определили период времени освещения улиц «от пяти или шести часов вечера до восьми или девяти часов ночи». Почти во всех случаях был пункт, исключаящий «такие ночи, когда светит луна». Вечерний звон означал сигнал для гашения огней [6, 287].

Была установлена персональная ответственность за освещение городских улиц. В каждом городе эти функции исполняли различные представители муниципальной власти, хотя и были попытки возложить обязанность на жителей города. Так, например, в Честере мэр, шериф и все трактирщики были обязаны «иметь перед своей дверью фонарь с зажженной свечой» [4, 56]. Подобные предписания были характерны для Ипсвича, Линкольна и еще ряда других городов Англии [14, 56].

В Ковентри органы местной власти оставили этот вопрос на «суд личности». Согласно этому постановлению, не только мэры, шерифы, смотрители и все трактирщики, но и все кто считает себя «честным человеком» должны иметь фонарь перед своим домом [11, 365]. В отличие от Ковентри, власти Кембриджа к XVI веку уже предпринимали попытки по организации освещения. Муниципальные власти определили места, которые должны были освещаться и назначали ответственных лиц за исполнение этих обязанностей. За уклонение от исполнения данных обязательств, налагались штрафы, а нарушителей отправляли в тюрьму [9, 338].

Таким образом, к XVI веку были заложены механизмы городского управления по благоустройству английских городов, сложившиеся в целостную систему мероприятий законодательного, судебного, административного и фискального характера. В этот период времени муниципальные власти проявляют особую заботу в вопросах мощения, освещения и планировки улиц города. Появляются новые должностные лица, которые осуществляли контроль над выполнением всех предписаний. Органы муниципальной власти не боялись использовать новые методы управления в данной сфере. Увеличивается и индивидуальная ответственность в вопросах благоустройства города.

Литература

1. Булушева А.Н. Строительство и планировка городов: Париж, Лондон, Стокгольм. М., 1938.
2. Евсеев В.А. Очерки по истории английского города. Иваново, 2010.
3. A history of private Bill legislation. / ed. by F. Clifford. London. 1887. Vol. II.
4. Chester in the Plantagenet and Tudor Reign/ ed. By R.H. Morris. Chester, 1884.
5. John Stow. The survey of city of London., London, 1956.
6. Records of the borough of Leicester. / Ed. by Bateson M. L., 1901. Vol. III
7. Records of the borough of Nottingham, being a series of extracts from the archives of the Corporation of Nottingham. King Henry VII to King Henry VIII, 1485-1547/ed. by B. Quaritch. London, 1882. Vol. III.
8. Samuel Smiles. Lives of the engineers, with an account of their principal works; comprising also a history of inland communication in Britain. London: J. Murray, Albemarle street. 1861. Vol. I.
9. The Annals of Cambridge/ ed. by H. Cooper., Cambridge, 1842. Vol. II
10. The Annals of Ipswich/ ed. by Bacon N., I., 1884.
11. The Coventry Lee Book or Major's Register, 1420—1555 / Ed. by M.D. Harris. L., 1907.
12. The records of the borough of Northampton/ ed. by the Rev. J. Charles Cox. London, 1898. Vol. II
13. The records of the city of Norwich/ ed. by the Rev. W. Hudson, J. C. Tingey., Norwich. 1906. Vol. II
14. Thomas J.H. The town government in the sixteenth century. L., 1933.

ПОПЫТКИ ПОСТРОЕНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В мировой истории практически не было крупных держав с моноэтническим населением. Этнические и религиозные проблемы в больших государственных образованиях существуют столько же времени, сколько и сами такие государства. Поэтому первые попытки их решения появились еще в глубокой древности.

Любопытно сравнить усилия по созданию стабильного мультикультурального общества, предпринятые в двух огромных державах — древнем Риме эпохи Империи и СССР, и сравнить их с внутренней политикой современной России.

В Риме ранней Империи полноправными гражданами государства являлись только римляне, все покоренное ими население державы не имело почти никаких прав. Однако сам чрезвычайно пестрый состав населения Империи настоятельно требовал создания какого-то мощного *объединительного вектора*, способного сплотить воедино людей разных этносов, культур и религий.

Первой попыткой такого рода можно признать введение обязательного культа императора. По сути, он стал *надрелигиозным и политическим фактором*: при сохранении всех религий обязательное почитание Гения императора и жертвоприношения ему демонстрировало лояльность подданных, и призвано было дать населению ощущение единства. Но попытка эта провалилась, поскольку античному язычеству противоречило почитание живого человека как бога, а покоренные Римом народы отказывались воздавать божественные почести императору, олицетворявшему собой принципы их бесправного положения в государстве.

Второй, более действенной мерой стало дарование римского гражданства всему свободному населению империи в 212 г. Появился реальный *объединяющий вектор* — понятие «римский народ». Независимо от этнического происхождения или религиозной принадлежности каждый человек стал ощущать себя частичкой «великого общего». Более быстрыми темпами пошла романизация населения. Переходя на латинский язык и осваивая римскую культуру, галлы, иберы и другие народы стали ощущать себя римлянами. Так возник *«фактор единения»*: оставаясь галлами, иберами и пр., эти племена осознавали свою принадлежность к *надэтническому* государственному образованию «римляне». Таким образом возник своеобразный этногосударственный дуализм: став римлянином, человек оставался галлом, не испытывая при этом никакого когнитивного диссонанса. И совершенно естественно воспринимал себя в первую очередь галлом, во вторую очередь — римлянином.

Третьим серьезным шагом по консолидации общества стало признание христианства государственной религией. Сам постулат христианства «нет ни эллина, ни иудея» нивелировал этнические различия, заменяя их идеей религиозной общности.

Четвертым важным фактором следует признать даже не романизацию, а сам латинский язык, ставший не только официальным государственным языком Римской Империи, но и средством межэтнического общения. Насильственного насаждения латинского языка не было, в провинциях все указы императора, как и постановления провинциальных властей, в обязательном порядке дублировались на местный язык, или — местные языки. Однако знать язык было полезно, выгодно, для государственных служащих — еще и обязательно. Поэтому широко распространившаяся латынь, как ОБЩИЙ язык, укрепляла ощущение общности и единства, позволяла, в буквальном смысле, «находить общий язык» представителям всех народов Империи.

Пятый консолидирующий момент — римское право, общее правовое поле, правовое государство. Это позволяло никому не чувствовать себя ущемленным по этническому, религиозному, социальному фактору. Разумеется, это было «классовое» право, как и в любом классовом государстве, и здесь нет смысла его идеализировать. Однако оно давало реальную правовую защиту любому человеку в случае грубого нарушения его имущественных или личных прав — независимо от всех других привходящих обстоятельств.

Вывод. Рим в целом вполне успешно решил этнические и религиозные проблемы. Понятие *«римский народ»* не отменяло национальной принадлежности, но давало ощущение сопричастности к государству и ответственности за его судьбу. Общая религия усиливала чувство единения. Был задействован и объединяющий *«фактор противостояния»*: римляне и варвары, христиане и «неверные», что еще больше способствовало единению римлян против всего окружающего их мира.

Создание мультикультурального и полиэтнического сообщества, объединенного общей религией, статусом «римляне» и противостоянием окружающему миру — сделало римское государство более жизнеспособным.

Западную Римскую империю погубили не этнические или религиозные противоречия, а нарастающий социально-экономический кризис, неспособность императоров справиться с ним, а также — углубляющаяся пропасть между властью и народом. Восточная Римская империя уцелела, возможно, благодаря большему вниманию власти к нуждам народа, а два *объединяющих вектора* — «ромеи» и православие, обеспечили Византии долгое существование. Официальное название жителей Византийской Империи — «ромеи» —

подчеркивало их преемственность с Римом, но объединяло все население на базе уже не латинского, а греческого языка. Подданные Империи — греки, египтяне, арабы — так же, как и римляне, ощущали, что они живут в общем для всех них СВОЕМ государстве.

Параллели с СССР очевидны. *Надэтнический фактор* «советский народ», вместо общей религии официально был введен «*общий атеизм*» — нивелирующий национальные различия, *противостояние* «миру капитала», *единая* «советская культура». И видимость сопричастности народа к управлению государством, *советский патриотизм*. Система было жизнеспособна. Не будем здесь анализировать все причины развала СССР, но одна из них тоже совпадает с причинами гибели Рима: углубляющаяся пропасть между властью и народом. Очевидно, если бы не добавился субъективный фактор — СССР мог бы вполне успешно существовать до сих пор.

Этот, если можно так выразиться «римско-советский» опыт создания стабильной и прочной державы, как представляется, весьма актуален сейчас для Российской Федерации. В РФ, практически, не действует ни один из перечисленных выше «*факторов единения*», но налицо этно-религиозное противостояние и другие проблемы, к которым добавилось еще и очень остро выраженная имущественная дифференциация населения.

Конечный вывод. Нарботанный веками опыт предыдущих держав и поколений по построению мультикультурального общества для современной России как никогда актуален, но — не востребован. Представляется, что если в ближайшее время не будут предприняты решительные шаги по исправлению сложившейся ситуации — страну могут ожидать большие потрясения.

А.А.Бельцер
г. Самара

Самарский институт — высшая школа приватизации и предпринимательства

АНГЛИЙСКИЙ СЕВЕР В ПИСЬМАХ РАЛЬФА СЭДЛИ

Зимой 1537 года, когда еще не улеглись волнения, связанные с Благодатным Паломничеством в Шотландию был отправлен посланник из королевских придворных — Ральф Сэдли. Сэдли происходил из дворянской семьи графства Миддлсекс. Благодаря службе в хаусхолде Томаса Кромвеля Сэдли в 1536 году стал джентльменом Тайной палаты Генриха VIII. Поездка в Шотландию стала первым ответственным поручением Ральфа Сэдли на королевской службе. Путь в Шотландию проходил через северные графства, еще не вполне замиренные после недавних волнений. В дороге Ральф посчитал необходимым написать пару писем Кромвелю, своему покровителю, с подробным описанием состояния северных земель от Йорка до Бервика. Эти письма были опубликованы дважды: в издании бумаг Ральфа Сэдли и в собрании государственных бумаг Генриха VIII [2, 59—602; 3, 526—528]. Историки обычно использовали их в качестве иллюстрации состояния северных земель после Благодатного Паломничества. Однако, как нам кажется, в этих письмах можно рассмотреть еще кое-что — восприятие Севера представителями политической элиты тюдоровской монархии, преимущественно выходцами из центральных и южных графств. Королевской политике в северных землях посвящены многочисленные научные работы, множество дискуссий, однако все споры ведутся, в основном, на политическом и социально-экономическом материале. В исследовании северных земель затеняется такая важная проблема как восприятие Севера английской политической элитой. В то же время именно представители элиты определяли те мероприятия, которые проводились в далеких северных землях.

Каким же предстает английский Север перед путешественником? Если оценивать общее впечатление Сэдли о северных землях, то следует отметить тревожное настроение, с которым путешественник въезжает на периферию. Границей между югом и севером служит Йорк. Оттуда Сэдли и пишет первое письмо. Оно все наполнено тревожными сообщениями о мятежах и волнениях. Йорк служит границей между верностью и предательством. «Сэр, я уверяю Ваше Лордство, что все города между Йорком и Лондоном в добром спокойствии и будут такими и оставаться. Но уверен, что если случатся новые волнения, то за Йорком примут сторону того, кто придет первым», — сообщает путешественник [3,528]. Места севернее Йорка предстают в первом письме Сэдли дикими, равно как и люди, их населяющие.

Обращает на себя внимание то, что Сэдли пишет большей частью о городах. Создается впечатление (и вероятно, оно не обманчиво), что путешественник нигде, кроме городов и не останавливался. Города предстают перед нами в описании Сэдли как своеобразные островки спокойствия и лояльности. «Сэр, все города, что я проехал, находятся в спокойствии и, насколько я могу предполагать, желают таковыми и оставаться»- пишет Сэдли в первом письме от 23 января [3,526]. Во втором письме речь идет о хорошем приеме в

Ньюкасле, о верности его городской администрации. Сельская округа же в описании Сэдли предстает как нечто враждебное. Она не только сама находится в постоянном волнении, но и провоцирует на подобные волнения город [2,598].

Нет доверия у Сэдли и к местному дворянству. На протяжении всего описания путешествия проводится мысль, что именно бездействие дворянства привело к столь широкому размаху восстания. «По моему мнению, джентльмены здесь такого рода, что сочувствуют волнениям, готовы закрыть на них глаза и не оказывать сопротивления», — пишет Сэдли. «Я уверяю Ваше Лордство, джентльмены скорее закрывают глаза на все эти дела, нежели готовятся к сопротивлению», — докладывает он дальше. Путешественник вкладывает в уста своих собеседников слова об ответственности дворянства за мятеж: «Почему, — спросил я, — общины захватили джентльменов и заставили стать их капитанами? Да, да, — отвечали они, — если б джентльмены были такими, какими должны быть, то легко могли бы все остановить, но когда они приняли участие, то такие бедные люди как мы могут поступить так, как поступили мы, иначе будут лишены всего, что имеют» [3, 527]. Видимо, эту точку зрения разделял и Кромвель. Один из собеседников Сэдли, как сообщает путешественник, сказал следующее: «Почему ты не поговоришь с моим лордом Дарси? Разве он не перешел на сторону общин как только они подошли к Помфрету и расположились там? Будучи в замке он мог сопротивляться им даже если бы их было в десятеро больше» [3, 528]. Эти вопросы мы найдем как раз в списке, составленном Томасом Кромвелем для допроса Дарси [1, 554].

Жители Севера предстают в письмах Сэдли разделенными на два разряда: «добрые», «честные люди» и беднота. Первым, по мнению автора, есть что терять, у них есть имущество и они заинтересованы в порядке. Вторые же бедны, им нечего терять, они наслаждаются злом и ничего не желают кроме как сеять смуту и мятеж, так что они могут получить прекрасную возможность пограбить честный сорт [3,528]. Такая дихотомия социальной структуры вообще была свойственна политическому сознанию англичан XVI века. Как считает К. Райтсон, разработка языка «разрядов» берет начало со второй четверти XVI века. Исследователь отмечает присутствие этого термина еще в труде Т.Старки [4, 49]. Сэдли именно простонародье, «людей другого сорта» считает заинтересованными в волнениях.

«Это в целом земли дикие, где «люди очень дики». «Люди очень дики там, куда я отправляюсь», — пишет Сэдли. Хотя позднее выясняется, что все не так плохо, путешественник устаивает северян нелестными словами. «Люди здесь очень хамоваты, они находятся в странном состоянии и изумлении, ищут что-то и не могут понять, что», — сообщает автор [2, 597]. Описание земель епископства Дарем хотя и начинается с того, что земли пребывают в спокойствии и не являются такими дикими как их описывают, содержит рассказы, демонстрирующие как раз обратное. Показательно в этом плане повествование о пребывании путешественника в городке Дарингтон. Автор описывает толпы народа, расхаживающие по улице с дубинками, боязнь городского совета сказать грубое слово нарушителям из-за боязни спровоцировать восстание [2,598]. Все это как-то не согласуется с картиной спокойствия.

Таким образом, даже если делать скидку на то, что Сэдли побывал на севере только что после восстания, следует отметить, что периферия представляется путешественнику как земля преимущественно «незная», беспокойная и далекая от лояльности. Ни местное дворянство, ни простые жители не достойны доверия. Их верность королю не безусловна, а определяется обстоятельствами. Требуется «усердие и осмотрительность для их успокоения и устройства» [2,599]. Успокоением и устройением северных земель правительство Генриха VIII и занялось в последующие годы.

Литература

1. Bateson M., Cromwell T. Aske's Examination // English Historical Review. 1890. Vol.5. № 19. P. 550—573.
2. State papers and letters of Sir Ralf Sadler. Edinburgh, 1809. V. 2. P. 596—602.
3. State Papers of Henry VIII. V.1. L., 1831. P. 526—528.
4. Райтсон К. «Разряды людей» в Англии при Тюдорах и Стюартах // Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 46—61.

НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ О МЕТОДАХ УПРАВЛЕНИЯ ОТТО ФОН БИСМАРКА

Рейхсканцлер Германской империи профессионально владел стратегией управления. Стиль и методы его руководства начали анализировать еще современники, восхищаясь его решениями или подвергая их критике.

В процессе анализа техники управления О.Бисмарка немецкими историками были сконструированы 4 модели власти: «Негативная интеграция», «Политика сплочения», «Бонапартизм» и «Социал-империализм». Эти понятия, за исключением термина «Бонапартизм», практически не встречались в немецкой исторической литературе об эпохе Бисмарка до середины XX в. В настоящее время они используются широко, в различном контексте, иногда взаимодополняя друг друга.

В первую очередь рассмотрим истоки и развитие модели «негативной интеграции». Этот термин вошел в историческую лексику благодаря двум работам о социал-демократической партии; одна работа вышла из-под пера американского социолога Гюнтера Рота, другая принадлежит немецкому историку Дитеру Гро [1]. В обеих работах под термином «Негативная интеграция» подразумевается модель, которая объясняет чувство солидарности меньшинства, если это меньшинство подвергается политическим и общественным гонениям, как это происходило с немецкой социал-демократической партией в XIX в. В современных работах этот термин определяет объединяющий большинство страх либо перед меньшинством в собственном государстве, либо перед иностранным врагом, страх, который в обоих случаях искусственно создан и умело используется государственным деятелем или правительством. Эта форма модели впервые была описана в вышедшей в 1962 г. статье немецко-американского автора Вольфганга Зауера «Проблема немецкого национального государства» [2, 407—436]. Анализируя политическую систему О.Бисмарка с 1864 по 1871 гг., В.Зауер делает вывод, что «функция политики в условиях риска состояла в том, чтобы внутренний кризис путем выведения его наружу если не преодолеть, то хотя бы нейтрализовать». Если в конфликте задействована не одна, а две и более стороны (как это было в случае с имперской Германией), то в этих обстоятельствах остается собрать большинство противостоящих сил под одним флагом и повести его против меньшинства. Главное условие состоит в том, что меньшинство должно быть достаточно сильным, чтобы представлять в глазах общества серьезную опасность, но слишком слабым для того, чтобы являться ей в реальности.

Ханс-Ульрих Велер выразил версию модели Зауера следующим образом: «Бисмарк воспользовался древнейшим социально-психологическим антагонизмом *ingroup* и *outgroup* («наша группа» и «люди вне нашей группы»), симитировав внутренние конфликты таким образом, чтобы иметь возможность вести большинство «верных империи» элементов против меньшинства «врагов империи», которые должны были казаться «серьезной опасностью», не представляя, тем не менее, на деле угрозы сложившейся системе». Согласно модели Зауера-Велера, гениальная тактика Бисмарка имела далеко идущие последствия для немецкой истории. Его «симулирование» международных опасностей — сначала политического католицизма, потом социализма — позволило ему, на основе находившихся под угрозой интересов, «заключать чисто тактические союзы». Эти союзы дали ему возможность отсрочить конституционные реформы и заблокировать процесс эволюции государства от бюрократического абсолютизма к политической демократии [3].

Модель негативной интеграции Зауера — Велера связывают с «культуркампом» и «законом против социалистов». Они пытались определить, проводил ли О.Бисмарк «культуркампф» в 1871—1887 гг. и антисоциалистическую кампанию 1878 г. из тактических соображений или считал политический католицизм и «подрывную деятельность» социалистов реальной опасностью для государства и общества.

Авторы пришли к предположению, что, победив внешних врагов, О.Бисмарк симулировал их внутривнутриполитическую замену, т.е. создал новый образ врага. Согласно представленной модели, «культуркампф» был для О.Бисмарка всего лишь политической тактикой. Это была кампания против Центра и католической церкви исключительно из-за ее интегрирующего эффекта на другие политические партии и общественные слои. Эта гипотеза полностью разрушает традиционное представление о том, что к «культуркампу» привела оппозиционная направленность католической церкви по отношению к объединению Германии во главе с Пруссией и поддержка католическими епископами польского национализма в прусских восточных провинциях. В то же время, О.Бисмарк в течение многих лет утверждал, что происхождение «культуркампа» связано с польским вопросом [4, 433]. Согласно документам, О.Бисмарк между войнами 1866 и 1870 гг. был обеспокоен двумя внутривнутриполитическими проблемами:

1. Использованием польского языка, которое оплачивалось немцами и тем, что католическое духовенство в роли школьных инспекторов отвечало за процесс обучения;
2. Возможностью превращения Пруссии и Северогерманского союза в мишень для враждебной кампании, которую клерикальная пресса будет инсценировать повсюду, «как в Австрии, так и во Франции, как в Вюртемберге, так и в Баварии».

Во время войны 1870 г. польское население Пруссии, как и предполагал О.Бисмарк, целиком встало на сторону Франции. Войсковые части должны были быть размещены в Познани, чтобы поддерживать порядок. Поэтому в основании Партии Центра после войны О.Бисмарк видел «Мобилизацию против государства». Эти процессы усиливали необходимость предпринять меры против польского национализма и польского духовенства. Поведение партии Центра в 1870—1871 гг. и ее попытка повлиять на немецкую внешнюю политику, сыграли значимую роль в решении О.Бисмарка начать «культуркампф». Но это было лишь последнее звено в цепочке событий, которые привели к «культуркампфу». Из этого авторы делают вывод, что «культуркампф» был всего лишь умелым шахматным ходом в стратегии негативной интеграции [3].

Сторонники модели «негативной интеграции» аргументируют свою позицию тем, что О.Бисмарк не только преднамеренно форсировал противостояние между сторонниками и врагами империи, но и попытался позднее большинство, выступавшее за майские законы, использовать и в других политических целях. Но в 1870-е гг. прусское и немецкое парламентское развитие определялось не постоянным, а чередующимся большинством. Так большинство, которое поддержало в Пруссии законы «культуркампфа», состояло из свободных консерваторов, национал-либералов и прогрессистов, а в составе тех, кто утверждал военный бюджет на три года (триеннат 1871 г.) и на семь лет (септеннат 1874 г.), были консерваторы, свободные консерваторы и национал-либералы. Майские законы способствовали окончательному отделению старых консерваторов прусского ландтага от правительства О.Бисмарка. А прогрессисты, поддерживая законы «культуркампфа», продолжали вести свою борьбу за право парламента утверждать бюджет и другие либеральные цели. Т.о., в отношении майских законов прогрессисты были «друзьями империи», а консерваторы — ее врагами. В отношении военного бюджета роли менялись. Поэтому ошибочным является представление, что «культуркампф» по всем важным вопросам разделил политические силы Германии на два лагеря *ingroup* и *outgroup* [3].

То, что О.Бисмарк преследовал тактические цели, осуществив в 1878 г. роспуск рейхстага из-за закона против социалистов, является очевидным. И, тем не менее, модель «негативной интеграции» приводит к заблуждению, если берется утверждать, что цели Бисмарка были только тактическими. Многие факты говорят о ранней и постоянно растущей озабоченности О.Бисмарка неудовлетворительным положением рабочих и «подрывной деятельностью» социалистов. Это подтверждают его беседы и переписка с Ф.Лассалем в 1863 г., эксперимент с промысловой кооперацией в деревне Вюстегерсдорф, долгая связь с Германом Вагенером, интерес к катедер-социалистам, сбор сведений о положении рабочих в 70-е годы, а также повторявшиеся после 1872 г., попытки увеличить легальные полномочия полиции, прокуроров и судей для подавления социалистической агитации в прессе и в частных обществах. Его требования к парламенту о принятии «исключительного» закона против социалистической деятельности можно проследить до 1874/75 гг., т.е. до кульминации «культуркампфа». Выдвинутые правительством проекты закона о прессе 1874 г. и дополнения к уголовному закону 1876 г. содержат условия, которые имеют характер исключительных законов.

Задолго до 1878 г. О.Бисмарк не раз говорил о неэффективности существующих законов о социалистическом движении. Наравне с «культуркампфом», антисоциалистическая кампания 1878—1890 гг. имела характер внутригерманской «превентивной войны». Страх перед неизвестным будущим, запустивший механизм «культуркампфа» и законодательства против социалистов, был, бесспорно, подлинным, а не симулированным.

Остается сделать вывод, что модель «негативной интеграции» является недостаточной для объяснения намерений О.Бисмарка в 1862-1890 гг., так же как для выяснения социального и политического положения власти в Германии в те годы.

Перейдем к другой, часто встречающейся в немецких исторических работах об эпохе О.Бисмарка, модели — «политике сплочения». Этот термин принадлежит Иоганну Микелю, прусскому министру финансов, который ввел это понятие в 1897 г., обозначив созданную О.Бисмарком общность интересов между крупными землевладельцами и промышленниками путем введения немецкой покровительственной пошлины. В работах Экарта Керра начала 1930-х гг. и его последователей программа «политики сплочения» описывается как «идеология» государственных деятелей, политиков и влиятельных общественных групп в вильгельминовской империи. Дирк Штегман пишет, что «политика сплочения» является ключевым понятием к пониманию социально-исторического развития кайзеровской империи с 1879 г. [5, 112]

Модель «сплочения» доказывает, что О.Бисмарк с помощью покровительственной пошлины сумел создать коалицию двух могущественнейших группировок немецкого общества. Цель рейхсканцлера состояла в объединении старой элиты крупных землевладельцев с новой элитой промышленников и коммерсантов за счет других общественных слоев, включая пролетариат.

Для описания методов управления О.Бисмарка понятие «политика сплочения» следует употреблять в широком смысле. Основной общественной и политической целью О.Бисмарка было сохранение старого прусского истеблишмента, т.е. консервативно-бюрократического аппарата и правящей элиты в лице крупных землевладельцев, знати, королевского дома, офицерского корпуса, сословия служащих и протестантской церкви. Способ сохранения он видел в расширении его социальной и политической основы. Поэтому О.Бисмарк старался ввести в него новую элиту из сферы промышленности и финансов. Чтобы добиться его широкой поддержки, необходимо было легитимировать и консолидировать новый правящий слой [6, 2].

Этими идеями руководствовался О.Бисмарк в 1880 г., стремясь аннулировать рейхстаг путем государственного переворота. В беседе с прусским министром торговли Т.Ломаном 5 октября 1883 г. О.Бисмарк открыто заявил, что «страхование от несчастных случаев было второстепенным делом». Главным, по его мнению, было «налаживание связи с корпоративными союзами, которые постепенно должны были возникнуть у всех производящих классов, добившись, тем самым, основы для будущего народного представительства, которое вместо или наряду с рейхстагом стало бы существенным, определяющим фактором законодательства» [3].

Возникает вопрос, что же подразумевал О.Бисмарк под «производящими классами». В исторических работах нет единого мнения. Одни настаивают, что О.Бисмарк подразумевал под ними землевладельцев и коммерсантов. Другие, приводя свидетельства источников, доказывают, что, по мнению О.Бисмарка, сельские и промышленные рабочие также были производящими классами. По этой причине он хотел ввести в корпоративные союзы «комитеты рабочих», которые не только управляли бы системой страхования от несчастных случаев, но и могли бы защищать свои собственные интересы в будущем парламенте. Поэтому он планировал выдвижение представителей рабочих в немецкий бундесрат, где они должны были занять свое место наряду с министрами немецких союзных государств.

Также следует выяснить, кого О.Бисмарк не относил к «производящим классам». Речи и сочинения О.Бисмарка показывают, что он различал две «непроизводящих» группы. Одну группу представляли профессиональные политики. О.Бисмарк надеялся, благодаря обновлению рейхстага на корпоративной основе, очистить как правительство, так и сам рейхстаг от профессиональных политиков, считая, что их больше волнует сохранение своих партий, своего личного влияния и своей идеологии, чем общественное благо.

Другая «непроизводящая» группа состояла из так называемых «стригущих купоны». Так канцлер определял тех, кто жил за счет основного капитала предприятия, не внося вклад в производственный процесс. О.Бисмарк атаковал эту группу с двух фронтов, не только словесно в парламенте, но и налоговыми предложениями, например, через налог на доходы от капитала. Профессиональные политики и «ленивые богатеи», а не рабочие, были теми группами, которые он исключал из числа «производящих классов» [3].

Монархия, в понимании О.Бисмарка, сохраняла свою традиционную функцию, а именно стремилась к примирению различных интересов, чье противостояние мешает экономическому и политическому развитию. В менявшемся мире он цеплялся за старое представление о государстве, главной функцией которого было сохранение порядка и стремление к общему благу вопреки конкуренции интересов.

Третью модель, характеризующую технику управления О.Бисмарка, принято называть «бонапартизмом». Это понятие начали использовать еще современники О.Бисмарка, являвшиеся противниками его стиля управления. В исторических трудах оно представлено в различных формах, таких как, например, «бонапартистская диктатура», «плебисцитарная диктатура» и «цезаризм».

Но насколько политическое мышление О.Бисмарка соотносится с логикой данной модели? Чтобы уберечь сложившийся авторитарный режим от опасности новой революции, необходимо было примирить и объединить важнейшие социальные группы. Бранденбургский юнкер О.Бисмарк, который в марте 1848 г. хотел вести в Потсдам крестьян из Шонхаузена, чтобы заверить короля в лояльности его подданных никогда не сомневался в том, что народные массы мыслят монархически. В 1866 г. он ввел всеобщее избирательное право, будучи убежденным, что, по крайней мере, 90% населения настроены лояльно по отношению к монархии. Позднее он настоятельно утверждал, что «враждебные империи» депутаты и партии не могут представлять истинную волю народа. Избрание представителей партии Центра, социал-демократов и левых либералов, так же как партикуляристов Вельфов, польских националистов и эльзасских протестантов было, по его мнению, делом священников — ультрамонтанов, радикальных агитаторов, профессиональных политиков, польской знати и франкофильской буржуазии, которые хотели ввести избирателей в заблуждение. В парламенте и в прессе он призывал избирателей дать отпор этим врагам империи, которые «как паразиты пожирали прежде здоровое государственное тело». Во время «культуркампфа» он боролся с ультрамонтанами, а не с католиками; и законом против социалистов он пытался противостоять разрушительному действию социалистических доктринеров, а не бороться с пролетариями [3].

Четвертая модель, представляющая методы управления О.Бисмарка — «социал-империализм». Ханс — Ульрих Велер придал этому устаревшему понятию новое значение, которое и по сей день используется в историографии. Согласно модели Велера, затянувшийся мировой экономический кризис, начавшийся с биржевого краха 1873 г. и продолжавшийся с короткими перерывами до середины 1890 гг., стал для господствующих классов тяжелым опытом. Отчаянная конкуренция за рынки сбыта, падение цен на товары, снижение ценности денежной единицы, растущие социальные волнения и опасность социализма вели западные правительства не только к политике протекционизма, но и к экспансии слаборазвитых регионов Африки, Азии и Тихого океана. По словам Велера, «динамичный элемент, который проявился в росте промышленности с ее перепроизводством и лихорадочным поиском рынков с самого начала переплетался с социально-оборонительной позицией, которая служила империализму как средство общественно-политической интеграции» [7,63]. Он называет два взаимосвязанных мотива, приведших О.Бисмарка к политике социал-империализма: 1) поиск надежных зарубежных рынков, чтобы сбыть излишки товаров, которые были произ-

ведены в период экономического кризиса благодаря промышленной экспансии; 2) необходимость создать «предохранительный клапан» против социальных волнений и тем самым стабилизировать социальную и политическую систему.

Покровительственная пошлина и колониальный империализм, в его представлении, были ничем иным, нежели двумя взаимодополняющими стратегиями, которыми «господствующие круги» пытались прикрыть социальный и политический разлад в Германии.

О.Бисмарк, создавая протектораты, стремился, в первую очередь, к экономической прибыли в виде природных ископаемых и рынков сбыта, что доказывает совпадение его мотивов по крайней мере с первой, экономической подоплекой, модели социал-империализма. Но имелись ли у него мотивы социального плана? В документах, отражающих мысли и решения Бисмарка о колониях, речь идет исключительно об ожидаемой экономической пользе для Германии и о проблемах, которые ставит их приобретение для внешней политики Германии. Неоспоримым является тот факт, что ожидание экономической прибыли от колоний (рынки сбыта и постоянный доход для немецкой индустрии и немецкого капитала) было неразрывно связано с мыслью об их социальном значении (рабочие места, зарплаты и удовлетворенность рабочих). Значимость и того и другого в период экономического кризиса являются неоспоримыми.

Но социальный мотив модели социал-империализма содержит еще одну позицию, а именно ожидание, что империализм может послужить снятию внутривнутриполитических конфликтов, подобно громоотводу изменив направление содержащейся в этих конфликтах энергии. Ожидал ли Бисмарк так много от империалистической политики, которую он начал с создания протекторатов в Африке и Тихом океане? Надеялся ли найти здесь решение внутренних социальных и политических конфликтов, которые ставили под угрозу прусско-германские устои социального и государственного строя?

Он был реалистом и видел в колониях скорее не громоотвод, а ворота, которые можно было открыть и закрыть, в зависимости от того, что обнаружишь на другой стороне. Он мыслил категориями приобретений и потерь и быстро отрезвлялся, если потерь было больше, чем приобретений. Большинство немецких коммерсантов, промышленников и кредиторов считали колонии нерентабельными. Немецкие протектораты управлялись не по образцу Британской Ост-индской компании через частные общества; они должны были быть превращены в колонии, управляться немецкими чиновниками и охраняться немецкими войсками. В этих обстоятельствах расходы для государства значительно перевешивали пользу для германской экономики. К 1888 г. О.Бисмарк четко осознал, что больше не следует впутывать Германию в «колониальный обман» и стал обдумывать, как продать немецкие интересы в Юго-западной Африке, Восточной Африке и Самоа.

Если бы мотивы Бисмарка были социального плана, то вопрос финансовых приобретений или потерь не приобрел бы такого значения. И если бы немецкие колонии ввиду их «характера громоотвода» действительно казались Бисмарку необходимыми для внутренней стабильности немецкого социальной и политической организации, то он не стал бы избавляться от них к концу 80-х годов XIX в., когда социальный вопрос стал требовать неотложного решения. Но вместо этого он вводит закон против социалистов и законы о социальном страховании, видя в них защиту от грозивших социальных волнений. Т.о., О.Бисмарк не выходил за рамки экономической сферы модели социал-империализма [7, 63].

Очевидно, что перечисленные модели не являются взаимосвязанными и не могут дополнять друг друга в попытке объяснить образ внутривнутриполитических действий О.Бисмарка.

Поскольку образ действий О.Бисмарка во внутренней политике не укладывается в полной мере ни в одну представленную модель, а их сочетание является взаимоисключающим, то более корректным представляется широкое определение его политики как «социального маневрирования».

Литература

1. Roth G. The Social Democrats in Imperial Germany. A Study in Working Class Isolation and National Integration. Totowa N.J., 1963; Groh D. Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Frankfurt-am-Main, 1973.
2. Wehler H.-U. Moderne deutsche Sozialgeschichte. Köln, 1973.
3. Pflanze O. Bismarcks Herrschaftstechnik als Problem der gegenwärtigen Historiographie <http://www.historischeskolleg.de>
4. Die politischen Reden des Fürsten Bismarck. Stuttgart, 1892—1894, Bd. 11.
5. Wehler H.-U. Primat der Innenpolitik. Berlin, 1965.
6. Establishment, Süddeutsche Zeitung, 26. März 1981.
7. Wehler H.-U. Deutsche Kaiserreich: 1871—1918. Göttingen, 1994.

СТАТУС ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕМ РИМЕ I в. н.э.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Рост территории Римского государства, колоссальное обогащение верхушки общества, разлагающее влияние «более испорченного Востока», развитие рабовладельческих отношений, острая внутривластная борьба — все это наложило свой отпечаток на идеологию и культуру римского общества еще в период поздней Республики.

Глубокие социально-экономические сдвиги вызвали кризис старой политической системы, и оказали огромное влияние на жизнь римского общества. Этот период значительно изменил положение женщин не только в семье, но и в обществе в целом.

В Древнем Риме, как можно судить по многочисленным данным источников, господствовал родовой быт, который и определял все как в общественной, так и в государственной жизни. Женщина всегда находилась под властью мужчины.

Подчиненное положение женщины в римском праве выступает во многих аспектах, обычно существенным образом ограничивавших ее свободу действий. Первое из этих ограничений — отсутствие политических прав. Ведь женщина не пользовалась ни одним из основных прав римского гражданина: не могла служить в армии, голосовать в собраниях, избираться на государственные должности.

Женщины имели право гражданства, но это было лишь формальностью. На самом же деле, выражение «коллектив граждан» практически было тождественно словосочетанию «мужское сообщество».

В то время как философы и законодатели по традиции силились удержать женщину в постоянной опеке, общественное мнение уже начинало признавать за ней некоторые права. Прежние строгие правила, досконально регламентирующие поведение женщин, все чаще оставались без применения.

Женщина находится на границе социальных статусов и испытывает одновременное влияние противоречащих друг другу норм, ценностей и т.д.

Так, например, во время отсутствия супруга жена не обязана была сидеть взаперти. Любимым женским занятием считалось хождение по торговым лавкам и пересуды с продавцами и встречными знакомыми. Супруга также всегда присутствовала рядом с мужем на всех праздниках. Римлянка могла свободно появляться в обществе, ходить в гости, бывать даже на торжественных официальных приемах, т.е. она представляла собой многоуважаемую матрону, хозяйку своего дома. Везде ей был гарантирован хотя бы только внешний почет, любой мужчина уступал ей дорогу, даже консул со своими ликторами. Впрочем, ее редко можно было встретить в публичном месте или на общественном собрании: римская добродетель предполагала, что порядочная женщина должна быть домоседкой. Впрочем, и это правило понемногу уходило в прошлое. Как и обязанность вести себя на людях подчеркнуто скромно.

Сенека Старший был убежден, что поведение на улице указывает на образ жизни вообще, но, сколько бы он ни советовал матронам ходить с опущенными глазами, чтобы лучше показаться невежливой по отношению к тому, кто с ней поздоровается, чем бесстыдной, его мало кто слушал... (Sen. St. Kont. II. 7. 3.)

Традиционные этические нормы поведения римлянки в обществе претерпевают значительные изменения.

Женщина начинает играть другую социальную роль — это не только благочестивая мать семейства или просто красивое создание «для удовольствий», это подруга, то есть человек, обладающий свободой внутреннего мира, к которому можно относиться не снисходительно, а почти на равных.

Их влияние стало заметным на гражданских собраниях, а в провинциях уже стали воздвигать статуи римским дамам. Нередки были случаи, когда жена оказывала значительное влияние на мужа в сфере политики.

Одно из проявлений участия римской женщины в общественной жизни, встречающееся с эпохи Августа — это женская благотворительность. Благотворительность всегда присутствовала не только в Риме, но и в провинциальных городах. Женщины начинают появляться и в этой сфере деятельности. Некоторые поступки благотворительниц были связаны с заботой о престиже своей фамилии. Армения Ауга, мать всадника из Сересс и его сестра дали членам городского совета 25 тысяч сестерциев и угощение, а всем гражданам города устроили пир (CIL. VIII. 11216). Главной причиной такого честолюбия, скорее всего, выступало стремление утвердить себя в публичной жизни и обществе. Наличие множества подобных надписей лишний раз доказывает потребность женщин выделиться из общей массы, хотя бы богатством и щедростью.

Примером социальной благотворительности могут служить также специальные частные или императорские заведения для содержания и воспитания бедных детей. В таких воспитательных учреждениях находились и девочки, причем в некоторых случаях на девочек предусматривалось больше расходов, чем на мальчиков (например, фонд в Севилье Целии Макрины и Фабии Адрианиллы) (CIL. II. 1174). Такие частные заведения часто учреждались либо в память женщин, либо самими женщинами.

Итак, женщина становится активной участницей общественной и политической жизни Древнего Рима. Она постепенно начинает освобождаться от опеки мужчин, может полноправно распоряжаться своим имуществом, вследствие чего появляется в торговом и ремесленном производстве. Римлянка накапливает капитал, для того чтобы с ней начинали считаться в местном обществе. Участие в благотворительности для родного города фактически приравнивает ее положение в обществе с положением мужчин. Она становится объектом обсуждения, восхищения, ей возводят памятники, ее именем называют воспитательные учреждения. Женщины начинают пытаться выделяться из общества в целом, пытаются оставить свое имя в истории.

Подобно мужчинам, они имели право устраивать ассоциации и выбирать из своей среды представителей. Одна из таких ассоциаций носит почтенное название «общество для сохранения стыдливости». Случалось, что такие организации вмещивались в муниципальные дела и играли в них известную роль. В Ланувииуме одна ассоциация называлась «женским сенатом»; это название напоминает одно очень любопытное учреждение в Риме, о котором, к сожалению, малоизвестно; это было так называемое «собрание матрон» (*conventus matronarum*), куда собирались женщины знатных домов. Резиденция этого общества находилась на Квиринале, а в последние столетия Римской империи — на форуме Траяна. На таких собраниях обсуждались подчас весьма важные дела, касавшиеся даже политических и государственных вопросов: например, решение римских женщин отдать свои золотые украшения и иные драгоценности в казну еще во время войны Рима с жителями города Вейи (396 г. до н. э.), было принято, очевидно, как раз на одном из них. В таком же собрании в одном из городов Империи обсуждался, например, вопрос, о вознаграждении городскому магистрату и об изыскании денежных средств для этой цели.

Во время выборов женщины не голосовали, но зато они усердно агитировали в пользу того или другого кандидата, прежде всего, конечно, за своих мужей и родственников. Или просто за приятных им людей...

Богатых и знатных женщин признательность сограждан не отделяла от их мужей, и им часто ставили обелискы. Нередко они становились настоящими благодетельницами своего родного города: сооружали за свой счет храмы, портики, украшали театры, устраивали от своего собственного имени игры и в благодарность за это получали восхваляющие их официальные постановления.

Как видно из всего этого, римским женщинам было далеко до того рабства и затворничества, на которое, как правило, были осуждены женщины у древних народов. Традиционно римляне относились к своим матерям с подчеркнутым почтением, а к женам, дочерям и внучкам — строго, требовательно, но одновременно — а в этом и заключается римская специфика! — бережно и снисходительно, учитывая «слабую и эмоциональную женскую натуру». Гражданские законы были все против любых проявлений личной или имущественной самостоятельности римлянки. И здесь опять приходится констатировать двойственность положения женщины в Риме, юридически бесправной, но фактически всегда имеющей заметное влияние на все проявления римской жизни.

И хотя на первых этапах она стоит в тени своего мужа или отца, но со временем ей удается приблизиться к общественной и политической жизни государства, а в некоторых случаях и принимать в ней активное участие. Несмотря на все перемены, произошедшие в римском государстве, зрелые дамы стремились к хотя бы частичной независимости от мужчин. В результате изменений социальной структуры общества, формирования новых функций, меняется их социальное положение. Римлянки утверждают свою собственную систему норм и ценностей.

Однако важно отметить, что такие женщины составляли меньшинство и скорее были исключением, чем правилом. Самостоятельность и влияние в обществе были уделом лишь немногих знатных и богатых дам. При этом кроме честолюбия самой женщины намного более важным фактором являлся социальный и имущественный статус ее мужа, реже — сына, так как все возможности матроны определялись, прежде всего, возможностями ее супруга. Большая часть простых римлянок так и оставалась привязанной к семье, дому, и находилась под абсолютной властью мужчин.

В целом, возможности женщин становятся выше и разнообразнее, они могут проявить себя уже иначе, чем было установлено традицией. В этом явлении не нужно видеть только прогресс высвобождения личности, духовное возрождение, — важнее уяснить другое. Кризис встряхнул античную цивилизацию так, что в ней многое поменялось местами, нарушил соотношенность различных институтов, исковеркал общество. Он спровоцировал женщин на иное поведение, иную форму самореализации. В том числе и такие формы поведения и самореализации, которые противоречат самой природе женщины и являются для нее неестественными.

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

В годы «холодной войны», начавшейся после окончания Второй мировой войны, развернулось острое соперничество США и СССР в области вооружений. Не остались в стороне и морские вооружения соперничавших держав. Принимая во внимание, что сфера морских вооружений весьма обширна, мы остановимся лишь на влиянии гонки вооружений на подводный флот США и СССР.

Представляется важным выявить цели и задачи развития подводных флотов СССР и США в годы «холодной войны», эволюцию их технико-тактических характеристик и достигнутые результаты.

Подводная лодка — это корабль, который способен совершать плавание и выполнять боевые задачи в подводном и надводном положении. Массовое строительство подводных лодок началось в конце XIX — начале XX веков. Если в годы Первой мировой войны вклад подводных лодок воюющих государств был не слишком велик, то уже в годы Второй мировой войны они зарекомендовали себя достаточно грозной силой, с которой приходилось считаться. Так, например, подводный флот Германии сумел потопить 2828 коммерческих судов союзников общим водоизмещением 14923052 тонны. Однако, и потери немецких подводников оказались весьма высокими: союзниками было уничтожено 785 из 1162 немецких подводных лодок, введенных в строй во время Второй мировой войны [1, 10].

Открытие атомной энергии создавало заманчивую перспективу использования ее и в подводном флоте. Ведь по своим свойствам атомные источники энергии являются наиболее оптимальными для подводной лодки, так как, не нуждаясь в атмосферном воздухе или в запасах кислорода, позволяют получать энергию практически неограниченно долго и в необходимом количестве. Кроме этого, решалась проблема в отношении длительного движения под водой с высокой скоростью хода, появлялась перспектива использования подводных лодок в арктических районах подо льдами. Однако, с момента внедрения атомных энергетических установок (АЭУ) стали очевидны возникающие сложные проблемы: необходимость обеспечения надежной радиационной защиты личного состава, повышение требований к профессиональной подготовке обслуживающего АЭУ персонала, потребность в развитой инфраструктуре (базирование, ремонт, загрузка ядерного горючего, удаление отработанного топлива, утилизация списанных атомных подводных лодок (АПЛ) и другие. Первые предложения от ученых-атомщиков и военных моряков об использовании атомной энергии в подводном флоте США и СССР стали поступать еще в конце 1940-х гг. Однако, только в 50-х гг. началась новая эра в подводном кораблестроении — использование для движения подводных лодок атомной энергии.

Первая в мире АПЛ была построена в США — «Nautilus» — и вступила в строй в сентябре 1954 г. В январе 1959 г. после завершения испытаний была принята в эксплуатацию ВМФ СССР первая отечественная АПЛ проекта 627.

С вводом в строй первых АПЛ практически без перерыва началось постепенное наращивание темпов их строительства. Параллельно шло практическое освоение применения атомной энергии в ходе эксплуатации АПЛ, поиск оптимального облика АЭУ и самих ПЛ.

Внедрение на ПЛ АЭУ совпало по времени с разработкой ряда принципиально новых образцов вооружения: крылатых ракет (КР) для стрельбы по берегу и для поражения морских целей, позднее — баллистических ракет (БР), средств дальнего радиолокационного обнаружения воздушных целей. Успехи в области создания БР наземного и морского базирования привели к пересмотру роли и места как сухопутных, так и морских систем вооружения, что нашло отражение и в становлении типажа АПЛ. В частности, постепенно утратили свое значение КР, предназначенные для стрельбы по берегу. В результате США ограничились постройкой всего одной АПЛ «Halibut» и двух ДПЛ — «Grayback» и «Growler» — с КР «Regulus», а построенные в СССР АПЛ с КР для поражения береговых целей были впоследствии переоборудованы в АПЛ только с торпедным вооружением.

Первый в мире пуск БР с подводной лодки был произведен в СССР в сентябре 1955 г. Ракета Р-11 ФМ была запущена с переоборудованной дизельной подводной лодки (ДПЛ) из надводного положения. С той же подводной лодки спустя пять лет был произведен первый в СССР пуск БР из подводного положения.

С конца 50-х годов начался процесс внедрения БР на ПЛ. Сначала была создана малоракетная атомная ПЛ (габариты первых отечественных морских БР на жидком топливе не позволили создать сразу многоракетную АПЛ). Первая отечественная АПЛ с тремя стартующими из надводного положения БР была введена в строй в 1960 г. (к этому времени было построено несколько отечественных дизельных подводных лодок с баллистическими ракетами).

В США, базируясь на успехах, достигнутых в области морских БР, сразу пошли на создание многоракетной АПЛ с обеспечением старта ракет из подводного положения. Этому способствовала успешно реализуемая в те годы программа создания баллистических ракет на твердом топливе «Polaris». Первый американский

ракетоносец, получивший название «George Washington», вступил в строй в декабре 1959 года и положил начало дальнейшего строительства серии этого класса кораблей. В Советском Союзе первый ракетоносец проекта 667А с 16 баллистическими ракетами, стартующими из подводного положения, был введен в строй в 1967 году, а ракетоносец проекта 941 («Тайфун») имел уже 20 БР.

В последующие годы осуществлялось дальнейшее совершенствование этого нового вида морского вооружения: увеличение дальности полета морских баллистических ракет (БР) до межконтинентальной, отработка темпа стрельбы ракетами вплоть до залповой, принятие на вооружение БР с разделяющимися головными частями, увеличение численности БР на ракетоносцах до 20—24. Соединение атомной энергетики и БР межконтинентальной дальности придало АПЛ в дополнение к их скрытности принципиально новое качество — способность поражать цели в глубине территории противника. Это обстоятельство превращало АПЛ в важный компонент стратегических вооружений, занимающий в стратегической триаде едва ли не главное место благодаря своей мобильности и высокой выживаемости.

В Советском Союзе в конце 60-х гг. для борьбы с ударными надводными группами кораблей США и НАТО были созданы АПЛ с крылатыми ракетами на борту, способными стартовать из подводного положения. На рубеже 60-х гг. повышенное внимание в развитии АПЛ придавалось повышению их скрытности от обнаружения другими подводными лодками и средствами слежения, а также совершенствованию средств освещения подводной обстановки для опережения противника в обнаружении. С другой стороны, проектировщики АПЛ стремились к достижению возможно большей скорости подводного флота. Например, в СССР было создано несколько АПЛ, имеющих скорость хода свыше 40 узлов. Рекорд скорости составил 45 узлов и был достигнут в 1969 году при испытании АПЛ проекта 661 [2, 99]. Наибольшую глубину погружения — 1147 м — имела построенная в середине 80-х гг. в СССР опытная АПЛ «Комсомолец», охотник за подводными лодками [2, 110].

К середине 70-х гг. обозначились ведущие подклассы АПЛ, различающиеся назначением и составом основного ударного оружия:

— многоцелевые АПЛ с торпедным оружием, противолодочными ракетами, а позднее крылатыми ракетами, предназначенные для уничтожения надводных целей, противодействия подводным лодкам противника и решения других присущих подводным лодкам задач (минные постановки, разведка и др.);

— стратегические подводные ракетоносцы, вооруженные баллистическими ракетами для поражения целей на территории противника;

— подводные лодки — носители крылатых ракет, предназначенные для уничтожения надводных кораблей и транспортов [3].

Остановимся, например, на технико-тактических характеристиках АПЛ США и СССР «Огайо» и проект 949 («Оскар» по американской классификации):

— «Огайо»: водоизмещение: надводное — 16600 т, подводное — 18750; глубина погружения — 400 м; скорость подводного хода — 28 узлов; вооружение — 4 торпедных аппарата (533 мм); ракетное вооружение — 24 ракеты «Trident-2»;

— «Оскар»: водоизмещение: надводное — 13400 т, подводное — 18000; глубина погружения — 600 м; скорость подводного хода — 30 узлов; ракетное вооружение — 24 ракеты «Гранит».

Определяющее значение БР подводных ракетоносцев заключается в дальности их полета. Поэтому в 70-е гг. разрабатывались такие баллистические ракеты, которые имели уже межконтинентальную дальность. Так, например, в 1977 г. у Советского Союза на вооружении находилась морская ракета Р-29У, имеющая дальность 9100 км (БР «Булава», которой будут вооружены российские ракетоносцы четвертого поколения, имеет дальность от 8000 до 9300 км. Американская ракета «Trident -2» имеет дальность свыше 11000 км, но при условии некомплектного снаряжения боевой части). Такие характеристики БР дают возможность их применения практически из своих территориальных вод при надежной защите АПЛ силами флота. За годы «холодной войны» общее количество построенных в США АПЛ составило 391, из них 127 — с баллистическими ракетами. У Советского Союза соответственно — 356 и 161 [3].

Таким образом, строительство подводного флота США и СССР осуществлялось в соответствии с возможностью использовать присущие подводным лодкам такие преимущества, как скрытность, маневренность, оперативность для возможного нанесения разящего и неотвратимого ракетно — ядерного удара по противнику. Вооружение АПЛ баллистическими ракетами с ядерными зарядами превратило их в один из ведущих компонентов ядерной триады СССР и США. Следует подчеркнуть, что в целом в гонке морских вооружений инициатива всегда принадлежала США, однако, СССР сумел не только сократить отставание, но и создать превосходящий численно и качественно атомный подводный флот, позволивший сохранить океанский стратегический паритет в годы «холодной войны».

Литература

1. Подводные лодки: Свыше 300 подводных лодок всех стран мира / Пер. с англ. А.Николаева. М., 2001.
2. Дрожжин Г. Асы подводной войны. М., 2004.
3. URL: www.flot.com

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В АКВАТОРИИ ТИХОГО ОКЕАНА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ИТОГИ

Вторая мировая война явилась переломным периодом в мировой истории XX века. Это война унесла более 50 миллионов человеческих судеб в большинстве стран мира. Вторая мировая война — это величайшая трагедия XX века. И до сих пор эта война вызывает живой интерес исследователей многих стран мира, но прежде всего со стороны ученого сообщества стран-участниц войны.

В процессе изучения военных и политических событий, связанных с историей последней мировой войны, в первую очередь внимание исследователей и в нашей стране, и за рубежом привлекают, как правило, события войны в Европе. Именно здесь происходили важнейшие и определяющие события войны, здесь разворачивались битвы ее главного фронта — советско-германского. Именно поэтому окончание войны в Европе, в мае 1945 г., ассоциируется в массовом сознании с завершением всей Второй мировой войны. Однако профессиональным историкам хорошо известно, что это не так. Германия была далеко не единственной страной-агрессором, и ее поражение не привело к окончанию Второй мировой войны. Еще три с половиной месяца продолжались кровавые сражения на Тихом океане, и только в начале сентября 1945 г. подписание безоговорочной капитуляции Японией поставило точку в истории самого кровопролитного и разрушительного военного конфликта в истории человечества [1, 45—46].

Поскольку вопрос о господстве на Тихом океане имел решающее значение в случае любого конфликта между Японией и США (военного, экономического, политического), было очевидно, что Япония неизбежно денонсирует Вашингтонский договор. В свою очередь это означало, что США необходимо смириться либо с перспективой ускоряющейся гонки морских вооружений, либо с перспективой войны. Положение американцев усложнял, однако, назревающий конфликт с Германией. Хотя очевидная стратегическая уязвимость страны должна была побудить японских стратегов действовать разумно, они последовали примеру американцев и создали себе дополнительные трудности, разделив свое внимание между Югом (США и Великобритания) и Севером (Советский Союз). Армия считала, что судьба страны решится на Севере, а Флот — на Юге. В сущности, все 30-е годы Флот готовился к одной войне, а Армия — к другой. И вплоть до катастрофы 1945 года главным содержанием внутренней жизни страны оказывается перманентная борьба между Армией и Флотом [2, 213].

Положение усугублялось антагонизмом, традиционно существовавшим между армейским и флотским командованием.

Стратегическая раздвоенность, однако, к добру не приводит. Локальные конфликты на Хасане и Халхин-Голе способствовали дальнейшему ухудшению отношений между Москвой и Токио. Соответственно, все больше ресурсов направлялось на вспомогательное (с точки зрения реальных экономических интересов метрополии, которая прежде всего нуждалась в нефти) направление. Между тем, отношения на Тихом океане начали быстро обостряться. 29 июля 1941 г Япония ввела войска во Французский Индокитай. В ответ Соединенные Штаты объявили эмбарго на поставку в Японию стратегических материалов, и в первую очередь нефти. После того, как к эмбарго присоединились Великобритания и Голландия, Япония оказалась принужденной начать расходование своих весьма скудных стратегических резервов топлива. С этого момента японское правительство было поставлено перед выбором — скорейшее заключение соглашения с США или начало боевых действий. При этом основные массы населения Японии были настроены в пользу силового решения. Однако ограниченность сырьевых ресурсов делала невозможным успешное ведение более-менее продолжительной войны.

Перед японским командованием стояла сложная задача: разгромить флот Соединенных Штатов Америки, захватить Филиппины и вынудить американцев заключить компромиссный мир. При этом достигнуть поставленных целей было необходимо быстро — для продолжительной войны Японии попросту не хватало ресурсов [3].

Однако, прежде чем делать выводы и обсуждать уроки войны на Тихом океане с точки зрения США, кажется целесообразным выяснить причины падения Японии с точки зрения ее собственных ошибок. В начале войны на Тихом океане морская стратегия Японии завершилась успешно. Почему же она потерпела неудачу и каковы были те ошибки, которые содействовали конечному поражению Японии? Хотя главной причиной этого поражения явилась колоссальная разница между материальными и промышленными ресурсами США и Японии, тем не менее японцы сделали серьезные ошибки, которые сыграли большую роль в поражении Японии.

Основной план войны Японии включал: во-первых, захват голландской Индии и Малайи, богатых нефтью, оловом, каучуком, продовольствием и другими ресурсами, без которых Япония не могла вести войну; во-вторых, нападение на американский флот на Гавайских островах, которое должно было лишить его возможности мешать действиям японцев в западной части Тихого океана; в-третьих, создание на удаленных островах оборонительного рубежа, за которым они могли бы эксплуатировать свои ресурсы без помех со стороны внешних сил.

По этому плану японцы, осуществив эти три первоначально намеченных пункта, должны были только закрепиться и уничтожить всякие силы, которые могли представлять угрозу созданному ими рубежу. Они рассчитывали, что США будут мало заинтересованы в ведении боевых действий на таком большом расстоянии от своей метрополии, и, вместо того чтобы нести потери, которых потребует прорыв японского оборонительного рубежа, они предпочтут заключить мир, уступив Японии захваченные ею позиции.

Концепция японцев, несомненно, базировалась на уверенности в том, что Гитлер выиграет войну в Европе или по крайней мере заставит своих противников заключить компромиссный мир.

Первые успехи японских вооруженных сил вскружили голову правящим кругам и командованию Японии. Вместо того чтобы удовлетвориться первоначально намеченным оборонительным рубежом, они решили сделать попытку дальнейшего его расширения. В силу своих ограниченных ресурсов они даже отложили укрепление на запланированном оборонительном рубеже и усиление его.

Одной из серьезных ошибок в японской стратегии была неспособность японцев понять, что заморские базы можно удержать только в случае господства на море. Когда господство на море потеряно, эти базы не могут больше получить продовольствие и пополнения, совершенно необходимые для их существования.

Первый отпор японцы получили в сражении в Коралловом море в мае 1942 г., когда была отбита их попытка захватить Порт-Морсби с моря. В этом сражении они потеряли один авианосец и почти все самолеты и всех летчиков еще с двух авианосцев, участвовавших в этом сражении.

Японцы не предусмотрели подготовку достаточных пополнений, чтобы возместить свои потери в летчиках. Они не представляли себе достаточно ясно тот колоссальный тоннаж торгового флота, какой должен потребоваться для эксплуатации завоеванных ими территорий в южном районе и для снабжения их баз, расположенных на островах оборонительного рубежа.

Нападение на Пёрл-Харбор в действительности же мало сказалось, с точки зрения материальных потерь, на господстве японцев в Тихом океане. Линейные корабли США были уже морально устаревшими, и им суждено было оказать лишь незначительное влияние на исход войны [4, 34].

Однако психологическое значение нападения на Пёрл-Харбор было очень велико. Во-первых, оно объединило американский народ, пробудив чувство готовности к ведению войны и к всемерным военным усилиям, как его не могло бы объединить ничто другое. Вторым психологическим последствием нападения на Пёрл-Харбор было мгновенное крушение прежнего представления военно-морских специалистов о превосходстве линейного корабля. Американское руководство и командование извлекли этот урок в самом начале войны, а не позднее. Если бы линейные корабли, потопленные в Пёрл-Харборе, были бы потоплены позднее на открытом море, как это случилось с английскими линейными кораблями «Принц оф Уэльс» и «Рипалс», потери в личном составе и стратегическая катастрофа для США были бы значительно более серьезными. Потопление американских линейных кораблей в мелких водах Пёрл-Харбора заставило пересмотреть стереотипные планы, принятые в то время для ведения войны с Японией.

Важным новшеством американского командования военно-морским флотом было создание соединений обслуживания. Это были группы кораблей, которые снабжали боевые корабли в море провизией, боеприпасами и предметами снабжения всех наименований, тем самым позволяя им оставаться в районах боевых действий на неопределенно долгое время. Эти соединения представляли собой плавучие базы почти в полном смысле этого слова.

Хотя война на Тихом океане была в основном морской войной, она продемонстрировала необходимость взаимодействия между всеми элементами вооруженных сил. Морская авиация возглавляла наступление и добивалась господства на море, но ее усилия сводились бы к нулю, если бы не амфибийные силы, захватывавшие передовые базы и плацдармы.

В ходе военных действий на Тихом океане авианосцы американского военно-морского флота и их палубная авиация добились решающего господства на море, сохранили его и сделали возможными все последующие операции. Завоевание стратегической инициативы на Тихом океане было их достижением [5, 561].

Появилась атомная бомба, которая обладала огромной разрушительной силой. В результате ее использования против Японии, были ранены и убиты несколько сотен тыс. человек.

Нет сомнения, что основной вклад в разгром японских агрессоров внесли вооруженные силы США. Однако это никак не умаляет вклада в общую победу других стран — Великобритании, Китая, Австралии, Новой Зеландии, Голландии и, конечно же, Советского Союза. Прежде всего следует отметить, что именно вступление Советского Союза в войну и разгром Квантунской армии, а не использование атомной бомбы, доказали японскому правительству бесперспективность дальнейшего сопротивления. До этого японское правительство надеялось, что ему удастся затянуть войну и добиться заключения компромиссного мира с США и Англией за счет дележа захваченных территорий, в частности Китая. Учитывая способность Японии к дальнейшему сопротивлению, американско-английское командование планировало основную операцию по вторжению на Японские острова только на 1946 г. [6, 402].

Таким образом капитуляция Японии 2 сентября 1945 г. привела к завершению боевых действий в обширной акватории тихоого океана, став тем самым, последним эпизодом Второй мировой войны.

Литература

1. Генри М., Чаппел М. Армия США на Тихом океане 1941—1945. М., 2002.
2. Иванов М.И. Япония в годы войны / Отв. ред. Д.В.Петров. М., 1989.
3. Лиддел Гарт Б.Г. Вторая мировая война. М., 2001. URL: <http://militera.lib.ru/h/liddel-hart/39.html/>
4. Хаттори Т. Япония в войне, 1941—1945 гг. СПб., 2003.
5. Шерман Ф. Война на Тихом океане: Авианосцы в бою. М.; СПб., 1999.
6. Яковлев Н.Н. Пёрл-Харбор: была и небыла. М., 1988.

*Л.В.Ващук
г.Киев*

Киевский национальный университет им. Т.Шевченко

ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИСКА I ВАЛУА: ОПЫТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАНЦИИ И ПОРТЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

В первой половине XVI века Франциском I Валуа (1515—1547 гг.) проведены значительные трансформации в организации политической системы Франции. Эти действия были направлены в первую очередь на усиление власти монарха, в противовес Парламенту и Церкви.

Сделав большой шаг к превращению своей власти в абсолютистскую, молодой и амбициозный Франциск заботился о поддержке авторитета Франции на международной арене. Необходимо отметить, что с XVI века в Европе вырисовываются принципы международных отношений нового времени [5, 225]. В связи со сменой расстановки сил в Европе король вел очень активную внешнюю политику.

Правление Франциска I во внешнеполитическом плане отличалось острым противостоянием с Габсбургами. Для достижения своих целей французский король вступил в отношения с Сулейманом Великолепным, правителем Османской империи, что и является предметом исследования нашей работы.

Данный вопрос освещался в общих работах французских исследователей — А.Лемоньера, Ж.Марьежоля, Ж.Арлет [9; 4; 7]. Сотрудничество Франциска I с Сулейманом Великолепным также исследуется в контексте борьбы Валуа и Габсбургов за превосходство на европейском континенте русскими учеными Ю.Е.Ивониным и В.В.Суховерховым [1; 6].

На сегодня в историографии остается много спорных вопросов в оценках значения этого союза: были ли действия французского короля предательскими в отношении к христианской Европе или они были необходимыми для поддержания авторитета Франции. Также нет единого мнения о дате подписания первого официального договора между правителями.

Исследование основывается на франкоязычных источниках, опубликованных в собрании документов «Переговоры Франции со странами Леванта: переписка, мемуары и дипломатические акты». Особо информативными для освещения данного вопроса являются письмо Сулеймана к Франциску I (1526 г.) и первый официальный договор между Францией и Портой (1536 г.) [10; 11].

Причин, которые повлияли на сближение Франции с Османской империей, было несколько. Во-первых, интересы Франциска I и Сулеймана нигде не пересекались, то есть не было повода к вражде. Во-вторых, они имели общего врага — Карла V Габсбурга, императора Священной Римской империи.

Непосредственно на установление отношений между странами повлияло мадридское пленение Франциска I, вызванное тяжелым поражением французской армии в сражении при Павии (24 февраля 1525 г.) [8, 203]. Мать Франциска Луиза Савойская, регент Франции во время пленения короля, в 1525 г. по инициативе короля направила в Порту посольство, которое, однако, так и не достигло Константинополя [4, 229]. Король, пребывавший в Мадриде, также направил к султану своего агента Ж.Франжипани с письмом и устным сообщением, которые имели четкие предложения — начать поход на владения императора, а Франция в свою очередь будет продолжать военные действия против Карла V.

В контексте вышеизложенных событий весьма любопытным представляется письмо султана, написанное в начале 1526 г. к Франциску I, свидетельствующее о том, что французский король обращался к Константинополю с просьбой об освобождении. Так, султан пишет: «Ты Франциск, король страны Франции, через вашего верного агента Франкипани, вы обратились с письмом в мою Порту, убежище государей; вы также передали через него некоторые устные поручения, вы осведомили нас, что враг завладел вашей страной, и что вы сами в данный момент находитесь в плену, и вы обратились сюда за помощью и средствами для вашего освобождения» [10, 117].

Проанализировав суть документа, можно сделать выводы, что хотя конкретной помощи Сулейман I не предложил, но дал понять, что будет поддерживать Францию. После выражения сочувствия Франциску I, султан написал: «Наши славные предки и наши известные предшественники (пусть Господь освятит их могилы) никогда не переставали воевать, для того чтобы отбить врага и покорить новые территории. Мы также идем их следами. Мы постоянно завоевывали провинции и сильные неприступные крепости. И днем, и ночью наши лошади оседланы, наши сабли наготове» [10, 117—118].

Действия султана подтверждают его поддержку Франции. В 1526 г. он начал поход на Венгрию. В этом же году Сулейман Великолепный разбил при Мохаче чешско-венгерские войска, захватил большую часть Венгрии и даже угрожал Вене [7, 183]. Но эти действия продиктованы не только желанием помочь Франциску. Сулейман в первую очередь отстаивал интересы своей страны, которые в известной мере совпали с потребностями Франции, сделавшей в свою очередь также шаг навстречу: Франциск I запустил на зимовку мусульманских пиратов в гавань Тулон, что позволило им грабить испанские суда [2, 176].

Новым толчком к углублению сотрудничества Франции с Османской империей было очередное обострение отношений с империей Карла V в 30-х гг. Внешняя политика французского короля этого периода имела ярко выраженный светский характер. Зрелый монарх и политик, Франциск I, в противостоянии с Карлом V, ярким защитником христианской веры, отодвигает на второй план религиозный фактор и вступает в переговоры с врагами императора протестантскими князьями. Франциск I вел очень искусную политическую игру с оппозиционными к Карлу V князьями, создавшими 25 декабря 1530 г. в гессенском городке Шмалькальден оборонный религиозно-политический союз против императора [1, 58].

Одновременно Франциском I велись переговоры с английским государем Генрихом VIII. Осенью 1532 г. между Францией и Англией заключается Лондонский договор, согласно которому монархи обязывались предоставлять друг другу помощь в случае войны одной из сторон с императором [12, 258—259]. Также, в октябре этого года в Булони прошла встреча королей, ключевой темой которой был не вопрос войны с Карлом, а с османами [9, 86]. Необходимо отметить, что Франциск не планировал начинать военную кампанию против Сулеймана, а напротив желал с ним союзничества.

Другим направлением дипломатической работы Франциска I были отношения с папством. Так, в 1533 г. флорентийская принцесса Екатерина Медичи вышла замуж за младшего сына Франциска, будущего Генриха II. Этот брак сына короля Франции с племянницей Юлия Медичи, известного с 1523 г. как папа Климент VII, дал толчок сближению между двором Фонтенбло и Ватиканом [3, 146].

После смерти Климента VII, наступившей 25 сентября 1534 г., Франциск рассматривал новые комбинации политических союзов, могущих укрепить его положение. Не удивительно, что взгляд монарха упал на Османскую империю, не однажды уже проявлявшую желание сотрудничать с Францией. Имея намерение получить непосредственную поддержку наипоопаснейшего врага императора, в 1535 г. король отправляет к султану посла М. де ля Фореса [9, 90].

Французский посол Ля Форес, посетив Тунис, в мае 1535 г. прибыл в Константинополь. В послании, врученном султану, Франциск I снова подтвердил свое желание установить мир, однако, тут же, посетовал на то, что его намерениям препятствуют действия Карла V. А по сему король просил у Сулеймана предоставить Франции субсидии на 1 млн. золотых еку и помощи турецкого флота. При этом отмечалось, что совместные действия против императора лучше вести в Италии, где он наиболее уязвим [3, 90].

Переговоры, в которых активно участвовал личный советник Сулеймана, первый визир — Ибрагим-паша, продолжались более полугода. Следствием стал официальный договор — первый между христианской Францией и мусульманской Портой¹.

Содержание и условия договора, на первый взгляд, не были нацелены против каких либо государств. Упомянув предыдущие устные договоренности, возникшие в 1526 г., во время пребывания Франциска I в мадридском плену, стороны отмечают давность их сотрудничества [11, 289]. Хотя в документе обуславливается политическая и военная взаимопомощь, но нигде не указано, что союз направлен против Карла V. То есть основные договоренности, про которые свидетельствуют последовавшие действия участников переговоров, остались устными.

Итак, данный договор имеет некоторую двусмысленность. Основным официальным достижением для Франции являются выгодные условия торговли с Османской империей. Именно торговым и экономическим отношениям уделяется наибольшее внимание, но все же не этот вопрос был целью заключения договора. Как показали дальнейшие события, в ходе очередной войны Франциска с императором Порты активно поддерживала Францию в морских кампаниях.

Сотрудничество Франциска I, короля мощного христианского государства, с мусульманской Портой не осталось незамеченным в европейском обществе. 17 апреля 1536 г. Карл V выступил в Ватикане пред новым Папой Римским Павлом III (1534—1549 гг.) и коллегией кардиналов с докладом, который был направлен против Франциска I [6, 118]. Император, как предводитель христианско-католического мира, разоблачил

---

¹ Следует обратить внимание, что в самом тексте документа указана дата подписания 1535 г. [11, 285]. Однако как позже блестяще доказал М. де Аммером, договор был подписан несколько позже, в феврале 1536 г.

«предательские» отношения французского короля с Османской империей. Данный «союз лилии и полумесяца» вызвал отрицательный резонанс в обществе, но никто из важных субъектов международных отношений XVI ст. не принимал никаких санкций в отношении Франции. Вполне очевидно, что сотрудничество Франции с османами было прямым следствием борьбы двух могущественных европейских династий, Габсбургов и Валуа, за гегемонию в Европе.

Таким образом, французский король Франциск I Валуа, отстаивая свои личные и государственные интересы, в первой четверти XVI века вступает в военно-политическое и экономическое взаимодействие с мусульманской Портой. Король ставит государственные дела на первое место, подвигая на второстепенные позиции религиозный фактор. Но такие действия короля не надо считать предательскими по отношению к христианской вере. Во внешней политике монарха четко ощущаются веяния нового времени, отход от средневековых норм взаимодействия субъектов международных отношений. Франциск I игнорирует антагонизм между христианским западом и мусульманским востоком.

Литература

1. Ивонин Ю.Е. Карл V Габсбург / Ю.Е.Ивонин // Вопросы истории. М., 2007. № 10. С. 46—65.
2. История Франции: В 3 т. / Отв. ред. А.З.Манфред]. М., 1972. Т. 1.
3. Ле Руа Лядюри Э. История Франции. Королевская Франция. От Людовика XI до Генриха IV. 1460—1610 / Эмануэль Ле Руа Лядюри; Пер. с фр. Е.Н.Корендясова, В.А.Павлова. М., 2004.
4. Марьежоль Ж. История средних веков и нового времени 1270—1610 / Ж.Марьежоль. СПб., 1893.
5. Нестеренко Л.О. Міжнародні аспекти формування французької державності в епоху раннього нового часу / Л.О.Нестеренко // Наукові праці Запорізького державного університету історичного факультету. 2002. Вип. XV. С. 224—231.
6. Суховерхов В.В. Карл V и Франциск I. Итальянские войны / В.В.Суховерхов // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 111—121.
7. Arlette Gouanna. La France du XVI siècle. 1483—1598 / Gouanna Arlette. Paris, 2006.
8. Bourquin L. La France au XVI siècle 1483 — 1594 / L.Bourquin. Paris: Belin, 1996.
9. Lemonnier H. Henri II, la lute contre la Maison d'Autriche 1519—1559 / Henry Lemonnier. Paris: Tallandier, 1983.
10. Lettre de Soliman II à François I-er // Négociations de la France dans le Levant. Correspondances, mémoires et actes diplomatiques / [par Ernest Charrière]. — Paris: Imprimerie nationale, 1848. Т. I. P. 116—118.
11. Premier traité officiel de la France avec la Porte. Février 1536 // Négociations de la France dans le Levant. Correspondances, mémoires et actes diplomatiques / [par Ernest Charrière]. Paris: Imprimerie nationale, 1848. Т. I. P. 283—294.
12. Traité entre François I-er et Henri VIII, roi d'Angleterre, confirmant les précédents traités de paix conclus entre ces deux rois contre l'empereur. 1532 // Ordonnances des rois de France. Règne de François I-er. Paris: La librairie Lucien Dorbon, 1937—1940. Т. VI: 1530—1532. P. 257—266.

ДИСКУССИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ ВИЗИТА ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО В ИНДИЮ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1875 г.)¹

Поворотным пунктом в истории Британской империи принято считать период 70-х гг. XIX в., когда идея имперской консолидации была провозглашена Б. Дизраэли в качестве одной из составляющих политической программы консервативной партии [1, 58—79]. В Великобритании развернулись дискуссии о судьбе Британской колониальной империи и путях ее развития [1, Гл. 4—5].

Отношения с колониями в 70-х годах XIX века продолжали занимать преимущественно профессионалов — деятелей имперской и колониальной администрации. Они не вызывали устойчивого интереса парламентариев [9, 275]. «Вестминстер Ревью» писал в 1876 г., что хотя британская пресса уже не была столь «крайне безразлична к проблемам имперских связей как ранее», но все же обращения газет к колониальным сюжетам были нечасты [11, 311]. Тем большее значение для оценки настроений в обществе касательно состояния империи имеют дискуссии в британской прессе и в парламенте в связи с поездкой в Индию принца Уэльского. В силу статуса наследника престола как главного героя события, оно не могло быть оставлено без внимания.

Официально о намеченном визите стало известно 16 марта 1875 г. Отбыл принц Уэльский из Англии 11 октября 1875 г. Объектом настоящего исследования является анализ «эффекта ожидания» британского общества в связи с данным мероприятием. Появившиеся за это время отклики могут быть рассмотрены как своего рода индикатор состояния общественного мнения не только касательно британской политики в Индии, но и, в немалой степени, имперской политики в целом.

Как только известие о визите стало достоянием гласности, в газетах, ориентированных как на массового читателя, так и на респектабельную публику, началось бурное обсуждение предстоящего события. «Дэйли ньюс» в публикации от 16 марта 1875 г. заявила, что этот визит — шаг, который никогда не предпринимался в отношении Индии, и выразила надежду, что это придаст индийскому населению «новое чувство единения с остальной империей» [3, March 16]. Далее количество публикаций разных жанров нарастало лавинообразно. Тема «первого в истории визита в Индию наследника Короны», «присутствие которого будет видимым символом единства Британской империи» станет постоянной [2, March 20; 8, Oct. 11]. Консервативная газета «Дэйли телеграф» назвала визит «миссией имперского единства», либерально-радикальная «Дэйли ньюс» — «великим и беспримерным событием, которое может уже не повториться в другом столетии», декан из Вестминстера определил его как «миссию мира и доброй воли» [4, July 5; 3, Sept. 14; 6, Oct. 11]. Эмоциональные оценки визита, признание «важности, которую страна на него возлагает», сопровождалось и выражением уверенности в его успехе [6, July 16]. Не подвергалось сомнению, что «визит предвещает много хорошего для Индии и Англии»: жители Шеффилда выразили надежды, что визит улучшит благосостояние восточной части империи и империи в целом; корпорации Лондона в обращении к принцу высказали веру в то, что визит свяжет воедино расы и владения Ее Величества; епископ Линкольна призывал молиться, чтобы это «важное событие в истории империи» улучшило положение Индии [3, July 16; 7, Aug. 21; 6, Oct. 11, 9]. Выражалась вера в то, что «присутствие принца в Индии прольет бальзам на душу» [6, Aug. 10]. В своих оценках и ожиданиях британская общественность соглашалась с Б. Дизраэли в том, что «визит принца Уэльского должен принести продуктивные результаты, и его влияние будет полезным» [10, 15 July 1875, Col. 1495].

Большие надежды, возлагавшиеся на визит, отражали обеспокоенность общества Великобритании положением Индии. Неурожайные годы и голод 1874 г. привели к очередному экономическому кризису. В периодической печати стали появляться сведения о накаляющейся политической атмосфере в Индии. Поводом к этому послужил инцидент с попыткой отравления махараджей штата Бароды — Гукваром Бароды — английского резидента. Это происшествие вызвало большой резонанс в британском обществе, подвело к мысли о растущей власти местных князей в противовес упадку власти Великобритании и «уменьшению лояльности местного населения к английскому правлению» [3, May 18; 6, March 23]. Поэтому на «индийский вояж» возлагались надежды общеимперского свойства: «визит — не просто приятная поездка» или «эгоистичная затея для удовольствия» принца, а «событие национального масштаба и значения», «предприятие во имя национальных интересов» [2, July 10; 4, July 5]. Имея официальный, а не частный, характер, визит поэтому обеспечивался государственной казной. Парламент выделил принцу на личные траты 60.000 ф.с. в дополнение к транспортным расходам [10, 15 July 1875, Col. 1509]. Эта сумма не была разорительной для страны. Тем не менее, в периодической печати разгорелась дискуссия о размере гранта, которая определила более конкретные цели, возлагавшиеся обществом на визит. Британский налогоплательщик, таким образом, хотел точно представлять, каким образом и сколь рационально будут потрачены его деньги.

---

¹ Визит длился с октября 1875 по май 1876 г.

У визита был и дипломатический подтекст: крайнюю обеспокоенность вызывало в Британии продвижение России в Центральной Азии. Тезисы о «русской угрозе» и «обороне подступов к Индии» имели стратегическое значение. По оценке «Экономиста» обсуждение дел на Среднем Востоке в британском парламенте в июле 1875 г. вызвало такой «чрезвычайный накал страстей», что сказать «вопрос привлёк внимание» значило «сказать мало» [5, P. 810]. Это подвигло англичан переосмыслить свои отношения с пограничным Афганистаном, а также позаботиться об изменении механизмов управления Индией и взаимоотношений с ней. Поэтому предполагалось благодаря посещению принцем эмира Афганистана установить дружественные отношения с этой страной и увеличить влияние Великобритании в регионе [10, 6 July 1875, Col. 1041]. Вопрос ставился даже более широко: необходимо было «всевозможными способами развивать связи с Востоком» [10, 6 July 1875, Col. 1041].

Еще одной задачей была «репрезентация Великобритании в Индии» [2, July 10; 3, March 16; 4, July 9; 6, July 15]. Это было непросто сделать в стране, сам образ которой ассоциировался с сокровищами Востока. Некоторые депутаты парламента и авторы газетных публикаций считали, что сумма гранта мала для того, чтобы наследник престола смог произвести впечатление на местных жителей Индии и их князей «богатством, силой, великолепием и достоинством Британской империи». А это, в свою очередь, могло нести «угрозу разочарования» [10, 15 July 1875, Cols. 1504, 1489, 1516; 2, July 10; 6, July 8, 9, 12, 13, 15, 16; 8, July 9]. Но поскольку визит совершался не от лица принца, а от лица страны, то вопрос отношений между Англией и Индией не должен был измеряться деньгами [6, July 9]. Противоположная точка зрения, выраженная на страницах «Дэйли ньюс», была созвучна идее либералов о «дешевом государстве». Считалось, что выделенного гранта вполне будет достаточно, и не стоит придавать большого значения «варварскому великолепию». Индийцы — не дети, ослепленные «бессмысленным блеском», они не будут судить об английском правлении по количеству денег, затраченных на визит принца. Но при этом утверждалось, что народ Индии «прекрасно знает», что «сила Англии велика», а возможные сомнения в этом устранил визит, призванный продемонстрировать «английское благородство» — «основную черту и ценность Англии» [3, July 6].

Следующая цель визита — «пробуждение чувства лояльности» Индии к английскому правлению, ибо, «как показал опыт», принцип лояльности — «самый верный инструмент управления» [2, July 10; 6, Oct. 11]. Сам принц заявлял своей целью «сплотить разные расы Индостана в чувстве лояльности к королеве» [6, Oct. 11]. Поэтому демонстрация «благородства английской нации» должна была произвести благоприятное впечатление на индийцев. А «выдающиеся качества принца» — «его доброта, вежливость, щедрость и его способность к сочувствию» должны были помочь распространить среди индийцев веру в то, что у правящей нации могут быть «достойные, интеллигентные и благонамеренные представители» [10, 15 July 1875, Col. 1520; 4, July 9]. Поведение принца должно было стать примером для англичан в общении с местным населением [10, 15 July 1875, Col. 1520]. Визит рассматривался как возможность «доказать народу Индии, что произошедшее в прошлом не повторится, что отныне англичане в своих отношениях с Индией будут стремиться не только избежать несправедливости, но и показать дух щедрого великодушия» [10, 15 July 1875, Col. 1489]. Это должно было усилить симпатию Индии к английскому трону и ознаменовать «начало новой эры добра и вежливости», в которой сплотятся «расы и отдаленные части могущественной империи» [8, Oct. 11; 7, July 24; 4, July 5].

Образ «доброй империи» также должен был укрепиться и в обновленном взгляде англичан на Индию. Во время визита сам принц должен был познакомиться с разнообразием индийской жизни, с местными церемониями, традициями и национальным характером [3, Aug. 31, Apr. 13; 10, 15 July 1875, Col. 1492]. Благодаря визиту англичанам предлагалось освоиться с мыслью, что «Индия — не страна для охоты или страна, обеспечивающая англичан службой и жалованием; не империя для удобства торговых сделок или хвастовства силы. Это, прежде всего, величайшая ответственность, лежащая на Англии, требующая мудрого и добросовестного управления, результат которого может быть грандиозным и для Англии, и для Азии» [4, Oct. 11]. Индия преподносилась «не только как зависимая территория Британской короны», но и как «неотъемлемая часть Британской империи» [8, Oct. 11]. Выстраивание отношений на основе лояльности, взаимной выгоды и взаимоуважения должно было составить новый курс имперской политики в управлении Индией, нацеленный на создание «новой Индии» [8, Oct. 11; 2, July 10].

Но этот «дух нового английского благородства» не предлагал конкретных мер по усовершенствованию системы управления Индией [6, Oct. 11]. Подчеркивалось, что «британское правительство в Индии — самая совершенная административная система в мире», а, исходя из многовековой истории Индии, доказывалось, что для индийцев возможна только абсолютная власть [3, Oct. 11, Apr. 30]. И за время визита принц должен был продемонстрировать, что Индией управляет постоянная, личная и верховная власть, которой индийцы «могут справедливо гордиться» [3, Oct. 11, July 20]. Стремление к единению империи предполагало, что Индия может благополучно развиваться только в ее составе, и вопрос ее представительства в парламенте не обсуждался. Наоборот, визит должен был укрепить власть англичан «над расами Индии» [3, March 16]. «Упрочение уз» рассматривалось также как возможность повысить статус Индии в составе империи [2, Sept. 4].

Таким образом, размышления о перспективах визита принца Уэльского в Индию вылились в Англии в широкую дискуссию. Энтузиазм, с которым он был воспринят британской общественностью, отодвинул на второй план партийные предпочтения. Характер возлагавшихся на визит надежд позволяет оценить его как

один из символов курса имперской консолидации. Помимо решения политических задач, визит был успешным средством привлечения внимания общественности к имперским проблемам и колониальной политике, и таким образом, призван был нести значительную пропагандистскую нагрузку. От визита британское общество ожидало улучшения отношений между метрополией и ее владением, их сближение на новых «дружественных» началах, которые должны были укрепить имперские узы. В свою очередь, новый путь в отношениях с Индией не предполагал конкретных мер по усовершенствованию управления ею. Идея единения империи подразумевала усиление зависимости Индии от Англии. Индия под единой верховной властью Великобритании усиливала бы мощь Британской империи, которая в таком случае с большей уверенностью могла противостоять глобальным политическим изменениям.

Литература

1. Дронова Н.В. Люди и идеи: судьбы Британской империи в оценке современников (70-е годы XIX века). Тамбов, 1998.
2. Graphic. 1875.
3. The Daily News. 1875.
4. The Daily Telegraph. 1875.
5. The Economist. July 10. 1875.
6. The Morning Post. 1875.
7. The Penny Illustrated Paper. 1875.
8. The Times. 1875.
9. A Victorian. Great Britain and Her Colonies // Frazer's Magazine. 1876. Vol. XIII. March. P. 269—282.
10. Great Britain Parliament. The Hansard's Parliamentary Debates. 3 Series. L., 1875. Vol. 225.
11. Our Colonial Empire // The Westminster Review. 1876. Vol. XLIX. April. P. 295—314.

Д.А.Волошин

г.Армавир

Армавирская государственная педагогическая академия

МОГЛО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АСБЕСТА СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ И УПАДКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?

Так называемая «асбестовая» теория демографического упадка Римской империи не столь распространена и популярна, как, например, теория об отравлении свинцом; многие называют ее «забавной технологической идеей», или «очередной попыткой «Зеленых» обратить внимание на современные экологические проблемы» [4, 16].

Версия о том, что главной причиной депопуляции Рима явилось использование материи, сотканной из асбеста, не может похвастаться обилием научных аргументов (или, хотя бы просто разнообразием любых аргументов). Данная версия (в отличие от той же «свинцовой») не получила четкого научного оформления, представляя собой набор современных экологических отчетов, медицинских заключений и цитат одного римского автора, кочующих по бескрайним просторам сети Internet:

— Отправной точкой рассуждений «асбестового» объяснении упадка Римской империи являются уникальные свойства данного материала: строение волокон асбеста и секрет их гибкости удалось разгадать только после изобретения электронного микроскопа.

— Итак, асбест относится к группе волокнистых минералов, которые по химическому составу относятся к гидросиликатам. Отличительная и уникальная черта асбеста — рост его кристаллов только в одном направлении, в результате чего их длина может в десятки тысяч раз превышать толщину и доходить до нескольких сантиметров. По той же причине асбест при механическом воздействии легко расщепляется на тончайшие (меньше длины волны света) прочные эластичные волокна [3].

— Название минерала происходит от греческого *asbestos* — «неугасимый». Как отмечает В.П.Петров в своей книге «Рассказы о трех необычных минералах» [6], в качестве первых письменных свидетельств об использовании асбеста обычно ссылаются на Страбона, (ок. 64/63 до н. э. — ок. 23/24 н. э.). По его сведениям, близ г.Карастос на о.Эвбее встречается камень, который чешут, прядут и из которого ткнут ткань, называемую асбестовой.

— Асбест научились добывать достаточно рано, и уже в самом начале н.э. научились «прясть» асбест и изготавливать из него ламповые фитили; также делали негораемые асбестовые скатерти, очень практичные и поэтому популярные (но это еще означает, что они были общедоступными).

И далее следует неизменный и обязательный пассаж Плиния Старшего из его «Naturalis Historia» [7]: «Есть камень для ткани, который растет в пустынях Индии, обитаемых змеями, где никогда не падает дождь, и потому он привык жить в жару. Из него делают погребальные рубахи, чтобы заворачивать трупы вождей при их сожжении на костре, из него делают для пирующих салфетки, которые можно раскалять на огне».

«Для получения полотна, амиант (местное название итальянского асбеста) толкут и умягчают в мыловарном щелоке; потом разделяют на тонкие нити, промывают водой, сушат и прядут. Для получения негорючей бумаги его так же толкут и с водой составляют из него тесто, потом, смешав с клейною водой, выливают в формы и давят; такая бумага на раскаленных углях белеет, от частого повторения сего опыта наконец рухнет и раскрашивается».

Логично предположить, что самая важная для понимания сути «асбестовой» версии историческая информация заключается в следующих моментах:

1. Плиний Старший обратил внимание на то, что рабочие, добывающие асбестовые волокна и ткущие из них защитную ткань, часто болеют и рано умирают.

2. Тот же автор не советовал покупать рабов, поработавших на асбестовых каменоломнях.

Итак, асбестовые салфетки и скатерти были удобны тем, что вместо стирки их надо было просто прокалить на огне — все пятна и прочие органические примеси выгорали — и таким образом изделия очищались. Но это не единственное их достоинство: Плиний считал, что одежда, пропитанная асбестом, «защитит от всех наговоров, даже тех, что напускают волхвы». Сама асбестовая ткань, по его свидетельству, ценилась так же дорого, как жемчуг. Н.С.Михеев в статье «История асбеста» (кон. XIX в.) указывает, что «у Нерона... была асбестовая салфетка, считавшаяся большой редкостью».

Таким образом, изделия из асбестовой ткани могли позволить себе только очень богатые люди. Есть сведения, что у императора Карла V была скатерть из тонкого асбестового волокна, которую он после пира для увеселения гостей бросал в огонь (за этим следовало известное «диво»: все органические остатки сгорали, а скатерть оставалась целой). Такой же «фокус» продемонстрировал Петру I Никита Демидов; ткань для его скатерти соткали из уральского длиноволокнистого асбеста. Средневековые арабы делали из асбестовой ткани одежду для воинов, поражавших противника «греческим огнем». В 1829 г. в Италии и Франции делались опыты изготовления асбестовой одежды для пожарных, но до середины столетия эта одежда не получила популярности [6, 83].

Но уже в начале XX века стало известно об опасности асбеста для здоровья; о конкретных же причинах канцерогенного воздействия существовали лишь догадки [5, С. 6].

К семидесятым годам XX в. свидетельств об опасности асбеста накопилось так много, что в США был установлен жесткий предел по содержанию асбеста в воздухе — не более 5000 волокон в 1 м³. Через некоторое время этот предел был снижен до 2000 волокон в 1 м³, а в 80-х годах — до 200 волокон в одном кубометре воздуха промышленного помещения при восьмичасовом рабочем дне.

К слову, в СССР бытовало мнение, что зарубежные средства массовой информации нередко представляют асбест в неоправданно черном свете. Специалисты оптимистично убеждали, что асбеста следует опасаться только тем, кто непосредственно соприкасается с ним по роду своей профессиональной деятельности [8, 31—36]. Но это у нас...

В западной же печати [9; 10, 128—135.] периодически появлялись и продолжают появляться статьи и корреспонденции, авторы которых настаивают на прекращении выпуска асбеста и изделий из него.

Проведенные в развитых западных странах эпидемиологические исследования с очевидностью показали, что вдыхание асбестовых волокон может вызвать ряд опасных заболеваний. Среди них — асбестоз, наиболее частая форма силикоза, которая встречается у рабочих, занятых изготовлением шифера, асбоцементных труб и других изделий с применением асбеста. Проявляется асбестоз через 5—10 лет регулярного воздействия асбестовой пыли в виде хронического бронхита, эмфиземы легких, пневмосклероза. Асбест может вызвать также рак легких и мезотелиому — злокачественное образование в плевре. При этом латентный (скрытый) период может достигать десятков лет. При этом канцерогенные свойства скорее всего связаны не с составом асбеста, а с формой его волокон и их высокой химической инертностью.

Один из ведущих авторитетов по действию асбеста на организм Ирвинг Селикофф из Нью-Йоркского университета утверждает, что асбест, попав однажды в легкие, назад уже выделиться не может и остается в них навсегда. Вызванное им заболевание — неизлечимая злокачественная мезотелиома действительно обычно развиваются очень медленно — спустя 20—30 лет после попадания асбеста в легкие.

Итак, с течением времени отношение человека к асбесту меняется с восторженного на все более настороженное. В то же время и разговоры об «асбестовом саване» для Римской империи мало кому представляются состоятельными. Не в последнюю очередь это связано с тем, что и сейчас невозможно предложить безопасный уровень концентрации асбеста в воздухе — поскольку неизвестно, существует ли пороговая концентрация его волокон, ниже которой асбест безопасен. Поэтому концентрацию асбеста рекомендуется поддерживать на как можно более низком уровне.

К тому же опасность асбеста известна в значительно меньшей степени, чем многих других вредных веществ (например, ртути или свинца) и обычно с ней мало кто считается.

Действительно, асбест — огнеупорный минерал, чье тонковолокнистое строение позволяло делать несгораемые ткани различных сфер применения. Из волокон асбеста ткали материал (этого нельзя сделать ни с одним другим минералом).

Действительно, римляне использовали «горный лен», или «огнестойкий холст» при изготовлении ткани для полотенец, носовых платков и скатертей; они любили продемонстрировать, как можно «постирать» носовые платки, сотканые из белого асбеста, просто бросив их в огонь. Патриции использовали асбестовые скатерти, которые после пира бросали в огонь, который уничтожал остатки пищи, выжигал пятна... Потом рабы отстирывали копоть и снова клали скатерть на стол [4, 16].

Но: все тот же Плиний Старший писал, что из-за своей редкости найденные волокна хризотила считались равными по стоимости «исключительному по чистоте жемчугу» и что полотно, сотканное из них, «занимало наивысший ранг во всем мире».

По данным, приведенным в статье «История асбеста» русского инженера Н.С.Михеева, римляне в первом тысячелетии нашей эры не знали минеральной природы асбеста, а считали, что это волокно «растет».

Не является секретом или сенсацией то, что в прошлом довольно часто использовались материалы, которые сейчас считаются токсичными или вызывающими раковые опухоли. За «чудо-волокно» приходилось и все еще приходится платить жизнью и здоровьем [5, 7]. Однако теория «асбестового отравления» имеет и свои сами собой напрашивающиеся контраргументы.

— В Риме незначительное использование асбеста было обусловлено неумением обрабатывать асбестовые руды, а также тем, что запасы асбеста в недрах были малоизвестны.

— В результате асбест находил крайне ограниченное применение, удовлетворяя по большей части нужды религиозного культа или домашнего обихода в виде предметов роскоши.

— В быту римлян изделия из него рассматривались как любопытная редкость, а в настоящее время асбестовое волокно является незаменимым техническим продуктом самого широкого спектра применения. На протяжении всего XX в. асбест использовался везде, где требовались его уникальные свойства: огнестойкость, эластичность, способность придавать прочность другим материалам [2, 3]. В результате асбестосодержащие предметы появились практически в каждом современном доме. Контакты же древних римлян с асбестом были куда менее тесными; отсюда и колоссальная разница в возможной угрозе здоровью современного человека и жителя Римской империи.

— После исследований в течение более чем 50 лет было надежно установлено, что безопасного применения асбеста не существует, что асбест вызывает болезни и гибель людей [1, 8]. Но реальный вред асбеста для населения Римской империи на сегодняшний момент не подтвержден археологическими доказательствами, а потому заведомо преувеличен;

— У римского писателя Плиния Старшего сохранились записи о том, что богатые патриции пользовались асбестовыми скатертями. Однако такой явно статусный аксессуар не могли себе позволить все остальные. Последнее обстоятельство существенно дискредитирует «асбестовую» версию — ведь она не предлагает сколь-нибудь вразумительного объяснения депопуляционного процесса среди широких (и совсем не богатых) слоев населения.

Литература

1. Габизон С., Катербоу А. Безопасного асбеста не существует // ЭКОС. 2009. № 4 / 2010. № 1. С. 8—9.
2. Камень для ткани (заметки редактора) // ЭКОС. 2009. № 4; 2010. № 1. С. 3—4.
3. Леенсон И. Асбест // Кругосвет. Онлайн Энциклопедия. URL: <http://www.krugosvet.ru>
4. Никонов А. П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй. М., 2006.
5. Нис А., Гаузе К., Коринг А. «Чудо-волокно»: германский и европейский опыт обращения // ЭКОС. 2009. № 4; 2010. № 1. С. 6—7.
6. Петров В.П. Рассказы о трех необычных минералах. М., 1978.
7. Плиний Старший. Естественное знание: Об искусстве / Пер. Г.А.Тароняна. М., 1994.
8. Станцо В.В. Асбест из Асбеста // «Химия и жизнь». 1983. № 2. С. 31—36.
9. Nagel M. C. Is Your Lab Really Free From Asbestos? // Journal of Chemical Education. 1988. Vol. 65. № 3.
10. Air Quality Guidelines for Europe, 2nd Ed. // WHO Regional Publications, European Series. 2000. № 91. Pp. 128—135.

**К ВОПРОСУ О РОЛИ АФГАНИСТАНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ
РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х — СЕРЕДИНЕ 60-х гг. XIX в.**

Во второй половине 50-х гг. XIX в. в политическом мире вопрос об Индии был острым. Англия вела войну с дикими варварами, мухаммедами и идолопоклонниками; возвышая достоинства англо-саксонского племени, доказывая, что это первый народ в мире. Такое самохвальство, справедливое оно или нет, никогда не вызовет особых симпатий. Другая причина всеобщего нерасположения к Англии заключается в том, что она сама ни к кому не была расположена искренне и готова была поставить любое другое государство в бедственное положение и извлечь из этого выгоду [2, 372, 373].

Например, Крымскую войну вызвала не взаимная агрессия, а взаимный страх. Англия опасалась, что Россия проектирует расчленив Турцию, Россия, что западные державы угрожают ее безопасности на Черном море. Эта война велась скорее в интересах Европы, чем для разрешения Восточного вопроса; она велась против России, а не за Турцию. Англичане воевали с Россией из озлобления и предполагали, что ее поражение укрепит равновесие сил в Европе. Англия пыталась заменить гегемонию России «Европейским концертом». Война велась, чтобы перестроить евросистему. Старый порядок, порожденный Священным союзом, был уничтожен; но никакая новая система его места не заняла — ни либеральный «концерт» по английскому идеалу, ни революционное объединение, о котором мечтал Наполеон. Вместо этого начался период анархии в Европе, длившийся от Крымской войны до следующей крупной схватки на Ближнем Востоке [8, 101—102].

А уже в 1868 г. журнал «Вестник Европы» сообщает нам, что Англия благоразумнее всех государств Европы, т. к. она отбрасывает мысль о вмешательстве в европейские дела и мысль о поддержании своего международного авторитета; Англия берется за внутреннюю политическую систему [1, 465.]. Но Великобритания была обеспокоена и внешней политикой. Линия сообщения с Индией была уязвима, особенно в районе проливов на Черном море; на этой территории и Россия воспринимала себя незащищенной; это был ее главный торговый путь. Таким образом, совпали точки соприкосновения двух империй. Британия боялась, что Россия сможет отобрать у нее Индию. Началась своего рода «истерика» по поводу России, ее намерений в отношении Индии. Британцы опасались, что Россия двинет свои армии в Центральную Азию, в Афганистан и Индию. К этому примешивался еще и страх, что если индийцы восстанут, они будут воспринимать русских как освободителей [5]. Так, в своей книге «Взлет и падение Британской империи» пишет Лоуренс Джеймс.

Столкновение интересов двух империй в XIX в. имело причинно-следственные основания: стремление лондонского правительства не допустить приобретения Россией устойчивых позиций и стратегических зон влияния, как на Среднем Востоке, так и в Центральной Азии; и тем самым защитить коммуникационные линии возможного перехода в Индию. По словам министра по делам Индии 1891/92 гг. — Лорда Дж. Керзона в 1889 г., Англия существует до тех пор, пока владеет Индией. Не найдется ни одного англичанина, который станет оспаривать, что Индию следует хранить не только от действительного нападения, но и даже от мысли о нем. Индия, нуждается в предохранительных подушках и такой, со стороны России явился Афганистан [5].

Англия должна была понять, что не Россия является ее врагом в колониальных интересах, а государства, нуждающиеся в рынках сбыта; В России такой вопрос остро не стоял. Колониальная политика, в смысле завоевания новых территорий, для помещения излишков населения, не находящих средств жизни в метрополии, и поисков новых рынков сбыта для своей промышленности, необходима странам с развитой культурой, с переизбытком населения и с высоко развитой обрабатывающей промышленностью (таковы Англия, Германия, Бельгия и отчасти Франция) [4, 9—10].

Таким образом, если у России и замечались незначительные стремления искать помещения для своих товаров за границей, то это происходило либо под прямым влиянием правительственного покровительства, (напр. сахар), либо же это были естественные отношения с ближайшими соседями. Бухара и Хива всецело находились в зависимости от России, как в политическом, так и в торговом отношении. Афганистан же, мог иметь известное политическое значение, но и то, в виду враждебного положения Англии; в торговом же отношении он не представлял практически никакого интереса [4, 9—10]. Если и затрагивать Афганистан, в данном контексте, то на примере Герата. Здесь еще можно было бы понять опасения Англии. Герат — плацдарм для распространения влияния на Среднюю Азию и прилегающие районы [7].

В марте 1855 г. был заключен англо-афганский договор, включавший пункт о мире и дружбе между обеими странами. Афганский эмир обязывался от своего имени и от имени своих наследников «быть другом друзей и врагом врагов достопочтенной Ост-Индской компании». Договор вовлекал Афганистан в орбиту британской политики и ликвидировал политическую независимость страны [6]. Дост Мухаммед пошел на уступки англичанам, потому что ему была обещана материальная поддержка и невмешательство во внутреннюю

жизнь страны. Это был трактат, заставлявший эмира вступать в неприязненные отношения со всеми, кому мы объявляли войну англичане, но не возлагавший на них ничего подобного. Договор был определенно в пользу Афганистана [3, 262—263].

Весной 1855 г. вспыхнуло восстание среди племени миранзаев, к югу от Пешавара. Воспользовавшись обострением положения, британские власти в Индии под предлогом выработки единой политической линии с «другом и союзником» отправили к Дост Мухаммеду дипломатическую миссию, которая прибыла в Кандагар, и в начале 1857 г. между Англией и Афганистаном был заключен договор, подтверждающий и развивающий договор 1855 г. Англия обязала себя выплачивать эмиру в течение войны с Ираном 12 лаков рупий в год «на военные нужды» при условии, что британским офицерам будет разрешено находиться в Афганистане для наблюдения за использованием денег и сбора всевозможных военно-политических сведений. Субсидия носила явный характер подкупа и должна была выплачиваться эмиру в течение времени, пока он был бы полезен [10]. Заключение договора с правителем Афганистана дало им возможность уделить все внимание борьбе с восстанием народных масс (нач. в мае 1857 г., в Индии).

Вернемся же к конкретно — противостоянию России и Великобритании в Центральной Азии в данный период; оно было вызвано комплексом причин — экономических, политических и военно-стратегических. Русское правительство обратило внимание на Среднюю Азию, полагая, что это внешнеполитическое направление позволит восстановить былой престиж государства на международной арене, после поражения в Крымской войне. Внимание было теперь обращено не на бассейн Черного моря и Балканы, а на Каспий. С 60-х гг. XIX века Россия активизируется в Средней Азии. Внимание Англии к Центральной Азии было связано с потерей североамериканских колоний. Британское правительство, было заинтересовано в новых рынках сырья и сбыта, распространении политического влияния на страны центрально-азиатского региона. К этому времени Британия окончательно превратила Индию в свою колонию; была необходимость защиты «жемчужины». Оборонительным пунктом должен был стать Афганистан. Здесь планировалось создать плацдарм для возможного нападения на русские владения в Средней Азии и для продвижения в Западный Китай и Восточный Иран. На смену «выжидательной политике» приходила открыто агрессивная — «наступательная», которая больше отвечала интересам и нуждам английских правящих кругов. С началом активизации их политики в Центральной Азии в середине XIX века происходит столкновение интересов сторон. Рост колониальных владений держав в регионе приводит к обострению англо-русского соперничества.

Литература

1. Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Т. V. СПб. Сентябрь, 1868 г. URL: <http://www.knigafund.ru/>
2. Отечественные записки. Т. CXV. СПб. 1857/ URL: <http://www.kniga fund.ru>
3. Русский вестник. Т. 142. 1879. 980. URL: <http://www.knigafund.ru/>
4. Задачи России в Средней Азии в связи с вопросом о проведении Средне-азиатской железной дороги. 1838. Издано: СПб. 1900. URL: <http://www.knigafund.ru/>
5. Дж. Лоуренс. Взлет и падение Британской империи / Цикл передач «Большая игра». URL: <http://www.youtube.com/watch?v=-V0076R6UeM>. — Загл. с экрана.
6. Всемирная история. Т. 7 / Сеид Касем Риштия. Афганистан в XIX в. М., 1958. URL: <http://istmira.com/knigrzlichnyetemy/11/11/page/272/Vsemirnaya-istoriya--Tom-7.html>
7. Маркс К. Энгельс Ф. Персия и Китай // Сочинения. Т. 11. Ч. 1. М., 1933. URL: http://read.newlibrary.ru/read/k__marks_i_f__yengels/page219/sochinenija.html
8. Тэйлор А. Дж. П. Борьба за господство в Европе 1848—1918. М. 1958.
9. Causes of the Afghan War. Being a Selection of the Papers Laid before Parliament», L., 1879.
10. F. H. Fisher, Afghanistan and the Central Asian question, L., 1878. URL: <http://www.knigafund.ru/books/115381/read>

ФУНКЦИИ ГАЛЛЬСКИХ СОБОРОВ

Церковные соборы в средневековой католической церкви выполняли функцию главного органа управления на уровне провинции. Полномочия франко-галльских соборов второй половины VIII — конца X вв. определялись, во-первых, их характером, во-вторых, числом и статусом их участников, а в-третьих, масштабом. Из 108 соборов 56 имели распорядительные функции, около — 40 судебные (включая судебно-следственную и судебно-карательную).

В.С.Солодовников в труде «Поздние соборы» отмечает, что «соборы распорядительного и судебного характера довольно-таки близки, и получается, что большинство их имели ярко выраженные властные полномочия как в церковной, так и светской сферах» [1, 143].

Властные функции соборы реализовывали как в церковной, так и светской сфере. Прежде всего, они издавали церковные каноны и государственные законы, которые зачастую обретали форму имперско-королевских капитуляриев. Соборные полномочия являлись законотворческими. В.С.Солодовников отмечает, что не все постановления соборов являлись канонами или законами: нередко они были «распоряжениями» на самые разнообразные темы. «Например, делегаты Агтиньского (765 года) собора распорядились о том, какие именно обедни и молитвы следовало читать после их смерти. Было много чисто кадровых распоряжений: так, Лионский (814 года) собор назначил архиепископом Лионским Агобарда на место Лейдрада, удалившегося в один монастырь в Суассоне, Суассонский (853 года) допустил Бурхарда к епископству в Шартрском диоцезе, Шато-Тьерийский (933 года) поставил епископа городу Бовэ, Верденский (947 года) отдал Артольду (Арго) Реймскую кафедру, Московский (962 года) поставил епископом Реймским Одальрика» [1, 145].

Зачастую в истории Галльской церкви прослеживались кадровые распоряжения галльских соборов, которые принимались в контексте противостояния Церкви Галлии с папством и несли на себе печать этого противостояния. К примеру, возьмем случай, который произошел с распоряжениями Фонтэнского (947 года) собора: «этот собор низложил по повелению папы Агапета и тотчас же восстановил в прежней должности епископов Геронского и Ургельского...» [1, 145].

Соборные распоряжения принимались также по поводу пожертвований церковным структурам. «Лионский (830 года) собор «утвердил приношение, сделанное монастырю Св. Петра Безансонского Альбериком, епископом Лангрским». Такого рода распоряжения служили средством профилактики незаконного изъятия приношений другими лицами, как правило, светскими сеньорами. Однако иногда захватчиками могли быть и сеньоры духовные, как, положим, епископ Магелонский, который методом перераспределения земли между подчиненными ему приходами. Портский (897 года) собор распорядился, чтобы он возвратил «церкви Св. Иоанна Крестителя земли, присужденные им церкви Св. Андрея». Санский архиепископ Севин захватил имущества монастыря Сен-Пьер-Ле-Виф, но, по распоряжению Санского (980 года) собора) вынужден был вернуть его» [1, 146].

Франко-галльские соборы издавали распоряжения относительно выплаты десятины. Троллийский (Трозлийский) (909 года) собор распорядился распространить десятину на все производства: «Быть может, кто-либо скажет: «Я не земледelec, у меня нет ни земель, ни стад, с которых я мог бы уплачивать десятину». Пусть каждый знает — будь он воин, торговец или ремесленник — что ум, посредством которого он добывает себе пропитание, дан ему Богом, которому он должен платить с него десятину» [1, 146].

Соборы давали распоряжения относительно установления постов. Поскольку Церковь Галлии в тот период активно практиковала поклонение мощам, то соборные распоряжения так или иначе затрагивали этот вопрос. По словам В.С.Солодовникова, «Турский собор распорядился «установить праздник перенесения мощей Св. Мартина», а Треноркский (или Турнейский) (944 года) собор дал распоряжение, что «мощи, перенесенные из Треноркского монастыря в монастырь Св. Порциана в Оверни, должны быть перенесены назад» [1, 147].

Церковные соборы Галлии имели и судебные полномочия. Эти соборы производили судебно-следственные действия в отношении священников, совершивших особо тяжкие преступления. Примером может послужить «Лионский (848 года) собор, расследовавший дело некоего священника Гольдегария. Шалонский (894 года) собор расследовал дело одного монаха, заподозренного в убийстве епископа Отенского. Этот монах пошел так называемое «испытание причастием». Соборные расследования не завершались каким-то определенным официальным решением, хотя имели ярко выраженный судебный мотив» [1, 147].

Бывали случаи, когда соборы выносили повторные обвинения. Обвинительными соборами являлись Вермерийский (869 года) и Агтиньский (870 года). «Гинкмар, епископ Ланский, и племянник Гинкмара, архиепископа Реймского, обвиненный на этом соборе Карлом Лысым и своим дядей в том, что он делал несправедливые отлучения, нарушал свою присягу королю, несправедливо лишал клириков их бенефициев, обратился за защитой к папе» [1, 148].

Франко-галльские соборы в эпоху правления Карла Великого исполняли также судебнo-карательные функции, налагая на виновных санкции за преступления. Эти санкции распространялись как на духовных, так и на светских лиц. Известно, что соборные санкции налагались на архиепископов, епископов, диаконов и монашествующих, причем, архиереи являлись наиболее уязвимыми, большую часть взысканий соборов Церкви Галлии имели именно они. В.С.Солодовников пишет, что «на это влияла огромная степень ответственности, которую они несли и перед церковной полнотой, и перед обществом. Архиереи были объектом пристального внимания всей Галлии, тем более, что они активно и не всегда удачно участвовали не только в церковной, но и общественно-политической жизни страны» [1, 149].

Соборным санкциям также подвергались и влиятельные реймские архиепископы. Соборы Церкви Галлии в судебном порядке приговаривали епископов к заключению в монастырскую тюрьму. Но более карательной и печальной по отношению к епископам являлась санкция отлучения от церкви. На Суассонском соборе 861 года по инициативе Гинкмара, архиепископа Реймского был отлучен от Церкви Ротад, архиепископ Суассонский.

Некоторые источники свидетельствуют о том, что соборы судебного характера выносили довольно-таки неясные по формулировке взыскания. Не исключено, что такие приговоры епископам были декларативно-устрашающими, но не больше. Вот что, например, писал Рихер Реймский относительно Ланского (948 года) собора: «На соборе говорилось о епископах, которые были призваны вместе с герцогом (Хугоном, Гуго Великим — В.С.) и отказались явиться, а также о тех, кто недолжным образом был возведен в сан епископом Хугоном (архиепископом Реймским, племянником герцога франков Гуго (Хугона) Великого; постановили, что незаконно посвящены те, кого он посвятил, будучи изгнанником, или после того, как был низложен» [1, 154].

Франко-галльские соборы Каролингской эпохи карали и монашествующих, о чем, в частности, свидетельствовали Кьерсийские (849 и 853 годов) соборы. Соборы судебного характера также приговаривали к взысканиям и светских сеньоров. Помимо судебнo-карательных функций соборы исполняли и судебнo-реабилитационные. Реабилитационные процессы велись обычно относительно епископов и светских феодалов. «Весьма показателен был реабилитационный суд над епископами на Ланском (948 года) соборе. Вот как о нем писал Рихер Реймский: «Видон, епископ Суассонский, многими обвиняемый в том, что он сам посвятил в епископы Хугона, сознался в своей вине собору и покаялся в содеянном, горько плача; тогда архиепископы Артольд и Роберт вступились за него, и он получил от собора прощение. Был оправдан и Викфрид, епископ Теруанский, также обвиняемый в участии в посвящении» [1, 161].

Говоря о судебных полномочиях франко-галльских соборов, нельзя не отметить, что в Каролингскую эпоху наблюдалась практика блокирования судов, включая соборные. Лионский (836 года) собор собрался для суда на Агобардом, архиепископом Лионским и Бернардом, епископом Вьенским, повинных в лишении престола франкского императора Людовика I Благочестивого и Тионвильским (835 года) собором отстраненных от своих должностей. Блокировались и решения соборов судебного характера. Дискуссии и консультации шли и по теологическим вопросам. «На Вольвичском (761 года) соборе дискутировали по проблеме тринитарности. На Жантийском (767 года) соборе «восточные теологи встретились с франкскими епископами, чтобы обсудить проблему культа икон» [1, 182].

Как отмечает В.С.Солодовников, «характер полномочий соборов отличался многообразием, что говорило об их большой ангажированности в церковной и общественно-политической жизни страны. При этом важно констатировать, что соборные полномочия все же реализовались далеко не в полной мере вследствие негативных внутрицерковных процессов, имевших место в исследуемый исторический период. Кроме того, будучи реальной церковной властью в Каролингской Галлии, соборы испытали сильнейшее вмешательство в свои полномочия со стороны папства, а также франкских монархов» [1, 201].

Соборные функции франко-галльской церкви Каролингского времени свидетельствовали о том, что соборы являлись высшим органом церковной власти и были эффективным инструментом церковной политики. Как и в меровингскую эпоху, полномочия соборов зависели масштабности обсуждаемых проблем, а также от числа высокопоставленных и авторитетных участников самих соборов.

Литература

1. Солодовников, В. С. Поздние соборы. Каролингская Галлия. Вторая половина VIII — конец X вв. Издание Духовной Академии Содружества Евангельских Христиан России. М., 2009.

КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX в.

В 1890-е гг. за руководство либеральной партией конкурировали несколько группировок, объединявшихся вокруг авторитетных политиков. Для нашего исследования наибольший интерес представляет группа либерал-империалистов под руководством лорда А.Розбери, в состав которой входили такие представители британской элиты как будущие премьер-министр Великобритании Г.Асквит, министр иностранных дел Э.Грей, военный министр Р.Халдейн. О степени влияния либерал-империалистов можно судить по выборам 1905 г., когда их фракция в парламенте включала 58 человек (всего на мандаты претендовали 83 представителя группы).

Либеральный политик лорд Арчибальд Розбери (1847—1929 гг.) занимал посты министра иностранных дел в 1886, 1892—1894 гг., премьер-министра в 1894—1895 гг. Сам Розбери приводил следующее определение либерал-империализма: «он предполагает, во-первых, сохранение империи, во-вторых, открытие новых территорий для избытков нашего населения, в-третьих, уничтожение работорговли, в-четвертых, развитие миссионерских предприятий, в-пятых, развитие нашей коммерции, в котором она так нуждается» [1, 789]. Проведя анализ выступлений лорда Розбери, выделим основные программные положения либерал-империалистов.

Отметим, что для либерал-империалистов характерным являлось стремление к сближению метрополии и колоний, впервые на программном уровне рассматривавшихся как равноправные члены империи. Розбери заявлял: «Наша внешняя политика приобретает все больше черт колониальной политики, и с каждым днем все более переплетается с нашими колониальными интересами, более чем когда-либо ранее» [2, 50]. При слушать к мнению других частей империи представлялось политикой совершенно логичным, поскольку «наши колониальные сообщества с каждым днем приближаются к вершинам силы и влияния» [2, 50].

При этом следует подчеркнуть, что либерал-империалисты расходились со сторонниками традиционной либеральной идеологии в вопросе самоуправления Ирландии. Эту меру они рассматривали как первый шаг к дезинтеграции империи.

Поездки по империи убедили лорда Розбери в необходимости продвижения по пути интеграции переселенческих колоний. В октябре 1888 г., выступая в г.Лидс, политик заявил о том, что идея имперской федерации стоит приверженности британцев и является господствующей в его общественной деятельности. Более того, в духе викторианского романтизма, идея федерации была провозглашена «делом, ради которого каждый был бы доволен жить, и если потребуется, был бы готов умереть» [4, 476].

Лорд Розбери и его коллеги стремились сочетать либеральный прогрессизм и тягу к реформированию с межпартийной преемственностью во внешней и имперской политике. Не связывая себя конкретными схемами, лорд Розбери выступал с идеей «большого патриотизма». Согласно его взглядам, имперский, «большой», патриотизм означал, прежде всего, духовное объединение представителей англо-саксонской расы по всему миру и развитие «имперского сознания» англичан. «Империализм, здравый империализм, отличающийся от того, что я назвал бы диким империализмом, является ничем иным кроме большого патриотизма», — заявил Розбери в мае 1899 г. в Либеральном клубе Сити [3, 190].

Во взглядах лорда Розбери отчетливо прослеживался социал-империализм: «Сохранять эти великие и многообразные владения, в которых может строить свое будущее и свои дома избыточное население нашей страны, не переставая при этом быть британцами, — вот реальная задача рабочего класса» [4, 474].

В период пребывания на посту министра иностранных дел в кабинете Гладстона, в 1892 г. Розбери вразрез с мнением премьер-министра решительно выступил за аннексию Уганды. В начале 1893 г. лидер либерал-империалистов поддержал предложение Генерального консула Великобритании в Египте лорда Кромера о предоставлении ему дополнительных войск для воздействия на руководство этой страны и настоял не его реализации. Вскоре, в марте 1893 г., он озвучил свои взгляды по проблеме расширения империи: «Говорят о том, что наша империя уже достаточно велика и не нуждается в расширении. Это было бы правдой, если бы мир был эластичным, но он, к сожалению, не таков... Мы должны думать не о том, что мы хотим сейчас, а о том, чего захотим в будущем... Если мы откажемся принять участие в разделе мира, как нас к этому вынуждают, мы, по моему мнению, потерпим полную неудачу в возложенной на нас задаче» [4, 480].

Частым мотивом в выступлениях лорда Розбери являлось божественное предназначение Британской империи, расширение которой осуществлялось «под руководством Всемогущего Творца» [4, 493]. При этом, выступления лорда Розбери демонстрируют достаточно высокую степень прагматичности политика в подходах к оценкам ее перспектив. Призывы к патриотизму и величию метрополии ничего не значили для населения зависимых владений. Именно торговля и иные экономические преференции заставляли их сохранять преданность короне. Поэтому отсутствие какого-либо четкого плана развития внутриимперских отношений могло привести лишь к дальнейшей дезинтеграции. Более того, предупреждал политик, отделением переселенческих колоний процесс дезинтеграции не закончится. «Не льстите себе, что если Канада или Австралия покинут вас, то вы сохраните небольшие колонии. Вест-Индия уйдет вместе с Канадой, Австралия заберет с собой Австралию», — утверждал лидер либералов [2, 54].

Политик высоко оценивал миссию, которую выполняла Британская империя — обеспечение мира и стабильности. «Британская империя означает мир и нуждается в мире», — утверждал лорд Розбери. При этом, по подсчетам политика, за 1870 — начало 1880-х гг. империя приросла на 2 миллиона 600 тысяч кв. миль территории. В результате, эффект оказался прямо противоположным миролюбивым намерениям британцев. Иные «колонизирующие нации» восприняли этот прогресс с завистью, «достигшей практически невыносимого уровня». С другой стороны, новоприобретенные территории добавили нагрузку военной системе империи [2, 450].

Наконец, важнейшим элементом идеологии либерал-империалистов можно назвать стремление к обновлению либеральной идеологии именно за счет империалистических подходов. Как отмечал сам Розбери, «Я верю, что если старый либеральный дух будет определенно и номинально объединен с новым имперским духом, который, как я верю, занимает существенное место в сознании нации, либеральная партия снова обретет свое утерянное лидерство и будущее...» [1, 965].

Таким образом, в идеологии либерал-империалистов впервые в русле либеральной идеологии нашли четкое отражение имперские проблемы: расширение и консолидация, торговля и эмиграция. Свободу для маневра сторонникам группы оставлял акцент на патриотической составляющей их идей, отсутствие конкретных проектов действия. Одновременно, он сужал зону действия группы, в отличие, например, от пропагандистов идеи имперской федерации или активных поборников расширения империи. Несмотря на личную близость Розбери со многими консерваторами и либерал-юнионистами, он не пожелал официально перейти в их партию и нередко выступал с критикой отдельных законопроектов. В результате, можно заключить, что либерал-империалисты оказали значительно большее влияние на дальнейшее развитие идеи империи, чем на современную им колониальную политику Великобритании.

Литература

1. Coates T. Lord Rosebery. His Life and Speeches. Vol. II. London: Hutchinson and Co, 1900.
2. Lord Rosebery's Speeches. 1874-1896. London: Neville Beeman Limited, 1896.
3. Raymond E.T. The Man of Promise. London: T.Fisher Unwin, Ltd, 1923.
4. Singleton-Green B. The Victorian Prime Ministers. London: Petts Wood, 2010.

С.В.Горбунова

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ КАЗАХОВ: ШКОЛА ПРИ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ

К началу присоединения Младшего и Среднего жузов к России грамотность, т.е. знание арабского языка и письменности, была известна очень немногим даже в султанской среде. В кочевном обществе казахов, не имевших собственной письменности, все административно-политические и судебные дела решались устно.

Отношения с российскими органами власти требовали, безусловно, письменного оформления. Имперская администрация нашла выход в привлечении татарских мулл к ведению дел с казахами. Татарский язык, близкий к казахскому, стал официальным дипломатическим языком, который использовался в отношениях с правящей элитой Степи.

Со временем российские власти стали понимать необходимость подготовки грамотных чиновников из среды самих казахов. Начало русскому образованию среди них было положено основанием в 1825 г. Неплюевского военного училища, правом поступления в которое пользовались дети чиновников и офицеров Оренбургского края, «азиатцы и всякого свободного состояния люди». С 1844 г. из 200 учебных мест, предусмотренных новым «Положением об Оренбургском неплюевском кадетском корпусе», 30 вакансий предоставлялось казахам, однако полностью эти вакансии никогда не заполнялись [2, 17, 24—25].

Неплюевский кадетский корпус стал основным учебным заведением, где получали русское образование дети султанов Младшего жуза. По окончании учебного курса они имели право поступать как на гражданскую, так и на военную службу. Обычно выпускники-казахи занимали должности в Степи и в российской администрации.

Оренбургские власти предлагали учредить более доступное учебное заведение, в котором бы обучались исключительно казахи. В 1844 г. «Положением об управлении оренбургскими киргизами» и утвержденным тогда же «Положением о школе для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии» было законодательно

оформлено открытие новой школы [3]. Эти нормативные акты определяли решение главных организационных и методических вопросов, а их детальная разработка поручалась местным властям, которые должны были составить Устав школы.

Проект Устава разработали советники Оренбургской пограничной комиссии (ОПК) Бикмаев, Ванев и Баталин под руководством М.В.Ладыженского. В соответствии с этим документом значительно расширилась учебная программа. «Положение о школе» предусматривало изучение только шести предметов: русского и татарского языков, чистописания, арифметики, закона магометанского и составление деловых бумаг на русском языке [3, 402]. Устав дополнительно вводил в программу общие географические знания, начало геометрии, топографию, черчение, «общие понятия о земледелии, лесоводстве и улучшении скотоводства», ветеринарное искусство, «оспопрививание и кровопускание». Для сохранения здоровья воспитанников предусматривались занятия по строевой подготовке, а также верховая езда. Кроме того, составители Устава предлагали, кроме учебных курсов, знакомить учеников с некоторыми ремеслами (слесарным, токарным и т.д.) «для распространения их между соплеменниками» [5, 15—21].

Проект Устава был отклонен оренбургским военным губернатором В.А.Обручевым, и подготовка к открытию школы затянулась на несколько лет. В.А.Обручев выступил против включения в программу дополнительных курсов по географии, геометрии, топографии и черчению, и поручил чиновнику особых поручений при председателе ОПК Ф.Лазаревскому отредактировать проект с учетом его замечаний. М.В.Ладыженский возмущенно отмечал на полях письма В.А.Обручева: «Неужели семь лет только учить одной грамоте? Неужели и не нужно и вредно знать, что такое север, юг и т.д., что есть другие реки, кроме Урала, и на них города, кроме Оренбурга?» [Цит. по: 5, 30—31].

Председатель Пограничной комиссии обратился к товарищу министра иностранных дел Л.Г.Сенявину с просьбой поддержать первоначальный проект, но военный губернатор, опередив М.В.Ладыженского, сообщил Пограничной комиссии, что «Нессельроде ... совершенно соглашается с моим мнением, что некоторые предметы ... нет надобности включать в программу учения». Тем не менее, подготовленный Ф.Лазаревским Устав тоже не вполне соответствовал указаниям В.А.Обручева, и Министерство иностранных дел отклонило его, указав, что «вместо праздных приписок» Пограничной комиссии следует скорее открыть школу [2, 36]. Комиссия была отстранена от разработки Устава; вместо этого документа оренбургский военный губернатор должен был составить Инструкцию к «Положению о школе» 1844 г.

Известие об открытии школы вызвало волнение среди казахов. По Степи поползли слухи о том, что детей будут насильно забирать в Оренбург. Российской администрации пришлось рассылать специальные разъяснения о порядке приема в школу [4, Л. 155 об. 156]. Для опровержения ложных слухов многое сделал султан Каипгали Урманов. Он первым обратился с просьбой о зачислении двух своих сыновей в школу, несмотря на то, что султаны предпочитали устраивать своих детей в Неплюевский кадетский корпус. Его примеру последовали другие казахи, и вскоре все вакансии были заняты.

В соответствии с «Положением о школе» 1844 г. в нее принимались не только дети султанов, старшин и «почетных киргиз», как в Неплюевский корпус, но и «простые» казахи. Преимуществами при поступлении пользовались дети, «коих родители оказали услуги Правительству или же известны по своей особенной оному преданности» [3, 402]. Без всяких проволочек в школу был зачислен Ибрай Алтынсарин, отец которого погиб от рук сторонников Кенесары Касымова.

В 1859 г. число вакансий в школе возросло до 40; кроме того, выделялось 10 мест для «вольноприходящих» детей русских чиновников и купцов города Оренбурга [7, Д. 5242, Л. 19 об.].

Школа для казахских детей открылась 22 августа 1850 г. Она действительно стала «любимым детищем» оренбургских властей. Еще задолго до ее открытия были предусмотрены все мелочи предстоящей школьной жизни. Особое внимание уделялось здоровью детей. Не случайно во всех отчетах по школе на первое место ставилось «физическое воспитание и здоровье воспитанников», а затем уже «воспитание нравственное» и «воспитание умственное». В Неплюевском кадетском корпусе казахские дети часто болели, а то и умирали от резкой смены пищи, образа жизни. Поэтому в новой школе тщательно следили, чтобы «пища, одежда и забавы [соответствовали — С.Г.] требованиям азиатских понятий и вкуса» [7, Д. 5969, Л. 32]. В первый же год учебы врачом ОПК Майделем были введены ежедневные прогулки воспитанников за город и длительное их пребывание на свежем воздухе. С 1852 г. перед началом и в конце каждого учебного года дети направлялись в специальный оздоровительный лагерь, организованный для них в роще на берегу Урала [6, 124].

Врач и товарищ председателя ОПК уделяли большое внимание организации рационального питания и гигиеническому режиму в школе. Меню на каждую неделю утверждалось самим председателем. Детей ежедневно водили в баню; раз в неделю менялось постельное белье; два раза — нательное и столовое [7, Д. 5069, Л. 32]. 30 воспитанников обслуживало 12 человек прислуги; повар и пекарь были обязательно мусульманами [7, Д. 5104, Л. 56].

В школе использовались такие наказания, как выговоры и «должные наставления», лишение одного или двух блюд за обедом, «поставление в угол, а иногда и на колени». За все время существования школы ни разу не применялись телесные наказания, штрафная куртка, карцер и отчуждение от игр [7, Д. 5090, Л. 171; Д. 5069, Л. 34 об.; Д. 5164, Л. 97].

В 1857 г. первые 20 выпускников закончили школу. Четверо из них — Кучербаев, Кулубеков, Бахтияров, Алтынсарин — были приняты в ОПК, остальные устроились письмоводителями к султанам-правителям и дистанчным начальникам [2, 50—51]. Впоследствии пятеро были назначены дистанчными начальниками, трое — учителями в степные школы. Ибрай Алтынсарин стал одним из первых казахов-просветителей. Занимая с 1879 г. должность инспектора образования при Тургайском областном правлении, он способствовал созданию ремесленных и сельскохозяйственных училищ, школ для девочек-казашек.

Считается, что политика российских властей в области образования казахов была обусловлена стремлением создать дешевый колониальный аппарат управления, используя грамотных чиновников-казахов. Действительно, декларируемой целью школы при Пограничной комиссии, например, являлось «кроме распространения между киргизами знания русского языка и некоторой грамотности, ... приготовление способных людей к занятию по пограничному управлению мест письмоводителей при султанах-правителях и дистанчных начальниках в Орде, а также к исправлению и другим должностям, в которые исключительно назначаются киргизы» [3, 401]. При этом российская администрация считала образование главным средством сближения «разноплеменных национальностей» с русским населением [1, Л. 104].

В 1860 г. были открыты четыре русские школы для казахских детей в степных укреплениях: Оренбургском (Тургае), Уральском (Иргизе), форте № 1 и форте Перовском. В отличие от роскошной школы в Оренбурге, они были очень просто устроены и предназначались только для обучения элементарной грамотности.

В вопросе развития образования среди казахов позиции местной и центральной администрации в целом совпадали. Образованию, как одному из средств «водворения гражданственности» в Степи, отводилась значительная роль. «Образование только смягчает нравы, а не острог и шпицрутены», — все российские власти в этом были едины.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф.161. Спб. ГА. IV-35. Оп. 145. 1860. Д. 1.
2. Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской степи и современное его состояние. Оренбург, 1896.
3. Высочайше утвержденное положение о школе для киргизских детей при Оренбургской пограничной комиссии, 14 июня 1844 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIX. № 17999.
4. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 10. Д. 5699.
5. Ильминский Н.И. Воспоминания об Ибрае Алтынсарине. Казань, 1891.
6. Палкин Б.Н. Очерки истории медицины и здравоохранения Западной Сибири и Казахстана в период присоединения к России (1716-1868). Новосибирск, 1967.
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф.4. Оп. 1.

С.В.Горбунова, П.М.Нафикова

г.Нижнеартовск

Нижнеартовский государственный гуманитарный университет

СУЛТАНЫ-ПРАВИТЕЛИ МЛАДШЕГО КАЗАХСКОГО ЖУЗА В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX — НАЧАЛА XX вв.

К 20-м гг. XIX в. российская администрация столкнулась с необходимостью замены традиционного ханского управления казахами иным, более отвечающим интересам России. В 1822 г. после упразднения ханской власти в Среднем жузе было создано несколько округов во главе с выборными старшими султанами. В Младшем жузе ликвидация ханского управления произошла в 1824 г. Упразднив ханскую власть, российская администрация нашла компромиссный вариант, разделив Младший жуз на три части во главе с султанами-правителями. Назначаемые и смещаемые имперскими властями султаны-правители находились в ведомстве Оренбургской пограничной комиссии и являлись, по существу, ее чиновниками. Однако они использовали традиционные формы и методы управления, что вполне соответствовало общей политике российских властей, не стремившихся к форсированному подчинению казахов.

Поэтому султаны-правители и были призваны, с одной стороны, использовать традиционные методы управления, а с другой, — проводить российскую политику, главную цель которой на тот момент составляло «умиротворение» казахов. Таким образом, институт власти султанов-правителей стал одним из инструментов, которые помогли российской администрации утвердить свою власть в Казахстане. Их правление, существовавшее до 1868 г., явилось переходным этапом от традиционного управления к общероссийскому.

Тем не менее, реформа 1824 г. и деятельность султанов-правителей в дореволюционной историографии чаще всего оценивались негативно. Сравнивая преобразования в Младшем жузе с реформами М.М.Сперанского в Среднем жузе, дореволюционные исследователи обычно подчеркивали, что «выборные начала», на которых строилась окружная система, более соответствовали казахским общественно-политическим традициям, а больший контроль со стороны российской администрации облегчал распространение общеимперских структур. И.И.Крафт писал: «Насколько принятая в сибирском ведомстве система управления приближалась к уездному устройству и способствовала водворению в крае начал гражданственности, настолько пограничная система управления оренбургскими киргизами вносила рознь между русской властью и управляемым ею кочевым народом. В Оренбургском ведомстве, в сущности, оставалась ханская власть, но только разделенная между несколькими лицами — потомками прежних ханов, так как русское влияние в степи было слишком ничтожно. Народ не мог быть доволен этой системой управления, в которой он не мог не видеть продолжения прежней ненавистной ему системы, и не мог не убеждаться, что правительство искусственно поддерживало султанов, которые появлялись в степи не иначе как под прикрытием казачьих отрядов» [4, 41—42].

Та же самая точка зрения высказывалась и Ф.И.Лобысевичем: «Преобразование ... выразилось преимущественно с формальной стороны дела: взамен упраздненного хана явились в степи трое султанов-правителей, т.е. таких же ханов, которые, пользуясь административной властью, подкрепляемой русской вооруженной силой, бесконтрольно притесняли и обирали народ; султаны по-прежнему назначались правительством исключительно из киргизской аристократии, без всякого участия во внутреннем управлении ордуо влиятельнейших представителей черной кости, и ... вселили к себе ненависть народа» [5, 71].

Острой критике подвергалась и ориентация оренбургских и центральных властей исключительно на потомков Абулхаир-хана. Не только В.В.Григорьев, утверждавший, что «нигде в мире главы народа и аристократия по происхождению не имели так мало значения, так мало действительной силы, как ханы и султаны у киргизов» [2, 249] и крайне негативно относившийся к «белой кости», но и большинство других исследователей называли султанов-правителей «грабителями», «бездельниками», «мздоимцами» и «казнокрадами» [1, 55; 6, 46 и др.]. Л.Л.Мейер одной из главных причин «неустройства» Младшего жуза считал назначение правителями потомков Абулхаир-хана «наперекор воле народа и здравой политике» [6, 40].

По мнению А.К.Гейнса, поддерживая, в сущности, только султанов-правителей, правительство не искало опоры среди родовых старшин, которым принадлежала реальная власть в Степи. В свою очередь, султаны-правители, «старались привить все, что дурно в России, но что могло поддерживать их значение» [1, 54, 55].

А.И.Добросмыслов был едва ли не единственным историком, который вполне справедливо указывал, что многие из султанов-правителей «были люди выдающиеся по уму и честности, но служебная их деятельность была окружена такими обстоятельствами, которые побороть было трудно и не султанам-правителям» [3, 278].

Дискутируя с исследователями, считавшими их бесполезными и даже вредными для утверждения российского влияния в Степи, А.И.Добросмыслов обращал внимание на то, что «представление, во время учреждения должностей султанов-правителей о некоторой зависимости от России едва стало проникать тогда в сознание киргиз только прилинейной части орды, ... и власть первых султанов-правителей поэтому фактически ограничивалась властью над киргизами, расположенными кочевьями близ самой границы империи» [3, 278].

Значение султанов-правителей А.И.Добросмыслов видел в том, что в результате их деятельности «без особых затруднений проведены были реформы 1868 года с такими уже существенными изменениями в порядке управления, которые при недостаточной подготовленности к тому киргиз не могли бы пройти без больших волнений» [3, 277—278].

И все же, чаще всего деятельность султанов-правителей оценивалась неоправданно критично. В определенной степени это можно объяснить историографическими стереотипами (некоторые характеристики переходили из работы в работу). Кроме того, после завершения процесса присоединения казахов к России институт султанов-правителей стал оцениваться в зависимости от степени его эффективности в «установлении русской гражданственности» в Степи без учета того обстоятельства, что сами российские власти вплоть до середины XIX в. не имели единой позиции по вопросу, следует ли вообще включать казахов в состав «коренных подданных» империи.

Литература

1. Гейнс А.К. Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан // Собрание литературных трудов. Том 2. СПб., 1898.
2. Григорьев В.В. Русская политика в отношении к Средней Азии. Исторический очерк // Сборник государственных знаний. 1874. № 1.
3. Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела ИРГО. Вып. 17. Тверь, 1902.
4. Крафт И.И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898.
5. Лобысевич Ф.И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатически-военном отношениях. СПб., 1900.
6. Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1865.

**«УСТАВ О СИБИРСКИХ КИРГИЗАХ» 1822 г.
И НАЧАЛО ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХОВ В ОБЩЕИМПЕРСКОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ**

В казахском кочевом социуме не было развитой судебной системы, однако существовали свои специфические формы решения уголовных и гражданских дел. Признание российского подданства казахскими жузами в 30-е гг. XVIII в. не привело к существенным изменениям в жизни кочевников. Ханы и влиятельные султаны разрешали споры между родами, наказывали за наиболее важные преступления. Большинство же дел рассматривалось судом биев. У казахов бии выделялись из числа уважаемых, знающих юридические обычаи и обладающих ораторским мастерством, незнатных, «черной кости», но, конечно, имущих людей. Они чаще всего соединяли в своих руках и судебную, и административную власть, являясь не только судьями, но и одновременно старшинами отделений или даже целых родов [2, 351]. Все дела считались исковыми и возбуждались, как правило, по инициативе сторон. Наказания за преступления назначались в соответствии с принципом талиона, однако в подавляющем большинстве дел смертная казнь и увечье заменялись куном — имущественным вознаграждением. Преступления против собственности компенсировались аипом (штрафом в 27-кратном размере украденного) [1, 368—371]. Принудительных органов для исполнения судебного приговора у казахов не было, и его исполнение возлагалось на сторону, выигравшую процесс.

Только в 20-е гг. XIX в., упразднив ханскую власть в Младшем и Среднем жузах, имперские власти начали проводить политику по интеграции казахов в Россию. Кочевья Среднего жуза были причислены к Западной Сибири. Эта территория получила название «Область сибирских киргизов», и для нее в 1822 г. был введен разработанный М.М.Сперанским «Устав о сибирских киргизах», в одном из разделов которого — «Наказе судебном» — содержались нормы, частично ограничивавшие действие адата и вводившие элементы российского права.

Судебные дела были разделены на уголовные, гражданские, и отдельно — по «жалобам на управление». Наиболее серьезные преступления (государственная измена, убийства, грабежи и барымта, явное неповиновение установленной власти) были изъяты из ведения бийского суда. Уголовные дела по таким преступлениям поступали в ведение окружных приказов, которые выносили приговоры в соответствии с общеимперскими законами [4, 427].

Для защиты от произвола местных чиновников и казаков было предоставлено казахам право обращаться с жалобами на старшин, султанов и казаков. Жалобы на старшин приносились старшим султанам и окружному приказу. Иски «по управлению» к старшему султану, членам окружного приказа и к сибирским казакам подавались в письменной форме областному начальству [4, 427].

Все остальные дела продолжали считаться исковыми (гражданскими), «доколе нравы их [т.е. казахов] образованием не изменятся» [4, 427], и оставались в ведении биев. Российские власти пока не вмешивались в само устройство народного суда и сохраняли суд биев в его традиционной форме. Параграф 17 «Устава о сибирских киргизах» гласил: «Для судебных разбирательств в аулах и волостях нынешние почетные киргизы, называемые биями, удерживают свое значение и название» [4, 418].

Вместе с тем, нельзя не отметить два нововведения, которые ставили суд биев под определенный контроль имперских властей. Во-первых, впервые вводилась ответственность биев за «неосновательные решения», впрочем, «тогда только, когда ясно будут обнаружены со стороны их злоупотребления» (в источниках нам не встречалось ни одного случая привлечения биев к такой ответственности). Во-вторых, решение народных судей можно было обжаловать: «Ежели бы кто решением биев недоволен, тогда с предоставлением ясных доказательств может возобновить дело подачею письменной просьбы областному начальству» [4, 428].

Сложно согласиться с российским исследователем Р.Ю.Почекаевым, который считает, что «подобная политика, весьма разумная с политической точки зрения, серьезно дискредитировала российские власти даже в глазах признающих их казахских султанов и родовых старейшин: преобладающая часть казахского населения предпочла по-прежнему прибегать к суду биев» [3, 55]. Устав 1822 г. отнюдь не предполагал установления какой бы то ни было конкуренции общеимперских норм и адата, а тем более вытеснения последнего, что вполне укладывалось в русло политики петербургских властей, не стремившихся форсировать включение казахов в число «коренных подданных» России. Учитывая это обстоятельство, можно признать вполне оправданным сохранение в Степи традиционного суда, из юрисдикции которого были изъяты только те преступления, которые представляли наибольшую опасность как для российской стороны, так и для самих казахов. Весьма ограниченное применение российских законов при сохранении незыблемости адата создавало лишь условия для плавной и постепенной интеграции кочевников в общеимперское правовое поле.

Литература

1. Жете Жаргы // Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Алматы, 1996.
2. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.
3. Почакаев Р. Ю. Основные этапы эволюции казахского суда биев (XV — начало XX вв.) // Зангер. 2008. № 4 (81).
4. Устав о сибирских киргизах // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXXVIII. 1822—1823. Спб., 1830. № 29127.

Д.О.Гордиенко
г. Самара

Самарская государственная академия культуры и искусств

«ВО ГЛАВЕ ПОЛКА, КАК ПРОСТОЙ ПОЛКОВНИК...»: СЕМЕЙСТВО БЕРТИ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В XVII в.

Среди семей английской аристократии в бурном XVII столетии военная служба, в том или ином ее проявлении, была скорее обычным явлением, нежели исключением из правил. Подобного рода преемственность можно проследить и на примере старинного дворянского рода Берти.

При дворе Генриха VIII, будучи несомненным его украшением, обитала знатная леди, Кэтрин Уиллоуби (1519/20—1580), 12-я баронесса Уиллоуби де Эресби. Леди Кэтрин принадлежала к старинному роду, по женским линиям связанному со многими аристократическими семействами средневековой Англии. Первым мужем Кэтрин стал Чарльз Брэндон, 1-й герцог Саффолк. Затем на молодую вдову засматривался сам Генрих VIII. Супругом леди Кэтрин в 1553 г. стал Ричард Берти (1517—1582), ее конюший (Gentleman Usher). От этого брака по любви родился Перегрин (1655—1601), 13-й барон Уиллоуби де Эресби.

Пегррин Берти прожил яркую и полную приключений жизнь дипломата и искателя приключений, принимая участие в войнах в Нидерландах в 1580—90-х гг. В эпоху противостояния англичан с испанцами лорд Уиллоуби де Эресби действовал под началом графа Лестера, то в качестве губернатора Берген-ап-Зома, то командуя самостоятельной группировкой войск. Причем, хоть и неудачно, но Берти противостоял войскам самого Александра Фарнезе, герцога Пармского. В 1587—1588 гг. Берти исполнял функции командующего английскими войсками в Нидерландах. В 1589—1590 гг. Берти командовал отрядом англичан, сражавшихся под началом Генриха IV Бурбона в Нормандии против испанцев и лигистов.

Его сын от Мэри де Вер, дочери 16-го графа Оксфорд, Роберт (1583—1642), 14-й барон Уиллоуби де Эресби, крестный сын королевы Елизаветы, подобно отцу начал карьеру военного, служа в армии штатгальтера Соединенных Провинций Мориса Оранского. Сумел сделать хорошую карьеру при дворе Якова I и его сына Карла I. Последний в 1625 г. пожаловал лорда Уиллоуби должностью Лорда Великого Камергера, ставшую вакантной после смерти в июне этого года Генри де Вера, 18-го графа Оксфорда, двоюродного брата Роберта Берти (потомки которого по мужской линии занимали это место до 1779 г., а потомство по женской линии, практически непрерывно, до сего дня). На следующий год король пожаловал Берти титул 1-го графа Линдси. В тот же год, новоиспеченный граф в чине вице-адмирала принял участие в экспедиции королевского флота к острову Рэ [1, 164].

В 1635—1636 гг. Линдси был лорд-адмиралом Англии [1, 228]. Его пребывание в этой должности пришлось на начало разворачивание широкомасштабной программы строительства королевского военно-морского флота. По сути, именно с этого момента можно говорить о начале того английского флота, который превосходил, или был на равных, с великими флотами своего времени как и по качеству кораблей и их вооружения, так и по выучке их экипажей.

После начала гражданской войны граф Линдси оставался верным королю, став одним из приближенных к персоне суверена генералов, пользовавшихся авторитетом [7, 98; 6, 35]. В начале конфликта граф набрал для Короны несколько воинских подразделений. Для Линдси роковым стала битва при Эдженхилле. 23 октября 1642 г., граф Линдси, будучи старшим генералом королевской армии (general-in-chief), принял участие в наступлении своей кавалерии. Впрочем, по приказу короля, конница принца Руперта была выведена из под прямого подчинения Линдси, что внесло определенную неразбериху в действия армии. Граф Кларендон весьма негативно относился к решению короля вывести Руперта из под прямого командования Линдси. Так же из анализа текста Кларендона следует, что это решение было встречено неодобрительно некоторыми представителями высшего командования армии роялистов [4, 158].

Армией парламентариев командовал старый товарищ Линдси граф Эссекс. В рукопашной схватке, Берти был ранен в бедро пулей, вызывавшей сильнейшее кровотечение. Попав в плен вместе с сыном Монтагю, 1-й граф Линдси через несколько часов умер у него на руках. Если верить Кларендону, то обиженный этим решением короля, Линдси намеренно пошел в атаку, как он якобы сам говорил: «во главе полка, как простой полковник», фактически ища смерти. «У него было очень много друзей, и очень мало врагов; и после смерти его многие рыдали» [3, 96—97].

В лице Линдси Карл I потерял действительно верного соратника и достаточно компетентного генерала. Сложно считать этого человека действительно выдающимся полководцем (задатки которого, несомненно, продемонстрировал его визави Руперт Пфальцский), но то, что он обладал огромным опытом и авторитетом среди как соратников, так и противников, является правдой.

Монтагю Берти (1608—1666), с 1640 года барон Уиллоуби, начал свою карьеру поступив на голландскую службу, где вскоре стал капитаном кавалерии. После возвращения в Англию, молодой Берти оказывается в числе приближенных к Карлу I, который, в том числе, жалует его в камергеры (Gentleman of the Privy Chamber). Впрочем, учитывая то положение, которое занимал при дворе отец Берти, граф Линдси, это благоволение короля к молодому нобелю было не удивительным. После начала Первой Епископской войны король поручает Берти набрать 4 роты для формируемого полка Королевских Пеших Телохранителей (The King's Life Guard of Foot) и ставит во главе одной из рот полка.

После начала войны, молодой Берти активно принимает сторону короля и начинает набор войск в его армию. Ставший в 1640 г. бароном Уиллоуби де Эресби, Берти под Эдженхиллом командует Телохранителями короля и попадает в плен вместе со смертельно раненым отцом.

Освобожденный в следующем году, 2-й граф Линдси, унаследовавший так же должность Лорда Великого камергера, вновь оказывается под знаменами короля Карла. 14 июня 1645 г. Линдси принял участие в битве под Нейзби, будучи полковником Королевских Пеших Телохранителей — его люди и пеший полк принца Руперта составили третью линию королевской армии, резерв Карла I [8, 111]. После поражения короля, граф Линдси отошел от политики и зажил частной жизнью в одном из своих имений.

После Реставрации, Карл II подтвердил права Линдси как Лорда Великого Камергера и в таком качестве он принял участие в церемонии коронации короля в 1662 г. Карл так же ввел Линдси в состав Тайного Совета и сделал рыцарем Ордена Подвязки. Так же 2-й граф Линдси стал лордом-лейтенантом Линкольншира.

Женатый дважды, 2-й граф Линдси был отцом многочисленного семейства (старшая дочь, леди Бриджит, вышла за Томаса Осборна, виконта, затем графа, Дэнби, известного политика и министра эпохи Реставрации), в том числе восьмерых сыновей.

Его старший сын и наследник титулов, Роберт, (1630—1701), не принимал участия ни в гражданских войнах, ни в конфликтах эпохи Реставрации, однако в силу своего высокого статуса в английском обществе не мог не иметь некоторого отношения к военной службе.

В марте 1660 г. лорд Уиллоуби де Эресби был введен в комиссию, отвечающую за ополчение Линкольншира. Месяц спустя власти подозревали его в симпатиях к мятежу сэра Джорджа Бута, однако лорду Уиллоуби удалось отделаться незначительным штрафом. Тем более, учитывая, в каком состоянии находилась Англия после смерти Кромвеля-Старшего, отставки его сына Ричарда и определенному скатыванию страны к новой смуте, а так же не четких, но определенно имеющих место слухах о возможной Реставрации Карла Стюарта на престоле, для местных республиканских властей серьезно репрессировать наследника влиятельного в Линкольншире пэрского семейства в угоду амбициям генерала Ламберта, который подавал это восстание, было явно не разумным.

В 1666 г., когда в связи с начавшейся Второй Англо-Голландской войной правительство пошло на временное увеличение армии, лорд Уиллоуби де Эресби стал капитаном в конном полку графа Линдси. В традициях комплектования королевской армии было существенное увеличение армии путем формирования подразделений пехоты, морской пехоты и кавалерии в дополнение к малочисленным регулярным войскам. Если в постоянной армии Карла II служили достаточно подготовленные войска, которые не только прошли школу так называемых Британских войн в 1640—1650 гг., но и совершенствовали свое ремесло, в том числе в Северной Африке, в Танжере, через который прошла значительная часть королевских войск, то в полках и ротах формируемых на базе ополчения, которое юридически Корона не могла использовать, если потребует ситуация вне Британских островов, качество личного состава было разношерстным. Наряду с ветеранами гражданских войн и искателями удачи континенте, которые в силу своего возраста еще могли нести эффективно действительную службу, попадались люди слабо подготовленные. Это относится как к нижним чинам, так и к офицерскому корпусу. К исходу 1660-х гг. в войсках, набираемых для отражения возможной голландской угрозы, попадались все меньше опытных солдат и офицеров.

Унаследовав титул отца, теперь уже 3-й граф Линдси еще год числился ротным командиром в своего имени полку. Последнее отношение графа Линдси к военной службе имеет место в конце войны Аугсбургской лиги, когда в 1697 г. пожилой Линдси стал полковником конной и пешей милиции Линкольншира [9, 640; 5, 65]. В случае с данным представителем рода Берти на лицо ситуация, когда Корона пользуется положением и авторитетом в графстве пэра, который к тому же исполнял должность лорда-лейтенанта графства,

для формирования частей, которые хоть и сложно, как правило, сравнивать по своим боевым качествам с частями регулярной армии, но возможно использовать для этапной или гарнизонной службы. В случае внутренних беспорядков милиция должна была наводить порядок в своем или соседнем графствах

Второй сын 2-го графа Линдси, преподобный Перегрин (1635—1701), как и его младший брат Ричард (1637—1686), имел гораздо большее отношение к военной службе, нежели старший титулованный брат. Перегрин и Ричард в 1653—1654 гг. добровольцами записались во французскую армию и под командованием виконта Тюренна приняли участие в ряде «дел», в том числе в осаде Арраса. Причем Ричарда сам Карл II порекомендовал своему брату герцогу Йоркскому в качестве компаньона при поступлении на французскую службу. После Реставрации Перегрин остался на действительной военной службе, поступив в 1661 г. корнетом в 1-ю (Собственную Его Величества) роту Королевского полка Конной Гвардии (долгое время единственный армейский кавалерийский полк, переведенный Яковом II в 1687 г. в гвардию), которым всю эпоху Реставрации бесценно командовал четвероюродный брат его отца 20-й граф Оксфорд. Под его руководством он и сделал карьеру в полку, став в 1676 г. капитаном и командиром роты.

В XVII столетии отношение к карьерному продвижению и его темпам для представителей дворянства были прямо пропорциональны положению конкретного дворянина в системе его общественного статуса. Если титулованный аристократ мог сделать головокружительную карьеру и в юном возрасте стать капитаном или полковником в пехоте или в кавалерии (более престижном и дорогостоящем роде войск), то для простого дворянина, даже обладающего небольшим доходом, вся карьерная лестница за 15—20 лет службы уместилась бы всего на двух ступенях — чин прапорщика сменился бы званием лейтенанта, если повезло, то можно было рассчитывать стать обладателем капитанства. Только единицы, проявив выдающиеся заслуги, или просто попавшие в милость, могли стать майором.

Для Перегрин Берти, хоть и бывшего сыном и внуком пэров королевства, та карьера, которую он проделал под руководством своего кузена Оксфорда, была показателем, по крайней мере, приемлемой карьеры. В дальнейшем, в XVIII — начале XX вв., по мере существенного роста британских вооруженных сил и активного ведения не только полномасштабных войн в Европе, но и массы колониальных конфликтов, у дворян, подобных Перегрину, появилась возможность завершать карьеру в более солидных, штаб-офицерских чинах. Способные и активные, а так же смогшие прослужить под знаменами Короны 20—40 лет, могли заканчивать свою карьеру в генеральском чине. (Разумеется, что в данном случае не оговаривается возможность покупки чина).

Ричард Берти служил капитаном кавалерии, одно время под командой герцога Ормонда в Ирландии. 12 июня 1685 г., в условиях начавшегося восстания Монмута, Яков II отдает распоряжение Ричарду сформировать отдельную роту кавалерии. Как написал в одном из своих писем Чарльз Берти: «Король зовет моего брата Дика своим старым соратником и надеется на него более чем на его роту» [9, 645].

Случай Ричарда Берти так же показателен — младший сын пэра, профессиональный военный, не продемонстрировавший, однако, выдающихся военных подвигов и прослуживший в эпоху Реставрации в провинциальных частях, где не было возможности отличиться, в отличии, от, к примеру, войск, действовавших в это время в Танжере. Там, правда, и шансов дожить до высоких чинов, было гораздо меньше, чем в более спокойной Ирландии.

Преподобный Чарльз Берти (1641—1711), пятый сын 2-го графа Линдси, избрал первоначально дипломатическую карьеру, отслужив в 1664—1665 гг. атташе в Испании. Посол Карла II Стюарта при дворе Карла II Габсбурга сэр Ричард Феншоу в одном из своих писем к своему монарху пространно описывал достоинства молодого дипломата. Попробовал бы он, будучи мудрым и ловким человеком, отказать в такой характеристике молодому человеку, сыну Лорда Великого Камергера и состоявшему в родстве со многими пэрскими семействами, сыну и брату членов Тайного Совета. В начавшейся войне с голландцами Чарльз уходит на флот, год служит в звании второго лейтенанта и в 1668 г. переводится в чине капитана во Второй (Жолдстримский) полк Пешей гвардии, где служит до 1673 г. После чего становится Секретарем Казначейства, в дальнейшем делая карьеру высокопоставленного чиновника военного ведомства, преимущественно по артиллерийскому ведомству. Именно его потомки в XVIII в. продолжили линию графов Линдси.

Сыновья 2-го графа Линдси от второго брака с Бриджит, 4-й баронессой Норрис оф Рикот, Джеймс (1653—1699), барон Норрис и 1-й граф Эбингтон (с 1682 г.) и преподобный Генри (1656—1734) имели, в отличие от старших братьев, весьма опосредованное отношение к военной службе. Граф Эбингтон, бывший в 1674—1687 гг. лордом-лейтенантом Оксфордшира, при подавлении восстания Монмута посодествовал брату в назначении его на должность капитана конной роты Оксфордширской милиции.

На протяжении более чем ста лет четыре поколения семьи Берти принимали активное участие в политических и военных событиях в Европе и Англии. Разумеется, что высоких вершин из них сумели достичь только двое — 1-й и 2-й графы Линдси. Остальные Берти, если и не совершали головокружительной карьеры на военном поприще, то, по крайней мере, демонстрировали положение, традиционное для пэров или младших членов их семей, занимая обер-офицерские должности в гвардии, получая патенты на формирование отдельных армейских или милиционных рот, входя в комиссии, отвечавшие за мобилизационные возможности ополчения графств или занимая высокое положение лорда-лейтенанта графства, в котором их семейство имело серьезный авторитет. Так же они занимали места представителей Палаты Общин английского парламента. Подобными успехами могли похвастаться далеко не все представители английского дворянства XVII столетия.

Литература

1. Буров С.В. Фракции и политическая борьба при дворе Карла I Стюарта // Королевский двор в Англии XV—XVII веков. СПб., 2011.
2. Махов С.П., Созаев Э.Б. Сокрушение империи. М., 2012.
3. Characters of Eminent Men in the Reigns of Charles I. and Charles II. Including the Rebellion. From the Works of Lord Chancellor Clarendon. L., 1793.
4. Edward Hyde, Earle of Clarendon. The History of the Rebellion: A new selection / Select and ed. by P.Seaward. Oxford, 2009.
5. English army lists and commission registers, 1661-1714 / Ed. by C. Dalton: in 6 vols. L., 1892—1904. Vol. I.
6. Gregg P. King Charles I. — Berkley, 1984.
7. Griffin M. Regulating Religion and Morality in the King's Armies, 1639-1646. Brill, Leiden, Boston, 2004.
8. Haythornthwaite P. The English Civil War, 1642-1651. — L., 2002.
9. The History of Parliament. The House of Commons, 1660-1690 / Ed. by B.D. Henning: in 3 vols. L., 1983. Vol. I.

Л.В.Гришакова, Н.М.Мячина

г.Оренбург

Оренбургский государственный педагогический университет

ПРАВЫ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ И ИХ ОЦЕНКА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

Период правления королевы Виктории в Англии с 1837 по 1901 назван викторианской эпохой. Викторианская эпоха стала вехой в складывании особых моральных норм, правил поведения в семье и обществе, семейных и общественных ценностей, обычаев и устоев, которые сейчас считаются традиционными.

Вступив на престол в девятнадцатилетнем возрасте, Виктории суждено было долгое 65-летнее царствование. Она станет символом истории Англии в пору наивысшего подъема ее могущества. В историю войдут связанные с ее правлением понятия «Викторианская Англия», «викторианская эпоха», «викторианская мораль». Во времена викторианского правления существовал интерес к религиозным вопросам и происходило быстрое развитие научной и общественной мысли и самодисциплинирования человеческой личности, явившееся результатом влияния пуританизма. Это стало основой для становления викторианской морали, опорой которой служили три столпа — монархия, церковь, семья [6, 512].

Виктория подняла престиж института монархии, пошатнувшийся при ее дяде Георге IV. Молодость принца Уэльского (при коронации Георга IV) была одним сплошным рядом скандальных историй. Наделенный от природы красотой и умом, он отличался полным отсутствием принципов: «не останавливался перед самой бесстыдной, наглою ложью, был расточителен и вообще испорчен до мозга костей» [3, 46]. Так, в 1787 году король Георг III был вынужден обратиться к парламенту с просьбой об уплате долгов принца, доходивших до четверти миллиона фунтов стерлингов. В 1796 году, нарушив свои обещания не делать больше долгов, принц Уэльский вынужден был сознаться, что снова задолжал 700 000 фунтов, и чтобы расплатиться с долгами согласился жениться на принцессе Каролине Брауншвейгской [3, 46]. Однако, как отмечают современники, его поведение с невестой, а потом женой, было невероятно позорно. Уже при первой встрече принцесса ему не понравилась и, взглянув на неё, он с возгласом отвращения потребовал стакан водки. Венчался принц в пьяном виде, а в 1820 году, когда Георг IV вступив на престол, отказался признать свою жену королевой [3, 46]. Георг IV умер 26 июня 1830 года, нелюбимый, никем не оплакиваемый, оставив о себе память, как о человеке развратном и лживом [3, 47].

Престол наследовал старший из оставшихся в живых его братьев, Вильгельм, герцог Кларенский. Вильгельм IV проявлял некоторую эксцентричность, заставлявшую многих опасаться, что он сойдет с ума, как его отец, Георг III. В ранней молодости он служил на флоте и потому напускал на себя некоторую грубость в речи и манерах, что создавало иногда неловкие положения и даже обижало людей. Тем не менее, подданные любили его и прозвали в шутку своим «королем — матросом». Вильгельм IV умер 20 июня 1837 года на семьдесят первом году жизни. Мужская ветвь Ганноверского дома оборвалась, и принцесса Виктория, по праву наследия, вступила на престол [3, 47].

Коронация Виктории состоялась 28 июня 1838. Юная королева была противоположностью своих предшественников в вопросах морали. Она сама стала примером для своего двора, негласно, но строго регламентируя все стороны жизни общества. Викторианская мораль оговаривала правила поведения, ритуалы визитов, вопросы воспитания детей, отношения мужчин и женщин, моду — всё, начиная с утренних туалетов, и заканчивая укладом жизни, было непоколебимым. Но основой морального кодекса королевы Виктории была семья.

Она сама выбрала себе супруга — принца Альберта Саксен-Кобург-Готского — и стала многолетней матерью образцовой английской семьи. Бракосочетание королевы и принца состоялось 10 февраля 1840 года [3, 49]. Принц-супруг отличался привлекательной внешностью и умом и обладал большим политическим тактом. Брак Виктории и Альберта был счастливым — за 20 лет на свет появилось 9 наследников [2, 162]. В письме своему дяде, бельгийскому королю Леопольду Первому, она писала: «Спешу Вам сообщить, что я счастливейшая из женщин, самая счастливая из всех женщин мира. Я действительно думаю, что невозможно быть счастливее меня и даже — столь же счастливой. Мой муж ангел, и я его обожаю. Его доброта и любовь ко мне так трогательны. Мне достаточно увидеть его светлое лицо и заглянуть в любимые глаза — и мое сердце переполняется любовью...»[4]. Отношения в семье всегда являли собой эталон благородства и взаимопонимания. Когда принц-супруг скончался, Виктория сорок лет носила по нему траур.

Пример королевской семейной жизни привел к тому, что в XIX в. в Англии установился культ семьи. Все общество было едино в одном — иметь прочную семью и уютный дом. В вопросах морали, стиля и вкуса тон задавали высшие слои общества. Сама королева служила символом гражданских и семейных добродетелей.

Дом во времена королевы Виктории должен был быть уютным домашним очагом и способствовать счастливой семейной жизни. Эта жизнь часто содержала сильный религиозный аспект. Считалось приличным и необходимым ходить в церковь, помогать бедным, читать религиозные книги. Ведение дневника с записями подробных дел занимало определенную часть времени высшего сословия. Стали сооружаться в загородных домах семейные часовни, а где их не было, все домочадцы, включая слуг, собирались для утренней молитвы в холле или столовой. По воскресеньям все обитатели усадеб отправлялись через парк или сад в церковь, обычно обновленную или отреставрированную за счет владельца загородного дома [2, 164].

Многими русскими современниками, посещавшими Англию, широко разделялось убеждение в том, что англичанин, как правило, предан семье и семейному очагу. Так, историк и литератор Н.М.Карамзин, побывав в Англии, отмечал, что «здесь редкий холостой человек не вздохнет, видя красоту и счастье детей, скромность и благонравие женщин... Здесь женщины скромны и благонравны, следовательно, мужья счастливы» [7, 219]. Мнение Н.М.Карамзина разделялось многими. По словам А.П.Сумарокова, поэта, писателя и драматурга, «англичане предпочитают семейство, домашнюю жизнь» [7, 219]. Русский философ и публицист П.Я.Чаадаев, побывавший в Лондоне в 1823 г. во время своего заграничного путешествия, замечал: «В Англии одна действующая мысль является наружу; мысль рассудка, мысль спокойная хранится в святилище связей семейных или во внутренности души, там только можно найти ее, а понять ее можно только посреди английского семейства» [7, 219]. «Семейная жизнь представляет в Англии идеал спокойствия, удобства, тихого довольства» — писали на страницах журнала «Живописное обозрение» в 1838 г. [7, 220]. «Если что в Англии и достойно уважения, подражания и зависти, — замечал русский издатель, публицист и переводчик Н.И.Греч, посетивший Англию в 1839 г., — это домашняя жизнь достаточных благовоспитанных англичан». По его мнению, именно семейные добродетели вместе с благочестием лежали в основе прочности английских учреждений [7, 220]. Санкт-Петербургский ежемесячный журнал «Библиотека для чтения» в 1841 г. печатал: «Лондон — единственный город в целом свете, где семейная жизнь уважается больше всего, где любовь к домашнему быту обратилась в страсть, где все содействует ее развитию». На страницах журнала не поддерживали мнение относительно того, что в Англии браки заключаются главным образом по расчету: напротив, там «браки заключаются после знакомства молодых людей без вмешательства родителей, свободно, отсюда больше счастливых браков» [7, 220]. В это же время В.Ф.Булгарин, соредaktor литературно-политической газеты «Северная пчела», на страницах издания писал, что «едва ли где-нибудь существует такая семейная жизнь, как у англичан. В слове семейство сосредоточена вся материальная и общественная жизнь». И в 1850 г. мнение газеты оставалось прежним. Английское слово «home» — «слово непереводаемое, которое есть альфа и омега всякого англичанина, где он мыслит, молится, любит семейство» [7, 220].

Королева Виктория всю жизнь следила за собой, считая, что не имеет никакого права оступиться, сделать ошибку, бросить тень на королевский двор. Виктория была безупречна в семейной жизни, успешна в государственных делах, у ней не было конфликтов с церковью. На фоне своих предшественников Виктория была в глазах простого народа идеалом монарха.

Крайне позитивный образ королевы, гипертрофированный в народном сознании, стал отправной точкой для развития того самого явления, которое впоследствии станет известно как викторианская мораль — крайне сложная система ритуалов, условностей и норм поведения, только неукоснительно придерживаясь которой человек мог называться «джентельменом» или «леди». Правда, джентельмен должен был еще и иметь безупречное происхождение, принадлежать к англиканской церкви и обладать достаточным капиталом.

Идеалом сельского джентельмена было быть вежливым, гостеприимным, хорошим спортсменом, образцовым землевладельцем, интересующимся сельским хозяйством, предпочтительно было быть председателем одного или двух местных благотворительных обществ. Интеллектуальные и художественные интересы учитывались, но не считались основными. Многие владельцы загородных домов в самом деле обладали требуемыми достоинствами. Другие сохраняли только внешние признаки благородства, да и то проявляли их лишь в Лондоне или за границей.

Для джентельменов того времени существовал целый свод основных правил [5, 339—340]. Они не были нигде записаны, но каждый уважающий себя молодой человек, обязан был их соблюдать.

1. Если джентльмен навещал леди, то свою шляпу, трость или зонт он брал с собой в гостиную и держал в руках при встрече с хозяйкой. Оставлять их в холле считалось неслыханной вольностью и дурным вкусом, поскольку только члены семьи или очень близкие люди могли так себя вести. Войти к даме, не имея цилиндра в руках, все равно что показаться перед ней в нижнем белье, поскольку таким образом мужчина подчеркивал, что он был с ней в близких (интимных) отношениях. Только после пожатия руки он клал все эти личные вещи на ближайшее кресло или стол или же продолжал держать их в руках в зависимости от того, как он себя удобнее чувствовал. Уходя, джентльмен надевал головной убор только в холле и ни в коем случае не мог себе позволить сделать это в присутствии дамы.

2. Отправляясь вместе с леди на прогулку верхом или идя вместе с ней по улице, мужчина всегда должен был находиться по отношению к спутнице со стороны дороги, чтобы, помещая ее ближе к стене, ограждать от неприятных неожиданностей со стороны прохожих и проезжих.

3. Встречая малознакомую леди на улице или в парке, мужчина ждал, когда она первая кивнет ему или поздоровается с ним. Тогда и только тогда он приподнимал свой головной убор в приветствии. (Иначе, делая первый шаг, джентльмен мог скомпрометировать леди.)

4. Встречая малознакомую даму, мужчина не должен был заговаривать с ней, если она сама не заговорила с ним. (По той же причине.)

5. Встречая на улице хорошую знакомую, которая желала поболтать, признаком хорошего тона для джентельмена считалось, если он проходил некоторое расстояние в том направлении, в котором она следовала. Считалось неприличным заставлять леди стоять и разговаривать на улице. Этим она могла снискать себе дурную славу.

6. Поднимаясь по лестнице вместе с леди, мужчине следовало быть чуть впереди, а спускаясь — чуть сзади.

7. Прибегая к услугам извозчика в компании леди, мужчина всегда садился в экипаже спиной по ходу движения. Он не мог сесть рядом с ней на одно сиденье, если не был ей мужем, братом, сыном или отцом. Выходя из экипажа, он помогал сойти даме, стараясь при этом не наступить ей на платье.

8. В театре, на концерте или в музыкальном салоне джентельмен должен был пройти первым, чтобы найти нужные места для себя и для своей дамы.

9. Джентельмен всегда должен быть первым представленным леди, а не наоборот. Подразумевалось, что это честь для него. В свете младший по чину всегда представлялся старшему.

10. Джентельмен не должен был курить в присутствии леди.

Следует заметить, что многие эти правила актуальны в наше время, став, типичными ситуациями в деловом и личном общении между мужчиной и женщиной.

Идеал джентельмена трансформируется в представлениях русской интеллигенции. В глазах иностранного общества складывается определенный этнический стереотип и моральный облик мужчины того времени. Типичный англичанин — это гордый, самоуверенный и важный человек, холодный и спокойный, пожалуй, даже «чопорный». Энергичный и в высшей степени практичный, он преуспевает в делах — в промышленности и торговле: благодаря его предприимчивости, энергии и деловитости, трудолюбию и основательности в этой стране быстро развивается промышленность и торговля, кипит деловая жизнь. В то же время, поглощенный практическими делами, погоней за деньгами и богатством, англичанин не придает значения искусству, а науку он превратил в отрасль мануфактуры. Строгая честность в делах и глубокая религиозность не мешают тому, что он корыстолюбив, эгоистичен, жаден к деньгам [7, 232].

Возможно, у наших соотечественников сложилось такое представление, в силу того, что традиционное английское уважение к личности, при котором англичанин не торопится вступать в контакты с другими людьми, говорит о том, что он опасается быть назойливым или бесцеремонным.

Говоря о типичности, отметим, что истинным англичанином в период правления Виктории был человек с бородой и трубкой, временами занимавшийся спортом. В середине века быстро распространялись крикет и футбол. Пешеходные прогулки и новое развлечение горных восхождений были характерны для энергичного и атлетического поколения; даже дамам теперь разрешалось гулять пешком. Становится модно ездить на велосипедах, особенно среди дам, это способствовало дальнейшей эмансипации женщин, так как позволяло им покидать свой дом [6, 548, 558].

Таким образом, слова «леди» и «джентельмен» стали в это время обозначать женщину и мужчину, безупречных во всех отношениях и достойно ведущих себя в любой ситуации. Однако викторианская мораль имела и обратную сторону. В 1840—1870-х годах около 40% англичанок среднего класса всю жизнь оставались незамужними. Причиной была не нехватка лиц мужского пола, а противостественная, жесткая и ригористичная система моральных условностей и предубеждений, создававшая тупиковые ситуации для многих, кто желал устроить личную жизнь. Понятие мезальянса (неравного брака) в викторианской Англии было доведено до настоящего абсурда. Заключение, кто кому пара или не пара, делались на основании невероятного количества привходящих обстоятельств, понятия ровни и неровни выводились из множества признаков, процесс походил на решение алгебраического уравнения с десятком неизвестных.

К примеру, ничто вроде бы не мешало соединить узами брака отпрысков двух равнородных дворянских семейств — но конфликт, возникший между предками в XV веке и не исчерпанный, воздвигал стену отчуждения: неджентельменский поступок прапрадедушки Джонса делал в глазах общества неджентельменами всех последующих, ни в чем не повинных Джонсов. Преуспевающий сельский лавочник-сквайр не мог выдать свою дочь за сына дворецкого, служащего у местного лендлорда — ибо дворецкий, представитель категории старших господских слуг, на социальной лестнице стоял неизмеримо выше лавочника, пусть у него, дворецкого, не было за душой ни гроша. Дочь дворецкого могла выйти замуж за сына лавочника — но ни в коем случае не за простого крестьянского парня, такое снижение социального статуса общество резко осуждало. Бедную девушку «перестанут принимать», ее детям трудно будет найти место в жизни из-за «безрасудного поступка» матери.

Открытые проявления симпатии и приязни между мужчиной и женщиной, даже в безобидной форме, без интимностей — категорически запрещались. Слово «любовь» полностью табуировалось. Пределом откровенности в объяснениях были пароль «Могу ли я надеяться?» и отзыв «Я должна подумать». Ухаживания должны были иметь публичный характер, состоять из ритуальных бесед, символических жестов и знаков. Самым распространенным знаком расположения, предназначенным специально для посторонних глаз, было разрешение молодому человеку нести молитвенник, принадлежащий девушке, по возвращении с воскресного богослужения.

Девушка, хотя бы на минуту оставшаяся в помещении наедине с мужчиной, не имевшим по отношению к ней официально объявленных намерений, считалась скомпрометированной. Пожилой вдовец и его взрослая незамужняя дочь не могли жить под одной крышей — им приходилось либо разъезжаться, либо нанимать в дом компаньонку, ибо высокоморальное общество всегда было готово, неведомо почему, заподозрить отца и дочь в аморальных намерениях.

Супругам при посторонних рекомендовалось обращаться друг к другу официально (мистер Такой-То, миссис Такая-То), чтобы нравственность окружающих не страдала от интимной игривости супружеского тона. Верхом неприличия и развязности считалась попытка заговорить с незнакомым человеком — требовалось предварительное представление собеседников друг другу третьим лицом. Одинокая девушка, посмевавшаяся на улице обратиться к незнакомому мужчине с невинным вопросом («Как пройти на Бейкер-стрит?»), могла подвергнуться оскорблениям — такое поведение считалось возможным только для уличных девиц. Мужчинам, как высшим совершенным существам, такое поведение, напротив, дозволялось.

При всех описанных сложностях английская правовая традиция личной свободы оставалась неприкосновенной. Молодому англичанину для женитьбы не требовалось согласие родителей. Зато отец имел право лишить такого непокорного сына наследства.

Мужчины и женщины обязывались забыть, что у них есть тело. Даже отдаленные речевые намеки на что-либо из этой области — исключались. Единственными участками поверхности тела, которые разрешалось открывать, были кисти рук и лицо.

Женские платья тоже были глухие, закрытые, скрадывавшие фигуру, с кружевными воротничками до ушей, оборками, рюшами и буфами. Пуговицы допускались лишь на верхней одежде. Вышедший на улицу мужчина без высокого стоячего воротничка и галстука, женщина без перчаток и шляпки — считались голыми [8]

К негативным проявлениям чувственности относился период беременности: беременная женщина воспринималась как оскорблявшая викторианскую нравственность. Она вынужденно запиралась в четырех стенах, скрывала свой позор от самой себя с помощью платья особого покроя. В разговоре ни в коем случае нельзя было сказать о женщине, ждущей ребенка, что она *pregnant* (беременна) — только *in amazing state* (в интересном положении) или *in hilarious expectation* (в счастливом ожидании). Публичная демонстрация нежных чувств к младенцам и детям считалась неприличной. Викторианская мать редко сама вскармливала своего ребенка — для этой плебейской нужды нанимались кормилицы из простонародья.

Викторианское ханжество иногда прямоком толкало женщин в объятия смерти. Все врачи в те времена были мужчинами. Считалось, что заболевшей женщине лучше умереть, чем позволить врачу-мужчине проинвестировать над ней «постыдные» медицинские манипуляции. Врач иногда не мог поставить толковый диагноз, ибо не имел права задавать пациентке «неприличные» вопросы. В тех случаях, когда необходимое врачебное вмешательство дозволялось высоконравственными родственниками, врач вынуждался действовать буквально вслепую. Известны описания медицинских кабинетов, оборудованных глухими ширмами с отверстием для одной руки — дабы медик мог посчитать пульс пациентки или коснуться лба для определения жара. А приглашать врачей-мужчин к роженицам англичане с душевными муками начали только в 1880-х годах. До этого родовспоможением занимались повитухи-самоучки и немногочисленные акушерки. Чаще дело представлялось естественному ходу, по принципу «как будет угодно Всевышнему» [4].

Историки отмечают: эпоха правления королевы Виктории была временем противоречий, когда широко культивировавшиеся внешнее достоинство и сдержанность соседствовали с социально опасными явлениями — проституцией, нищетой, непосильным детским трудом и т.д. Не все могли позволить себе большой дом, активный отдых и многое другое. Английские низы — городской и сельский рабочий люд, крестьяне, батраки, моряки, солдаты, уличный плебс — зачастую вообще не имели представления о нравах, царящих

наверху. Среди этой части населения были свои сложившиеся представления насчет того, что такое хорошо и что такое плохо. Английские простолюдины много и тяжело работали; поработав, отдыхали как умели — выпивали, пели песни, плясали до слома каблуков, дрались и богохульствовали.

Пьянство и огромные расходы на напитки составляли одно из величайших зол, одну из главных причин преступлений и разрушения семей, особенно с тех пор, как спирт в значительной степени занял место пива [6, 567]. По данным А.П.Сумарокова, ежедневно в Лондоне насчитывалось до 100 тыс. человек «подгулявших». «Чернь предана пьянству, — писал он, — в шинках жертвует трудами целой недели, и, отказывая иногда себе в пище, пресыщаются джином до потери рассудка» [7, 224]. При этом «женский пол также любит крепкие напитки» и на улицах можно было встретить пьяных женщин. При этом стоит заметить, что автор объяснял склонность англичан к пьянству их характером и климатом страны: «Уньные флегматические нравы требуют искусственного оживления, туманное небо, сырость воздуха кажется призывом к тому, соединение без чинностей, лицемерия вливает единодушие» [7, 224].

Следует обратить внимание на огромное количество питейных заведений. Так, в Эдинбурге один кабаk приходился на каждые 15 семей, а в одном ирландском городке на 800 жителей насчитывалось 88 подобных заведений [7, 224]. Журнал «Библиотека для чтения» в 1836 г., анализируя причины пьянства, связывал это с ростом народной нищеты. По данным русского журнала «Современник», в 1844 г. число лиц, задержанных на улице в состоянии сильного опьянения, составляло 8152, а в 1851г. — 12104 человека [7, 224].

«Журнал мануфактур и торговли» в 1834 г., указывая на «растущую страсть к пьянству вместе с умножающейся бедностью Англии», обращал внимание на непоследовательность английских властей в деле борьбы с этим явлением. На страницах данного издания отмечали, что в английском парламенте ораторы «жалуются на чрезмерно усилившуюся в народе страсть к пьянству и происходящие от того гибельные последствия». Общества трезвости в Англии, такие как «Всеобщая воздержанность», «Трезвость», «Армия синих лент» [6, 567] стараются искоренить пьянство, и наряду с этим «содержатели трактиров и питейных домов вымышляют всякие приманки для привлечения к себе наибольшего числа почитателей Бахусовых», а власти взирают на это равнодушно [7, 225].

Факты реальной жизни подтверждали мнения о распущенности нравов английского народа. Начиная с конца 1840 годов, представители основных новостных агентств, духовенство, а также многие одинокие женщины обращали большое внимания на проблему проституции, которую стали называть — «Великим социальным злом». Уильям Эктон в своем труде «Проституция», ссылаясь на документы полиции указывает, что в одном только Лондоне в 1857 году «падших женщин» насчитывалось 8 600 человек [1]. На это социальное зло в викторианской Англии, обращала внимание и русская интеллигенция. «На лондонских улицах, — заявлял Н.М.Карамзин, — видел я более ужасов и разврата, нежели в самом Париже» [7, 224]. Для борьбы с этим явлением в Англии с середины XVIII в. существовали приюты Магдалины — учреждения для исправления «падших женщин». Настоящий бум и рост количества этих учреждений — ставивших своей целью «вытащить» падшую женщину с улицы, перевоспитать ее и вывести в приличное общество (обычно в качестве прислуги) — пришелся на период между 1848 и 1870 гг., во времена правления королевы Виктории.

Общество времен викторианской морали предстает перед нами в знаменитом изречении Б.Дизраэли «Англия разделена на две нации — богатых и бедных», вернее тех, кто соблюдал моральный кодекс королевы Виктории, и тех, кто жил, справляясь с жизненными невзгодами, несмотря на этикет и правила приличия [6, 545].

Таким образом, викторианская мораль царил главным образом среди среднего класса. Высшая титулованная аристократия жила в своих поместьях по своему усмотрению, а низы английского общества (городской и сельский рабочий люд, крестьяне, батраки, моряки, солдаты, уличный плебс) зачастую вообще не имели представления о нравах, царящих наверху. Преодоление худших сторон викторианской морали началось уже при жизни Виктории, а после смерти королевы переоценка ценностей в британском обществе пошла семимильными шагами. Русская интеллигенция обращала внимание на все стороны викторианской морали, отмечая, что эпоха правления королевы Виктории была временем противоречий, когда широко культивировавшиеся семейные ценности, внешнее достоинство и сдержанность соседствовали с социально опасными явлениями — проституцией, пьянством, нищетой.

Литература

1. Викторианская эпоха // <http://www.mertryengland.ru>.
2. История зарубежной литературы XIX века: Учебное пособие / Н.А.Соловьева, В.И.Грешных, А.А.Дружинина и др.; Под ред. Н.А.Соловьевой. М., 2007.
3. История современной Англии / В.Гиббинс, Д.Сатуриин. СПб., 1901.
4. Королева Виктория и викторианская мораль // <http://demetriy.ru/post148479911/>
5. Повседневная жизнь викторианской Англии / Т.В.Диттрич. М., 2007.
6. Социальная история Англии: обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Д.М.Тревельян; Пер. с англ. А.А.Крушинской и К.Н.Татариневой, Под ред. и с предисл. В.Ф.Семенова. М., 1959.
7. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825—1853 гг. / Н.А.Ерофеев. М., 1982.
8. Тэннехилл Р. Секс в истории: девятнадцатый век // <http://www.follow.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ ГОРОДА КЕМБРИДЖ В XIII ВЕКЕ

В средние века экономические свободы города были показателем его самостоятельности, залогом процветания и дальнейшего развития. Интересным представляется рассмотреть становление экономических привилегий в средневековом городе Кембридж.

В англоязычной историографии различные стороны жизни Кембриджа изучены достаточно полно, тогда как в отечественной медиевистике история города не получила еще широкого освещения [1, 123; 2, 415—448]. В частности, актуальной для исследования остается проблема становления муниципального самоуправления в Кембридже, определения его властных полномочий. В данной работе мы рассмотрим некоторые аспекты формирования экономических привилегий Кембриджа в XIII веке.

Исследуемый город расположен на р.Кем, в графстве Кембриджшир. В средние века он входил во владения короля, который еще в XII веке даровал Кембриджу ряд привилегий [3, 22]. В частности, город имел фиксированную фирму и мог ее самостоятельно собирать, обладал правом взимания дорожного налога. В 1101 году король передал Кембриджу право проведения ярмарки. В 1185 году все вышеназванные привилегии были подтверждены хартией Генриха II [3, 25]. Однако дальнейшее развитие муниципальных свобод Кембриджа натолкнулось на привилегии многочисленных церковных домов, расположенных в пределах городской черты, а также на интересы университета, появившегося в городе в XIII веке. Каждая из сторон стремилась к увеличению своих свобод, в том числе в экономической сфере.

Известно, что первые студенты пришли в Кембридж в начале XIII века. Вскоре образовался и университет. С этого времени между городом и новым «ученым сообществом» начала складываться своя система отношений, важной частью которой являлось решение общезначимых вопросов. В частности, одной из первых проблем, возникшей в отношениях города и университета, была необходимость поиска помещений для занятий и проживания школяров. Первоначально университет не имел своих помещений, обучение проходило на частных квартирах, а школяры снимали жилье у горожан. Пользуясь этой ситуацией, местные жители нередко завышали арендную плату. Возникали конфликты. В итоге в 1231 году Генрих III издал указ, защищавший студентов Кембриджа от чрезмерных требований владельцев сдаваемых квартир. Последним было запрещено повышать ренту в течение срока найма; ее должна собирать коллегия из двух университетских магистров и двух горожан. Подобные требования к городским властям Кембриджа представлены и в королевском послании 1266 года [3, 41]. Помимо этого, данный документ указывал, что коллегия обязана производить осмотр квартир и домов, снимаемых школярами, на предмет соответствия требуемой платы и условий проживания. Арендная плата не должна изменяться в течение 50 лет. В случае ее несанкционированного повышения канцлер университета имел право вселить своих школяров и магистров на прежних условиях. Таким образом, университетские власти получили возможность диктовать горожанам условия найма их квартир, сохраняя арендную плату на прежнем уровне в течение длительного срока.

Безусловно, подобные привилегии университета вызвали недовольство у местных жителей. В частности, в 1292 году произошел конфликт между канцлером университета и главой приорства Барнвилл [3, 65]. Последний запросил у университетского магистра более высокую арендную плату за дом, принадлежащий приорству. Канцлер, пользуясь своим правом, позволил магистру вселиться в дом на прежних условиях. Возмущенный этим, приор Барнвилля обратился в королевский суд с иском о «незаконном лишении имущества». Однако судебных разбирательств не последовало, университет сохранил свои привилегии. Король лишь указал канцлеру на необходимость в схожей ситуации действовать более осторожно.

Находясь в городе, учащиеся кембриджского университета неизбежно были вовлечены во все торгово-экономические отношения. Они покупали, продавали, обменивали. При этом нередко городские торговцы притесняли школяров, завышая цены на товары, или вообще отказываясь продавать им продукты. Так, в муниципальной хартии Кембриджа 1268 года отдельно было оговорено, что местные торговцы обязаны продавать пиво клирикам, студентам и горожанам на равных условиях [3, 50-51]. Этот же документ указывал, что мэр и бейлифы Кембриджа, впредь должны устанавливать акцизы на хлеб и пиво, цены на зерно и солод только в присутствии канцлера университета или его представителя. В противном случае все принятые решения считались недействительными. Из представленного видно, что появление в Кембридже университета привело к некоторому ограничению полномочий муниципальных властей и перераспределению ряда функций.

Другим фактором, повлиявшим на становление экономических свобод «нашего» города, были многочисленные церковные дома (приорства, госпитали, монастыри и др.), располагавшиеся в пределах муниципальных границ. Известно, что данные дома обладали рядом свобод, в частности, имели судебный иммунитет, право самообложения. Также они стремились получить значимые экономические привилегии, например, право проведения ярмарок и взимания ярмарочных сборов. Первые указания на подобные полномочия у духовных домов Кембриджа мы встречаем в середине XII века. Так, в 1150 году женскому монастырю Св. Радегунды король разрешил провести ярмарку до и после дня Св. Девы Марии. С 1211 года госпиталь Св. Марии Магдалины держал ярмарку в Стенбридже. В этом же году король даровал право проведения ярмарки приорству Барнвилл. Данная ярмарка продолжалась шесть дней (4 дня до и 2 дня после поминовения Св. Этельреда) и пользовалась большей популярностью среди горожан [3, 26, 34, 40]. Вероятно, именно поэтому ярмарочные сборы, за лоток и палатку, взимаемые представителями приорства, вызывали наибольшее возмущение у местных торговцев. Нередко возникали конфликты. В итоге в 1232 году между городом и приорством было заключено соглашение [3, 42]. По нему, приорство Барнвилл сохранило за собой право проведения ярмарки, но обязано было ежегодно выплачивать одну марку властям Кембриджа «за возможный ущерб». При этом местные жители освобождались от всех ярмарочных сборов. Другой не менее важной проблемой во взаимоотношениях города и приорства Барнвилл была необходимость поддержания «мира и спокойствия» на ярмарке. Так, в 1268 году стороны подписали новое соглашение, которое вводило практику совместного контроля над правопорядком на ярмарке. [3, 68—69]. Его должны были осуществлять городские бейлифы и представители приорства.

Итак, мы видим, что становление экономических свобод Кембриджа в XIII веке проходило параллельно с развитием его отношений с университетом и духовными домами. Иногда их интересы пересекались, возникали конфликты. Однако необходимость решения общих вопросов заставляла стороны идти на компромиссы, выстраивать свою систему отношений. При этом нередко данная «система» приводила к ограничению полномочий муниципальных властей Кембриджа.

Литература

1. Евсеев В.А., Панютина М.Н. Церковь и становление английских средневековых университетов // Церковно-исторический ежегодник. Иваново, 2002. Вып. 2002.
2. Cobban A.V. The Medieval English Universities: Oxford and Cambridge to c. 1500. Cambridge, 1988.
3. Cooper Ch. H. Annals of Cambridge. Cambridge, 1842. Vol. I.

Н.И.Десяткина

г.Саратов

Саратовский государственный технический университет

им. Ю.А.Гагарина

«ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ» ГУМАНИСТА ПЕТРАРКИ (НАУЧНЫЙ ЭТЮД ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОГО ТРАКТАТА)

Вопрос о том, как работал итальянский поэт и гуманист эпохи раннего Ренессанса Франческо Петрарка (1304—1374), как понимал писательский и ученый труд далеко еще не во всех деталях прояснен, хотя его американский биограф второй половины XX в. Э.Х.Уилкинс сделал очень многое [5]. Ныне его разыскания успешно продолжает один из главных итальянских специалистов по Петрарке У.Дотти [1].

Некоторые любопытные свидетельства обнаружилось в диалогах его большого латинского трактата в двух книгах «О средствах против превратностей судьбы» (1354—1366), написанных, как видно из датировки, в зрелый период творчества и впитавших прежние изыскания, литературные источники и личный опыт. Последние два-три десятилетия трактат привлекает большое внимание. Еще в начале 1990-х гг. он получил научный перевод на английский язык [4]. В преддверии 700-летия со дня рождения гуманиста вышло фундаментальное двуязычное издание во Франции [3]. Но изучается он преимущественно с филологической или философской стороны. Монографию по проблематике историко-антропологического плана посвятила этому сочинению и автор данной статьи [7]. В ней продолжилась разработка вопросов, начатых раньше [6]. Особо отмечу, что в России ныне впервые завершен перевод всего трактата на русский язык; переводчица готовит текст к публикации. Перевод всех 254 диалогов трактата выполнен Л.М.Лукияновой (Саратов). Все цитаты в этой статье приводятся по ее переводу.

Больше всего сведений можно почерпнуть из текстов первой части трактата — «О множестве книг», «О славе писателей», «Об ученых трудах», «О досуге и покое», детали — еще из целого ряда диалогов; они изучались по изданию 1492 года [2].

Главный персонаж диалогов (аллегорический «Разум») не один раз характеризует труд ученых, поэтов, философов как всепоглощающий, большой, при этом радостный, увлекающий, приносящий славу. Кроме того, его устами Петрарка часто ссылается на книги и мнения «ученых людей» как на самые авторитетные и достойные внимания, что, со своей стороны, показывает отношение к ученому труду как важному, исключительно полезному для читателя, если его волнуют те или иные жизненные проблемы.

В диалоге «О славе писателей» (I.44)¹ «Разум» в ответ на заявления, что его собеседник создал множество книг, задумчиво роняет фразу: «...*хорошо* написать одну, две, вообще немного книг стоит многих трудов» [2, 80]. И если сопоставить эти слова со сведениями по поводу того, сколько лет Петрарка работал над каждым из своих трактатов или исторических сочинений, а, случалось, и писем, то становится понятно, что устами «Разума» он говорит также о самом себе. Заодно — об эпохе, вдруг проснувшейся к перу, но пока не уяснившей границ между литературными поделками и серьезными текстами. Еще заодно — о всеядности «рядовых читателей», готовых поглощать подобные поделки. Главное же — об активных переменах в традициях письменной культуры, втягивавшей в себя неизмеримо большее количество «актеров», чем в прежние века. Петрарка уловил эти импульсы, очевидно, уловил и готовность читателя к важным разговорам на разные темы, что не могло не стимулировать его писательских усилий.

В диалоге «О тяжелом труде» (II. 56) он продолжает тему ученого труда и восклицает: «Уж не стану говорить о философах и поэтах, вся жизнь которых не что иное, как славная и доставляющая удовольствие работа» [2, 268]. Здесь ключевые слова — «вся жизнь». Именно так, делом всей жизни и судьбой виделось Петрарке творчество. Более того, он был глубоко убежден, что прошли времена, когда одновременно и одинаково успешно писатели занимались чем-то другим, скажем, земледелием. Позволим себе привести довольно объемную цитату. В диалоге «О плодородии почвы» (I.57) Петрарка с великим уважением вспоминает о римском политическом и общественном деятеле Катоне Старшем (Катоне Цензоре, 234 — ок. 118 до н.э.) и его сочинениях о земледелии, а потом честно добавляет устами «Разума» от первого лица: «Однако никогда ни известность писателей, ни страх бедности не заставит меня даже подумать о том, чтобы предпочесть земледелие свободным благородным искусствам, хотя в начале существования государства известные полководцы были одновременно и земледельцами. Но со временем обстоятельства изменились, и так как теперь человеческая природа стала более слабой, то для столь противоположных дел способностей не хватает... Я допускаю, что иногда можно привить растущей почкой молодые ветви, подрезать кривым ножом буйно разросшуюся листву, посадить для потомства пышные виноградные побеги в просторные ямы, повернуть журчащие по склону ручьи к жаждающим полям, но упорно копать и пахать и всей душой тяготеть к земле, если этого не заставляет делать необходимость, я считаю, недопустимо и недостойно храброго мужа, у которого всегда найдется предмет для более славного занятия» [2,96].

В этом рассуждении много идет от личного опыта и не меньше — от реально сложившейся социальной практики разделения труда. Действительно, хорошо известно, как поэт в краткие часы досуга с воодушевлением возился в своем саду в Арква, близ Падуи, где судьбы определила ему провести последние годы жизни. Но он же всю жизнь отстаивал особую важность писательского и ученого труда, вводил его в число самых «благородных» занятий, *перекраивая* средневековую иерархию. В любом случае, он без тени сомнения причисляет писателей к «храбрым мужам», ставя их тем самым вровень с правителями, политическими деятелями, полководцами, «теми, кто воюет».

В цитируемом диалоге, в пылу полемики, противореча только что сказанному самим же о благородстве и важности труда земледельца, он «спускает» этот труд в ряд не самых славных занятий.

Еще один важный тезис несколько раз повторяется как в первой, так и во второй книгах трактата. В диалоге «О славе писателей» (I.44), продолжая разговор об их труде, Разум, реагируя на слова собеседника, что тот «много написал» и еще много напишет, отвечает так: «Если ты собираешься принести пользу потомкам, — для этого ничто не будет достаточным» [2, 79]. То есть не хватит жизни, чтобы написать для потомков обо всем, о чем хотелось бы. В данном случае собеседник «Разума», и сам «Разум» впитывают в себя черты создателя трактата, его стремление работать на будущее.

Тексты проясняют многие детали, отражающие личные привычки. В частности, Петрарка был чувствителен ко времени суток, в которое его посещало особенное научное или поэтическое вдохновение. Он считал лучшими часами для работы ночь: «Ибо самые острые и самые возвышенные мысли приходят ночью, и ни одно время не является более удобным для занятий наукой» [2, 39]. Здесь, очевидно, надо принять во внимание не только ученую привычку, но и жаркие, долгие дни итальянского лета, ожидание вечерней и ночной благодатной прохлады, а также повседневные заботы Петрарки, связанные с редактированием и копированием рукописей. В его доме много лет работал секретарь, несколько переписчиков, слуга, помощники; нередко случались знатные, ученые или просвещенные гости.

---

¹ Здесь и далее по общепринятым правилам первая цифра указывает на номер книги, вторая — на номер диалога в ней.

Из *времен года*, благоприятных для творчества, не исключается и зима: «Чаще требуется прерывать сон в часы зимней ночи: нужно петь псалмы, заниматься наукой, читать, писать, размышлять, обдумывать, всегда стараться узнать что-то новое и то, что узнаешь, закрепить в памяти» [2,39].

Слова о необходимости читать, узнавать что-то новое тоже проливают свет на манеру работы: автору приходилось и в процессе создания текстов отыскивать, как он говорит в одном из диалогов, «подбирать», в книгах важные примеры (в изучаемом трактате их несколько сотен), уточнять цитаты, особенно стихотворные, которых также очень много; очевидно, была нужда обращаться за материалом к вновь открытым или недавно созданным произведениям.

Диалоги позволяют понять, что Петрарка имел свои «правила» по поводу ночного времени и продолжительности сна вообще: «Ведь людям с хорошо организованным и склонным к занятию науками умом, пожалуй, не свойственно спать половину суток: некоторым достаточно четвертой части, а для полного наслаждения сном — третьей части суток. Благоразумно и подниматься ночью в любое время года. Те, кто замышляет что-то великое, может не спать не только в зимнюю ночь, но и в течение всей летней» [2, 39].

Не исключено, что так оно и происходило, когда Петрарка замышлял трактат «О средствах». И что он скупно тратил время на сон в течение всего времени работы над этим сочинением, в диалогах которого его личный опыт переплавился в общие характеристики и рекомендации. Не с этой ли привычкой связан то ли факт, то ли отразившая привычки легенда, что Петрарка последние часы своей жизни провел за чтением и уснул вечным сном на рассвете, склонившись над книгой историка Тита Ливия.

Один из диалогов косвенно подсказывает, что Петрарка собирал материалы ежедневно, делая летучие пометки во время прогулок, работы в саду; «Разум» в диалоге «О слабой и плохой памяти» советует собеседнику: «не доверяй памяти, носи с собой записную книжку и тотчас исполняй все то, что наметил» [2, 336]. Совет позволяет предположить, что какие-то повседневные планы — «наметки» Петрарка мог делать и для будущих диалогов.

Петрарка не только писал собственной рукой, но много диктовал. Жалобы на недостаточную внимательность и осведомленность, а то и просто слабую грамотность переписчиков, нередки в его письмах, попали они и в диалоги «О средствах». В разговоре «О множестве книг» (I.43) Разум сетует: «А сейчас, перепутывая оригиналы и копии, обещая писать одно, они пишут другое, да так, что ты и не узнаешь того, что сам диктовал» [2, 76].

Петрарка был не совсем прав, словно бы порицая всех переписчиков без разбора. Ведь именно благодаря их труду сохранилась большая часть его сочинений. В том числе — замечательной каллиграфической красоты манускрипт трактата «О средствах против всякой судьбы», датированный 1388 годом, который находится ныне в РГБ (Санкт-Петербург). Он украшен орнаментом и несколькими изысканными миниатюрами-портретами. Один из них изображает гуманиста в его кабинете, среди книг, погруженного в чтение латинского фолианта. Краткая характеристика манускрипта была дана в свое время Е.В. Бернадской [8, 2—4].

Кабинет Петрарки последних лет жизни можно видеть и ныне во втором этаже его небольшого дома в Арква: стол, кресло, шкаф и несколько ниш для книг составляют его богатство. И — прекрасный вид на Еванейские холмы. Природа на протяжении всей жизни была составной частью его «творческой мастерской», соперничая с книгами и вдохновляя на новые и новые труды.

Литература

1. Dotti U. Vita di Petrarca. Roma, 2004.
2. Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. Cremona, 1492.
3. Petrarque F. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par. Ch. Carraud. Paris, 2002. Voll. 1—2: 1167 p.; 803 p.
4. Rawski K.H. Petrarch's Remediis for Fortuna, Fair and Foul / A Modern Eng. Transl. Bloomington Ind. Univ. Press, 1991. Voll. 5.
5. Wilkins E.H. Vita del Petrarca. Milano, 2003.
6. Девятайкина Н.И. Латинский нарратив трактата Петрарки: источники, способы организации текста, авторское «я» // Петрарка Франческо. Диалоги на гендерные и эстетические темы (трактат «О средствах против превратностей судьбы», Кн. 1) / Пер. с лат., коммент., указат. Л.М.Лукияновой; исслед. раздел. Н.И.Девятайкиной. Саратов, 2008. С. 99—169.
7. Девятайкина Н.И. Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»); Диалоги из трактата / Пер. с лат., коммент. Л.М.Лукияновой. Саратов, 2010. С. 7—131.
8. Итальянские гуманисты в собрании рукописей Государственной публичной библиотеки. Каталог / Сост. Е.В.Бернадская; Научн. ред. А.Х.Горфункель. Л., 1981. С. 2—4.

ПОЗЕМЕЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В ПАНДЖАБЕ В ПЕРИОД ПРОТЕКТОРАТА АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ

В результате поражения в ходе первой англо-сикхской войны, территория сикхского государства — Саркар Хальсаджи сократилась более чем на треть, что было зафиксировано в договорах от 9 и 11 марта 1846 г. К владениям Ост-Индской Компании были присоединены все сикхские земли к югу от Сатледжа и Джалландхар доаб, то есть междуречье Биаса и Сатледжа. Бахайровальский договор от 16 декабря 1846 г. закрепил английские достижения, расширив полномочия британского политического резидента, что означало установление протектората Ост-Индской Компании в Панджабе. Обретение новых владений, а так же установление системы британского контроля в столице сикхского государстве — Лахоре, поставило перед руководством Компании целый ряд не только политических, но и экономических задач.

На завоеванных территориях было необходимо организовать действенную систему управления, которая бы способствовала интеграции этих земель в Британскую колониальную империю. Однако интеграция была бы, на наш взгляд, невозможна без изменений в экономической сфере, и, прежде всего, в системе налогообложения, которая продолжала оставаться основным источником дохода для Ост-Индской Компании [1, 66]. Именно с реформирования налоговой системы и сокращения поземельного налога начал свою деятельность Джон Лоуренс находясь на посту специального уполномоченного Джалландхар доаба [9, 206].

Что касается экономических мероприятий, которые были осуществлены англичанами непосредственно в Саркар Хальсаджи до его аннексии в 1849 г., то они были направлены, прежде всего, на преодоление негативных экономических последствий предшествующего периода. Восстановление экономики было так же связано с английскими планами по превращению Панджаба в буферную зону на границе британской Индии с Афганистаном и Средней Азией.

Политический резидент Лахора — Генри Лоуренс приступил к реформированию экономики сикхского государства весьма продуманно и осторожно. В первую очередь, было необходимо восстановить систему поземельного налогообложения, чтобы обеспечить пополнение сикхской казны. Нормальное финансирование казны, должно было не только способствовать общему оздоровлению экономики страны, но и гарантировать субсидирование войск Ост-Индской Компании на территории сикхского государства. По Бхайровальскому договору на содержание и обеспечение британских войск сикхское правительство должно было ежегодно тратить 22 лакха рупий [3, 57—58].

В соответствии с гражданской процедурой принятой в Северо-западных провинциях, для реформирования системы налогообложения, британские чиновники должны были выяснить вопрос, кто является собственниками земли в сикхском государстве. Для ответа на него в различные районы страны были направлены служащие Ост-Индской Компании. Английские чиновники сразу же столкнулись с большими трудностями. Дело в том, что характер землевладения в Панджабе был весьма неопределенным и имел значительные региональные особенности, что приходилось учитывать при урегулировании [10, 342]. Например, когда лейтенант Эдвардс прибыл в Банну и начал в 1847-1848 гг. процесс урегулирования, то он столкнулся с таким беспорядком в поземельных отношениях, что, в конечном итоге, право собственности на землю было закреплено за всеми, кто сумел доказать, что владел своим наделом в течение 5 лет [5, 172].

При осуществлении поземельного урегулирования (Settlement) британские чиновники исходили не только из фискальных интересов Ост-индской Компании, но и из соображений безопасности, что было связано с необходимостью поддержания социального спокойствия в стране. В инструкциях к своим подчиненным, Генри Лоуренс писал: «В новой стране, особенно в новой стране дикой, быстрота, доступность, краткость и доброта — лучшие средства правительства.... Будьте тактичны и добры, не ожидайте слишком многого от невежественных людей. Не вводите изменений, пока не уверены что нововведение принесет решительное усовершенствование — легкое обложение, с учетом требований и преимуществ привилегированных классов, даже когда они несколько экстравагантны и затрагивают правительство, но не райтов» [6, 271].

Во время проведения поземельного урегулирования в 1846-1849 гг. особое внимание было уделено северо-западным пограничным округам сикхской державы, умиротворение которых входило в число наиболее приоритетных задач для руководства Ост-Индской Компании. К 1849 г. урегулирование в пограничных округах (Банну, Гуджрат, Хазара и д.р.) было завершено [7, 362; 9, 410].

В конечном итоге, собственниками земли были объявлены сельские общины, которые обеспечивали основную массу налоговых поступлений и несли коллективную ответственность за уплату налогов. Следует отметить, что для большей части Панджаба существование общины было характерно «с незапамятных времен», причем их возникновение не было связано с результатами деятельности сикхского правительства [8, 283]. Основными типами общины были общины паттидари и бхайячара.

Исходя из собственных фискальных интересов, англичане искусственно создали общину на тех территориях, где она не существовала в предшествующий период. Общины были созданы в деревнях горных районов Симлы и Кангры. В Мультианском подразделении, где общинное устройство можно было раньше найти только в речных районах, в общины были объединены хозяева близлежащих колодцев, которые раньше не были ни чем связаны, кроме обязательств совместной защиты от грабительских набегов [8, 283]. Таким же образом англичане действовали и во многих районах Дерадждата.

Следующим шагом при проведении урегулирования, стало введение новой системы налогообложения. При махарадже Ранджите Сингхе поземельный налог официально составлял половину урожая, однако, как правило, взималось от 2/5 до 1/3. Причем налог не был жестко зафиксирован, то есть он оставался пропорциональным доходу крестьянского хозяйства и в урожайные и в неурожайные годы [4, 83]. Собор налога осуществлялся, как в денежной, так и в натуральной форме, которая всегда преобладала в сикхском государстве. Всего же при Ранджите Сингхе поземельный налог давал государственной казне 165 лакхов рупий ежегодно [10, 39].

Англичане начали перерасчет поземельного налога с учетом территориальных особенностей сикхского государства. В среднем размер поземельного налога теперь составлял 2/5 урожая. При этом необходимо отметить, что процесс реформирования системы налогообложения ускорился в период правления Джона Лоуренса, который замещал своего брата на посту политического резидента с августа по октябрь 1847 г. «Облажайте низко, — писал Дж. Лоуренс в инструкциях к Дж. Николсону, — оставайтесь справедливым и великодушным к земледельцам, и они расширят свою культивацию и получат доход практически независимый от плохих сезонов» [4, 90].

К концу 1847 г. англичане отказались от взимания натуральных налогов, окончательно переведя поземельный налог в денежную форму. Правда, необходимо отметить, что в зависимых княжествах Панджаба и в большинстве джагиров налоги продолжали взимать, как в денежной, так и в натуральной форме [10, 39].

В целом в 1847—1848 г. за счет поземельного налога в Панджабе было собрано £820 тысяч [4, 90]. Таким образом, можно говорить о понижении уровня налогообложения по сравнению с предшествующим периодом. Если при Ранджите Сингхе собиралось £1,65 млн. в год, что равнялось 165 лакхам рупий, то теперь собранная сумма была почти в два раза меньше. Не смотря на то, что после аннексии поземельный налог продолжал расти, его размер в абсолютных числах был ниже, чем при Ранджите Сингхе, вплоть до конца 50-х гг. XIX в. [4, 92].

Снижение поземельного налога, по нашему мнению, отнюдь не влекло за собой принципиального улучшения положения крестьянства. Конечно, в краткосрочной перспективе понижение налога могло оказаться выгодным, но эта выгода быстро нивелировалась за счет перевода поземельного налога в денежную форму. Начиная со второй половины 1847 г. по всему Панджабу стали раздаваться требования о возвращении к прежней системе обложения. Введение фиксированного денежного налога вызывало у земледельцев серьезные опасения, так как теперь его размер оставался неизменным даже в случае неурожая. Кроме того, появлялся риск, что оплату придется производить исходя из налоговых ставок рассчитанных на основании высоких цен на сельскохозяйственную продукцию, даже в те годы, когда, вследствие рыночной конъюнктуры, цены будут понижены [4, 83]. Единственными, для кого перевод поземельного налога в денежную форму оказался выгодным, были владельцы хороших колодцев, которые и в предшествующий период выплачивали налог в деньгах [2, 169—170].

Литература

1. Комаров Э.Н. Английская колониальная политика в Индии и ее социально-экономические последствия (конец XVIII-первая половина XIX в.) / Народное восстание в Индии (1857—1859). М., 1957.
2. Семенова Н.И. Земельно-налоговая политика английских колониальных властей в Пенджабе в 50—60-х годах XIX в. / Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т. XVIII. М., 1957.
3. A Collection of Treaties, Engagements and Sanads relating to India and Neighboring Countries / Comp. by C.U. Aitchison, 5-th, ed. Vol. I. The Treaties and relating to the Punjab States and Delhi. Calcutta, 1931.
4. Dutt R. The economic history of India in the Victorian age. From the accession of Queen Victoria in 1837 to the commencement of the twentieth century. 6-ed. London, [n. a.].
5. Gazetteer of the Bannu District, 1883-4. Compiled and published under the authority of the Punjab Government. Calcutta, 1884.
6. Gough C., Innes A.D. The Sikhs and the Sikh Wars: the rise, conquest, and annexation of the Punjab State. London. 1897.
7. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. V. Ganjam to Indi. London, 1885.
8. The Imperial Gazetteer of India. 1881 / Ed. By W.W. Hunter. Vol. XI. Pali to Ratia. London, 1886.
9. The Imperial Gazetteer of India. 1901. Vol. XVI. Kotchandpur to Mahavinnyaka. Oxford, 1908.
10. The Imperial Gazetteer of India. 1901. Vol. XX. Pardi to Pusad. London, 1908.

К ПРОБЛЕМЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТКАХ МАЙЯ I тыс. н.э.

Майская культура классического периода, как и любая другая развитая культура, отличалась сложностью и многообразием. Представления майя о религии, мироздании, окружающей действительности, природе и человеке нашли свое отражение в различных направлениях их искусства. Постепенно сформировались и определенные традиции и каноны изображений. В меньшей степени это отразилось в предметах фигуративной пластики — терракотовых статуэтках. Тем не менее, практически все группы и типы фигурок имеют свой набор иконографических особенностей изображений. Более ярко эти особенности выражены в антропоморфных статуэтках, менее — в зооморфных. Однако зооморфные фигурки служат ярким примером высокой значимости животного мира в жизни майя.

Терракотовые статуэтки были выполнены в виде различных видов животных, рептилий, земноводных, птиц, рыб. Статуэтки животных в большинстве случаев представлены обезьянами, ягуарами, собаками, оленями, кроликами, пекари. Чаще всего встречаются обезьяны, собаки и ягуары. Так, например, на это обращает внимание Д.Триадан, которая анализировала зооморфные терракоты из Агуатеки (Петен, Гватемала), и упоминает о преобладании фигурок обезьян [15, 278]. Из рептилий встречаются змеи, ящерицы, игуаны [11, 66]. Чаще других — черепахи лягушки и кайманы.

Довольно распространены изображения птиц, которые представлены совами, попугаями, грифами. Многочисленны фигурки неясной птицы с гребешком.

Зооморфные фигурки изготавливались как с высокой долей достоверности, что позволяет определить их видовую принадлежность, так и очень схематично.

В целом, как отмечает И.Кэлвин, анализ терракот в виде животных, помогает раскрыть суть отношения майя к окружающему миру и миру сверхъестественного, основанных, зачастую, на взаимодействии животного и человека [8, 868—883].

Искусство, религия, мифы, реальность были тесно переплетены, образовывали сложную во многом синкретичную систему. Животным отводились определенные роли, придавалось особое значение, что часто и определяло специфику их изображения. Ю.В.Кнорозов описывает некоторые иконографические особенности в изображении животных, которые в ряде случаев прослеживаются и в предметах мелкой пластики. Это животные в человеческих позах, животные, фигурирующие в качестве атрибутов персонажей, животные в реальных ситуациях [2, 245]. В терракоте это самостоятельные фигурки в виде животных, и статуэтки, где животные персонажируются, наделяются особыми качественными характеристиками.

Известны равновеликие изображения кролика с женщиной, который в мифологии наделяется человеческими качествами: хитростью, ловкостью и умом [5, 114, 115, 117]. В эпосе народа киче Пополь-Вух он является одним из основных животных [6, 79]. Ягуару отведено особое место. Его почитали и боялись, убивали и использовали шкуру и зубы в качестве трофеев. Его изображения широко представлены на расписной керамике [14, 223]. В майских мифах распространен сюжет об оборотне — нагуале, человеке, который превращается в животное, часто в ягуара [5, 183]. В эпосе майя — киче ягуар фигурирует в числе животных созданных богами для своего поклонения [6, 30—31]. Животные выступали и в качестве одной из ипостасей божества. Например, связанный с богом дождя и сторон света бог Ягуар. [3,6].

Изображения оленя трактуется неоднозначно. С одной стороны это воплощение божества, с другой — обычное животное, объект охоты [2, 245]. Олень часто сопровождает бога охоты или бога оленей, или же сам является его воплощением [3, 5]. В терракотовых статуэтках помимо собственно изображений оленя встречаются головные уборы, выполненные в виде этого животного. Подобные «шляпы» представлены и на расписной полихромной керамике [14, 204].

Обезьяну, в отличие от других животных, в большей степени наделяли человеческими чертами. В Пополь-Вух она выступает одним из потомков несовершенных людей [6, 74]. Кроме того, в терракотовых статуэтках встречаются воины в масках обезьяны.

Сову часто связывают с войной и богом-совой [9, 17; 3, 4]. Лягушка могла воплощать бога дождя, т.к. наступление дождя лягушки часто предвещают кваканьем [4, 232].

Интересны терракотовые фигурки в виде пар рыб. Дж.Керр анализируя подобные изображения на расписной керамике (K3266 и K5225) соотносит их с образами близнецов Пополь-Вух — Хун-Ахпу и Шбаланке [10]. На спинах рыб прорисованы пятна подтреугольной формы, которые идентичны пятнам на лице Шбаланке. Кроме того Дж.Керр ассоциирует зубатку со смертью, а расположенное рядом с ними солнце трактуется как символ возрождения [10].

Таким образом, особенности иконографии животного или птицы позволяют судить об их назначении. В связи с этим, стоит отметить целые сюжеты, связанные с миром фауны которые воплощены в фигурках майя I тыс.н.э. Они представлены терракотами животных и статуэтками людей вместе с животными и птицами.

В первой случае, несмотря на незначительную величину животного или птицы, они определяют сюжетную направленность, во втором — изображения животного и человека равновеликие и равнозначные.

Характер сюжета во многом определялся ролью, которая отводилась животному в каждом конкретном случае. Очевидно, что на животных охотились, употребляли в пищу, их шкуру и кости находили широкое применение в быту или в производстве, многих из них одомашнивали [12, 169]. С другой стороны животных почитали, воспевали, боялись, воспринимали как ипостась божественного начала.

В коропластике майя можно выделить иконографические характеристики некоторых групп животных и птиц. В сюжетах чаще встречаются кролики, собаки, обезьяны и кайманы.

В сюжетных сценах охоты кролик играл роль добычи. Встречаются фигурки охотника с висящим на поясе кроликом. Человеческими чертами он наделялся в сюжетах, где выступает спутником Богини Луны. Собачки изображались мелкими, легко умещавшимися на руках у женщин. По всей видимости, столь миниатюрные животные не могли использоваться для охоты. Встречаются фигурки, где женщина держит на руках ребенка и маленькую собачку. Животные крупных размеров в сюжетных сценах пока не отмечены, хотя известно, что некоторые разновидности собак достигали до 45 см в холке [7, 190]. Несмотря на то, что в мифологии и религии данному животному отводилось особое место (Бог-Пес, пес Бога-Дождя) [2, 232], в терракотах оно не наделялось особыми чертами.

Иконографической особенностью в прорисовке обезьян является высокая степень достоверности и динамичности. В ряде случаев их изображение, так же как изображение кролика, было плоскостное. Обезьяны нередко прорисовывались и на керамических сосудах [13, 29].

Птицы фигурируют в сюжетных сценах в двух ролях. Во-первых, это птицы спутники божества, которые и позволяют идентифицировать данного субъекта как божество. Во-вторых, это изображения обычных птиц, т.е. не несущих дополнительной семантической нагрузки. Подобные изображения представлены в сценах охоты.

Птички, не зависимо от их роли, находились на плечах мужчины или женщины, у их ног, или на предметах. Они были невелики по размеру, детально проработаны, расположение крыльев различно. В некоторых случаях можно определить видовую принадлежность — попугай у ног ткачихи. Иногда попугай мог быть Богом Попугаем и персонифицироваться как солнце [1, 4]. В эпосе Пополь-Вух перья попугая перечисляются в группе предметов отличительных знаков владык [6, 156].

Таким образом, несмотря на достаточное количество зооморфных терракот в традиции коропластики майя оказались востребованы лишь некоторые, особо значимые для майя персонажи. При этом независимо от семантической нагрузки, которую несет в себе образ того или иного животного или птицы, коропласты старались максимально точно отобразить их зоологические особенности.

Литература

1. Кнорозов Ю.В. 1955. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. Доклады Советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М.: Издательство Академии Наук СССР.
2. Кнорозов Ю.В. 1963. Письменность индейцев майя. М-Л.: Академия наук СССР. Институт Этнографии.
3. Кнорозов Ю.В. 1964. Пантеон древних майя. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М.
4. Кнорозов Ю.В. 1975. Иероглифические рукописи майя. Л.: Академия наук СССР. Институт Этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. Издательство Наука.
5. Легенды, мифы и сказки индейцев майя. 2002 / Отв. ред. Г.Г.Ершова. М.: РГГУ.
6. Пополь-Вух (Книга народа) / Пер. Р.В.Кинжалова // Священные письмена майя. СПб., 2000. С. 23—179.
7. Azua R. V., Gudinob B. P. and Gulicia B. R. Entierros de perros descubiertos en la Antigua ciudad de Tula // *Latin American Antiquity*. Vol. 10. 1999. № 2. P. 180—200.
8. Calvin Inga. 1997. Were the Wayob live: A further examination of Classic Maya supernaturals // *The Maya vase book*. Vol.5, New York. P. 868—883.
9. Grube N., Schele L. 1994. Kuy the owl of omen and war // *Mexicon* 16(1). P. 10—17.
10. Kerr Justin. A fishy story // <http://www.mayavase.com/fishy.html>.
11. Piña R. C. 1968. Jaina. La casa en el agua. México. Instituto Nacional de Antropología e Historia.
12. Teeter W.G., Chase A.F. 2004. Adding Fleth to Bones: Using Zooarchaeology Research to Answer the Big-Picture Questions // *Archaeofauna* № 13. P. 155—172
13. *The Maya Vase Book*. 1989. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 1. U.S.A. New York.
14. *The Maya Vase Book*. 1990. A corpus of rollout photographs of Maya vases. Vol. 2. U.S.A. New York.
15. Triadan Daniala. 2007. Warriors, nobles, commoners and beasts: figurines from elite buildings at Aguateca, Guatemala // *Latin American Antiquity*. Vol. 18. № 3. P. 269—293.

КАТОЛИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЦЕНТР КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ГЕРМАНИИ

Важнейшим политическим фактором развития современной Германии является деятельность двух христианских партий: Христианско-демократического союза (ХДС) и Христианско-социального союза (ХСС). В своем нынешнем виде общегерманский ХДС и региональный баварский ХСС оформились после поражения Германии во Второй мировой войне в 1946 г. Эти партии стояли у истоков возникновения ФРГ в 1949 г., объединения Германии в 1990 г., на протяжении большей части послевоенных лет были правящими партиями, во многом способствовав превращению Германии в одну из ведущих экономических держав, авторитетного члена мирового сообщества. Такого успеха государство не смогло бы добиться, не объединившись католики и протестанты в единую политическую партию, основанную на опыте прошлых времен.

Христианско-демократическое движение в Германии не было совершенно новым явлением в жизни страны, у ХДС был амбициозный предшественник — католическая партия Центра.

Эта партия была основана 13 декабря 1870 г. незадолго до провозглашения Германской империи под началом протестантской Пруссии. Проигрыш католической Австрии в австро-прусской войне 1866 г. и католической Франции во франко-прусской войне 1870—1871 гг. похоронили надежды как австрийских, так и немецких католиков на создание государства по великогерманскому пути. Таким образом, немецкие католики, отделенные от собратьев по вере и языку в Австрии, оказались меньшинством, «составляя в 1871 г. 36,2% от общего числа населения объединенной Германии» [2, 45]. Главенствующую роль в империи стали играть протестанты во главе с императором Вильгельмом I и канцлером О. фон Бисмарком.

В такой ситуации, по мнению В.Г. Забалуева, «обостренная неуверенность в прочности своего социального положения в сочетании с комплексом религиозной и политической неполноценности побуждали католиков к активности» [2, 45]. Именно подобное побуждение подтолкнуло барона В.Э. фон Кеттелера и К.Ф. фон Савиньи создать политическую партию, основанную на принципах так называемого христианского социализма.

В феврале 1871 г. появилась программа партии Центр. В первых двух пунктах оговаривалось «безусловное признание власти Германской империи в ее нынешних правовых границах и прочный национальный союз с католической Австрией» [3, 261]. Исходя из христианского вероучения, любая власть исходит от Бога: «Государственный порядок — это не голос творения рук человеческих, а божественное произведение... Бог предписал, чтобы люди жили в упорядоченных отношениях друг с другом, начальственная сила среди них должна существовать...» [4, 80].

Следовательно, факт создания Германской империи принимался как промысел Божий. Таким образом, члены Центра заявили о своей изначальной готовности к сотрудничеству с правительством. Далее судьба государства зависит уже от людей, стоящих у власти: либо это будет общество на основе свободы и взаимопомощи, либо на основе эгоизма, который ведет к «абсолютизму и ошибочной централизации» [4, 80]. «В германской империи должны быть установлены подлинно германские формы конституционного устройства...; они должны охватить в интересах народа весь его общественный строй; следует создать корпоративные объединения в противовес механическим конституциям либерализма и осуществить самоуправление в противовес голому бюрократизму» [3, 261].

Вся программа «Центра» была сформулирована, исходя из принципа свободы, братства, равенства, которые «обозначают наивысшее задание людей, соответствуют самым возвышенным правдам христианства». «Христианская религия во всех своих делах при отправлении культа должна основываться на праве свободы» [3, 261]. Это и подтверждает предвыборный лозунг партии: «С Богом за правду, свободу и право!» [2, 46].

Отличительной чертой новой партии стала ее социальная гетерогенность. Программа Центра, нашла отклик среди всех слоев населения: католической аристократии, духовенства, крупной, средней, мелкой буржуазии, а также части рабочего класса. Не смотря на то, что основатели Центра не позиционировали партию как католическую, именно религия стала связующим звеном между порой совершенно противоположными элементами.

Таким образом, уже в 70-е гг. XIX в. партия идентифицировала себя в качестве крупной политической силы в преимущественно протестантской империи. Лидеры партии уже тогда пытались превратить Центр в общехристианское объединение обеих конфессий, но протестантское большинство государства не желало лишиться своего привилегированного положения и с самого начала восприняло партию как агентов Ватикана.

Как и ранее, особую силу католикам придавали их идейные противники. На наш взгляд, именно нахождение в постоянном политическом напряжении позволяло партии искать все новые средства для существования, дабы противостать протестантам. Важную роль в становлении и «возмужании» партии сыграл ее противник канцлер Отто фон Бисмарк.

Депутаты Центра представляли значительную часть рейхстага, которую канцлер не мог не замечать. Появление новой партии Бисмарк встретил с настороженностью: «С самого начала я рассматривал... образование конфессиональной фракции в политическом собрании, как абсурдное явление... Тем не менее, вернувшись из Франции, я находился под впечатлением и надеждой, что мы будем иметь в католической церкви опору — хотя, может быть, беспокойную и требующую осторожного обращения...» [4, 82—83]. В Центре Бисмарк видел оплот всем антипруссским и антиимперским тенденциям. На лицо была оппозиционность политического образования католиков правительству. Бисмарк при поддержке консерваторов и национал-либералов начал политику Культуркампа — открытой борьбы с католиками. Но вопреки ожиданиям канцлера, гонения лишь укрепили авторитет партии, сделали ее более сплоченной. Объединению католиков способствовало и создание в конце 80-х гг. XIX в. Евангелического союза, объединявшего ортодоксальных протестантов.

«Центр» вышел из Культуркампа победителем, доктрина политического католицизма далеко ушла в своем развитии в отличие от политической идеологии евангелизма. Отныне основной христианской партией в Германии считался католический Центр, который ассоциировался у электората с экономическим подъемом империи. Центр определил главное в своей будущей деятельности после завершения культуркампа — борьбу с набиравшей силы социал-демократией.

Ноябрьская революция и падение монархии еще более усилили партию и сделали ее влиятельной политической силой Веймарской республики, гарантом ее конституции. Почти все годы Веймарской эпохи Центр был правящей партией, постоянно входил во многие земельные правительства. Лидеры партии часто становились рейхсканцлерами: К.Ференбах, Й.Вирт, В.Маркс, Г.Брюнинг, Ф. фон Папен. Они неоднократно утверждали, что «Центр — это народная партия» [5, 19].

Имея за плечами богатую историю, партия Центра умело лавировала в своих действиях, стремясь не допустить конфликта интересов в своем электорате. В этом ей помогали связи с Ватиканом и католическое духовенство. Партии было присуще деловое сотрудничество с другими политическими силами. Так, в директивах Центра от 16 января 1922 г. говорится, что «для обеспечения планомерности и постоянства германской политики необходим крепкий союз партий на основе прочной рабочей программы» [3, 342].

К 1933 г. Центр переживает внутренний кризис, все это происходит на фоне подъема национал-социализма. С приходом к власти фашистов партия самораспустилась, закончился и короткий век Веймарской республики, чей крах, по мнению В.Г. Забалуева, «был связан с тем что политический католицизм как основа дальнейшего демократического развития Германии к тому времени исчерпал себя» [2, 43].

После Второй мировой войны идеология католицизма возродилась снова, но уже в форме надконфессионального христианского сообщества, объединявшего католиков и протестантов. По мнению Л.Н.Бровко: «Идеи создания нового партийно-политического порядка на христианских основах нашли свое отражение в появлении ХДС. Христианская партия начала возникать в послевоенной Германии стихийно и повсеместно, будучи принципиально новым образованием. Активное участие в ее создании принимали представители бывших партий Центра, Немецкой демократической партии, а также деятели церкви. Предполагалось создать партию значительно более массовую, более широкую в своем представительстве, чем прежние демократические партии» [1, 427].

Окончательное оформление союза христиан было закреплено в Гамбургской программе ХДС, принятой в 1953 г. и ставшей официальной доктриной правительства К.Аденауэра на долгие годы: «Церкви (католическая и протестантская) имеют в общественной жизни важное задание, исполнение которого должно быть обеспечено при полной свободе и независимости от государственной власти» [3, 480]. «Христианско-демократический союз стремится к поддерживаемой христианством общности жизни всего немецкого народа. Все попытки вновь разжечь преодоленный конфессиональный спор, мы решительно и единодушно отклоняем» [3, 481].

Таким образом, доктрина политического католицизма, исповедуемая Центром, распространенная в дальнейшем на представителей обеих христианских конфессий, стала основой современного христианско-демократического и христианско-социального движения. Религиозные разногласия у представителей двух ветвей христианства, конечно, оставались, но теперь их объединяла единая политическая цель — борьба с коммунизмом.

Литература

1. Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх. СПб., 2009.
2. Забалуев В.Г. Германский политический католицизм как предшественник христианской демократии // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 43—58.
3. История Германии. Документы и материалы. Т. 3. М., 2008.
4. Ольховская О.В. Появление партии Центр на политической арене Германии // Вестник Брянского Государственного Университета. 2011. № 2. С. 79—83.
5. Чепель А.М. Партии как важнейший элемент политической культуры Веймарской республики // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 4. С. 17—20.

РЕФОРМЫ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ 70-х гг. XIX ВЕКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Современное образование — фундаментальная основа человеческой жизнедеятельности, выступающая как интегральная, обобщающая ценность духовной культуры. Наряду с политической и правовой культурой образование формирует эстетические и нравственные черты личности в неразрывной связи с жизнью общества. Целью функционирования социального института образования в обществе является формирование интеллектуально-нравственного потенциала нации. В сентябре 2003 г. Российская Федерация официально присоединилась к Болонскому процессу, в рамках которого до 2010 г. осуществляла реформирование российского образования с целью продвижения его к открытости европейскому сообществу и интеграции в общеевропейскую систему образования.

В последние несколько лет общественность России живо интересуют проблемы, связанные с возможной ролью общеевропейского движения, известного под именем «Болонского процесса», в модернизации российской высшей школы. Последствия данной реформы находят повсеместный отклик в трудностях, связанных с реализацией данного законопроекта на практике в нашей стране. Решение подобных задач заставляет современных политиков обратиться к богатейшему историческому опыту зарубежных стран, таких, как, например, Великобритания. Образование было национальной потребностью с необходимостью которой всегда соглашались ее политические деятели.

На протяжении многих десятилетий основу системы начального образования в Великобритании составляли церковно-приходские школы, которые придерживались принципа добровольности и необязательности получения знаний всеми детьми без исключения. Подавляющее большинство школ, содержащихся на добровольные взносы, благодаря которым осуществлялось первоначальное образование народа, было организовано на религиозных принципах: эти школы были известны как «национальные школы», потому что они основывались Национальным (англиканским) обществом. Учебные заведения подобного типа с 1833 г. получали небольшую дотацию от государства, что означало введение государственного контроля посредством их инспектирования. Главной причиной отставания английского образования в середине царствования королевы Виктории являлось то, что ни одно правительство — ни вигов, ни тори — не могло придумать способа установления такой национальной системы образования за общественный счет, которая «не была бы горчайшим оскорблением как для нонконформистов, так и для представителей англиканской церкви.» [2, 576] Нонконформисты не одобрили идею даже частичного контролирования их деятельности школьными инспекторами, и поэтому отказались от субсидий. В итоге, положение представителей англиканской церкви существенно улучшилось, так как все выделенные государством средства на поддержание начального образования пошли в фонд их школ.

Однако проблема народного просвещения оставалась нерешенной. Либеральное правительство Уильяма Гладстона решило провести реформу в сфере образования и приняло билль 1870 г. Этот законопроект был делом священника У.Э.Форстера. Основная суть его билля сводилась к следующему: с одной стороны, закон Форстера удвоил государственное пособие существующим церковным и римско-католическим школам, а с другой — билль учредил школы, находящиеся под прямым контролем местной общественности, чтобы заполнить большие «белые пятна», существующие на карте размещения школ страны. Эти новые школы, называемые «правленческими школами», должны были содержаться за счет местных налогов, и управлять ими должны были избранные всем местным сообществом школьные правления (советы). В большинстве старых школ, содержащихся за счет добровольных пожертвований, то есть во всех «национальных школах», обязательно сохранялось религиозное обучение. Но в новых «правленческих школах» употребление катехизиса или церковных книг какой-либо секты для религиозного обучения запрещалось законом. [2, 576] Таким образом, государство увековечило в деревнях англиканские церковные школы, ибо в каждой деревне существовала только одна школа, в которую могли ходить все дети. В городах «правленческие» и добровольные школы существовали бок о бок.

И, тем не менее, в условиях роста цен, сокращения числа учащихся и возрастающих трудностей в обеспечении добровольных пожертвований церковно-приходские школы были не в состоянии выдержать конкуренцию с учреждениями школьных комитетов, которые располагали налоговыми фондами и правом принудительного обучения в соответствии с положениями закона о начальном образовании, принятом правительством Уильяма Гладстона в 1870 г. Многим тори хотелось создать такое положение, при котором налогоплательщики могли бы либо целиком адресовать свои платежи частным лицам, либо вычитать из них пожертвования для последних. Это поддержало бы частные школы в тех районах, где они находились в состоянии прямого соревнования с государственными и испытывали финансовые трудности из-за нежелания потенциальных сторонников вносить пожертвования сверх налога. Более того, подобное положение вещей удовлетворило бы и священников. Им приходилось уплачивать налоги для школ, в которых либо давалась только самая общая религиозная подготовка, либо обучение вообще имело светский характер [4, 243]. Таким образом,

выживаемость церковно-приходских школ напрямую зависела от финансовой поддержки, связанной с увеличением посещаемости и количеством учеников.

В начале 70-х гг. количество школ существенно выросло, но посещаемость оказалась на достаточно низком уровне. К 1873 г. принцип обязательного обучения согласно постановлениям местных властей охватывал примерно 40% населения, а к 1876 г. этот показатель возрос до 50%, причем в городах он поднимался до 84% [1, 43]. Общественность все более настоятельно ставила вопрос о повсеместном ведении обязательного обучения. В июне 1874 г. премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли провозгласил, что «судьба страны зависит от образования ее народа» [1, 42]. В декабре 1875 г. конференция руководителей местных партийных организаций единодушно приняла резолюцию, призывавшую правительство принять меры для оказания помощи церковным школам и предоставить местным властям в тех районах, где не было школьных комитетов, полномочия на введение обязательного обучения [1, 44]. В феврале 1876 г. представительная делегация во главе с архиепископом Кентерберийским обратилась к правительству тори с аналогичной просьбой. Серьезность вопроса об образовании вызвала необходимость создания комитета для его решения в лице самых видных деятелей партии тори, как виконт Сэндон, герцог Ричмонд, маркиз Солсбери, Гейторн Харди. Главным автором данного законопроекта был вице-президент комитета по образованию виконт Сэндон. С точки зрения партии тори законодательство в этой области стало необходимым «под давлением распространения школьных комитетов, навязываемых добровольным школам» [3, 91]. Результатом деятельности комитета стал билль от 18 мая 1876 г. Согласно новому закону запрещалось принимать детей до 10 лет; подростки от 10 до 14 лет должны были посетить школу не менее 250 раз в год или сдать экзамен за 4 класса. Контроль за выполнением закона на местах возлагался на школьные комитеты и попечительские советы. Предусматривалась система штрафных санкций против родителей, пренебрегающих обучением детей, не достигших 10-летнего возраста. Были увеличены субсидии в помощь бедным школам; при этом финансовое положение частных школ имело увеличение дотаций в расчете на одного ученика и отмена правила, согласно которому парламентская субсидия не могла превышать суммарный доход школы от платы за обучение и добровольных пожертвований [1, 45]. В местах, где отсутствовали школьные комитеты, плату за обучение детей бедняков должны были вносить попечительские советы.

Законопроект вызвал напряженную дискуссию. Либералы считали, что слишком мало сделано для всеобщего начального обучения и слишком много для частных школ. Консерваторы придерживались противоположной позиции. К числу недовольных стоит отнести и сторонников церковного обучения, требовавших обязательного религиозного обучения во всех школах. Правительство пошло на уступки по всем пунктам. Для успокоения сторонников всеобщего начального обучения Сэндон сделал обязательным для городских и попечительских советов назначение специальных комитетов для контроля за проведением закона в жизнь. Статья об обязательности обучения детей до 10 лет была усилена. В угоду землевладельцам была принята поправка, согласно которой десятилетние дети могли приниматься на работу и без сертификата об уровне грамотности, если они занимались половинное время согласно рабочим законам или местным постановлениям. Но следует отметить, что реализация повсеместного религиозного обучения во всех школах на практике не осуществилась.

Таким образом, реформа начального образования 1876 г. допускала бедные слои общества к образованию, которое ранее считалось привилегией элиты. Главной целью правительства при его проведении было сохранение традиционной системы, особенно в аграрных районах, где отмечался низкий уровень грамотности. Тори были полны решимости отстаивать сохранение частных и религиозных школ, руководители которых являлись их сторонниками. Подобная мера привела к повышению посещаемости школ детьми из сельской местности. Таким способом премьер-министр пытался показать в глазах общественности мнения свою приверженность предвыборным обещаниям.

Литература

1. Науменков О.А Социальная политика консервативного правительства Дизраэли (1874-1876 гг.) // Очерки политической истории Великобритании (19-20 вв.). Ростов н/Д, 1992.
2. Тревельян Дж.М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории. М., 1959.
3. Feuchtwanger E.J Democracy and Empire Britain 1865—1914 L., 1985.
4. Smith P. Disraelian Conservatism and Social Reform. L., 1967.

К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В КОЛОНИИ МАССАЧУСЕТС В 30-е гг. XVII ВЕКА (ИЗГНАНИЕ «ЕРЕТИКОВ»)

Взаимоотношения религии и общества всегда являлись, и до сих пор являются очень важной стороной жизни. Эта тема никогда не перестанет быть актуальной и вызывающей множество споров в обществе. Религиозная толерантность и терпимость являлись особенно актуальными вопросами в начальный период Нового времени, когда в битвах и диспутах эпоха Реформации закладывалась одна из базисных основ гражданского общества — свобода совести.

Религиозные споры были не только в Европе того времени. С волнами мигрантов они перенеслись в Новый Свет, ибо одной из важнейшей составляющих частей раннего этапа колонизации Северной Америки являлись религиозные преследования в Европе. В частности, о возникновении подобной английской колонии (мигрантов-пуритан) — Новый Плимут — писал один из ее основателей У.Брэдфорд [2].

Ранней историей североамериканских колоний занимался целый ряд отечественных исследователей [5; 6; 7; 8]. Объектом их интереса, в первую очередь, была общественно — политическая жизнь, экономическая сфера и менее религиозный компонент. Последний сюжет обратил на себя внимание отечественных историков лишь в начале XXI века в работах Е.В.Галкиной и С.А.Коротковой [3; 4]. В их исследованиях рассматривалась специфика становления протестантизма в английских колониях XVII — первой половины XVIII в. и судьба одной из первых колонисток — Энн Хатчинсон.

В данной статье мы постараемся показать конкретный пример регулирования религиозной жизни в английской колонии Массачусетс в первые десятилетия ее существования, то есть в 30-е годы XVII века. Наиболее ярко этот момент отразил Джон Уинтроп, который был губернатором Массачусетса, являлся очевидцем этих событий и записывал происходящее вокруг в свой дневник, а также священник-проповедник Джон Элиот. Именно их свидетельства послужили основой для данного исследования [1].

12 июня 1630 года, после того, как корабли подошли к американскому берегу, началось основание новой колонии. Параллельно с этим шло и создание конгрегационалистской церкви. Поначалу ее членами были наиболее видные колонисты, избравшие пасторами прибывших с ними священников.

Пуритане начали свою духовную деятельность еще до схождения на берег заветной земли, уже на борту «Арабелы» пилигримы начали вести свои проповеди. Именно на борту корабля Дж. Уинтроп пишет свод правил, которые позже станут образцом для развития пуританской морали в Америке. Уинтроп пишет весьма откровенные вещи, недвусмысленно обосновывающие право превосходства пуритан над непуританами. Позиция будущего губернатора такова: «всемогущий Бог» расположил людей таким образом, что во все времена были богатые и бедные, люди [1, 111].

Священник Роджер Уильямс, прибывший в Массачусетс в 1631 году, решительно осудил Уинтропа и магистрат за попрание свободы вероисповедания. Более того, он настойчиво требовал разделения религиозной и светской власти. Священника неоднократно пытались изгнать из Массачусетса, и в итоге Р.Уильямс вынужден был со своими сторонниками переселиться в необжитый уголок Новой Англии, где была основана колония Провиденс, впоследствии названная Род-Айленд [1, 115]. Еще позже к Р.Уильямсу присоединится Энн Хатчинсон и ее последователи.

Не менее ярким примером, иллюстрирующим нам то, какая религиозная политика проводилась в Массачусетсе в ту эпоху, может послужить сюжет с изгнанием «еретиков» («хатчинсоновцев»), описанный Дж.Уинтропом.

Энн Хатчинсон, супруга зажиточного бостонца, собрала вокруг себя кружок из нескольких женщин. Интересно то, какую характеристику дает Джон Уинтроп Энн: «Женщина острого ума, несгибаемого духа, дерзкая на язык, более смелая, чем мужчина, но обязанная находиться на той ступени, на которой стоят другие женщины» [4, 54].

Постепенно, кроме ведения обычных дел, женщины стали обсуждать религиозные вопросы, а Энн стала проповедницей. Вскоре к ним присоединился свояк Энн, священник Джон Уиллрайт, а также несколько других мужчин. Они учили, что достигнуть Спасения можно лишь путем праведного поведения и непосредственного общения с Богом. Это вело к отрицанию главенствующей роли церковной организации (общины) колонии, более того — ликвидации ее монополии над умами поселенцев. Священники, в свою очередь, лишались права на толкование слова божьего. Это был бы крах для всего института церковной общины, чего не могло потерпеть руководство колонии, ибо общинная церковь была их детищем. Магистрату и священникам-ортодоксам не оставалось ничего, кроме как пресечь деятельность дерзкой проповедницы.

В марте 1637 года состоялось Общее Собрание, на котором рассматривалось дело Энн Хатчинсон и Джона Уиллрайта, супруга сестры Энн. В итоге, родственники были обвинены в «неуважении к вере и подстрекательстве против ортодоксальной пуританской церкви» [1, 154].

На ноябрьском Общем собрании 1637 года, превращенном усилиями ортодоксов в пристрастное судилище, Энн и ее ближайшие сторонники были осуждены на изгнание. Собрание завершилось принятием постановления, сквозной идеей которого стал запрет селиться в этих краях без разрешения на то членов Собрания. Так они хотели остановить «поток инакомыслящих» [1, 155]. Стоит отметить, что против принятия этого постановления был Джон Вэйн, бывший главой этих мест до Джона Уинтропа. Вэйн считал постановление слишком строгим, откровенной «тиранией» [1, 154]. Энергичные протесты Вэйна вылились в его жаркий спор с Уинтропом.

По мнению Дж. Уинтропа, сыгравшего решающую роль в принятии этого постановления, необходимость его введения заключалась в поддержании общественного благополучия и безопасности, которые, как он полагал, такое постановление обеспечивало. Дж. Уинтроп неоднократно подчеркивает, что общественное благополучие является преимущественным. Для его поддержания необходимо «отказываться от тех, чьи взгляды расходятся с нашими» [1, 155]. Общество таких людей, как полагал губернатор, может оказаться бесполезным, и даже вредным. Для обеспечения всеобщего комфорта члены общины должны быть наблюдательны и выявлять в своих рядах тех, кто мог бы нарушить всеобщее спокойствие и даже нанести вред.

Согласно пуританской морали, человек не является объектом милосердия, исключение составляет лишь попавший в беду человек. То же касается и гостеприимства — быть гостеприимным не является правилом. Было бы гораздо большим грехом селить рядом с собой людей, «подобных хатчинсоновцам» — заявляет Дж. Уинтроп [1, 156]. С другой стороны, это кажется разумным — лучше не принять человека сразу, чем выгнать его потом. По-видимому Дж. Уинтроп мог найти обоснование абсолютно всем своим словам. Отвечая на возражения «не приведет ли это к тому, что будут отвергнуты истинные христиане?» он приводит мощный аргумент: «Человек, который является истинным христианином, не может быть отвергнут Богом» [1, 156].

Речь Дж. Уинтропа на последнем ноябрьском Собрании была настолько убедительной, что стала логическим завершением его спора с Дж. Вэйном, заставив последнего убедиться в правоте губернатора. Дж. Уинтроп искусно апеллирует к чувствам собравшихся членов общины. Он заявляет, что с точки зрения хатчинсоновцев, члены собрания — враги Христа, антихристы. Так не было бы грехом для них жить среди антихристов [1, 156]. Этот аргумент поставил точку в долгом споре. Энн Хатчинсон была изгнана.

Однако не все недовольные религиозной жизнью колонисты могли покинуть прежнее местожительство. Положительную роль для них сыграло то, что недовольство политикой местного правительства разделяли и многие новоприбывшие эмигранты из Англии. Число поселков росло, и правительству ничего не оставалось делать, как идти на уступки. Им было предоставлено некоторое самоуправление, а это, в свою очередь, создавало благоприятные условия для возникновения новой антиномии.

Чтобы предотвратить новую опасность, грозящую колонии, и одновременно с этим упрочить свою власть, олигархия пошла на весьма хитрый ход. Во время перевыборного майского собрания 1639 года было предложено сделать Джона Уинтропа пожизненным губернатором. Фримены поняли, что как они, так и Общее собрание практически лишалось своих прав. На этот раз с ними оказалось большинство священников.

Передавая постепенно (особенно во время борьбы с антиномией) защиту церкви и веры в целом от «еретиков» в руки магистрата, священники давали ему возможность в какой-то мере контролировать церковную жизнь. Вместе с этим, они теряли часть своего влияния. Однако им было достаточно того, что магистрат считается с их мнением и дорожит ролью духовных лиц. Возросшая власть несменяемого губернатора могла дать магистрату определенные преимущества. Любопытно заметить, что пожизненным губернатором Уинтроп так и не стал.

Другим немаловажным аспектом религиозной политики Массачусетса являются пуританские миссии к индейцам. Как отмечает Джон Элиот, более известный как «апостол к индейцам», попытки христианизировать индейцев Массачусетской колонии и близлежащих территорий, осуществлялись с самого начала [1, 180]. Безусловно, различия между колонизаторами-пуританами и местным индейским населением порождали трудности в этом процессе.

Осознавая иной, несвойственный пуританам уклад жизни и менталитет индейцев, пуританские проповедники, тем не менее, сочли необходимым вмешаться в их жизнь. Обосновывалось это следующим образом: пока индейцы не станут более цивилизованными, благополучия в этих краях можно и не ждать. Необходимо сделать так заявляет Дж. Элиот, чтобы «слепые туземцы начали присматриваться к Богу» [1, 181].

Дж. Элиот сравнивает индейцев с «медведями» [1, 181]. Примечательно, что сам Элиот пишет о том, что индейцы не понимали ни слова из проповедей, поэтому молитвы они заучивали наизусть [1, 182]. Из-за непонимания текста молитвы, туземцы часто допускали в них нелепые смысловые ошибки, путали слова местами. Тем не менее, часть индейцев усваивала английский язык и то, о чем говорили миссионеры, даже задавали им вопросы.

Безусловно, пуритане не были лишены и прагматичности. Своей политикой они хотели охватить как можно больший состав индейцев, учитывая половозрастную структуру местного населения. Проповеди велись как среди мужчин, так и женщин, они охватывали не только взрослых, но и детей.

Дж.Элиоту, как и всем пуританским проповедникам в целом, была характерна идеализация своей миссии. Говоря о ее значении, Дж.Элиот подчеркивает, что до настоящего момента надежды на пробуждение милосердия здесь не было [1, 184].

Христианизация индейцев кажется Элиоту сложным, но позитивным процессом. С первых дней проповеднической деятельности он отмечает положительные сдвиги: «Божественный дух прокладывает путь к этим сердцам» [1, 184]. Более того, он верит, что не все потеряно, считая, что отчуждение человека от Бога, каким бы глубоким оно ни было, не является помехой на пути к совершенствованию человека и его души. Кульминацией духовной деятельности Дж. Элиота является создание сборника по грамматике языка местных индейцев, а также перевод Библии на их язык.

На примере Массачусетской колонии можно судить, насколько сильно светские власти могут контролировать духовную сферу, а иногда и срачиваться с ней, трансформируя религиозные вопросы в общественно-политические. Зачастую на новых территориях религиозная нетерпимость носила еще более острый характер, нежели на родине.

Литература

1. The annals of America: Volume 1(1493-1754). Discovering New World. By Encyclopedia Britannica Inc. Printed in the USA Library of Congress Catalog, Chicago, 1976.
2. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте. М., 1987.
3. Галкина Е.В. Становление протестантизма в английских колониях Северной Америки (1630—1760 гг.): Автореф. канд. дисс. Ставрополь, 2002.
4. Короткова С. А. Две судьбы в начале пути // «Адам и Ева». М., 2002. № 4.
5. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Виргиния, Новый Плимут. 1606—1642. М., 1978.
6. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Массачусетс, Мэриленд. 1630—1642. М., 1980.
7. Слезкин Л.Ю. У истоков американской истории: Виргиния и Мэриленд в годы английской революции. 1642—1660. М., 1989.
8. Согрин В. В. Политическая история США. XVII—XX вв. М., 2001.

А.А.Егоров

г.Ростов-на-Дону

ЮФУ, Педагогический институт

«ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ»? КОНСТИТУАНТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВОЙ КНИГИ С.Ф.БЛУМЕНАУ

Один из самых ярких французских писателей XX века Ромен Гари как-то раз заметил: «Победившая революция — это всегда проигранная революция». Отечественная историография Великой французской революции конца XVIII в. последних двух десятилетий как ничто другое подтверждает всю непреходящую точность этого определения. Еще совсем недавно, в канун двухсотлетнего юбилея Великой революции, казалось, что тематика с ней связанная всегда будет принадлежать к числу важнейших исторических тем в высшей степени востребованных отечественными исследователями-франковедом. Однако, как справедливо отметил А.В.Чудинов пару десятков лет спустя (в 2007 г.): «отечественная историография французской революции пережила собственную «революцию» и «после 1991 г. прежний, политически ангажированный интерес к Французской революции испарился в мгновение ока. Широкой публике сегодня, — уверял историк, — по большому счету, безразлична как ее критика, так и ее апология. Едва ли не впервые в российской истории данная тема оказалась предметом сугубо академического интереса». В своей обзорной статье-рецензии «На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в.», опубликованной в 86-м номере журнала «НЛО» за 2007 год Чудинов останавливается на характеристике четырех монографий А.В.Гордона, Д.Ю.Бовыкина, Е.М.Мягковой и С.Е.Киясова. В этом же, 2007 году в обширной аналитической статье, посвященной современной российской историографии Французской революции, Д.Ю.Бовыкин отметил, что «постсоветская российская историография французской революции, по сути, еще не вышла на уровень обобщений и, напротив, изобилует сугубо конкретными исследованиями.» Наряду с работами, упомянутыми Чудиновым, он называет работы З.А.Чеканцевой и А.В.Гладышева.

В целом уважительно отзываясь об обобщающих работах советских историков, Д.Ю.Бовыкин справедливо подчеркивает: «Каковой бы ни была их сегодняшняя оценка, за прошедшие два десятилетия постсоветская историография не предложила ни одного равного им по масштабам общего труда по истории революции».

По прошествии шести лет с того момента, как были написаны эти строки, в отечественном франковедении применительно к истории французской революции конца XVIII в., увы, ничего существенным образом не изменилось. Как и прежде, обобщающих работ по истории Великой французской революции — нет, а изучение ее отдельных аспектов ограничивается, в лучшем случае, статьями в научной периодике, защищенными в последние годы немногочисленными диссертациями и вышедшей сравнительно недавно монографией А.В.Тырсенко об аббате Э.-Ж.Сийесе. На этом, в общем, довольно безрадостном фоне, появление в 2011 году монографии известного ученого-франковеда, доктора исторических наук, профессора С.Ф.Блуменау «Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789—1791 гг.», вышедшей в издательстве Брянского государственного университета им. И.Г.Петровского, представляется весьма заметным и знаковым событием. Пожалуй, впервые за весь «постсоветский период, в рамках одного труда, видным отечественным исследователем, предпринята попытка, опираясь на хорошо подобранную документальную основу, проанализировать широкий спектр проблем первого периода Французской революции конца XVIII века (так называемого периода господства феянов). По сути, речь идет об известной переоценке сущности и содержания деятельности Учредительного собрания Франции в 1789—1791 гг. Революционные акты, инициированные Конституантой в эти годы («Великие реформы Ассамблеи», — как определяет их С.Ф.Блуменау) по мнению историка, привели к кардинальному изменению облика страны, ибо в долгосрочной перспективе означали утверждение во Франции новой социальной культуры, основанной на гражданском равенстве, свободах личности, слова, печати, вероисповедания, выборности политического персонала на всех уровнях, иными словами на правовых принципах. В центре исследования профессора С.Ф.Блуменау находится комплекс мер разработанных и осуществленных Конституантой в деле преобразования административно-территориальной системы страны, изменения ее суда и судопроизводства, а также реформирования французского налогового законодательства.

Этому, в сущности, посвящена первая, наиболее содержательная и интересная, глава монографии — «Великие реформы Ассамблеи». Во второй главе книги «Самонадеянность силы: просчеты революционных властей», речь идет о том, почему, собственно, реформы Конституанты, в краткосрочной перспективе не достигли поставленных целей. При этом, автор выделяет такие «болевые точки» революционных преобразований, как церковная политика Ассамблеи, избирательный ценз и комплекс финансовых мер Конституанты (государственный долг, национальные имущества и ассигнаты), в попытке разрешить которые, «деятели 89-го года» и потерпели в конечном счете неудачу.

Монография С.Ф.Блуменау, адресованная широкой читательской аудитории: студентам и аспирантам, преподавателям и исследователям, состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, списка использованных источников и литературы.

Во введении, содержащем обширный историографический очерк [3, 9—17], автор справедливо отметил, что «глубокая перестройка французской общественно-политической системы в 1789—1791 гг.», породила как минимум две внешне не схожие друг с другом ее интерпретации: первую, восходящую еще к Александру де Токвиллю, отвергавшую революционные методы и, тем самым, «запрограммировавшую» обсуждение вопроса о «цене революции» и вторую, носящую марксистскую, социал-реформистскую, радикальную и либеральную окраску, считавшую реформы Учредительного собрания ограниченными и недостаточными. Оба эти дискурса, критиковавшие политику Учредительного собрания, по мнению С.Ф.Блуменау роднило то, что они не понимали и преуменьшали роль реформизма 1789—1791 гг., его глубину и самодостаточность [3, 18]. Исходя из этого посыла исследователь формулирует ряд ключевых вопросов (по сути задач своего исследования) в которых, как он считает, необходимо разобраться исторической науке: историческая необходимость преобразований, соответствие их нуждам и чаяниям различных групп населения, проблема противоречий, порождавших недовольство французов при «Старом порядке», возможность относительно мирного разрешения накопившихся противоречий в рамках традиционного общества и абсолютистского государства [3, 18—19].

К числу важнейших реалий «обеспечивших» взрывоопасную социально-политическую обстановку, сложившуюся во Франции в канун революции С.Ф.Блуменау относит несвободу и произвол властей, сословный строй и неравенство в правах, громоздкий и дорогостоящий чиновничий аппарат» [3, 22].

Не сбрасывая со счетов феномен Просвещения, критические и одновременно созидательные идеи небольшой группы передовых мыслителей, исследователь считает его всего лишь «первотолчком», куда большее значение придавая общественному мнению, которое успешно оспаривало прежние авторитеты — двор и церковь [3, 22].

Цель своей монографии С.Ф.Блуменау формулирует предельно четко и конкретно — рассмотреть «грандиозные преобразования», проведенные Учредительным собранием в первое революционное трехлетие 1789—1791 гг., «которым и посвящена эта книга» [3, 23].

Возвращаясь к содержанию первой главы «Великие реформы Ассамблеи» следует сказать, что в § 1 С.Ф.Блуменау, дав обстоятельную характеристику весьма запутанной и сложной административно-территориальной системы Франции эпохи «Старого порядка», особенно подчеркивая «непопулярность» в общественном мнении должности интендантов и сформировавшееся в общественном сознании французов представление о неприемлемости так называемого министерского деспотизма, который, в частности, подвергался критике с точки зрения общественного договора. Вообще, как справедливо замечает исследователь, исполнительная вертикаль королевской Франции четко ассоциировалась в революционные годы с беззаконием, административным давлением и жестким налогообложением. В качестве альтернативы депутаты Конституанты видели представительные выборные структуры, связанные с провинциальной жизнью и искренне верили в возможность провинциальных штатов, как раз и представлявших, по их мнению, такого рода местные выборные органы.

Подводя итоги административным реформам Ассамблеи, С.Ф.Блуменау говорит о «подлинно революционном прорыве в административно-территориальной сфере» [3, 66], отмечая, что «прежнее запутанное районирование... было смело отброшено... и... сложилась, основанная на равенстве, структура» [3, 66]. Принципами этой новой административно-территориальной системы, считает автор, были: рационализм, единообразие и выборность. При этом, новая система «являлась продуманной, стройной и удобной для населения.» [3, 67]. Немаловажная роль революционных преобразований в административной сфере заключалась в том, что на смену королевским чиновникам (в частности, ненавистным интендантам) пришли «хорошо знающие местные проблемы люди, поддержанные самими избирателями» [3, 67].

Во § 2 первой главы внимание исследователя сосредоточено на реформе правой системы королевской Франции. Дав характеристику положения дел в сфере суда и судопроизводства эпохи «Старого порядка», С.Ф.Блуменау справедливо замечает, что особенное возмущение французской общественности вызывала широкая практика применения так называемых «lettres des cachet», которая являлась «единовременно символом и реальностью беззаконий, творимых при старом порядке» [3, 73]. Довольно большое место в этом параграфе занимает характеристика автором «Декларации прав человека и гражданина». Этот «великий документ», — по словам С.Ф.Блуменау, «знаменовал собой начало построения во Франции правового государства» [3, 74]. Придя к конечному выводу о том, что «анализ революционного судопроизводства позволяет удостовериться, что оно было продуманным, унифицированным и, вместе с тем, простым и удобным для населения» [3, 89].

В § 3 первой главы исследователь рассматривает широкий круг проблем, связанных с финансовым положением Франции в канун революции и налоговое законодательство Учредительного собрания. Значительный интерес представляет предпринятый здесь оригинальный анализ «Декларации намерений короля» от 23 июня 1789 года. [3, 106]. К важнейшим итогам деятельности Конституанты в налоговой сфере автор относит отмену габели, откруза, эдов и табачной монополии [3, 116].

Глава вторая, с достаточно выразительным и «говорящим» названием: «Самонадеянность силы: просчеты революционных властей», по сути, представляет собой развернутый ответ на вопрос, почему проведенные Ассамблеей революционные преобразования образца 1789—1791 гг. не привели, в конечном счете, к ожидаемому ее авторами-депутатами Учредительного собрания результатам. В качестве основных причин неудач, постигших Конституанту, С.Ф.Блуменау называет: 1) умозрительный характер идей Просвещения, которые деятели Ассамблеи попытались использовать как своеобразное «лекало» для разрешения вполне конкретных и насущных политических задач [3, 118]; 2) поспешность и непродуманность, характерную для некоторых актов, принятых Учредительным собранием [3, 118]; 3) самоуверенность, самонадеянность и негибкость конституционалистов, что во многом привело либеральное большинство депутатского корпуса к ошибочным действиям [3, 118—119, 132 и др.]. §4 второй главы посвящен церковной политике Ассамблеи и ее восприятию во французском обществе. Делая выводы по этому параграфу, автор отмечает своеобразную дихотомию: с одной стороны, — пишет он, «реформы, касавшиеся церкви и целившие в ее богатства, были хорошо приняты населением, и, в частности, крестьянством...» [3, 147]; с другой стороны, проводимая Конституантой линия на гражданское устройство духовенства вызывала резкое неприятие у «традиционной Франции» и, в конечном счете, «порождала ненависть бенефициантам революции, ее агентам и к ней самой»...» [3, 147—148]

В § 2 второй главы содержится анализ мероприятий Конституанты в сфере избирательного права. Подчеркнув то, что одним из «скорых завоеваний Французской революции было широчайшее утверждение принципа выборности», С.Ф.Блуменау отмечает, что парламентарии «не хотели участия в выборах низших слоев французского общества», перечислив пять причин, которые побуждали их к этому [3, 148—149].

Ведя речь о сторонниках демократизации цензовой избирательной системы, исследователь анализирует протестные настроения у части депутатов Учредительного собрания, попутно выяснив в чем, собственно, состояли претензии к политике Ассамблеи в этой области леворадикальных публицистов вроде Демулена и Марата [3, 153—155]. Выявив сложности и противоречия, связанные с вопросом об избирательном праве, автор монографии констатирует: «Отставание цензовой системы обострило ситуацию в стане сторонников нового, помешало стабилизировать процесс преобразований, быстро завершить революцию, Народное движение не было канализировано в правовое русло, а события приняли затяжной, непредсказуемый и трагический оборот» [3, 168].

В § 3 второй главы историк освещает проблемы государственного долга, национальных имуществ и ассигнатов в первые годы революции, а также мероприятия Конституанты в 1789—1791 гг., направленные на их разрешение. В заключении, подводя итог исследованию либерально-реформаторской деятельности Учредительного собрания, С.Ф.Блуменау констатирует, что революционные преобразования первого периода революции привели к заметному улучшению духовного самочувствия и материального положения широких категорий населения. По его утверждению, «с установлением гражданского равенства простые горожане и селяне ощутили себя полноценными членами общества» [3, 184]. В основе этого, по мнению исследователя, лежали: упразднение церковной десятины, отмена баналитетов, исчезновение косвенных налогов, уничтожение цензуры, упразднение таможенных пошлин и введение бумажных денег-ассигнатов [3, 184—185]. Обстоятельствами, облегчившими проведение либеральных реформ, как считает С.Ф.Блуменау, было то, что «противников у революционной власти было в ту пору сравнительно немного» (реакционная часть дворянства и клира и совсем небольшой процент выходцев из третьего сословия), а с другой стороны, международная обстановка в первые два года революции была достаточно благоприятной для Конституанты [3, 185—186]. Вместе с тем, указывает С.Ф.Блуменау, Ассамблея не сумела использовать удачную внутри- и внешнеполитическую конъюнктуру, а сами конституционалисты совершили ряд ошибок и просчетов (к ним историк, в частности, относит гражданскую присягу духовенства, разделение граждан на «активных» и «пассивных», безудержную эмиссию бумажных денег). Обстоятельствами и, отчасти, ошибками Учредительного собрания в 1791/92 гг. приведшими к негативным последствиям С.Ф.Блуменау считает: неудачное бегство короля в Варенн, расстрел на Марсовом поле и отказ деятелей Конституанты баллотироваться в следующую Ассамблею [3, 187—188].

Говоря о результатах, достигнутых «людьми 89-го года», исследователь предлагает рассматривать их как с точки зрения ближайших последствий революционных преобразований, так и с точки зрения их долгосрочных результатов. С.Ф.Блуменау делает вывод о том, что: «В результате радикального натиска дело Учредительного собрания в краткосрочном плане потерпело поражение. Но оно одержало блистательную победу в долгосрочной перспективе. Реформы собрания положили начало новой политической культуре, основанной на гражданском равенстве, свободах личности, слова, печати, вероисповедания, выборности... на всех уровнях, правовых принципах... Законодательство Учредительного собрания, — утверждает историк, — позволило создать единое политическое и экономическое пространство. Его заслугой стало основание стройных и рациональных систем — административной и судопроизводства» [3, 189].

В итоге, характеризуя общий курс, взятый Учредительным собранием 1789—1791 гг., С.Ф.Блуменау называет его «созидательным реформизмом», видя в нем «пробораз современной либеральной демократии» [3, 190].

Монография профессора С.Ф.Блуменау написана с привлечением разнообразных печатных источников, включающих как сборники документов, переписку и сочинения деятелей революции, вышедших в русских переводах, так и весьма репрезентативный ряд классических источников на французском языке, в частности многотомные издания *Archives parlementaires*, *Histoire parlementaire*, *La Societe des Jacobins*. Особое место в ряду этих источников, на наш взгляд, занимают публицистические сочинения некоторых видных конституционалистов (в частности, депутата Турэ), опубликованные в 1789 году. Привлечение многих первоклассных источников, прекрасное знание автором классической литературы по теме исследования, вышедших из под пера отечественных и зарубежных историков, оригинальность авторского видения проблем, затронутых в книге, позволило С.Ф.Блуменау написать яркую и глубокую работу, которая, несомненно, вызовет интерес не только у коллег по историческому «цеху», но и у самой широкой читательской аудитории.

Однако, наряду с тем, что представляется безусловно верным в рассматриваемой работе, следует очевидно сказать и о том, с чем нельзя полностью согласиться, ибо как и любое серьезное научное исследование, монография профессора С.Ф.Блуменау — не только итог его собственных размышлений по избранной теме, но и известное приглашения к дискуссии по существу затронутых им тем. Если рассматривать книгу брянского историка с этой точки зрения, то, вероятно, надо отметить некоторые спорные, на наш взгляд утверждения автора. Во-первых, это его далеко не доказанный тезис об Учредительном собрании, «проведшим грандиозные преобразования...» [3, 23] В обеих главах монографии это утверждение, декларированное еще во введении, не находит достаточно полного подтверждения. Действия Ассамблеи, как это видно из самого текста первой и второй (особенно второй) глав «великими» можно назвать лишь с большой натяжкой. Зачастую они были импульсивными, далеко не всегда глубоко продуманными, порой продиктованными обстоятельствами момента [3, 47], неспешными [3, 78], противоречивыми [3, 81], а иногда (притом довольно часто) и прямо ошибочными [3, 147—148, 154, 168, 186, 187, 188.]. Во-вторых, автор чересчур оптимистично, как нам кажется, оценивает благотворное влияние уже самых первых актов принятых Ассамблеей на «духовное самочувствие и материальное положение широких слоев населения» [3, 184]. Упомянутые в этом контексте, хорошие урожаи 1790/91 гг. вряд ли можно причислить к успехам, вызванным законотворческой деятельностью Конституанты [3, 184]. В-третьих, международная обстановка, которую С.Ф.Блуменау считает благоприятной в первые два года революции [3, 185], на деле была не такой уж и «безоблачной» для Франции. Мнение, разделяемое историком, о позиции, занятой по отношению к революционным событиям во Франции Екатериной II «восходит» к версии, распространенной в свое время самой царицей, а в дворянской и советской историографии закрепленной в сочинениях А.Г.Брикнера и М.М.Штранге [2, 5]. Хотя она и тради-

ционная, признать верной ее вряд ли можно, особенно после того, как ее весьма обоснованно опроверг в свое время К.Е.Джеджула [4]. В-четвертых, весьма уязвимым для критики представляется метод анализа С.Ф.Блуменау сочинений публицистов эпохи Революции, деятелей Конституанты и самой Декларации прав человека и гражданина, посредством подсчета количества тех или иных слов, употребленных их авторами [3, 30, 40, 74]. Эта «статистика», на самом деле, мало что дает для действительного понимания содержащихся в анализируемых текстах смыслов и такой подход к их оценке кажется нам в какой-то мере «механистическим».

Оценивая итоги деятельности Конституанты, не лишним будет вспомнить слова Поля Барраса, исавшего о том, что «Собрание выдохлось из-за разнообразных и быстро завершенных дел...» [1, 85].

Говоря же в целом о труде профессора С.Ф.Блуменау, нельзя не отметить того, что он является, пожалуй, первым за последние годы масштабным обращением к оценке того периода Великой революции, который до сих пор не был предметом исследований отечественных историков. Одно уже это обстоятельство обещает книге С.Ф.Блуменау долгую жизнь.

Литература

1. Barras P. Memoirs of Barras, Member of the Directorate. V.1. N.Y., 1895.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб., 1885.
3. Блуменау С.Ф. Революционные преобразования Учредительного собрания во Франции в 1789—1791 годах. Брянск, 2011.
4. Джеджула К.Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972
5. Штранге М.М. Русское общество и Французская революция 1789—1794 гг. М., 1956.

С.В.Еремин

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ (1933—1939 гг.)

Деятельность советской пропаганды предвоенных лет, направленная на формирование образа нацистского режима, представляет для исследователя истории советско-германских отношений несомненный интерес. Изучение данной темы дает возможность проследить эволюцию господствовавших установок советского руководства в оценке идеологических основ и политических реалий этого враждебного большевизму режима. Оно выводит на проблему восприятия национал-социализма общественным сознанием в преддверии грандиозного вооруженного столкновения между Германией и СССР.

Приход национал-социалистической рабочей партии (НСДАП) к власти в Германии позволил нацистским идеологам перейти к практическому воплощению своих политических установок: к искоренению демократических институтов Веймарской Республики, к дискриминации и физическому истреблению расово «неполноценных», к жестоким репрессиям против политических оппонентов внутри страны. На международной арене нацистская Германия стала выступать в качестве одного из ведущих акторов, стремившихся ревизовать унижительные для нее условия Версальского мирного договора 1919 г. Реваншистские, захватнические акции Гитлера, направленные против европейских государств (Чехословакия, Испания, Польша) вызывали во второй половине 1930-х гг. закономерную тревогу у мирового сообщества. Они были негативно восприняты и в Советском Союзе.

В основе нашего исследования, посвященного формированию пропагандистского образа нацистского режима, лежит метод контент-анализа публикаций в советской периодической печати с февраля 1933 — 22 августа 1939 гг. Данный метод был избран, прежде всего, потому, что он является одним из наиболее эффективных при анализе прессы вообще и советской прессы, в частности. Этот инструментарий во многом способствует выявлению скрытой информации, поэтому эффективно применяется в процессе конкретно-исторического исследования.

В ходе исследования мной были проанализированы передовые и тематические статьи, опубликованные на страницах центральных советских газет («Известия», «Правда», «За индустриализацию» «Комсомольская правда», «Красная звезда» и др.), а также ряда журналов («Большевик», «Коммунистический Интернационал», «Интернациональная литература», «Крокодил» и др.).

Следует отметить, что внешняя политика национал-социалистов с момента прихода к А.Гитлера к власти в Германии и вплоть до 22 августа 1939 г., когда начался непродолжительный период сближения между Москвой и Берлином, вызывала повышенный интерес советских публицистов. Достаточно сказать, что за обозначенный период только на страницах газеты «Правда» появилось по данной теме в 1933 г. — 213 публикаций (8% от общего количества публикаций о Германии); 1934 г. — 188 (8%); 1935 г. — 160 (8%); 1936 г. — 378 (19%); 1937 г. — 577 (28%); 1938 г. — 75 (4%)[5, с. 232]. В абсолютном большинстве этих публикаций внешнеполитические акции национал-социалистов оценивались крайне негативно [8,75]. При этом в качестве источника для подобного рода публикаций иногда использовались материалы британской и французской прессы.

Об агрессивной направленности внешней политики нацистского руководства писали и другие советские газеты и журналы, причем названия статей порой говорили сами за себя [1].

В одной из своих статей известный советский публицист К. Радек утверждал, что имели место попытки Германии ревизовать условия Версальского мирного договора [2, 1933, 10 мая]. В исследовательской литературе встречается утверждение, что эта его статья являлась своеобразным сигналом к переориентации советской внешней политики и отхода ее от многолетней критики упомянутого дипломатического соглашения, которое, как считали в Москве, ущемляло самосознание немцев [10, 99].

Возвращаясь к содержанию упомянутой статьи К.Радека, необходимо отметить, что ее автор акцентировал внимание на опасности реваншистских устремлений германских национал-социалистов. Радек прямо констатировал: «Уже простой факт, что ревизия версальских договоров связывается с победой фашизма, показывает, насколько эта ревизия могла бы считаться с интересами масс наций, признанных фашистами за “низшие”» [2, 1933, 10 мая]. В упомянутой статье также утверждалось, что борьба против угрозы возникновения новой мировой войны стала задачей международного пролетариата. С этой задачей, писал К.Радек, «глубочайшим образом связана борьба с фашизмом» [2, 1933, 10 мая].

4 августа 1933 г. в беседе с В.М.Молотовым посол Германии в Москве Г. фон Дирксен, в частности, выразил озабоченность в связи позицией средств массовой информации СССР при освещении Версальского соглашения: «Еще недавно советская общественность категорически высказывалась против Версальского договора; в данный же момент ревизия этого договора квалифицируется как военная угроза» [11, док. № 12]. Поскольку далее Дирксен упомянул фамилию К.Радека, то можно предположить, что он имел в виду его статью, опубликованную в газете «Правда» от 10 мая 1933 г. Так или иначе, В.М.Молотов в упомянутой беседе с Г. фон Дирксеном счел необходимым парировать этот недвусмысленный намек немецкого дипломата: «неоднократные враждебные СССР выступления» «со стороны официальных германских деятелей» нельзя «сравнивать с заявлениями отдельных неофициальных лиц, о которых говорил посол» [11, док. № 12].

1 ноября 1933 г., во время официального прощального визита к Н.Н.Крестинскому Г., фон Дирксен, в частности, заявил, что одним из фактов, «который вызвал чрезвычайно неблагоприятное впечатление в Германии», была «статья Радека о версальском мире» [11, док. № 31].

Реальная позиция советского руководства по вопросу об отношении немцев к Версальскому миру была озвучена И.В.Сталиным в его беседе с Лордом-хранителем печати Великобритании А.Иденом (29 марта 1935 г.). По словам Сталина, «великий и храбрый» германский народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора. Однако «формы и обстоятельства этого освобождения от Версаля» в условиях нацистского режима вызывали у советского руководства «серьезную тревогу» [7, док. № 148].

9 января 1934 г. посол Германии в СССР Р.Надольный отмечал, что настроение Москвы в отношении Берлина гораздо хуже, чем он ожидал. Германии, по словам Надольного, в СССР приписывали злую волю, полагая, что она вынашивает реальные агрессивные планы против Советского Союза, где буквально «до кошмара» усилился ««действительно существующий страх» перед «германским натиском на Восток». При этом Р.Надольный констатировал, что М.М.Литвинов не уставал ссылаться на русофобские высказывания, которые содержались в книге А.Гитлера «Майн кампф». Поскольку, аргументировал свою позицию Литвинов, эта книга продолжала распространяться в Германии миллионными тиражами, то, следовательно, содержащиеся в ней формулировки и далее должны были считаться имеющими силу [11, 153].

На «Майн кампф» счел необходимым «опереться» в своем докладе на VII Съезде Советов (28 января 1935 г.) и В.М.Молотов. Он подчеркивал: нельзя закрывать глаза на те изменения, которые произошли в советско-германских отношениях «с приходом к власти национал-социализма» [7, док. № 161]. Молотов напомнил в данной связи известный сталинский тезис, озвученный на XVII съезде ВКП(б): СССР «проникнут глубоким стремлением к развитию отношений со всеми государствами, не исключая и государства с фашистским режимом» [7, док. № 161]. В то же время глава Советского правительства намекнул на то, что вовсе не наличие идеологические противоречий между СССР и Германией препятствует развитию этих отношений. В данном случае, по словам В.М.Молотова, были ни причем «сверхнационалистические расистские теории о немецком народе как “господине” всего мира». Молотов утверждал далее: советское руководство «не совсем высокого мнения об этих “теориях” «И дело вовсе не в них, продолжал свою мысль глава Советского правительства, а в тех агрессивных заявлениях Гитлера по поводу России, которые были сделаны в книге «Моя борьба». В.М.Молотов задавался следующими вопросами: должно ли советское руководство

«проходить мимо таких заявлений» фюрера?»; должны ли граждане СССР знать о них? Из разъяснений Молотова следовало, что эти воинственные призывы А. Гитлера нельзя игнорировать, и они должны быть доведены до всех граждан СССР. Более того, по мнению Молотова, заявления Гитлера «о политике территориальных завоеваний» на востоке Европы, по-видимому, остаются в силе, а если данное предположение верно, тогда «становится понятным многое в теперешних отношениях германского правительства с Советским Союзом...» [7, док. № 161].

16 марта 1935 г., вопреки условиям Версальского договора, нацистское руководство ввело в Германии воинскую повинность. Советская периодическая печать довольно резко отреагировала на эту гитлеровскую акцию, свидетельствовавшую об усилении милитаристских тенденций [2, 1935, 31 марта; 4, 1935, 1 апреля].

В беседе с М.М.Литвиновым, состоявшейся 2 апреля 1935 г., германский посол в Москве В. фон Шуленбург выразил недовольство «по поводу статьи Тухачевского о германских вооружениях» [7, док. № 161]. Хотя Шуленбург и не употреблял термина «протест», однако по его настроению Литвинов понял, «что Берлин поручил ему заявить протест». Ф. фон Шуленбург считал недопустимым, «чтобы такое официальное лицо, в таком высоком положении, как Тухачевский [в то время последний являлся заместителем народного комиссара обороны СССР, кандидатом в члены ЦК ВКП(б) — С.Е.], публично вычисляло размеры вооружений другого правительства, давая к тому же абсолютно неверные цифры» [7, док. № 161].

Скорее всего, Шуленбург не знал, что за статьей, которая была опубликована за подписью М.Н.Тухачевского, стоял И.В.Сталин [12, кн.2, 522]. Возможно, эта публикация, вызвавшая резкое недовольство в Берлине, являлась своеобразной реакцией на введение А.Гитлером военной повинности.

В 1933—1939 гг. на тему внешней политики нацистской Германии в журнале «Крокодил» было помещено 200 карикатур, т.е. столько же, сколько посвящалось внутреннему положению в стране [9, 98]. Первоначально основное внимание советские карикатуристы уделяли сюжету о перевооружении германской армии. Дипломаты А.Гитлера изображались на фоне артиллерийских орудий, германские генералы просили разрешения на постройку уже готовых к вылету бомбардировщиков, а голубь мира (в нацистском варианте) использовался для фотосъемки неприятельских позиций и распространения бактериологического оружия. Выход Германии из Лиги наций в интерпретации советских карикатуристов являлся первым шагом к войне: по пятам за германскими дипломатами двигался скелет с винтовкой и в противогазе.

Свое место занимало в творчестве советских карикатуристов наметившееся сближение Германии с Японией. Это и понятно: оба государства рассматривались советской пропагандой в качестве потенциальных агрессоров. Так, на карикатуре Б.Е.Ефимова «Брак по любви... к чужим территориям» японец с вожделением рассматривал глобус, покрытый японскими и немецкими флажками, и одновременно сжимал в объятиях белокурую Германию, изображенную в тевтонском шлеме и с... гитлеровскими усиками [9, 99—100].

25 ноября 1935 г. Германия заключила так называемый Антикоминтерновский пакт с Японией. На другой день после подписания этого соглашения, которое в Москве посчитали очередным шагом нацистского руководства на пути к войне против СССР, газета «Правда» откликнулась на него резкой отповедью в адрес Берлина и Токио [2, 1936, 21 ноября].

В период Гражданской войны в Испании 1936—1939 гг. пафос советской пропаганды был направлен на то, чтобы с помощью новостных материалов показать захватнический характер внешней политики нацистской Германии и фашистской Италии. После начала боевых действий на фронтах стали появляться материалы под общей рубрикой «военно-фашистский мятеж в Испании» [3, 1936, 22 июля].

В советской политической карикатуре, наряду с обличением германо-итальянской интервенции в Испанию, резко разоблачались и другие агрессивные внешнеполитические акции А. Гитлера: ввод германских войск в Рейнскую демилитаризованную зону (1936); аншлюс Австрии (1938). При этом сама Германия на рисунках советских художников-сатириков изображалась то в виде свирепого кабана, то в виде паука, незаметно подбирающегося к нейтральным странам (Голландии, Бельгии, Швейцарии), то в виде сказочного волка, угрожающего целым четверем Красным Шапочкам (Австрии, Венгрии, Румынии, Югославии).

Еще один цикл политических карикатур, появившихся в 1938—1939 гг. на страницах советских периодических изданий, был связан с подписанием Мюнхенского соглашения, которое положило начало расчленению Чехословакии [9, 102]. Вплоть до августа 1939 г. «Правда» публиковала многочисленные статьи, призванные доказать несостоятельность утверждений нацистов о мощи вермахта [2, 1939, 26 июля; 14 августа].

В целом, с середины 1930-х гг. нацистский режим становится для СССР врагом № 1 как в политике, так и в пропаганде. Со стороны СССР это была государственная, и, вплоть до августа 1939 г. бескомпромиссная антифашистская политика, сопровождавшаяся соответствующей массивной пропагандой. Эта пропаганда была призвана создать в общественном сознании отрицательный, враждебный образ нацистского режима, который к концу 1930-х гг., после многократного нарушения А. Гитлером статей Версальского договора и его откровенно агрессивных (Испания), захватнических (Австрия и Чехословакия) действий стал реально угрожать геополитическим интересам СССР.

* В ходе работы над статьей мной были использованы также данные из статьи О.И.Григорьевой «Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 — июнь 1941 г.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 211—235.

Литература

1. А.З. Внешнеполитические планы Гитлера и его первые неудачи — Мировое хозяйство и мировая политика, 1933, № 5—6; Ерусалимский А.Е. Колониальные планы германского империализма — Мировое хозяйство и мировая политика. 1935, № 8; Германия — главный поджигатель войны — Коммунистический Интернационал. 1936. № 8; Пик В. Гитлеровский фашизм — главный поджигатель новой мировой войны — Коммунистический Интернационал. 1937. № 6.
2. Правда: Ежедневная общеполит. газ. / Орган ЦК ВКП(б). М., 1933—1941.
3. Известия Советов Народных депутатов СССР: ежедневная общеполит. газ. / Изд-е Президиума Верховного Совета СССР. М., 1933—1941.
4. Красная звезда : Ежедневная воен. и общеполит. газ. / Центр. орган Народного комиссариата обороны СССР. М., 1933—1941
5. Григорьева О.И. Образ Германии на страницах газеты «Правда» (январь 1933 — июнь 1941 г.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: Сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 211—235.
6. Документы внешней политики СССР. [В 24 т.] Т. 16. 1 января — 31 декабря 1933 г. М., 1970.
7. Документы внешней политики СССР. [В 24 т.] Т. 18. 1 января — 31 декабря 1935 г. М., 1973.
8. Иголкин А.А. Пресса как оружие власти // Россия XXI. 1995. № 11—12. С. 68—86
9. Россия и Германия в XX веке. Т.2. Бурные прорывы и разбитые надежды. Русские и немцы в межвоенные годы. М., 2010.
10. Случ С.З. Сталин и Гитлер, 1933—1941: расчеты и просчеты Кремля [Текст] / С.З. Случ // Отечеств. история. 2005. № 1. С. 98—119.
11. СССР — Германия, 1933—1941 . Вып. 4: Сб. док. / Ред. С.Кудряшов.М., 2009.
12. 1941 год. [Текст]: В 2 кн.:Сб. док. / Под общ. ред. А.Н.Яковлева. М., 1998.

М.В.Жолудов

г.Рязань

Рязанский государственный университет им.С.А.Есенина

БРИТАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

Июльская революция во Франции произвела сильное впечатление на англичан, вызвав восторг простого народа и тревогу среди консервативного дворянства и торийского правительства. Особое значение имело то, что известия о событиях в Париже достигли Англии в дни, когда там поднималось мощное демократическое движение за принятие парламентской реформы. Парламентская система Великобритании в дореформенный период оставляла желать много лучшего. Она была неизменна со времен средневековья и явно не соответствовала тем бурным социально-экономическим изменениям, которые происходили в стране в эпоху завершения промышленного переворота. Парламентская система находилась под полным контролем землевладельческой аристократии, что никак не устраивало буржуазные слои Великобритании, которые к тому времени уже занимали ведущие позиции в экономике страны и которые стремились к политической власти. Во главе движения за парламентскую реформу встала партия вигов. Виги в течение длительного времени находились в оппозиции (с 1807 г.) и естественно жаждали возвращения к власти под популярным лозунгом «Реформа».

Общественное мнение Великобритании в целом благосклонно встретило сообщения о парижских событиях. Комментируя подписание «четырех ордонансов», одна из влиятельнейших британских газет, либеральная «Таймс» предупреждала о грозных последствиях подобных мероприятий, отмечая, что «Бурбоны вступили на опасный путь» и что, если «французы покорно подчинятся этим законам, то они будут заслуженно нести свои страдания» [9]. Газета обвиняла Карла X в том, что подписанные им ордонансы «полностью превратили конституцию страны в настоящий деспотизм» и являлись «актом установления диктатуры» [10]. Большинство британских газет приветствовало французскую революцию, заявляя при этом о невозможности вмешательства Англии во внутренние дела Франции [12].

Однако торийское правительство во главе с герцогом Веллингтоном не разделяло оптимизма британской прессы. Правительство отнеслось к сообщениям о революции во Франции с большим неудовольствием. Партийные и классовые принципы не позволяли тори признавать какую бы то ни было революцию. Министр иностранных дел лорд Абердин был готов поддержать свергнутого Карла X. В беседе с российским посланником графом А. Матушевичем 28 июля 1830 года он заявил, что согласно Шомонскому трактату от 10 марта

1814 года Англия, Россия, Австрия и Пруссия должны оказать помощь Карлу X в подавлении революционного движения во Франции. И представителю царской России пришлось убеждать его в обратном, утверждая, что коль уж французский король совершил государственный переворот, то тем самым он освободил европейские державы от их прежних обязательств [3, 432—433].

Британский кабинет очень внимательно наблюдал за развитием событий в Париже. Лорд Абердин 31 июля сообщал министру внутренних дел Р.Пиллю: «Все вчерашние слухи подтвердились. Париж находился во власти национальной гвардии и народа. Лафайет вновь занимает ту же должность, что и сорок лет назад (командует национальной гвардией, как и в 1789 г. — М.Ж.), и все развивается по тому же пути. Единственный вопрос, который должен быть сейчас там решен — сохранится ли монархия в любой форме или мы вновь увидим республику» [14, 157]. Сохранение монархического правления и провозглашение королем Луи Филиппа Орлеанского, представителя младшей ветви династии Бурбонов, несколько успокоило торийское правительство.

Но официальный Лондон не спешил признавать новое французское правительство. В течение нескольких дней не принимали нового поверенного в делах графа де Водрейля. Британский посол в Париже лорд Стьюарт интриговал в пользу свергнутой династии, поддерживая секретную переписку с Карлом X. Девятого августа де Водрейль был все-таки принят лордом Абердином. Прием прошел весьма холодно, что дало де Водрейлю основание сообщить в Париж: «Позиция британского кабинета столь мало благожелательна, что нам следовало бы быть настороже против его будущих интриг» [4, 438].

И все же торийскому правительству Великобритании пришлось, хотя и очень неохотно, пойти на признание нового короля и революционных властей Франции. Британский премьер-министр герцог Веллингтон был вынужден учитывать общественное мнение страны, которое было либерализовано агитацией в пользу принятия парламентской реформы и которое безоговорочно поддержало французскую революцию. Непризнание результатов революции в таких условиях неизбежно привело бы к падению торийского правительства. Таким образом, герцог Веллингтон находился в щекотливом положении. Хорошо осведомленная о состоянии дел на британском политическом Олимпе, жена российского посла в Лондоне графиня Д.Х.Ливен так писала об этом в одном из своих писем на родину: «Здесь немного поморщились в первый момент, но пришлось примириться с неизбежностью. Герцог Веллингтон, который бывает очень тактичен, когда дело идет о его собственной безопасности, понял очень скоро, что надо было признать новое французское правительство или оставить свой пост, и решил в удобный момент сделать первое» [2, 689].

Определенную проблему для британского кабинета создавало решение Карла X укрыться от гнева своего народа в Англии. Общественное мнение страны однозначно отрицательно отнеслось к подобному намерению свергнутого короля. Еще 3 августа «Таймс» писала: «Что касается свергнутого короля, то он потерял всякое право не только на французскую корону, но и на убежище в какой-либо стране, разве что в каком-нибудь захудалом монастыре в качестве объекта всеобщего презрения» [11]. Двенадцатого августа корабль с королем, его семьей и свитой на борту был встречен в порту Портсмута враждебной толпой англичан, выкрикивавших проклятия в адрес Карла X. Однако торийское правительство не сомневалось в необходимости предоставления убежища бывшему королю, если и не в качестве претендента на французский престол, то хотя бы как частному лицу. По этому поводу Р.Пиль в послании лорду Абердину писал следующее: «По моему мнению, мы должны разрешить бывшему королю Франции остаться здесь, если он так этого желает...» [14, 157] Карл X был принят торийским кабинетом с королевскими почестями, в его распоряжение был предоставлен замок Лулворт.

Матушевич в своем донесении из Лондона от 19 августа 1830 года сообщал в Петербург о прибытии Карла X в Великобританию следующее: «Британское правительство попало в сложное и деликатное положение, предоставив изгнанному монарху политическое убежище» [1, 23]. Одновременно Матушевич указывал на то, что кабинет герцога Веллингтона не видел альтернативы власти Луи Филиппа Орлеанского. Новый французский король устраивал торийское правительство и с точки зрения поддержания спокойствия в Европе, и с точки зрения стабилизации внутренней ситуации во Франции. По словам российского посланника, в официальных кругах Лондона многие считали, что в случае падения правительства Орлеанского во Франции начнется гражданская война, и поэтому его надо как можно скорее поддержать [1, 23]. А.Матушевич располагал достаточно точной информацией, так как именно в день составления этой депеши (19 августа) министр внутренних дел Великобритании Р.Пиль в письме лорду Абердину настаивал на необходимости признания нового французского правительства, уверяя главу Форин оффис в том, что в сложившейся ситуации «лучший способ сохранить форму и дух монархических институтов во Франции — это признать без промедления Луи Филиппа и отнести к нему со всем уважением как к королю Франции» [14, 158].

Таким образом, к концу августа 1830 года стало ясно, что торийское правительство готово признать революционное правительство Франции и короля Луи Филиппа Орлеанского. Это событие не заставило себя долго ждать — 31 августа британский посол в Париже лорд Стьюарт вручил верительные грамоты Луи Филиппу, что означало: Великобритания первая из европейских держав признала результаты Июльской революции во Франции.

Лидеры оппозиционных вигов приветствовали французскую революцию, отмечая умеренность и законность этих событий. Лорд Дарем сразу после получения известий о революции писал своему другу Г.Бруму: «Какие молодцы, эти французы!» [8, 100]. Лидер вигской фракции в палате лордов парламента граф Грей, узнав о революции, по словам Д.Х.Ливен, пережил «чисто юношеский восторг». Грей заявил ей в личной беседе, что не надеялся дожить до такого «счастливого события» и теперь приложит все усилия, чтобы правительство герцога Орлеанского было немедленно признано [2, 691]. Лорд Пальмерстон также с удовольствием воспринял июльские события 1830 года в Париже. Он писал в те дни своей будущей супруге леди Каупер: «Мы выпьем за дело либерализма во всем мире... Это событие является решающим для распространения либеральных принципов в Европе» [5, 29]. Очень высоко оценивал французскую революцию 1830 года и Г.Брум: «Со времени французской революции (имелась в виду революция конца XVIII века — М.Ж.), за исключением, пожалуй, разгрома Наполеона в России и краха его невиданного могущества, ни одно из событий на континенте не сравнимо с недавними событиями в Париже» [6, 1].

Либеральная оппозиция Великобритании поддержала революцию во Франции, так как последняя была умеренна, не затронула монархического строя и сохранила цензную избирательную систему. Либералы часто сравнивали французскую революцию со «Славной революцией» 1688 года в Англии, которая по существу была бескровным государственным переворотом. В августе 1830 года на улицах Лондона появились афиши, объявлявшие о подписке в пользу раненых и семей погибших во время Июльской революции, в которых, в частности, говорилось: «Славная революция, подобная той, которая освободила Англию от тирании Стюартов, совершена французами» [4, 434]. «Таймс» сообщала, что лидеры «либеральной партии во Франции» провозгласили лозунги, которые обладают «близким сходством с английскими конституционными прецедентами», особенно с «прецедентом 1688 года». «Случаи не вполне параллельны, — утверждала газета, — но по основным чертам похожи» [13].

В августе по всей Англии прокатилась волна митингов в поддержку Июльской революции, которые очень часто сочетались с митингами в пользу проведения парламентской реформы. Агитация в пользу реформы при таких обстоятельствах сделалась еще более настойчивой. В конце июля — начале августа 1830 года в Англии прошли парламентские выборы, которые существенно повлияли на политическую ситуацию в стране. В результате выборов в парламент попало значительное количество сторонников парламентской реформы, а тори потеряли пятьдесят мест [7, 75]. В Париж отправлялись делегации вигов и радикалов с приветственными адресами и денежными пожертвованиями. В конце августа во французской столице побывал молодой вигский публицист и историк Т.Б.Маколей, который встретился там с самим маркизом Лафайетом и привез из Франции массу впечатлений [16, 150]. По возвращении в Лондон он выразил горячее желание написать статью об Июльской революции в либеральный журнал «Эдинборо ревью». Но заказ на написание такой статьи был отдан Г.Бруму, одному из организаторов и постоянных авторов «Эдинборо ревью». Маколей был очень расстроен отказом журнала и писал по этому поводу его редактору: «Он (Г.Брум. — М.Ж.) должен был знать, что этот французский вопрос является таким вопросом, о котором многие авторы жаждали написать» [16, 12].

Статья Г.Брума под названием «Недавняя революция во Франции», опубликованная в октябрьском номере «Эдинборо ревью», была посвящена анализу июльских событий в Париже и их влиянию на развитие политической ситуации в Великобритании. По существу, эта статья была манифестом британской либеральной оппозиции, обобщившим ее позицию по отношению к Июльской революции. В статье особо подчеркивалось то огромное значение, которое имел «французский пример» для Англии, отмечалось, что «сражение за английскую свободу, в действительности, велось и было выиграно в Париже» [6, 1]. Однако Г.Брум был уверен, что англичане предпочтут другие методы борьбы, выступят под лозунгами «благоразумия, умеренности и мирных действий» и решат спорные с правительством вопросы «в рамках закона». По мнению вигского публициста, правительству придется уступить, так как «французским народом нашим правителям был показан наглядный пример и сделано фатальное предупреждение» [6, 12]. Поэтому Г.Брум призывал англичан извлекать уроки из французских событий, бороться за парламентскую реформу для того, чтобы предотвратить революцию. «И устойчивость трона, и свободы страны будут сохранены такой реформой намного лучше, — писал он, — чем мы сейчас себе это представляем» [6, 14].

Таким образом, французская революция 1830 года оказала серьезнейшее влияние на развитие политической ситуации в Великобритании. По словам корифея британской исторической науки Дж.М.Тревельяна, «она (Июльская революция. — М.Ж.) дала англичанам ощущение того, что они живут в новую эру, когда крупные перемены могут совершаться безболезненно» [15, 229]. Июльская революция во Франции дала мощный толчок движению за парламентскую реформу в Великобритании и привела к сплочению либеральной оппозиции под лозунгом «Реформа». Страх перед народными волнениями, усилившимися под влиянием французской революции, заставил даже самую осторожную часть вигов примкнуть к либерально-реформаторскому движению. Либералы, оценив умеренность французской революции, понимали, что лишь своевременное проведение конституционных реформ сможет предотвратить революцию в Великобритании. Поэтому они приветствовали победу умеренной революции во Франции и крушение одиозного режима Карла, что тем не менее не означало их готовности прямолинейно следовать «французскому образцу». Либералы постоянно подчеркивали свое намерение использовать другие методы борьбы против неугодного правительства, нежели французы. Они избрали путь реформ, сконцентрировав свои усилия на ведении политической

кампании за изменение парламентской системы Великобритании и добились успеха. В 1832 году британским либералам, несмотря на сильное сопротивление партии тори, удалось добиться принятия парламентской реформы, открыв тем самым путь для дальнейшего демократического реформирования политической системы Великобритании.

Литература

1. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Канцелярия, 1830. Д. 139.
2. Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами // Русская старина. Спб., 1903. Т. 114. Кн. 6.
3. Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 11. Трактаты с Англией. 1801—1831. СПб., 1895.
4. Молок А.И. Англия и революция 1830 года во Франции // Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI-XX вв. М., 1964.
5. Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1970.
6. Edinburg Review. 1830. Vol. 52. № 103.
7. Gash N. Politics in the Age of Peel. L., 1953.
8. New Ch. Lord Durham. L., 1968.
9. Times. 1830. 28 July.
10. Times. 1830. 29 July.
11. Times. 1830. 3 Aug.
12. Times. 1830. 5 Aug.
13. Times. 1830. 7 Aug.
14. Sir Robert Peel. From His Private Papers. N.Y., 1970. Vol. 2.
15. Trevelyan G.M. British History in the Nineteenth Century and After. Harmondsworth, 1968.
16. Trevelyan G.O. The Life and Letters of Lord Macaulay. L., 1961. Vol. 1.

Я.И.Золотарева

г.Киев

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

РОЛЬ ПОПРАВКИ Г.ДЖЕКСОНА — Ч.ВЭНИКА В АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ II пол. 70-х гг. XX ВЕКА

С начала 70-х гг. XX ст. можно говорить о появлении политики прав человека США на международной арене. Этому сопутствовали активизация деятельность «мозговых центров» и конгресса США в данном направлении. И хотя само понятие «защита прав человека» укрепилось в международном диалоге с началом президентской каденции Джими Картера (1976 г.), но основой для появления фактора прав человек в международном диалоге стали законодательные инициативы конгресса 1973—1975 гг., заметное место среди которых занимает поправка Генри Джексона — Чарльза Вэника.

Ограниченная эмиграция из СССР классифицировалась мировой общественностью как нарушение прав и свобод личности, что стало основой для усиленного внимания со стороны западных стран. Одной из самых заметных в Союзе была еврейская эмиграция.

До 1969 г. вопрос свободы еврейской эмиграции из СССР не стоял на повестке дня американо-советских отношений. Хотя американские руководители, начиная с Президента Дуайта Эйзенхауэра (1953—1961 гг.), несколько раз выносили этот вопрос на обсуждение во время официальных и частных встреч с представителями Кремля [3, 44—8]. Вопрос о советских евреях не входил также в предвыборную кампанию 969 кандидата на пост Президента США от республиканской партии, Ричарда Никсона, и не вошел в курс его политики.

Переломным моментом стало принятие в 1872 г. в Советском Союзе законодательной нормы о возмещении государству при выезде из страны затрат на образование [1, 309—10]. Это событие активизировало еврейскую общественность США и ее давление на благосклонные круги американских чиновников. Вопрос ограничения еврейской эмиграции из Советского Союза перешел из плоскости общественной дискуссии до уровня государственной политики. Инициативной группой еврейских активистов США и несколькими политиками была разработана Поправка к торговому договору, которая предусматривала разрешение свободной эмиграции из Советского Союза в обмен на предоставление экономических преференций. Джерри Гудман, генеральный директор Национальной конференции по поддержке советских евреев, вспоминает, что идея поправки к «Закону о торговле» возникла во время встречи Сая Кеннана и его лично с Ричардом Перле из офиса сенатора Г.Джексона, М.Талисманом из офиса конгрессмена Ч.Вэника, людьми из офисов еврейских сенаторов Я.Явица и А.Бибикова в Вашингтоне [4]. Эта команда стала группой мозговой атаки.

27 сентября 1972 г. идея Поправки к новому торговому договору между США и СССР, переговорный процесс по поводу заключения которого происходил между американскими и советскими представителями, была одобрена руководством Национальной конференции по поддержке советских евреев (образована в Кливленде в 1972 г.). После чего сенатор Г.Джексон первым озвучил ее содержание в Сенате [7]. Повторно сенатор Г.Джексон вынес на всеобщее обсуждение Поправку 4 октября 1972 г. Несмотря на опережающие шаги Президентской администрации, реальным фактом стала поддержка поправки Г.Джексона 72 сенаторами в октябре 1972 г. [5, 347].

В течение 1972 — 1973 гг. президентская администрация верила, что может управлять решением спорного вопроса вынесения проблемы советского еврейства на первые позиции в переговорном процессе с Советским Союзом. Официальная власть основным методом считала тихую дипломатию, выработку закулисных договоренностей между советскими лидерами, Конгрессом и еврейским лобби.

Параллельно с обсуждением Поправки в Сенате продолжалась мобилизация голосов в Палате представителей, которой занимался конгрессмен от Кливленда Ч.Вэник. В январе 1973 г. принятия Поправки поддерживали 144 депутата [5, 517]. После активной кампании в поддержку Поправки со стороны избирателей, рабочих союзов и некоторых религиозных групп до начала февраля насчитывалось уже 238 сторонников Поправки, т.е. более половины депутатов Палаты представителей [6, 97].

Государственный секретарь США и вся команда президента Никсона проявила политическую близорукость, оценив, что после отмены в Советском Союзе обязательного возмещения за полученное образование при выезде из страны, вопрос еврейской эмиграции потеряет свою актуальность и самоликвидируется. Г. Киссинджер получил информацию о предстоящей отмене скандального налога от А.Добрынина 30 марта. Москва подтвердила этот шаг 10 апреля 1973 г. [9, 322—24]. Об этом было одновременно сообщено еврейским активистам и политическим деятелям, выступавшим основными спикерами по данному вопросу. Ожидаемого результата администрация не достигла, поскольку уровень общественного резонанса, порожденного вынесением гуманитарного вопроса в сферу глобальной публичной политики, был довольно значителен.

В то же время сенатор Г.Джексон активно использовал неучтенный командой Никсона ресурс проблемного вопроса положения евреев в Советском Союзе в предвыборных соревнованиях и не уступал занятой позиции, которая способствовала приближению к его цели — президентским выборам 1976 г. [5, 448].

Впоследствии Г.Киссинджер и Р.Никсон осознали, что общественное мнение вышло из-под контроля. Произошло смешение фундаментального вопроса внешнеполитического курса с единичной темой еврейской эмиграции. Поэтому проявление интереса со стороны президента и государственного секретаря к еврейской эмиграции стало стихийной задачей сохранения политики разрядки и уже полученных достижений ее воплощения. Общественный же интерес исполнительная власть считала стихийным. Г.Киссинджер без энтузиазма относился к проблеме эмиграции и считал, что «советские евреи — маленькая преграда для грандиозного действия разрядки» [7, 257]. Уже с августа 1973 г. государственный секретарь Г.Киссинджер пытается взять под контроль общественные настроения в отношении предложений Г.Джексона и проводит несколько радио и телевизионных эфиров [8, 523]. Однако эти меры утратили свою актуальность.

Таким образом, во внутренней политической жизни США образовалась «странная коалиция». В ее состав входили две полярные группы. С одной стороны — либералы и американские сионисты, которые решили, что пришло время склонить Советский Союз к уменьшению ограничительных квот в эмиграционной политике, что в первую очередь касалось советских евреев. Другой полюс составляли консерваторы, которые традиционно были в оппозиции к политике разрядки, потому что это противоречило их идеологическим убеждениям о невозможности контактов с коммунистическими странами. Предложение Р. Никсона в апреле 1973 г. предоставить СССР статус нации наибольшего благоприятствования стало объединяющей точкой для этих двух групп.

В США росла внутренняя напряженность вокруг центральной идеи государственной политики — детанта, и команды Никсона-Киссинджера, с чьими именами она ассоциировалась. Консерваторы отвергали договор с СССР на идеологической основе, либералы же выступали против аморальности реальной политики американского государства, в то же время прогресс межгосударственных отношений ослаблял напряжение «холодной войны», что способствовало возникновению мысли о возможности критики внутриполитической практики Советского Союза.

В декабре 1973 г. Палата представителей приняла Поправку Джексона-Вэника в соотношении 319—«за», 80 — «против» и отклонила предложение о добавлении положения о статусе наибольшего благоприятствования для СССР к договору о торговле с результатом 298:106 [6, 84-85].

В течение марта — июня 1974 г. Г.Киссинджер вел постоянные переговоры с Г.Джексоном и представителями Советского Союза. Максимальное, на что соглашался СССР — было увеличение еврейской эмиграции до 45 000 чел. в год. Г.Джексон же постоянно настаивал на высших показателях [1, 402].

Тем временем поправка к «Закону о торговле» прошла следующий этап утверждения и была принята Сенатом США 18 октября 1974 г., а 3 января 1975 г. стала законом США.

Закон 1974 г. был одной из первых попыток связать права человека и торговлю. Раздел IV Закона о торговле 1974 г. (именно в этот раздел были внесены поправки) первоначально должен был установить рамки торговых отношений США с коммунистическими странами. Однако поправка коренным образом изменила

акцент этого раздела — при регулировании торговых отношений со странами коммунистического блока США были обязаны принимать во внимание соблюдение этими странами прав человека и свободы вероисповедания.

Реализация внешнеполитической программы США в 1973—1975 гг. оказалась под сильным ударом демократической оппозиции. Усиливается политический кризис, вызванный Уотергейтом, который способствовал активизации действий демократических сил Конгресса. Советский Союз не получил ожидаемые дивиденды от либерализации торговли и предоставления статуса наибольшего благоприятствования. Другой фактор, попытки через «тихую» дипломатию удовлетворить американские внутренние политические потребности были разглашены, еще и в дополнение в наихудшем свете для советской дипломатии, показывая ее капитуляцию.

Уже 14 января 1975 г. Советский Союз денонсировал торговый договор с США. Но в середине 70-х гг. была заложена основа внешней политики администрации демократов (1977—1981 гг.).

Литература

1. Кошаровский Ю. Мы снова евреи. Очерки по истории сионистского движения в бывшем Советском Союзе / Ю. Кошаровский. Т. 1. Иерусалим: [Б. изд.], 2007.
2. Морозов Б.М. Еврейская эмиграция в светезарубежныхисточников: Сб. документов / Б.Морозов. Тель-Авив, 1998.
3. Морозов Б.М. Еврейская эмиграция из СРСР как фактор и индикатор «холодной войны» и разрядки международной напряженности / Б.Морозов // Холодная война и политики разрядки: дискуссионные проблемы: Сб. статей]. Кн. 2. М., 2003. С. 35—53.
4. Официальный сайт Еврейской общины Кливленда (США). URL: www.clevelandjewishhistory.net/sj/index.html
5. Détente and the Confrontation: American-Soviet Relations from Nixon to Regan / Raymond L. Garthoff. Rev.ed. Washington, D.C.: The Brooking Institution. 1994.
6. Hirsch J. C. The Gateway: The Soviet Jewry Movement, the Right to Leave, and the Rise of Human Rights on the International Stage / Chandler Hirsch Jordan. Columbia: Columbia University, 2010.
7. Jackson H. The Jackson Amendment on Freedom of Emigration. Speech on Senate Floor. September 27, 1972. URL: www.hmjackson.org/.../annual_report_06.p
8. Kissinger H. years of Renewal / Henry Kissinger. New York: Touchstone, 2000.
9. Kochavi Noam Insights Abandoned, Flexibility Lost: Kissinger, Soviet Jewish Emigration, and the Demise of Détente // Diplomatic History, Vol. 29, # 3 (June 2005). P. 503—530.
10. Roi Yaccov. The Struggle of Soviet Jews Emigration / Roi Y. Cambridge University Press, 1991.

О.А.Ковалева

г.Ростов-на-Дону

ЮФУ, Педагогический институт

ЛИГА НАЦИЙ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Идею создания Лиги Наций — международной организации, которая должна была стать гарантом выполнения всех международных соглашений — американский президент В.Вильсон высказал уже в первые дни работы Парижской мирной конференции. В.Вильсон заявил, что «создание Лиги Наций должно стать неразрывной частью мирного трактата (Парижского мирного договора — О.К.) и что вопрос о ней должен быть решен до обсуждения каких бы то ни было территориальных и экономических проблем» [4, 90].

Поставив под контроль деятельность Лиги, американский президент рассчитывал, таким образом, оказывать влияние на характер принимаемых Конференцией решений.

В январе 1919 г. пленарная сессия конференции создала комиссию по выработке проекта устава Лиги Наций. Через две недели ее членами были представлены два проекта программы создания Лиги: американский и британский, позже объединенные в один. Тем не менее, выработка окончательного текста документа оказалась делом весьма непростым и дальнейшие дискуссии по этому вопросу продолжались еще несколько месяцев.

Наиболее спорным был вопрос о перераспределении колоний. Завоеванные в ходе первой мировой войны германские и турецкие колонии должны быть, по мнению членов комиссии, переданы победителям не в качестве их собственности, а в качестве мандатных территорий, за которые они несут ответственность перед всеми народами, от имени Лиги Наций, и что международный надзор за деятельностью государств — мандатариев должен обеспечить справедливое обхождение с туземцами. Против введения «мандатного принципа»

перераспределения колоний никто не возражал, но острые дискуссии вызывали вопросы о том, какие государства имеют право на получение таких мандатов.

Французский президент Ж.Клемансо настаивал на передаче Франции значительной части германских колоний, заявляя, что это справедливая плата Германии за потери, понесенные Францией в годы первой мировой войны. Британские доминионы — Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка — заявили, что во чтобы то ни стало удержат за собой колонии, завоеванные ими в годы войны. Канада объявила о своей поддержке этих требований [1, 301—310].

Ожесточенные дискуссии, развернувшиеся на заседаниях международных комитетов по колониальному вопросу, свидетельствовали о том, что попытки введения мандатной системы являлись ни чем иным, как фактическим переделом колоний между державами победителями.

26 апреля 1919 г. программа и Устав Лиги наций, состоящий из 26 статей были приняты. В преамбуле Устава провозглашались обязательства государств во имя достижения мира и безопасности строить отношения друг с другом на основе права и строго соблюдения международных договоров. Членом Лиги наций может стать любое государство, если за его прием выскажется две трети государств-членов Лиги (статья 1). Согласно второй статье Устава деятельность Лиги осуществляется Ассамблеей и Советом Лиги, при котором состоит постоянный Секретариат. Высшим органом Лиги Наций являлась Ассамблея, собиравшаяся ежегодно. В случае возникновения чрезвычайной ситуации, требующей обсуждения всеми членами Лиги наций, согласно третьей статье Устава был возможным созыв чрезвычайной сессии Ассамблеи. Каждое государство-член Лиги могло иметь не более трех представителей в составе Ассамблеи, располагающих только одним голосом при голосовании. В перерывах между работой Ассамблеи, всеми вопросами, входящими в сферу деятельности Лиги, ведал Совет Лиги. В его состав входили представители государств — членов Лиги Наций на правах постоянного представительства. При этом Устав допускал в случае необходимости расширять представительство государств в Совете до пяти, шести и более. Помимо Ассамблеи и Совета, Лига Наций обладала постоянно действующим органом — Секретариатом Лиги. Секретариат был обязан регистрировать все международные договоры, заключенные в будущем между Членами Лиги Наций. Местом пребывания Лиги была избрана Женева.

Государства-члены Лиги Наций обязаны обмениваться самой полной и достоверной информацией, касающейся их военной, морской и воздушной программ. Все возникающие между государствами конфликты должны были разрешать созданные при Лиге Наций третейские суды. В случае возникновения военной ситуации и непосредственной угрозы государству-члену Лиги Наций, все члены Лиги обязаны прекратить с государством-агрессором все экономические и торговые отношения, и обеспечить беспрепятственный проход через свою территорию войск Лиги в случае начала военной операции (статья 16) [2, 7].

Принципиально важный характер в деле организации послевоенной системы международных отношений имела статья 22, устанавливавшая особый порядок управления бывшими германскими колониями и арабскими частями Османской империи. Как и было прописано в первых вариантах устава Лиги Наций, на основании утвержденной системы мандатов, они передавались под управление стран — победителей. Все подмандатные территории были разделены на три группы в зависимости от оценки степени развития их народов. Для каждого из них предусматривались различные формы управления [2, 8—9].

И хотя в проект Версальского договора был включен пункт о том, что «туземцы, живущие в бывших германских заморских владениях, будут иметь право на дипломатическую защиту того правительства, которое будет осуществлять власть над этими территориями», на самом деле в Уставе Лиги наций не было прописано четкой регламентации системы управления бывшими колониями и меры наказания за нарушение международного права государствами, получившими мандаты на управление определенной территорией.

Несмотря на громкие заверения создателей лиги Наций на самом деле, она оказалась малоэффективной организацией. Первые симптомы нестабильности нового европейского миропорядка стали проявляться практически сразу же после окончания конференции. Британский премьер-министр Д.Ллойд-Джордж писал: «Первый удар, от которого зашаталась и Устав Лиги Наций и планы разоружения, был нанесен Америкой. ... Не будет преувеличением сказать, что, когда Америка, по решению Сената, ушла из Лиги и захлопнула за собой дверь, пятьдесят процентов влияния и мощи Лиги были потеряны. ... Дело не только в том, что Устав перестала поддерживать внушительная мощь одной из величайших демократий мира. Был почти непоправимо испорчен весь тщательно спроектированный договором механизм, т.к. совершенно переместился центр тяжести. Толкование договора оказалось целиком в руках победителей, проникнутых вековой враждой, которых подстегивала и обостряла боль ран, нанесенных войной» [3, 502—504].

Литература

1. The Paris peace conference. Paris, 1919. Vol. IV—V.
2. Версальский мирный договор. М., 1925
3. Ллойд Джордж Д. Правда о мирных переговорах. М., 1978.
4. Черчилль У. Мировой экономический кризис: 1918—1925 гг. М., 2010.

ГУМАНИСТ-ТЕОЛОГ В ПОЛИТИКЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФИЛИППА МЕЛАНХТОНА О ПРАВЕ НА ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Гуманистическая и религиозная мысль Германии первой трети XVI века находилась на сложном пути поиска новых нетрадиционных концепций способных дать ответ на общественные запросы, связанные с Реформацией. XVI век специалисты не даром называют конфессиональным, когда способ и форма исповедания приводила к сталкиванию религиозных и политических проблем. Вопросы религиозного характера приобретали политическую окраску, а политические — конфессиональную. Трансформация политических проблем в конфессиональную плоскость активизировала поиск новой концепции отношений в религиозно расколотоном обществе. В то же время начальный этап развития Реформации характеризуется не только острыми идейными конфликтами с защитниками католицизма, но и дифференциацией самого лютеранского лагеря в напряженных дискуссиях относительно общественно-политических и религиозных проблем. Едва ли не самым болезненным в реформационном движении был вопрос о праве на вооруженную защиту религиозных убеждений и военное сопротивление оппонентам, в том числе и императору. Дать ответ на этот вопрос пытались как известные религиозные деятели лютеранства, так и представители широкого спектра различных течений в народной и радикальной Реформации. Полярные выводы, таким образом, стали предметом острой идейной полемики, а потому их всестороннее изучение является чрезвычайно актуальным и таким, что будет способствовать дальнейшему решению проблемы о характере Реформации, методах ее проведения и позволит уточнить идеологическую позицию главных теоретиков лютеранской церкви. В данном исследовании речь будет вестись, главным образом, о начале теоретических разработок касательно возможности и характера вооруженного сопротивления одного из известных руководителей протестантского лагеря лютеранского направления — Филиппа Меланхтона (1497—1560 гг.)

Максимально остро вопрос о возможности применения лютеранским лагерем оружия в деле защиты собственных религиозных убеждений возник после Вормского рейхстага 1521 года. Нежелание Мартина Лютера признать свои взгляды ошибочными сделало невозможным мирное урегулирование религиозного конфликта. Следствием стал подписанный Карлом V Вормский эдикт (8 мая 1521 г.), подтвердивший непризнание императором новой религии и подвергнувший опале Лютера с его адептами. Одновременно эдикт показал глубокий конфессиональный раскол немецкого общества и поставил перед идеологами евангелического учения ряд острых вопросов, выходящих за привычные пределы религиозных диспутов. Интерес историков к этой дискуссионной проблематике никогда не угасал. Однако основное внимание фокусировалось обычно на нарративах главного идеолога Реформации — Мартина Лютера. Известная и часто цитируемая фраза Лютера: «Если мы наказываем воров мечом, убийц виселицей, еретиков огнем, то не должны ли мы тем скорее напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них со всевозможным оружием и омыть наши руки в их крови...» [2, 100], кажется, будто сама по себе является ответом на вопрос о праве применения оружия. Однако эту крайне эмоционально насыщенную цитату все же не стоит воспринимать как законченный вывод теологических исканий реформатора. В данном случае следует обратить внимание на предостережение Эриха Соловьева, остроумно заметившего о парадоксальности высказываний Мартина Лютера: «... лютеровская проповедь имеет сложную смысловую структуру. Мы на каждом шагу находим здесь различия между буквой и духом, между непосредственным и глубинным смыслом, который раскрывается только благодаря усилиям следующих интерпретаций...» [2, 55]. Следовательно, лютеровский воинственный пассаж, это, скорее всего, яркий пример социально продуктивной раннепротестантской парадоксии, «разногласия между буквой и духом», следствие эпатажного характера и «трагической противоречивости» лютеровской природы в которой «...все причудливо, все не по правилам» [2, 55].

Наиболее последовательно вопрос о праве на вооруженное сопротивление, или скорее его недопустимость, разрабатывалось другим деятелем немецкой Реформации — Филиппом Меланхтоном, осуществившего первые попытки теологического истолкования природы конфликтов и возможностей противостоять им.

Меланхтон, как известно, был в 1518 году приглашен в новообразованный университет Виттенберга в качестве профессора греческого языка. Там же, в соответствии с существующей традицией образования, получил на теологическом факультете степень бакалавра теологии (*baccalaureus biblicus*) (1519 г.), а с 1526 года, по настоянию Лютера и курфюрста Иоганна Твердого (1467—1532 гг.), начал преподавательскую деятельность на теологическом факультете. Широкая эрудиция молодого профессора и горячая поддержка идей Лютера очень быстро сделали его одной из центральных фигур немецкой Реформации. Его лично приглашали для упорядочения церковных дел в своих странах Генрих VIII и Франциск I. Меланхтону также было суждено одним из первых вырабатывать теоретические основы новой государственной церкви.

Итак, возвращаясь к вопросу о праве применения оружия, следует отметить, что для гуманиста оно состояло из трех проблем. Во-первых, применение оружия легитимной властью для соблюдения порядка на подвластных территориях; второе, о праве подданных на восстание против власти; третье, о применении оружия евангелическими князьями против своего суверена.

С первыми двумя проблемами особых сложностей не возникало. Еще в первом издании «*Loci communes*» (1521 г.) Меланхтон традиционно определил задачи светской власти следующим образом: защита гражданского мира и забота об общественном благе (*pac civilis et utilitas publica*). Объясняя необходимость применения силы князьями в отношении нарушителей, Меланхтон в последующих работах неоднократно обращался к посланию ап. Павла к Римлянам (13 гл.), где речь идет о том, что светская власть носящая меч, признается божьим слугой, поставленным наказывать зло и защищать добропорядочных граждан [4, Vol. 20, 645—646].

Вполне категорично гуманист выступает против бунтов подданных. Следует заметить, что в личностном конструкте Меланхтона существовали ценностные императивы и категории, которые даже не становились предметом дискуссии. Это, в первую очередь, касалось народных восстаний. Для него всякая власть, это институт установленный самим Богом. Она легитимна, ее нужно уважать, а восстание запрещено [4, Vol. 20, 645]. Кто против власти поднимает меч, тот от меча и погибнет [4, Vol. 20, 645]. Меланхтон признавал только единственную возможность не подчиняться власти, это когда требования властей явно противоречат Божьим постановлениям. Отправной точкой этих соображений стали слова апостола Петра из книги Деяний св. Апостолов 5, 29: «...необходимо подчиняться больше Богу, нежели человекам». Однако заметим, интерпретация этого текста может иметь широкий смысловой диапазон, в том числе и оправдание актов неповиновения властям связанных с применением силовых средств. Однако аргументация гуманиста движется не в направлении эскалации конфликта (чего от него, кстати, ждало радикальное крыло Реформации), а в духе религиозного пацифизма и христианского гуманизма Эразма Роттердамского. На это в свое время обратил внимание немецкий исследователь Лео Штерн, заметив, что Меланхтон был: «носителем идеологической сигнатуры эразмианского гуманизма» [10, 36].

Таким образом, ссылаясь на слова апостола Петра, Меланхтон в духе эразмианства объясняет, что даже в случае неправомерных требований власти неповиновение не должна выливаться в открытый бунт, а речь может вестись только о протесте в вербализованной форме и пассивном непослушания. При тиранических режимах народу «нужно терпеть власть, если изменения невозможны без народного движения, без бунта и распрей» [3, 158-161].

Итак, можно считать, что на первые два вопроса ответ был найден. Однако, наиболее волнующей проблемой для Виттенбергских теологов 20—30-х годов был вопрос о праве лютеранских князей на вооруженное сопротивление, право на использование меча. Речь шла как о защите от внешних угроз, так и касательно сопротивления своему суверену, в данном случае — императору. Эта сложная проблема особенно актуализировалась в конце 1522 — начале 1523 года в связи с ростом политической напряженности в империи. Тогда папа обязал курфюрста Саксонии выполнять Вормский эдикт. В унисон с папским ультиматумом поступила и требование от императора Карла V, сделать все, «чтобы прекратить распространение учения Лютера и его деятельность» («*damit des Luthers lere und handlung abgethun und nit weiter ausgebraut werde*») [6, 223].

В контексте очерченных проблем — возможно, по указанию курфюрста — Георг Спалатин отправил нескольким теологам запрос относительно права и обязанности князя на защиту своей территории. Поступившие ответы существенно отличались по форме и сути. Так, Йоханес Бугенхаген и Николаус Амсдорф разделяли мнение о праве князя и христианина защищать учение силой меча, Лютер выступал за дифференцированный подход, а Меланхтон отвергал даже саму идею о праве вооруженного сопротивления в вопросах защиты религии [5, Bd.2, Nr.263; 11, 101—108].

Аргументация Меланхтона основывалась на нескольких важных положениях. Итак, князь, считал Меланхтон, может вести войну только с согласия народа, из рук которого он получил власть («*a quo accipit imperium*»). Но члены общества в своем большинстве не являются убежденными последователями нового учения, а потому и не горят желанием участвовать в войне, даже в случае защиты евангелического учения («*causa Evangelii*»). Вывод: князь не имеет права принуждать подданных принимать участие в войне за несвойственные им религиозные убеждения [5, Bd. 2. Nr. 264].

Во-вторых, утверждает Меланхтон, истинные христиане вообще не нуждаются в вооруженной защите, поскольку должны полностью отдаваться в руки Божии и терпеть невзгоды земной судьбы. По этой же причине и для князей оборонительные войны также неправомерны [5, Bd. 2. Nr. 264].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что Меланхтон в 1523 году даже не пытался прибегать особенно в дискуссии о праве князя на религиозную войну, считая, что: «*Christianus debet pati iniuriam*» («христианин должен терпеть несправедливость») [5, Bd. 2. Nr. 264]. И даже ссылка оппонентов на Ветхий Завет, на библейские примеры, когда народ Божий вел завоевательные и оборонительные войны гуманистом категорически не воспринимались, поскольку он считал, что тогда Бог лично обращался к пророкам и царям, Сам определял цель и способы военных действий («*expressa voce et verbo claro dei*»). А вот сейчас Бог лично не обращается [5, Bd. 2. Nr. 264].

Правда, здесь нельзя удержаться от весьма щекотливого вопроса. А в какой системе координат расценивал Меланхтон поступок самого Лютера? Ведь формально и по существу выступление Лютера против Рима тоже можно рассматривать как открытое неповиновение, приведшее к череде религиозных войн в Европе. И этот факт стал ясен еще в начале Реформации: иконоклазм, крестьянский бунт, рыцарское восстание — слишком яркие иллюстрации, чтобы сомневаться в нашем утверждении. Устранить очевидное противоречие Меланхтон пытался интегрированием в новую мировоззренческую парадигму такого понятия как «*vir heroicus*» («героический муж»). Из этого следовало, что Мартин Лютер, это богоизбранный человек («*Wundermann Gottes*»), «героический человек», который подобно Самсону отмечен небесными силами, избран для высокой цели. Ради этой цели он имеет право ломать устоявшиеся обычаи и порядки [5, Vd. 2. Nr. 264]. Однако это прагматическое суждение ограничивалось исключительно личностью Мартина Лютера и никоим образом не распространялось на кого-либо еще.

В целом же в начале 20-х годов в лагере Виттенбергских реформаторов еще не сложилось единого мнения относительно военных защитных акций. В то же время и актуальность проблемы уменьшилось, поскольку император Карл V, втянувшись в войну с Францией (спор шел за итальянские владения), погрузился в проблемы внешней дипломатии, вектор которой определялся первоочередной задачей — созданием мощной антифранцузской коалиции. На некоторое время германские дела отошли на второстепенный план и, следовательно, политический горизонт для евангелических князей на некоторое время посветлел.

Однако уже 24 февраля 1525 года у Павии Карл V при содействии союзников одержал блестящую победу над Франциском I. Казалось, теперь Карл V переориентирует свои усилия на подавление Реформации и обуздание немецких князей-нововерцев. Эти неутешительные для лютеран прогнозы имели основания. 14 января 1526 года в Мадриде побежденный Франциск I был вынужден подписать с императором Священной римской империи соглашение, предусматривавшее совместную борьбу против турок и еретиков. Под еретиками, соответственно, подразумевались лютеране. Мощный союз двух монархов не предвещал adeptам новой религии ничего хорошего. Однако судьба и в этот раз оказалась благосклонной к лютеранам — произошло неожиданное. Папа Климент VII освободил Франциска I от клятвы данной императору. После этого Мадридский договор был объявлен недействительным. В то же время 22 мая 1526 года была создана Коньякская лига, в которую вошла Франция, Венеция, Милан, Флоренция и Папа Римский. Задача новой лиги заключалась в борьбе против императора на Апеннинском полуострове и полном изгнании его войск из Италии. Итак, начался новый виток Итальянских войн, поглощавший ресурсы империи, и заставлявший искать мира со вчерашними идейными врагами. Но на этом неприятности внешней политики для Карла не закончились — появилась турецкая угроза, поскольку 29 августа 1529 года Сулейман I разгромив при Мохаче чешско-венгерские войска, открыл себе дорогу в Западную Европу.

Итак, все эти события отвлекли внимание императора и, в свою очередь, не позволяли воспользоваться результатами победы под Павией для решения религиозных вопросов в самой Германии.

На фоне обострения внешнеполитических проблем в 1526 году состоялся Первый Шпейерский рейхстаг, созванный для урегулирования религиозной ситуации. Однако с самого начала стало понятно, что ждать от рейхстага радикальных решений будет бесполезно. Отсутствие императора, сложность его отношений с Францией и Папой, турецкая угроза, а также опасность народных волнений в самой Германии определили компромиссное решение рейхстага. Речь уже не шла о соблюдении Вормского эдикта, наоборот, отмечалось, что до созыва Церковного Собора каждому имперскому чину разрешалось поступать так, чтобы в будущем он мог ответить за это перед Богом и императором [8, 59].

На первый взгляд, это было взвешенное и демократическое решение, по своему значению в сфере свободы вероисповедания намного опережавшее известный Нантский эдикт 1598 года. Но мог вынужденный компромисс принести мир Германии? К сожалению, нет. Ю.Голубкин совершенно справедливо отметил, что постановление Первого Шпейерского рейхстага прозвучало как стартовый выстрел и для католических, и для евангелических имперских чинов [1, 53]. Каждый стремился подчинить церковь на подвластной ему территории. Мир казался зыбким, а толерантный тон решения рейхстага мало кого вводил в заблуждение. Скорее постановление воспринималось как краткосрочная отсрочка реализации Вормского эдикта. Однако в лютеранском лагере даже этот шаткий мир приветствовался, поскольку позволял Евангелической церкви активно распространяться в Германии.

Тем не менее трансформация острой вражды двух религиозных лагерей в латентную форму снова активизировала деятельность Виттенбергских теологов, поскольку было понятно, что время острых заявлений истекло и появился запрос на утонченную богословскую аргументацию.

Ко времени относительного покоя приходится и начало активной общественно-политической деятельности Филиппа Меланхтона. Стоит обратить внимание, что 1526 год оказался для него не из легких. Прошло менее года после подавления великого крестьянского восстания, отдельные очаги которого кое-где горели до 1526 года. Сам же Меланхтон почти сразу после подавления восстания, вместе с Иоганном Бренцом, был приглашен курфюрстом Людвигом V Пфальцским на Гейдельбергский ландтаг в качестве мирового посредника для обсуждения крестьянских «12 статей». Тогда Меланхтон со всей категоричностью выступил против любых попыток простонародья изменить существующие порядки, а особенно — силой оружия [4, Vol. 20].

Однако, как оказалось, сложнее было призвать к миру не крестьян, но воинственных правителей. В том же 1526 году заботой Георга Саксонского и Иоахима Бранденбургского был создан антилютеранский союз в Дессау. На что последовал симметрический ответ евангелических князей: курфюрст Саксонии и Филипп Гессенский заключили соглашение в Готе о совместных оборонительных действиях. Таким образом, в конфессионально разделенной империи возникла угроза военного конфликта, избежать которого Меланхтон пытался путем согласования спорных теологических и политических вопросов за столом переговоров.

Итак, в контексте новых задач, одним из первых объектов экзегетических исследований стало послание апостола Павла к Колоссянам и 13 глава послания к Римлянам. Результаты работы позже были собраны в трактат, который увидел свет в 1527 году [9]. Важно заметить, что комментарии к Колоссянам, это не что иное, как основательное экзегетическое введение к знаменитой 13 главе, в которой идет речь о праве применения меча и отношении между светской властью и подданными, о происхождении власти, о праве наказания преступников и судоустройстве. Основываясь на 13 главе, Меланхтон подтверждает право и обязанность князей носить оружие и применять его: «... Бог требует, чтобы существовали законы, выполнялось судопроизводство, обвиняемые карались, а невинные — защищены были» [9, 262]. Но если обобщить тезисы, происходящие из 13 главы, то становится понятно, что речь идет о внутренних проблемах, а если более конкретно — о сфере судебной власти. То есть, о понятиях тривиальных и не вызывавших споров. Но исключительно судебная практика не могла быть единственной и главной для человека вооруженного мечом. Более важной задачей и обязанностью оставалась защита территории и, следовательно, здесь таилась самая сложная для новой теологии проблема.

Какими виделись Меланхтону княжеские средства по защите территории и сохранения мира в целом видно из следующего документа. Это письмо гуманиста к ландграфу Филиппу Гессенскому, написанное после неудачной попытки религиозного примирения на Шпейерском рейхстаге. Данная эпистола свидетельствует об убеждении Меланхтона, что именно ландграф Филипп является фигурой способной стать объединяющей на сложном пути к мирному урегулированию религиозного конфликта. В письме гуманист выразил сожаление по поводу споров, препятствовавших покою и взаимопониманию на имперском уровне и с грустью отметил, что если бы своей жизнью он мог обеспечить мир, то он не пожалел бы ее, однако, эта обязанность лежит на князьях [5, Bd. 2, 472].

Но, безусловно, здесь важно другое. В письме Меланхтон дает несколько практических советов ландграфу во избежание распрей. Часть из них, по мнению гуманиста, можно достаточно легко воплотить в жизнь. Например, Меланхтон обратил внимание на необходимость призвать к порядку наиболее ревностных проповедников, расшатывающих необдуманно проповедями общественный порядок. «Гессенские проповедники, писал Меланхтон, должны избегать ненужной полемики, потому что неприязнь от них только обостряется, а при необходимости для прекращения горячих диспутов Филипп должен применить свой властный авторитет» [5, Bd. 2, 475—476].

Другой совет касался более глобальных проблем — взаимоотношений с католическими князьями. Меланхтон, по-прежнему придерживался важного для себя принципа — решать теологические разногласия обстоятельным анализом противоречивых текстов с соблюдением лингвистической точности. Как и в комментариях к посланию Колоссянам, в письме он настаивает на том, что искать мира нужно не на полях сражений, а в мирных переговорах и обсуждениях. «В то время, когда многие подстрекают на войну, пути решения конфликта нужно искать в тихих переговорах, о чем ландграф и должен беспокоиться» [5, Bd. 2, 473]. И далее: «Я уверен, что Ваше величество в силу Вашего авторитета может нести мир среди других князей, если они призывают Вашу величество исследовать и обсуждать церковные разногласия. Поэтому я прошу, насколько Ваше величество имеет возможностей, бороться за общественный мир, за общественное спокойствие» [5, Bd. 2, 473].

Таким образом, с точки зрения Меланхтона, единственным способом решением религиозного конфликта должны быть мирные переговоры. Реализовать их он стремился на общем церковном соборе, или, если собор созвать окажется невозможно, вынести эти вопросы на религиозный диспут, который обеспечили бы политические связи ландграфа [7, 74]. Сам же ландграф Филипп, по замыслу Меланхтона, должен стать той фигурой, которая объединит оппонентов на сложном пути к мирному урегулированию.

Однако, как показали дальнейшие события, эти надежды не оправдались. Просьба Меланхтона использовать все возможные средства для соблюдения имперского мира ландграфом категорически отклонялись. Если для Меланхтона полемические богословские вопросы — это проблема Собора, в крайнем случае, представительского богословского диспута, то ландграф в теологических различиях видел начало вооруженной борьбы и необходимость защищаться от императора [5, Bd. 2, 492].

Следовательно, в конце 20-х годов немецкий протестантизм не имел единства по вопросу о применении оружия для защиты религиозных убеждений. Несмотря на частичные теоретические разработки Филиппа Меланхтона, еще не сложилось завершенной, концептуально оформленной доктрины о применении/неприменении военной силы для защиты религиозных убеждений. Однако деятельность Меланхтона можно оценивать как такую, которая послужила катализатором и задала вектор развития наработки этой важной доктрины.

Литература

1. Голубкин Ю.А. После бури (Что предопределило позицию Лютера в 1526-1529 гг.?) // Вісник Харківського національного університету імені В.Н.Каразіна. 2000. № 485.
2. Соловьев Э. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии культуры. М., 1991.
3. Melanchthons Werke in Auswahl. — Gütersloh, 1951. Bd. 2/1.
4. Corpus Reformatorum. Halis Saxorum, 1834—1860. Vol. 1—28.
5. Melanchthons Briefwechsel. Kritische und kommentierte Gesamtausgabe, im Auftrag der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Heidelberg, 1977—2012. Bd. 1—15.
6. Des kursächsischen Rates Hans von der Planitz Berichte aus dem Reichsregiment in Nürnberg 1521—1523. Leipzig, 1899.
7. Kuporka N. Philipp Melanchthon: Wissenschaft und Gesellschaft. Tübingen, 2002.
8. Müller G. Die römische Kurie und die Reformation 1523—1534. Gütersloch, 1969.
9. Scholia in epistulam Pauli ad Colossenses. Hagenau, 1527.
10. Stern L. Philipp Melanchthon: Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. Berlin, 1963.
11. Wolgast E. Die Wittenberger Theologie und die Politik der evangelischen Stände. Gütersloh, 1977.

Е.Н.Котлярова

г.Киев

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

СУЕВЕРИЯ О СМЕРТИ: ПРИЗРАКИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В сложной системе политеистического мировоззрения древних римлян значительное место занимало учение о загробной жизни. Римляне верили, что со смертью жизнь не заканчивается, а душа продолжает существование. Однако для обеспечения достойной потусторонней жизни необходимо было соблюсти специальные обряды, сопряженные с преданием тела земле [10, 11—13]. У Вергилия мы находим несколько отрывков, описывающих условия последнего пути человека [2, 3.62—68, 6.213—235, 505—510]. Мертвые считались священными существами, римляне называли их богами Манами. Духи умерших, похороненные должным образом, пребывали в состоянии покоя, являлись среди живых только в определенные промежутки времени, такие как Фералии [8, 2.543—570] и Лемурии [8, 5.431—490]. Это было нормой для обычного римлянина и регулировалось официальной религией [14, 4]. В античной литературе мы можем найти другие примеры, когда мертвые могли посещать живых, эти случаи появления призраков относились к суевериям. Такое случалось, когда происходило какое-то отклонение от нормы, что-то, с чем религия не справлялась, когда дух умершего не знал покоя, так как не допускался в нижний мир. Следует заметить, что между религией и суеверием существует неоспоримая связь: основу одного и другого составляет совокупность общественных отношений, продуцирующих объективное бессилие людей перед внешними обстоятельствами. В силу этого суеверия достаточно легко встраиваются в структуру любой религии, нередко являясь ее органической частью и, в тоже время, как бы ее противоположностью или просто отклонением от нормы [4, 43]. Призраки появлялись тогда, когда с манами было что-то неладное, хотя и первые, и вторые — духи умерших. Разница состоит только в дальнейшей судьбе этих духов в загробном мире, которая была напрямую связана с выполнением или не выполнением погребальных обрядов и почитания мертвых живыми. Иными словами маны — это норма для религии, так же как и призраки для суеверий.

Данный вопрос неоднократно становился предметом исследований зарубежных историков. Наиболее важными работами в этой области считаются труды Р.Б.Хикмана [16], Д.Фелтона [15], М.Агирре [13]. Можно также упомянуть комментарии Дэниела Огдена [17] и Лейси Коллисон-Морли [14]. Однако в перечисленных работах особое внимание было уделено призракам в греческой и римской драме, в искусстве, а также феномену «дома с призраками». Поэтому сегодня все еще остается много спорных вопросов и существует необходимость уточнить такие моменты, как причины появления призраков, мотивы их связи с живым миром, характеристики призраков в литературных источниках Древнего Рима.

Начнем с терминов обозначающих призраков в латинских источниках. Профессор Масачусетского университета Дебби Фелтон считает, что в литературе отсутствует специальная категория того, что мы переводим как призрак. И термин «monstrum» в римской религии использовался как для обозначения чудес природы, так и для описания призраков, которых обычно не воспринимали как чудеса. Это связано с древним восприятием сверхъестественного и отсутствием отдельного словаря для необычных явлений [15, 23—26]. Однако в ходе исследования античных историй о призраках находим большое разнообразие терминов, которыми их обозначали. Среди наиболее употребляемых можем назвать: *facies*, *figmentum*, *effigies*, *idolon*, *imago*, *phantasma*, *simulacrum*, *species*, *spectrum*, *visum*, *umbra*.

Так как манов приравнивали к богам, то и призраков наделяли их качествами, поэтому в источниках часто встречаются такие характеристики, как «высокий» и «красивый» [5, 7.27.(2); 12, 13.221]. Но чаще мы слышим о крайней бледности призраков. Это не удивительно, ведь они влачили бескровное существование и

бледность свойственна самой смерти. Призраки были словно невзрачными копиями самих себя в прошлом на земле [1, 8.8; 7, 11.653—654], их вид отображал состояние тела на момент смерти [2, 1.353-355, 2.269—279, 3.45—46, 6.494—498; 1, 9.31].

Теперь рассмотрим причины появления призраков. В системе верований римлян считалось, что духи непогребенных все же были более-менее связанными с местом, где находилось их тело, но, в то же время, они могли выходить на связь с живым миром, даже если не имели цели причинить зло кому либо из людей. Например, Плиний Младший в одном из своих писем приводит любопытный и весьма иллюстративный пример. Он поведал про дом в Афинах, в котором стал появляться призрак. Это был старик, худой, изможденный, с бородой, вздыбленными волосами; на ногах у него были колодки, на руках цепи, нагонявшие своим загробным звоном ужас на добропорядочных граждан. В этом доме поселился философ Афинодор, которого, естественно, этот призрак как-то ночью посетил. Однако философ не испугался. Наоборот, взяв светильник, последовал за привидением. Путешествие в столь странном обществе было недолгим, оказавшись во дворе дома, призрак внезапно исчез. Философ запомнил это место и на следующий день обратился к должностным лицам, чтобы раскопать его. Труды оказались ненапряжными: на дне ямы оказались человеческие кости, крепко обвитые цепями; они, голые и изъеденные, остались в оковах даже после того, как плоть от долговременного пребывания в земле превратилась в прах. Кости были собраны и публично преданы погребению. И только после совершенных как подобает похорон, дом освободился от призрака [5, 7.27.(5)].

Подобная история есть и у Светония, повествующего о смерти Калигулы. Из его рассказа следует, что тело Калигулы тайно унесли в Ламиевы сады, наполовину сожгли на погребальном костре и, наконец, кое-как забросали дерном. И только спустя некоторое продолжительное время его сестры, возвратившиеся из изгнания, все же сожгли его прах и погребли. До этого садовников не переставали тревожить привидения, а в доме, где он был убит, нельзя было ночь провести без ужаса [9, 4.59]. Оба эти рассказа перекликаются и известным образом дополняют Вергилия, описывающего, как мятущиеся души непогребенных, сбившись в стаи не могут попасть на другой берег реки Стикс [2, 6.325—330].

Таким образом, в каждом случае авторы наталкивают нас на одну и ту же мысль: появление призраков, это следствие неуважительного отношения к умершему, непогребение тел, и, следовательно, подчеркивается важность похоронных обрядов для упокоения души с миром. Поэтому можем выделить одну из первых причин появления призраков — желание нормальной загробной жизни, правильного захоронения [11, 1.56].

Следующей важной причиной появления призраков было желание последних раскрыть тайны прошлого, в частности своей гибели или совершенных злодеяний [1, 8.8; 2, 1.353—360], а также просветить относительно будущего. Ведь для призраков не только прошлое, но и будущее как на ладони. В источниках есть множество предзнаменований, совершенных ими. Например, тень Цезаря возвестила о победе Августа в битве при Филиппах [9, 2.96]. Друг разгромил врага во многих битвах, оттеснил в самую дальнюю глушь, и лишь тогда остановил свой натиск, когда призрак варварской женщины, выше человеческого роста, на латинском языке запретил ему двигаться далее [9, 5.1.(2)]. Когда Курций Руф отправился в Африку, ему предстало видение в образе женщины больше человеческого роста. От нее он услышал следующие слова: «В эту провинцию, Руф, ты вернешься проконсулом». Дожив до глубокой старости он добился консульства, триумфальных отличий и, наконец, провинции Африки, прожив жизнь в соответствии с предсказанною ему судьбою [6, 11.21; 5, 7.27.2—3].

Еще одной важной функцией призраков было взывание, и даже мучение тех, чья совесть была нечиста [12, 13.209—222]. Например, Нерон пытался вызвать дух умершей матери, призрак которой мучил его совесть, чтобы молить ее о прощении [9, 6. 34(4)].

Однако призраки не всегда приходили к живым по своей воле. Как видно из источников, существовало стойкое убеждение, что души умерших можно вызывать с помощью заклинания. Обычно вызывали души тех, кто только что умер, так как считали, что они будут чувствовать большую заинтересованность в мире, который только что покинули, чьи друзья и родственники еще живы [14, 18—19]. Из примеров выше видно, что призраки владели особенной мудростью, что и стало причиной использования их в некромантии [13, 182].

Для вызова призраков древние использовали заклинания, позволявшие выходить духам из могил. Апулей рассказывает, как жена мельника замыслила гибель мужа и для этой цели наслала тень некой умершей насильственной смертью женщины. Она явилась к мельнику в полдень, полуприкрытая лишь жалким рубищем, с босыми ногами, изжелта-бледная, исхудалая, с лицом, почти целиком закрытым распущенными, свисающими наперед волосами, полуседыми, грязными от пепла, которым они были осыпаны; черты ее были искажены следами преступления и необычайной скорбью. Явившись в таком виде, она увела его в спальню. Через некоторое время работники нашли своего хозяина с петлей на шее. На следующий день прибыла дочь из соседнего селения, которой во время сна предстала горестная тень ее отца все еще с петлей на шее и открыла все злодеяния мачехи, в том числе как он был погублен привидением женщины [1, 9.29—31].

В литературе есть несколько примеров магической реанимации умерших. Это история ведьмы Эрихто [3, 6.588—830] и египетского жреца Затхласа [1, 2.28—30]. Чем большей силы в Риме набирали восточные религии и вера в магию, тем более распространенной ставала некромантия, которая считалась одной из самых надежных форм пророчества [17, 140].

Древние верили, что призраки, а также плоть и кости умерших, разные предметы, связанные со смертью (веревки, кресты, гвозди, обломки кораблей) часто использовались ведьмами в колдовских целях [3, 6.525—770; 1,1.8, 2.20, 3.15—17]. Именно такие предметы нужны были Эрихто, специально жившей на кладбище, чтобы всегда иметь под рукой необходимые материалы [3, 6.525—561]. Особую радость ей доставляла война, которой она даже якобы запретила удалиться [3, 6.579—588]. Следует обратить внимание, что места битв были весьма благоприятными для появления привидений. Например, Тацит рассказывает, что когда Тит осадил Иерусалим, то на небе сражались враждующие рати, багровым пламенем пылали мечи, низвергавшийся из туч огонь кольцом охватывал храм [6, V.13].

Таким образом, призраки в представлении римлян — это души умерших, не имевших пристанища и покоя, вынужденных скитаться на земле, когда не был совершен по всем правилам погребальный обряд. Считалось, что призраки способны раскрыть тайны прошлого, помочь в настоящем, приоткрыть завесу будущего. Наряду с этим не отбрасывались и личные мотивы появления призраков: жажда нормальной загробной жизни, мести, незавершенные дела, негодование по поводу поведения живущих, желание утешить близких. Также призраки могли стать мощным оружием в руках умелых людей и часто использовались в колдовских целях. Официальная религия не имела отношения к появлению призраков, тем самым, вытеснив их в область суеверия.

Литература

1. Аппулей Люций. Апология. Метаморфозы. Флориды / Пер. М.А.Кузьмина и С.П.Маркиша. М., 1956.
2. Вергилий. Собрание сочинений / Пер. С.Ошерова под ред. Ф.Петровского]. СПб., 1994.
3. Лукан Марк Анней. Фарсалия / [Пер. Л.Е.Остроумова, комм. Ф.А.Петровского]. М., 1993.
4. Панков А.А. Суеверия в структуре повседневно религиозности // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: Сб. научных статей. М., 2009. С. 42—57.
5. Письма Плиния Младшего: Кн. I—X / [Изд. подгот. М.Е.Сергеенко, А.И.Доватур]. 2-е изд., перераб. М., 1982.
6. Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. М., 2003.
7. Публий Овидий Назон. Метаморфозы / Пер. с лат. С.В.Шервинского. М. 1977.
8. Публий Овидий Назон. Фасты // Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Пер. М.Л.Гаспарова и С.А.Ошерова. М., 1973.
9. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей / Пер. с лат. М.Л.Гаспарова. М., 1990.
10. Фюстель де Куланж Н.Д. Гражданская община древнего мира. СПб., 1906.
11. Цицерон Марк Туллий. О дивинации // Философские трактаты / Пер. М.И.Рижского. М., 1985. С. 191—298.
12. Ювенал Децим Юний. Сатиры / Пер. Д.С.Недовича, Ф.А.Петровского. М.; Л., 1937.
13. Aguirre Mercedes. Some Ghostly Appearances in Greece: Literary and Artistic Sources // Gerion. 2009. Vol. 27. № 1. P. 179—189.
14. Collison-Morley Lacy. Greek and Roman Ghost Stories. Oxford, 1912.
15. Felton D. Haunted Greece and Rome: Ghost Stories from Classical Antiquity. Austin, 1999.
16. Hickman R.B. Ghostly Etiquette on the Classical Stage. Iowa, 1938.
17. Ogden Daniel. Magic, witchcraft, and ghosts in the Greek and Roman worlds: a sourcebook. Oxford, 2002.

О.Ю.Кутарев

г.Шахты (Ростовская область)

Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса

О ПОЖАРЕ В РЕЙХСТАГЕ И ДОКТОРЕ ГЕББЕЛЬСЕ

Не так давно редактор «Ди Вельт» Свен Феликс Келлерхоф пришел к выводу, что поджог Рейхстага в 1933 году — дело рук одиночки. Презентация его книги «Пожар в Рейхстаге. Карьера одного преступления» состоялась в 2008 году. Автор ссылается на практически полный комплект материалов следствия, который много лет хранился под замком сначала в Советском Союзе, затем в ГДР, и к которому теперь можно получить доступ в Федеральном архиве Берлина. С.Ф.Келлерхоф пишет: «Документация доказывает, что, несмотря на колоссальное политическое давление, следственные органы пришли к выводу, которое совершенно не понравилось тогдашнему правительству: “На вопрос, действительно ли ван дер Люббе действовал в одиночку, можно, без сомнения, ответить положительно. Расследование, объективная совокупность фактов и достоверное установление личности обвиняемого доказывают это”. Это была (скрытая) оплеуха Гитлеру, Герингу, Геббельсу и прочим членам НСДАП, которые публично заявили о предполагаемом заговоре коммунистов» [4]. У.Ширер, также работавший с материалами следствия, писал, что ван дер Люббе располагал для

растопки лишь собственной рубашкой. «А по заключению судебных экспертов, чтобы развести такое громадное пламя, требовалось немало химикатов и бензина. Одному человека было бы не под силу принести все это в здание и в короткое время устроить множество очагов пожара» [13, 281]. Бывший вице-канцлер Третьего рейха, Франц фон Папен, придерживался такого же мнения: «Один человек ни в коем случае не мог за столь короткое время зажечь огонь в таком большом числе помещений» [6, 269].

Да, следует воздать должное работникам следственных органов, выдержавшим тяжелейший прессинг со стороны нацистов. Однако трудно было бы ожидать от людей, проводивших расследование, столь развитого чувства самопожертвования, которое позволило бы им возложить вину за пожар на руководство НСДАП. Чтобы усомниться в абсолютной объективности собранных и обобщенных данных, необходимо вспомнить политическую атмосферу тех дней.

В 1933 году нападения на представителей местной власти, священников, членов «Стального шлема» со стороны участников штурмовых отрядов «национал-социалистической революции» приобрели столь пространственный характер, что вызвали беспокойство Гитлера, Фрика, Гесса (с соответствующими заявлениями они выступили соответственно 10, 13 и 23 марта) [15, 123]. В июле 1933 года руководитель СА Эрнст Рем был вынужден вновь публично осудить множественное проявление своими подчиненными «недопустимой жестокости, грабежей и воровства» [17, 197]. Однако вспышки насилия продолжались всю осень 1933 и весну 1934 г. Высокопоставленный сотрудник гестапо А. Небе летом 1933 г. опасался, что СА в какой-нибудь неожиданный момент «умыкнут» его на расправу, и «принципиально пользовался только запасной лестницей, держа руку в кармане на снятом с предохранителя пистолете» [1, 187]. Геббельс тогда доверял только своим телохранителям из отряда СС № 13 [7, 152]. Один штурмбанфюрер СА из Верхней Силезии угрожал исключить из организации тех членов, которые создают трудности полиции; вскоре его начальник, Рамсхорн, повторно осудил непрекращающиеся акты насилия, расписавшись тем самым в беспомощности руководства [14, 125]. Не случайно некоторые исследователи применяли к членам СА термин «флибустьеры» [18, 280; 19, 265]. Штурмовики создавали собственные, «дикие» (то есть неофициальные) концентрационные лагеря для расправы с негодными лицами — например, лагерь «Вулкан» близ Штеттина [14, 118], три лагеря вокруг Берлина и множество «частных тюрем» [16, 23]. Не секрет, что регулярно избиваемых и предельно истощенных заключенных там держали в специальных железных шкафах. Когда 17 декабря 1933 года в кафе Ныса-Лужицка полицейский попытался урезонить двух разбуянившихся штурмовиков, ему пригрозили отправкой в такой концлагерь; страж порядка предпочел ретироваться [14, 126]. Справедливости ради следует отметить, что описываемые эксцессы имели место уже после пожара в рейхстаге. Однако Лейпцигский судебный процесс над обвиняемыми в поджоге начался только в сентябре и шел до декабря 1933 года; следователи и судьи прекрасно понимали, на чьей стороне симпатии и антипатии представителей новой власти. Готовы ли они были отвести «Гитлеру, Герингу, Геббельсу и прочим членам НСДАП» двойную «оплеуху», обвинив поджоге самих нацистов? Готовы ли они были тем самым приписать себя к числу участников коммунистического заговора? Или им достало мужества лишь на то, чтобы подобно дипломатам, «говорить только правду, но не всю правду»? Вряд ли кто-то осудил бы их сейчас хотя бы за решимость воспрепятствовать казни невиновных лиц. Ведь даже то, что произошло, привело в ярость Геринга, престиж которого сильно упал в ходе Лейпцигского процесса. «Он был в ярости. Однажды за обедом в канцелярии он возвестил: “Mein Führer, то, каким образом ведут себя эти судьи из верховного суда, — это абсолютный позор. Можно подумать, подсудимые мы, а не коммунисты”. Ответ Гитлера многое прояснял. “Mein lieber Göring, сказал он, — это лишь вопрос времени. Скоро мы заставим этих стариков говорить на нашем языке. В любом случае все они уже скоро уйдут в отставку по возрасту, и мы посадим туда своих людей”» [11, 248—249]. Гитлер провел расследование молниеносно, уже через два часа после возгорания собственноручно озаглавив передовицу «Фелькише Беобахтер» так: «Коммунисты поджигают Рейхстаг» [3, 66].

Возвращаясь к штурмовым отрядам, следует сказать, что в большинстве своем они состояли из озлобленных аутсайдеров, категорически игнорирующих рутинный созидательный труд. Кроме нападений на банки, коммерческие учреждения и фабрики, штурмовики иногда выполняли «щекотливые» поручения партийного руководства. Гизевиус свидетельствовал, что «обычно повседневные убийства передавались СА: берлинский группенфюрер штурмовиков Карл Эрнст обладал мистическим свойством словно магнит притягивать к себе “самоубийц”» [1, 190]. Гизевиус также выразил уверенность, что именно Эрнсту была поручена операция по поджогу рейхстага, причем по мнению первого, инициатива исходила от Геббельса [1, 193—194, 197]. В таком случае смерть столь исполнительного, но слишком компетентного штурмовика во время «ночи длинных ножей» выглядит закономерно.

Если оставить в стороне версию о поджигателе-одиночке, то чаще всего исследователи считают организатором огненной феерии Германа Геринга. Так, у Ивана Филипповича Филиппова (прибывшего в Берлин в 1939 году) можно прочесть: «Это был рейхстаг, подожженный подручными Геринга... Слева от нас выделялся полукругом массивный особняк — резиденция Геринга. Отсюда он в одну из ночей 1933 года послал подземным ходом отряды штурмовиков для поджога рейхстага» [10, 8—9].

Уильям Ширер писал: «Можно почти не сомневаться, что идея поджога принадлежала Геббельсу и Герингу... Рудольф Дильс, шеф гестапо, сообщил, что “Геринг во всех подробностях знал о плане поджога” и приказал ему “заранее подготовить список лиц, подлежащих аресту сразу после пожара”» [13, 280]. В то же

время Франц фон Папен приписывал Дильсу следующие слова: «Начиная с первых недель после пожара и кончая 1945 годом я был убежден, что его устроили нацисты. Теперь я изменил свое мнение» [6, 269]. Видимо, дело о пожаре в рейхстаге осталось политически ангажированным даже годы спустя — Дильса, как и Папена, трудно было бы заподозрить в симпатиях с коммунистами. Если не одиночка, и не нацисты, то кто? Ответ напрашивается по методу исключения.

Ширер ссылался на показания Франца Гальдера о сделанном в 1942 году признании Геринга: «Уж кто-кто, а я действительно знаю все про рейхстаг, потому что я поджигал его!» [13, 281]. Конечно, трудно представить себе грузную фигуру будущего рейхсмаршала, с факелом в руках пробирающуюся подземным ходом. Вряд ли он захотел бы спустя полчаса после собственноручного поджога, с копытю на лице, объясняться с полицией и журналистами. Если в описанной Гальдером беседе Геринг и говорил нечто подобное, то скорее всего подразумевал косвенное участие, возможно — выпячивая в привычном для него стиле собственную роль. По свидетельству Ф. фон Папена, «в Нюрнберге было предложено провести окончательное расследование вопроса об ответственности за поджог Рейхстага, пока Геринг и его коллеги еще доступны для следствия, но из этой идеи нечего не вышло. Все, чем мы располагаем, ограничивается только фразой, сказанной Герингом генералу Доновану, руководителю Управления стратегических служб Соединенных Штатов: “Вы, по крайней мере, можете быть уверены, что мне, уже глядевшему в лицо смерти, нет никакой нужды прибегать ко лжи. Даю вам слово, что не имел ни малейшего касательства к поджогу Рейхстага”» [6, 269]. Остается гадать, какое из сказанных рейхсмаршалом слов было честным, если таковое вообще существовало.

Сомнения в объективности сведений по рассматриваемой проблеме можно адресовать и Ханфштанглю. Он вспоминал: «Внезапно ко мне ворвалась фрау Ванда, экономка. “Герр доктор! Герр доктор! — закричала она фальцетом. — Рейхстаг горит!” Тут я мигом соскочил с кровати, подбежал к окну, выходящему на площадь, и там на самом деле все здание было объято языками огня. Я позвонил, трубку взял Геббельс. “Я должен поговорить с герром Гитлером”, — сказал я. А что случилось, желал знать маленький гном, разве это нельзя было просто ему передать? Наконец я потерял терпение: “Скажите ему, что горит рейхстаг”. “Ханфштангль, это одна из ваших шуточек?” — отрывисто спросил Геббельс. “Если не верите, приезжайте сюда и убедитесь сами”, — сказал я и повесил трубку. Потом я позвонил Сефтону Делмеру и Луису Лохнеру. Как только я положил трубку, снова зазвенел звонок. Это был Геббельс: “Я только что говорил с фюрером, и он хочет знать, что на самом деле происходит. Больше никаких ваших шуток”. Тут я потерял терпение: “Я говорю вам, приезжайте сюда и посмотрите сами, правду я говорю или нет. Все здание в огне, пожарные бригады уже здесь. Я возвращаюсь обратно в постель”» [11, 247]. Сравним эти слова с описанием гитлеровского фотографа Генриха Гофмана, находившегося в тот трагический вечер рядом с абонентами на другом конце провода. «Телефонный звонок прервал фривольную беседу. Геббельс лично снял трубку, и я помню этот разговор, как если бы он происходил вчера.

— Геббельс у телефона, кто это? А, здравствуйте, Ханфштангль! В чем дело?.. Что?! Ушам не верю! Секунду, я передам трубку фюреру!

— Алло, Ханфштангль, что случилось?.. Ай, да ну вас! — Кажется, Гитлер от души забавляется. — Вам что, мерещится, или вы перепили виски? Что? Вам видно пламя из вашей комнаты?

Гитлер обернулся к нам:

— Ханфштангль говорит, что в здании Рейхстага пожар. Кажется, это точно.

Мы посмотрели в окно и увидели, что небо над Тиргартеном действительно окрасилось кроваво-красным заревом.

— Это коммунисты! — вдруг свирепо выкрикнул Гитлер и с силой бросил трубку на рычаг. — Мы с ними окончательно разберемся! Я должен ехать немедленно! Теперь они у меня в руках!» [3, 65].

Гофман был достаточно бесхитростным выпивохой, далеким от закулисных игр. По его словам получается, что звонок со стороны Ханфштангля Геббельсу с Гитлером был один, и он не прерывался. Кроме того, обратим внимание на фразу «кажется, Гитлер от души забавлялся». Ведь для Ханфштангля именно интонации в голосе стали главным критерием откровенности собеседников: «Маленький доктор, конечно, был законченным лжецом, но если раздражение с подозрением и могут быть искренними в человеческом голосе, то в телефонном разговоре тем вечером у него были именно такие интонации. Какие бы гипотезы ни выдвигались в то время, меня несколько не удивило, учитывая весомость свидетельств, доступных теперь, что Геринг планировал эту акцию самостоятельно (Гитлер, безусловно, был посвящен в ее детали), чтобы забрать себе часть инициативы у своего ненавистного соперника, Геббельса. Был ли Геринг во дворце тем вечером или нет, я не знаю. Я его не видел» [11, 248]. И далее: «Позже предполагали, что я был одним из людей, знавших всю историю в деталях. Меня это событие застало в постели с лихорадкой, более того, ни я, ни кто-либо из других гостей, ни кто-либо из прислуги не знал и не заметил какой-либо активности в доме, которая подтверждала бы теорию о том, что Эрнст со своими поджигателями из СА проникли в рейхстаг через туннель из наших подвалов. С другой стороны, это было большое здание, они могли заполучить ключ от подвала для угля и осуществить все совершенно незаметно» [11, 248]. Чудесно: Геббельс об акции ничего не знал, и ему мы верим на слово (благодаря искренним интонациям); Гитлер (безусловно!) был посвящен в детали акции (видимо, поскольку искренности в голосе не доставало); а Геринг все самостоятельно спланировал (наверное, потому, что его голоса вообще не было слышно), хотя никто не видел по близости ни его самого,

ни его помощников. Видимо, воспоминания Ханфштангля можно использовать в качестве учебника безукоризненной логики.

На наш же взгляд, доктору Геббельсу в связи с пожаром в рейхстаге долгое время уделялось незаслуженно малое внимание. Например, в диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Марата Дамировича Биалалутдинова «Биография Й.П.Геббельса в свете проблемы континуитета Третьего рейха» (Томск, 2010 г.) нет ни слова о возможном участии столь одиозного лидера НСДАП в поджоге рейхстага. Вместе с тем Лени Рифеншталь вспоминала, как во время съемок фильма о партийном съезде в Нюрнберге (осенью 1933 г.) получила телефонное предупреждение Р. Дильса о грозящей ей опасности [8, 144]. Информация исходила от Геринга, который не мог воспрепятствовать действиям источника опасности, видимо, занимавшего соответствующее положение. После разговора с Дильсом Рифеншталь вспомнила о предшествовавшем аналогичном предупреждении Эрнста Удета, который сказал, что угроза исходит от кого-то из штурмовых отрядов. Кому, кроме Гитлера, в Германии осенью 1933 года не могли воспрепятствовать Геринг и его зять, тогда еще шеф гестапо, Дильс? Гиммлер в тот период еще был недостаточно силен: его «звездный час» пробьет после «ночи длинных ножей»; а главное, члены СА — его противники, а не друзья. А вот у «маленького доктора» после завоевания пролетарского Берлина в конце 20-х годов XX века было немало надежных знакомых среди штурмовиков. Мотив? У Геббельса было не менее двух причин для сведения счетов с Рифеншталь. Первая — отказ вступить в сексуальные отношения. Розенберг отметил в своем дневнике: «Недавно меня посетил Гиммлер... Разговор зашел о докторе Геббельсе. Мы пришли к выводу, что в данный момент именно он наносит тягчайший моральный урон национал-социализму... В настоящее время он самый ненавистный человек в Германии. Раньше мы обрушивали потоки брани на занимавших посты генеральных директоров евреев за то, что они заставляли оказавшихся у них в подчинении женщин сожительствовать с ними. Нынче этим вовсе занимается доктор Геббельс» [9, 69]. Вторая причина — полученное Рифеншталь в обход министра пропаганды почетное задание снять фильм о партийном съезде. Геббельс к тому времени лично курировал практически всю выходящую в Рейхе кинопродукцию [2, 33]. Министр пропаганды имел опыт деликатных отношений с головорезами из СА, прежде всего — в качестве гауляйтера Берлина. Лени повезло: фильм снимали в Нюрнберге и Мюнхене. Геббельс мог «прикрыть» исполнителей в столице Германии, в Баварии же — проблематичнее. Кроме того, Рифеншталь была вхожа к Гитлеру (это не коммунист Ван дер Люббе), и риск последствий от возможной огласки оказался слишком велик.

Министр пропаганды, понимая общий ход мысли Гитлера, не раз подталкивал фюрера к принятию радикальных мер. Например, по словам Гиммлера, идею «окончательного решения» еврейского вопроса фюреру подсказал тот же Геббельс, что свидетельствовало о высокой степени влияния последнего на принятие важнейших решений [5, 217]. Шахт также назвал «Хрустальную ночь» «варварством, организованным Геббельсом» [12, 376]. Одной из акций министра пропаганды, которая отнюдь не была единодушно одобряемой и вызвала в партийных кругах самую резкую критику, было знаменитое сожжение книг на берлинской площади [3, 64]. Логично было бы предположить, что главный организатор сожжения рейхстага находился в решающие минуты рядом с фюрером, которому за ужином собирался преподнести столь своеобразный подарок.

Если предположить, что сожжение рейхстага было тщательно спланированным спектаклем, то время и место действия было подобрано тщательно — прямо перед глазами престарелого Гинденбурга. Папен вспоминал: «Вечером 27 февраля я устраивал в нашем клубе на Фоссштрассе обед в честь президента. Неожиданно мы заметили в окнах красное зарево и услышали на улицах стрельбу. Один из служащих клуба торопливо подошел ко мне и прошептал на ухо: “Горит Рейхстаг”, а я, в свою очередь, повторил это президенту. Он встал из-за стола, и мы через окна увидели купол Рейхстага, выглядевший так, будто его освещали прожекторами. Временами его очертания закрывали языки пламени и клубы дыма. Я предложил президенту вернуться в его резиденцию и сам отвез его на своей машине» [6, 267]. Видимо, старые подмостки демократии уже не устраивали нацистских ораторов. «Слава богу, отделались от этой развалюхи», — презрительно сообщил Гитлер Гофману во время осмотра обгоревшего рейхстага [3, 66]. Заседания парламента были перенесены в здание оперы «Кроль», расположенное в Тиргартене, в трехстах метрах от старого рейхстага. «Прежнее здание стояло заброшенным, хотя, как многие утверждали, оно нуждалось в незначительном ремонте. Но гитлеровцы не хотели его восстанавливать... Заседания рейхстага в здании оперы были похожи на театрализованные выступления» [10, 31, 33].

На наш взгляд, вывод о том, что поджог рейхстага был делом рук фанатика-одиночки, не следует считать окончательным. Действительно, вокруг этого события больше предположений, чем строго доказанных фактов. Вместе с тем версия об участии в его непосредственной подготовке Йозефа Геббельса имеет право на жизнь.

Литература

1. Гизевиус Г.Б. Горит рейхстаг / Пер. и комментарии Г.Я.Рудого // Новая и Новейшая история. 2002. № 4. С. 178—201.
2. Гогун А. Черный PR Адольфа Гитлера: Документы и материалы. М., Яуза, 2004.
3. Гофман Г. Гитлер был моим другом. Воспоминания личного фотографа фюрера / Пер. Т.М.Шуликовой. М., 2007.

4. Келлерхоф С.Ф. Поджог Рейхстага не нуждается в заговоре / Die Welt, Германия. 14.12.2011, 19:26. URL: <http://rus.ruvr.ru/2011/12/14/62226265.html>.
5. Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940—1945 гг. / Пер. с англ. Л.А.Игоревского. М., 2004.
6. Папен Франц фон. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933—1947. М., 2005.
7. Путлиц В.Г. барон цу. По пути в Германию. Воспоминания бывшего дипломата / Пер. с нем. А.Галкина и О.Накротина. М., 1957.
8. Рифеншталь Л. Мемуары / Пер. с нем. Ю.И.Архипова. М., 2006.
9. Розенберг А. Дневники // Огонек. 1996. № 23. С. 68—72.
10. Филиппов И.Ф. Записки о «Третьем рейхе». М., 1970.
11. Ханфштангль Э. Мой друг Адольф, мой враг Гитлер. Екатеринбург, 2006.
12. Шахт Я. Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923—1948 / Пер. с нем. Л.А.Игоревского. М., 2011.
13. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. В 2 кн. Кн. 1. М.: ИП Богат, 2007.
14. Bessel R. Political Violence and the Rise of Nazism. The Storm Troopers in Eastern Germany 1925—1934. New Haven & London: Yale University Press, 1984. XII.
15. Bessel R. Violence as Propaganda: The Role of the Storm Troopers in the Rise of National Socialism / The Formation of the Nazi Constituency. 1919-1933 Edited by Thomas Childers. London & Sydney: Croom Helm, 1986. VIII, 263 p. pp. 75—94.
16. Deutsche Geschichte 1933—1945. Dokumente zur Innen- und Außenpolitik / HRSG. Von Wolfgang Michalka. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1993. 419 s.
17. Fischer C. Stormtroopers. A Social, Economic and Ideological Analysis, 1929—1935. London: George Allen & UNWIN, 1983.
18. Hitler Directs His War, The Secret Records of His Daily Military Conferences / Selected and annotated by Felix Gilbert. New York, 1950. XXXIII.
19. Waite R.G.L. Vanguard of Nazism. The Free Corps movement in postwar Germany 1918—1923. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1952.

Г.Ю.Лазновская

г.Волгоград

Волгоградский лицей-интернат «Лидер»

РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ВОСПИТАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Представители русской интеллигенции, путешествуя по Франции, отмечали некоторые тенденции, касающиеся взаимоотношений взрослых и детей. Молодые люди во Франции, по мнению многих русских, слишком рано начинали взрослеть, приобретая дурные привычки. Этому способствовала социально-культурная и экономическая среда, образовавшаяся во Франции во второй половине XIX в., относительно которой Ф.Ницше утверждал: «Бог умер», то есть умерли духовные ценности: альтруизм, порядочность и честность, а деньги и власть решали все. Череда революций, провалы во внешней политике, катастрофа 1870 г., жестокая расправа над согражданами — участниками Парижской Коммуны, другие политические и экономические кризисы в обществе (Панамский, «Дело Дрейфуса») составили фон, на котором происходила смена поколений. В обществе господствовали безверие, анархизм (особенно в 1890-е гг.), пессимистический настрой, культ денег, алчность и продажность. Русских неприятно поражал во французской молодежи цинизм, отсутствие моральной чистоты и юношеского романтизма, неверие не только в христианские постулаты, но и в лучшие стороны жизни вообще. Особенно печально выглядел «rotache» — тип подростка-гимназиста. «Гимназисты, — писал о них П.Боборыкин, — испорченность поголовная. Эта юношеская публика все более развращается на репертуаре кафе-шантанов...» [1,280]. Он отмечал, что парижский подросток 14—15 лет утратил наивность: он или «головастик» — уходит в книжки, или вбирает в себя почти все дурные стороны парижского быта.

Главной целью жизни буржуа-отца было «вывести в люди» своих детей, дав им хорошее образование и возможность заниматься «чистым» интеллектуальным трудом, то есть стать чиновником или адвокатом. Иногда, смысл получения образования заключался не в его практическом использовании, хотя усилия, затраченные на приобретение общих и специальных знаний, хорошо окупались. Прежде всего, учеба должна была показать, что семья может позволить подростку учиться, а не принуждает его скорее начать зарабатывать на жизнь. Школьное образование служило «пропуском» в средние и высшие слои общества и узаконенным

средством обозначения границ между ними и низшими классами. Получение профессии обеспечивали университеты.

Если французский подросток напоминал испорченное растение, то молодежь от 20 до 25 лет — уже погибшее, отличаясь, по мнению П.Боборыкина, «сухостью, скептическим тоном, изломанностью вкусов и понятий, душевным старчеством или игрой в разные виды новейшего декадентства» [1, 432]. Типичным примером такого молодого человека является Роббер Грелу — герой романа П.Бурже, известного и в России. Он, как и многие из его поколения пришел к выводу о том, что нельзя верить ни в кого и ни во что, кроме «равнодушных законов природы». Целомудрие и брак для таких как он потеряли всякую ценность, а сам Грелу на заре своей юности почувствовал «интеллектуальное убожество благочестия по сравнению с грехом» [2, 136].

Получив образование, «выбившиеся в люди» дети буржуа становились снисходительными к родителям, подчас скептически, а то и агрессивны. Не имея аристократических манер и вкуса, «мещанские дети» осознавали свое отличие от дворян, что порождало чувство неполноценности. То, что выходцам из буржуазных слоев собственными усилиями удалось подняться до уровня интеллектуалов и занять в обществе место выше того, которое занимали их родители, порождало с их стороны эгоизм, самодовольство и снобизм. Причина такого положения вещей кроется, в том числе и в системе воспитания подрастающего поколения.

Россию и Францию в середине и конце XIX века объединял «страшный», как выразился корреспондент «Вестника Европы», вопрос о воспитании — один из самых актуальных и болезненных в Европе [6, 453]. В России, например, в 60—70-е XIX вв. все интеллигентные слои общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между взрослыми и детьми. «О какой дворянской семье не спросишь в то время, — пишет С.Ковалевская, — о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми» [5, 82]. Причем, причина разлада крылась не в чем-то материальном, а в несходстве убеждений по принципиальным идейным, теоретическим вопросам. Семья воспринималась молодежью обоего пола в России как препятствие к личной свободе.

Во Франции же основной тенденцией воспитания на протяжении долгого времени являлось отсутствие запретов, раздвижение границ дозволенного, и как следствие — разрушение системы семейной иерархии. Еще в конце XVIII в. писатель и публицист Л.-С.Мерсье писал о том, что в презрении к отцовскому авторитету никто во Франции не находит ничего из ряда вон выходящего. «Ничто так не удивляет иностранца, — писал он, — как вольная и непочтительная манера, с какой сын разговаривает здесь со своим отцом. Он с ним шутит, насмехается над ним, позволяет себе непристойные намеки на возраст родителя, причем отец с мягкой снисходительностью первый же над этим смеется, а бабушка потакает всем этим якобы милым выходкам внука». [8, 305]. Для Т.Эллина было очевидно, что, начиная с середины XIX в. буржуа не могут справиться с детьми, которые едва вступив в подростковый возраст, «грубят, курят и своевольничают» [3,85]. Действительно, власть мужа и отца во французской семье «очень смягчилась...», — признавал Д.И.Каченовский [4, 75], а П.Боборыкин отметил, что во Франции детей любят, но воспитывают совсем не так, как в Германии и Англии: «... Баловство сыновей в последнее время сказывается в их тоне с родителями» [1, 428].

Аналитики, рассуждая о корне зла, находили его в так называемом «раздвоении умов» во французском обществе. Женщины — подвержены влиянию церкви, а мужчины — поклонники вольтеровского вольнодумства, что порождало глубокую умственную рознь и состояние моральной разобщенности в семье [6, 453]. Раздвоение умов в обществе представлялось неизлечимым и наибольшим препятствием для нравственного и общественного прогресса: «Едва ли, посреди таких условий, <...> постоянно усиливающихся, — скептически оценивает перспективы корреспондент во Франции, — возможно, чтобы возникли здоровые поколения» [6, 453].

Как нужно воспитывать детей? На эту тему рассуждали и в России, и за рубежом. Во второй половине XIX в. во Франции появились различные передовые педагогические теории, которые подвергали сомнению традиционную семейную иерархию, сокращая дистанцию между взрослыми и детьми. Если раньше идеал родительской заботы сводился к тому, чтобы сломить волю ребенка, искоренить его первородную греховность, уберечь любыми способами от соблазнов (хотя на практике отец пренебрегал своими обязанностями по отношению к детям либо потому, что целый день работал, либо потому, что пил, или сидел в кофейнях, или потому, что считал воспитание детей уделом женщин), то во второй половине XIX в. французская педагогика стала склоняться к идее «свободного воспитания». Представители этой концепции — французы С.Фор и П.Робен, делали ставку на крайнюю индивидуализацию воспитания, категорически отрицали любое подавление личности ребенка и регламентации всех сторон его жизни и поведения.

Умы образованных россиян кроме этого занимали иностранная литература, корреспонденция, различные обозрения, из которых читатель мог узнать о модных педагогических теориях. Например, во Франции к 70-м годам XIX в. вышла книга «Отцы и дети» («Les pères et les enfants au XIX siècle») автора Э.Легуве. Легуве указывал, что рядом с многочисленными и разнообразными переменами в политической, общественной и интеллектуальной жизни, произошли значительные изменения и в отношениях между родителями и детьми. Физическая, деспотическая сторона утратила свое значение, а сила нравственного влияния еще не заняла ее место, поэтому отношения между родителями и детьми, по мнению Легуве, представляют полную анархию. Исходя из этой мысли, автор дает советы отцу, как относиться к сыну, достигшему юношеского возраста. Сущность их состоит в том, что отец не должен оставлять сына в этом периоде на произвол судьбы, ему необходимо, во что бы то ни стало приобрести его доверие, а свою роль свести к роли некоего ментора, «серьезного

друга». Однако эта роль затруднялась тем, что предполагала участие отца в «забавах» сына, что было не лишено, как пишет иностранный обозреватель, «...некоторой опасности для авторитета отца» [7, 224].

Популяризация западных педагогических течений подобного рода в России, создавала на практике житейские коллизии, а французские передовые воспитательные методы неоднозначно воспринимались в среде русской интеллигенции. Изучение особенностей французской культуры воспитания, семейных ценностей заставляло более пристально анализировать собственные проблемы, выявлять плюсы и минусы отечественной системы воспитания, традиций и новаторских методов.

Литература

1. Боборыкин П. Столицы мира. Тридцать лет воспоминаний. М., «Сфинкс».
2. Бурже П. Ученик / Пер. с фр. А.Ладинского. Гос. изд-во худ. лит.-ры. М., 1958.
3. Зэлдин Т. Все о французах / Пер. с фр.; Послеслов. И.М.Бунина. М., 1989.
4. Каченовский Д.И. Заметки о характере французов и англичан // Русская речь. 15 января. 1861. № 5. С. 72—76.
5. Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. М.: Академия наук СССР, 1961
6. Корреспонденция из Парижа // Вестник Европы. 1870. № 1. С. 439—456.
7. Л.П. Европа и ее силы. // Вестник Европы. 1870. № 5.
8. Мерсье Л.С. Картины Парижа / Пер. с франц. 2-е изд. (с сокращ.). М., 1995.

С.Г.Малкин

г. Самара

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.: ЛЭРД КАЛЛОДЕН КАК АГЕНТ И ЭТНОГРАФ

В соответствии с решениями Короны и правительства 1724 г. хайлендские штудии должны были обеспечить эффективный военно-политический контроль Лондона в Горной Шотландии [3, 32—34]. Информация о социально-экономических, политических, культурных особенностях Горной Страны, определявших, как полагали комментаторы, ее социально-экономическую, политическую и культурную географию, была призвана помочь пересмотреть взгляд на борьбу с якобитами в Хайленде. Результатом такого поворота событий стало широкое применение «шотландскими» чинами практики полевых исследований в административной этнографии мятежного края. В отличие от кабинетных исследований авторов памфлетов, официальных мемориалов и рапортов королю и министрам, представлявших теоретическое осмысление эмпирического материала и соответствовавших, скорее, стратегическому уровню этнографического знания и основ хайлендской политики Лондона, полевые исследования фиксировали переход от пионерских попыток спонтанного перевода местных реалий «по случаю» к синтезу оценок и мнений в процессе аргументации и систематизации полученных сведений.

География и этнография «Хайлендской проблемы», таким образом, не только обеспечивали власти материалом для воображения их владений и подданных в Горной Шотландии. Полевые исследования в рамках административной этнографии Горной Страны представляли собой на практике скорее диалог с «взбунтовавшимся» горцем, чем его таксономию, скорее попытку культурного перевода, чем просвещенческий шаблон хайлендского «варварства». При этом ответственные за умиротворение края чины и их агенты в Хайленде рассматривали местных информаторов как отдельные примеры, способные представить целую группу (рассматривая похожий ирландский пример, Стифэн О'Кэдла называет такое обобщение различий «кельтицизмом») и наделяет его чертами, характерными для ориентализма Э.В.Саида) [4, 47]. Такой подход неизбежно вел к обобщениям. Вопрос, таким образом, состоит не в наличии или отсутствии искажения этнографической информации, но в характере ее искажения. В связи с указанными обстоятельствами отправным пунктом рассуждений о практической составляющей в административной этнографии мятежного шотландского горца является вопрос об источниках соответствующей информации в Хайленде.

Сбор, анализ и учет этнографических сведений в крае с прибытием в Горную Страну генерала Уэйда в 1724 г. и назначением Данкана Форбса из Каллодена лордом-адвокатом Шотландии в 1725 г. были поставлены на широкую ногу, причем деятельность последнего в данном случае служит едва ли не образцовым примером организации и проведения полевых исследований в ходе этнографического решения «Хайлендской проблемы». Во всяком случае, в сравнении со спорадическим этнографическим интересом военных и штатских «шотландских» чинов в предыдущий период. Цепь передачи информации при этом представляла собой, по сути, каналы передачи разведанных, а сами полевые исследования в Горном Крае едва ли отличались от

сбора агентурных сведений. Быть здесь агентом, информатором, комментатором означало на практике необходимость быть еще и географом и этнографом (как в случае с занятием административной должности, связанной с умиротворением Хайленда).

Итак, полевые исследования штатских «шотландских» чинов с 1725 г. и до кончины в 1748 г. во-многом направлялись лордом Каллодом. Принадлежа к крепкой вигскими традициями фамилии Форбсов из Каллодена и последовательно занимая в структуре управления Шотландией ключевые посты (лорд-адвокат Шотландии с 1725 г., лорд-президент Сессионного суда Шотландии с 1737 г.), этот 3-й Форбс из Каллодена являлся весьма информированным и влиятельным в местной среде политическим агентом Лондона в Горной Стране [1, 963]. Бурная деятельность Данкана Форбса из Каллодена основывалась на таком близком понимании местных реалий, которого между 1715 и 1745 гг. не добился ни один из информаторов Короны и ее правительств в Горной Стране. Опираясь на свое положение и влияние в крае, лорд-президент с августа 1745 г. по апрель 1746 г. мобилизовал в свою корреспондентную группу более полусотни информаторов и агентов в Хайленде (в свою очередь, имевших собственных осведомителей), благодаря чему Лондон имел значительно более ясную картину событий в Северной Британии в течение почти всего периода возмущения якобитов 1745—1746 гг. [1, 203—277, 370—474].

Анализ характерных особенностей организации ответственными за умиротворение Горного Края чинами полевых исследований в политически значимой области административной этнографии Хайленда позволяет прийти к двум важным предварительным выводам. Во-первых, совершенно очевидно, что в своей практической деятельности в рамках хайлендской политики «шотландские» чины руководствовались представлением о «взбунтовавшемся» горце, сформированном, скорее, под влиянием местных комментаторов и информаторов, в процессе непрерывного обмена информацией с отдельными представителями горских сообществ и шотландского общества в целом. Сформированный шотландским Просвещением универсальный образ хайлендского «варварства» определял, скорее, риторическую и идеологическую форму, чем конкретное содержание этого диалога культур. Во-вторых, столь же заметным представляется доминирование тем, связанных с военно-политической и криминогенной обстановкой в Горной Шотландии, одна составляющая которой, по мысли чинов и их местных агентов, взаимно предполагала другую. В конечном итоге правительство, часто проявляя нетерпение и узкое понимание «Хайлендской проблемы», доверило умиротворение Горного Края военным.

Эту тенденцию в хайлендской политике Лондона, однако, не следует интерпретировать буквально. С одной стороны, такой подход определялся логикой регулярного государства раннего Нового времени и особой ролью, которую оно отводило военным в имперском строительстве и устройстве колоний и окраин современных европейских держав. С другой стороны, «Хайлендская проблема» лишь после якобитского мятежа 1745—1746 гг. была осознана и официально признана на правительственном уровне как не только военно-политическая, но и социально-экономическая и морально-этическая, положив начало дискуссиям о внутренней колонизации этого гэльского края [2]. Тот факт, что вопросы социально-экономической «цивилизации» Горной Страны, в конце концов, вошли в повестку хайлендской политики Лондона, парадоксальным, на первый взгляд, образом связан с идейной солидарностью командующих королевскими войсками в Шотландии со своими штатскими коллегами, вызванной пониманием невозможности обеспечения военно-политической стабильности британского присутствия в крае при сохранении постепенно распадавшихся, но все еще существовавших феодально-клановых отношений.

Соответственно в рапортах и мемориалах обозначилось основное содержание административной этнографии Хайленда. Во-первых, это понимавшиеся этнографически особенности партизанской войны в шотландских горах («Горной войны») и набеговой практики, сопровождавшейся шантажом и покражей скота, и связанные с этим социальным бандитизмом проблемы и трудности регулярной армии в условиях Горной Шотландии. Во-вторых, это варианты социальной инженерии в Горной Стране в связи с этнографическими особенностями реформирования этой мятежной гэльской окраины. При этом в обоих случаях аналитические комментарии выстраивались вокруг категории «взбунтовавшегося» горца на фоне карты лояльностей Горного Края, которую эта категория позволяла составить с опорой на агентурную деятельность и полевые исследования таких вдумчивых информаторов и чиновников правительства в Горной Стране, как Данкан Форбс из Каллодена.

Литература

1. English Historical Documents. Vol. X. 1714—1783 / Ed. by D.B.Horn, M.A.Ransome and M.Ransome. London, 1957.
2. Johnsson F.A. The Enlightenment in the Highlands: Natural History and Internal Colonization in the Scottish Enlightenment, 1760-1830. PhD thesis. The University of Chicago, 2005.
3. Mitchison R. The Government and the Highlands, 1707—1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T.Philipson and R.Mitchison. Edinburgh, 1970.
4. O' Cadhla Stiofán. Civilizing Ireland. Ordnance Survey 1824—1842: Ethnography, Cartography, Translation. Dublin, 2007.

СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ЛЮ ШИ-ПЭЯ

К началу XX в. Китай переживал период интенсивных духовных исканий, которые сопровождались быстрым освоением достижений западных социальных дисциплин (при этом одновременно усваивались, например, идеи Платона и Ницше). Это закономерно приводило к тому, что новое поколение китайских идеологов по мере своего духовного взросления и воспитания успевало «примерить» несколько философских систем. Множество выдающихся китайских мыслителей не миновали увлечения утопическим творчеством. Ярким примером такого рода увлечений является «искушение анархизмом» некоторых представителей китайской общественной мысли.

Все китайские анархисты XX в. создавали свои группы в эмиграции и всячески пытались подчеркнуть разрыв с официальной конфуцианской традицией. Это не означало полного отрыва от автохтонных учений, например, в работах членов Парижской группы китайских анархистов, и ее лидера У Чжи-хуя, легко обнаружить влияние даосизма. Характерно, впрочем, что члены Парижской группы отмежевывались от него, признавая себя последователями М.Бакунина и Прудона. Сохранялось и увлечение древним конфуцианским идеалом *Да тун* — Великого Единения. Член Парижской группы Ю Юй-жэнь писал: «Все люди равны и свободны, но из-за этого они не стали необузданными. Никакие законы и правила не связывают их, но никто не нарушает высоких принципов справедливости. То, что люди делают добро, находится в полном соответствии с природой и никоим образом не объясняется принуждением. Поэтому не существует никаких воинов и никакого оружия, а также никаких правительств, не существует никаких границ между расами и странами, и, наконец, рухнут преграды между индивидуумами. Все обеспечены и рады, сыты и веселы, не знают споров и забот, а также не знают ни зависти, ни конкуренции. Все люди среди четырех морей процветают и чувствуют себя молодыми — такова картина *Да тун*» [3, 98].

Характерно, что китайские анархисты круга У Чжи-хуя прямо связывали установление Великого Единения со всемирной революцией и мгновенным установлением нового мирового порядка. Последний описывался формулой «высшей справедливости и бескорыстия» (*чжигун усы чжуи*). Позднее У Чжи-хуй перешел на суньятсенистские позиции и полагал, что осуществление трех народных принципов Сунь Ят-сена приведет к созданию мира Великого Единения, не имеющего границ, правительств и государства.

Иную позицию занимал лидер токийской группы анархистов Лю Ши-пэй (1884—1919)¹, который декларировал свой переход на анархистские позиции в самом начале 1907 г. Свою теорию Лю Ши-пэй связывал с учением школы аграриев (стоявшей, вероятно, между даосизмом и моизмом), согласно которому каждый член общества, независимо от того, является ли он мудрецом или крестьянином, должен работать в поле. По мнению Лю Ши-пэя, «эры Великого Дао и всеобщей справедливости» можно достичь тогда, когда каждый человек будет одновременно рабочим, крестьянином и интеллигентом, и таким образом все права и обязанности людей будут уравнены [3, 99]. Однако Е.Ю.Стабунова отмечала, что данные взгляды были полностью оторваны от их китайских корней, и если даже в ходе пересказа теории П.А.Кропоткина и использовались понятия *да тун*, *гун ли* и проч., они были в значительной степени переосмыслены [1, 264]. В то же самое время проект Лю Ши-пэя был несомненно связан и с доктриной Кан Ю-вэя, хотя он и не пользовался термином «Великое Единение». Е.Ю.Стабунова отмечает, что «можно говорить об идейной преемственности, хотя по масштабам краткий проект Лю Ши-пэя не идет ни в какое сравнение с капитальным трудом выдающегося предшественника» [2, 44]. Лю Ши-пэй повторяет Кан Ю-вэя даже формой описания идеального общества. Это хорошо видно из его программной работы «Теория равных физических сил людей» (*Жэньлэйцзюнь ли шио*), опубликованной в токийском журнале «Тянь и бао» (№ 3, 10 июля 1907 г.)².

Задачей Лю Ши-пэя было отыскание формы, которое будет иметь общество, основанное на принципе равенства. С этой позиции он критикует современных ему анархо-коммунистов, и противопоставляет им учение древнего представителя школы аграриев Сюй Сина (IV в. до н.э.; о нем см.: [4]), ссылаясь он также на буддийские сутры и теорию Мэн-цзы в трактовке Ван Шоу-жэня. По Сюй Сину «мудрецы и народ совместно обрабатывают поле, совместно едят и правят» [2, 43]. Правда, Лю Ши-пэй оговаривался, что Сюй Син был не в состоянии предвидеть усложнения технологии производства в современном мире [Там же].

¹ Взгляды группы и биография Лю Ши-пэя подробно описаны в статье Е.Ю.Стабуновой [1, 253 — 270] и ее же монографии [2, 32—48].

² В нашем распоряжении был английский перевод, выполненный Ли Гуань-нань (Университет Орегона, США) [5]. В примечании Р.Грэма к переводу отмечается, что идеи, высказанные в этой статье, напоминают одновременно доктрины Ш.Фурье и П.А.Кропоткина.

В обществе, описанном Лю Ши-пэем, границы полностью уничтожены, нации слились в одно целое, весь мир перешел на единый язык, и это — эсперанто. Все население разделено на группы, жизнь которых регламентирована по возрастному и профессиональному признакам, что описано в особой таблице. До 10 лет ребенок живет в детском учреждении, где в течение пяти лет получает образование под руководством пожилых людей, уже не участвующих в физическом труде. В возрасте от 11 до 20 лет молодой человек полдня обязан работать и полдня — учиться. С 21 года начинается полноценная трудовая деятельность, но в зависимости от возраста меняется род занятий: в 21 год работают на строительстве дорог, в 22 года — на рудниках и лесозаготовках, с 23 до 30 лет — в металлургии и гончарном производстве, с 31 до 36 лет — вяжут, ткут и прядут. Кроме того, первые 16 лет трудовой деятельности, каждый член общества обязан участвовать в полевых работах. Здесь Лю Ши-пэй оговаривается, что благодаря прогрессу техники продолжительность сельскохозяйственных работ сократится до нескольких недель в году, во время которых все прочие виды деятельности будут остановлены. При этом один человек, трудясь в поле, будет обеспечивать рисом 4—5 человек, одновременно совмещая два-три рода деятельности. Люди в возрасте от 37 до 40 лет готовят пищу, с 41 до 45 лет — работают на транспорте. Следующие пять лет жизни посвящены технике и медицине. При этом учитываются профессиональные склонности, а продолжительность рабочего дня составляет всего 2—3 часа. Если человек работает в отдаленных местах или тяжелых условиях, срок службы сокращается с 5 до 2 лет. Достигшие 50-летнего возраста направляются в дома престарелых, где их ожидают обязанности воспитания и обучения новых поколений [2, 43—44]. Характерно, что в этом обществе находится место и для физически неполноценных людей: инвалиды старше 20 лет освобождаются от всех перечисленных видов работ, слепцы занимаются музыкой, глухие и немые привлекаются к типографским работам и т.д. При этом им отводится двухчасовой рабочий день, и они пользуются всей полнотой прав. Все средства производства и произведенный продукт находятся в общей собственности [5].

По Е.Ю.Стабуровой этот проект «казарменного коммунизма» воспроизводит идеализированную модель старого мира. Здесь причудливо смешаны настроения крестьянской уравниловки, вера в прогресс техники, стремление к протесту против национальной замкнутости, но и стремление воспрепятствовать дальнейшему распространению капитализма в Китае [2, 44]. Утопия Лю Ши-пэя в некоторых аспектах более последовательна и бескомпромиссна, чем у Кан Ю-вэя (1858—1927) — создателя самого впечатляющего из проектов Великого Единения, но более примитивна. «Самым существенным различием в идеях двух мыслителей следует считать то, что за основу своей теории Лю Ши-пэй взял идею, лишь мимоходом затронутую, но не развитую Кан Ю-вэем, о равенстве через равный труд. Это был китайский бабунизм» [2, 45]. Характерно, что уже в 1908 г. Лю Ши-пэй разочаровался в анархизме, вернулся в Китай и поступил на государственную службу, а в идейном отношении к 1915 году перешел на монархические позиции и поддержал коронацию Юань Ши-кая. В 1916 г. он стал преподавателем Пекинского университета (по приглашению своего учителя Цай Юань-пэя — тогдашнего ректора) и полностью вернулся в лоно конфуцианской традиции.

Приведенными примерами круг анархических китайских утопий не исчерпывается. Если проанализировать содержание этих утопических проектов, то выяснится, что источниками вдохновения для их создателей выступали, во-первых, труды даосских отшельников китайской древности (с даосской традицией как уже говорилось, китайский анархизм тесно связан). Вторым источником выступали буддийские представления — в первую очередь эсхатологические и аскетические; третьим была теория Кан Ю-вэя, постоянно вызывающая стремление ее улучшить или опровергнуть.

Литература

1. Китайские социальные утопии. М., 1987.
2. Стабунова Е.Ю. Анархизм в Китае. М., 1983.
3. Фельбер Р. Концепция Датун в новое и новейшее время // Китай: государство и общество. М., 1977. С. 93—102.
4. Graham A.C. The "Nung-chia" 'School of the Tillers' and the Origins of Peasant Utopianism in China // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol.42 (1). 1979. P. 66—100.
5. ShenShu(Liu Shipei). On the Equal Ability of Humans // Anarchy Archives: Center on the History and Theory of Anarchism. URL http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/worldwidemovements/china/liushipei.html

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕДОВСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ

К настоящему времени исследователи магических практик, сохранявшихся в европейских культурах раннего нового времени, показали, что феномен ведовства, уходя своими корнями в сферу потустороннего, имеет и специфически земное измерение. Необходимо рассмотреть такие действия людей, обвинявшихся в ведовстве, которые, в восприятии современников, подрывали материальное и физическое благосостояние людей, одновременно нанося ущерб общественному спокойствию и благополучию.

Материалы источников содержат упоминания о людях, втянутых в ведовской процесс. Помимо самой жертвы обвинения и официальных лиц, на плечах которых лежало проведение следствия, к ним относятся объекты предполагаемой «ведовской атаки», которые часто выступали свидетелями. Это могли быть родственники обвиняемого и прочие участники процесса. Таким образом, необходимо рассмотреть причины обвинения ведьм, стадии ведовского процесса и его правовые особенности, а также поведение его участников. Под ведовским процессом следует понимать не только факт разбора дела в суде, но и другие стадии, включающие в себя появление и развитие подозрений, особенности судебного разбирательства и казнь осужденного человека.

При исследовании ведовского процесса необходимо учитывать судебно-правовую специфику. Принято выделять основные процессуальные стадии: возникновение подозрения, арест, в ходе которого велось следствие, судебное разбирательство, и, наконец, приведение решения суда в исполнение.

Законы о ведовстве в Новой Англии берут свое начало из английского статута короля Якова I от 1604 и поэтому определяют ведовство как уголовное преступление (*felony*), влекущее за собой смертельное наказание. Важно отметить, что ведовство формально не воспринималось как ересь или преступление против религии.

В Новой Англии суды над ведьмами проводились в гражданских судах (*civil courts*). Формой наказания в Новой Англии, перенимавшей английские обычаи, была только казнь через повешенье и никогда через сожжение на костре, так как жгли не за малефициум (*maleficium*), а за ересь [1]. Смертная казнь через сожжение никогда не являлась распространенным в Англии наказанием за ведовство. Этот приговор приберегали для изменников, будь то случаи бытовой измены, когда, скажем, жена убивала мужа или слуга — своего хозяина, или государственной измены, когда подданный убивал своего суверена, или для изготовителей всякого рода подделок. Закон этот был отозван лишь в 1790 г. Если в Англии сжигали женщину, то лишь за одно из указанных выше преступлений, хотя ведовство вполне могло значиться среди прочих обвинений [2, 290].

В судебной системе колоний Массачусетс, Новый Плимут, Род Айленд, Коннектикут (то есть там, где были ведовские разбирательства) существовало три уровня судов. В других же колониях законы о ведовстве не работали, что было связано с радикализмом пуританской доктрины отцов-основателей. На самом нижнем уровне находился местный судья — уполномоченный представитель колониального магистрата. Так Вильям Пинчен (*William Pinchon*), судья в Спрингфилде, занимался предварительными разбирательствами (*pretrial examination*) дела о ведовстве Хью и Мэри Парсонс. На втором уровне были окружные суды, где судьи вели процессы и выносили вердикты. Когда какое-нибудь дело о ведовстве передавалось в высшую инстанцию — верховный суд в Массачусетсе (*the Court of Assistants*), там присяжные могли опровергнуть или признать действительным обвинение [3, 11].

Верховный суд колонии состоял из 12 человек, избравшихся каждый май месяц колониальной ассамблеей (*colony's representative assembly*), нижней палатой законодательного органа. Верховный суд собирался и в Хартфорде (*Hartford*) — столице колонии. Для тех людей, кто жил в другом городе, совершить поездку в Хартфорд или в Бостон, чтобы засвидетельствовать против кого-то, означало бы нахождение несколько дней вдали от ферм и своих семей, включая материальные затраты на поездку [4, 59].

Колонисты Новой Англии во многом полагались на Библию, так как ими руководила вера в своей избранности Богом и надежда построить новое лучшее общество, и желание исправить ошибки английской церкви и общества [5, 239].

Согласно законодательной системе, ведовство считалось уголовным преступлением, но для этого необходимо было доказать факт заключения договора с Дьяволом. На это указывают ряд статуты о ведовстве и государственных законов в Новой Англии от 1641, 1642, 1648, 1658 [6, 1, 7, 11].

В 1641 году в колонии Массачусетс была установлена смертная казнь за ведовство. Согласно статуту 1641 года этой колонии, «если какой-либо мужчина или женщина является ведьмой, они должны быть казнены» [6, 2].

Первая казнь за ведовство в Новой Англии датируется 26 мая 1647 г. — повесили Альзу Янг [3, 21], и, начиная с того случая, аналогичные процессы происходили хотя и редко, но регулярно.

В связи с компактностью проживания общества в Новой Англии сведения и сплетни о ведовстве из региона в регион распространялись очень быстро, что также стимулировало поиск и разоблачение других ведьм.

Необходимо перечислить список законных причин для проведения расследования по делам, связанным с ведовством. При этом, расследование возможно, если хотя бы одно из следующих условий для проведения расследования по ведовству присутствует:

1. Пресловутая клевета людей как причина для возможности проведения расследования.
2. Если злодеяния, совершенные ведьмой, приводят к чьей-либо смерти.
3. Если после ссоры или угроз с человеком, наносящим вред, следует смерть кого-то.
4. Если подозреваемый является сыном или дочерью, слугой или другом, соседом или давним компаньоном осужденной ведьмы, то это еще одно предположения для обвинения в ведовстве.
5. Если у подозреваемого имеется на теле дьявольский знак («ведьмин знак»), что свидетельствует о договоре этого человека с Дьяволом.
6. И, наконец, последнее: если подозреваемый при допросе путается в своих ответах — это показатель того, что он виноват или что-то скрывает.

Примером злодеяния ведьмы, которое привело к человеческой смерти можно отнести дело Мэри Парсонс, одной из подозреваемых, которая после долгих разбирательств признала свою вину. Ее судили в Бостоне 13 мая 1651 г. и вынесли смертный приговор не столько «за различные дьявольские дела, которые она учиняла при помощи ведовства», сколько за убийство собственного ребенка. Приведение приговора в исполнение было отсрочено.

Юридический процесс, который помогал обнаружить и доказать, кто являлся ведьмой, составлял различные виды показаний. Суды в Новой Англии искали надежные свидетельства, что Дьявол являлся участником ведовства. Но что делать, если свидетельства не указывали на то, что эти оккультные деяния были совершены при участии Дьявола? Могли ли данные свидетельства быть достаточными, чтобы обвинить кого-то в этом преступлении? Для этого необходимо уметь отличать «действительные свидетельства» от «ложных свидетельств» или заблуждений.

Для ареста и признания виновности в ведовстве было достаточно опознания жертвой во время судебного процесса той ведьмы, которая ее мучила.

Суду могли быть представлены три основные категории свидетельств, которые объединяются под одним названием «недостаточные»:

Проверка железом (red hot iron) и испытание водой (scalding water):

- а) проверка железом (red hot iron) — если человека раскаленное железо ранит, он невиновен, а если не ранит — виновен, то есть является ведьмой;
- б) испытание водой (water test, scalding water) — если человек тонет, то невиновен, а если не тонет — виновен.

Духовенство и судьи пуританских колоний не считали истинными такие свидетельства, как «испытание водой» (swimming test), которое использовалось, в частности, во время ведовского разбирательства в Хартфорде в 1662—1663 гг. [3, 10]

Показания колдуна (wizard), который демонстрирует то, как ему удастся увидеть в стекле лицо подозреваемой в ведовстве. Но эта процедура опасна тем, что Дьявол может обмануть, показав в стекле лицо вовсе невиновного человека.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что услуги предсказателей и колдунов были популярны в различных слоях общества. Во всяком случае, пример, когда колдун находился на службе у судьи и помогал ему в опознавании ведьм, говорит о том, что «белые маги» пользовались популярностью не только среди простого народа, но и у местных властей.

Встречались показания и о том, что люди, чаще всего жертвы, видели «спектр ведьмы» («spectral evidences», то есть ее призрак), который, как думали многие, естественно, исходит не от Бога, а от Дьявола. Священники по этой причине отрицали использование спектра как свидетельства вины. «Спектр ведьмы» фигурировал в ведовских разбирательствах как очередное свидетельство для обвинения, но на самом деле его не было, или в других случаях он мог привидеться человеку. Против свидетельств такого рода, как «спектр», не может быть предоставлено алиби, поскольку сами обвиняемые не присутствовали при проявлениях колдовства, и поэтому в суде допускали, что околдованные говорили правду [7, 214].

Болезни или несчастья, преследующие одержимого человека, то есть жертву ведьмы, являются серьезной почвой для подозрения или для расследования, но не достаточны для осуждения подозреваемого в ведовстве [8, 91].

Из вышеуказанного видно, что суд может признать виновным человека только в том случае, если есть доказательства того, что подсудимый заключил договор с Дьяволом.

При наличии достаточного количества показаний и свидетельств подозреваемый в ведовстве человек заключался под арест. С этого момента все действия суда были направлены на то, чтобы подсудимый признал свою вину и выдал сообщников.

Литература

1. Термин «maleficium» образован от malum (зло) и facere (делать) и обозначает в собственном смысле действия Дьявола против Бога, и отсюда — деятельность тех людей, которых Дьявол делает своими орудиями.
2. Водовство, которого не было / Пер. с англ. Н.Масловой. СПб., 2005.
3. Witch-Hunting in Seventeenth Century New England. A Documentary History. 1638-1692. Ed. by Hall D. Boston, 1991.
4. Richard. Escaping Salem. The Other Witch Hunt of 1692. — N.Y.; 2005.
5. Foundations of Colonial America. A Documentary History. Volume I. North-Eastern Colonies. Ed. by Kavenagh W. N.Y.; London, 1973.
6. The Laws and Liberties of Mass. Bay Colony, 1641—1691. Vol. 1—2. Wilmington., 1976.
7. Скотт В. Письма о демонологии и колдовстве. М.; СПб., 2002.
8. Godbeer, Richard, Escaping Salem. The Other Witch Hunt of 1692. N.Y., 2005.

А.И.Минаев

г.Рязань

Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина

БРИТАНСКАЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИНОСТРАННЫХ ОБОЗРЕНИЯХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» НАЧАЛА XX ВЕКА

В центре обсуждения проблем британского и находившегося на стадии становления российского парламентаризма в начале XX в. по-прежнему оставался либеральный «Вестник Европы». В своих внешнеполитических обзорах журнал знакомил своих читателей с реакцией британской прессы и политической элиты на начавшуюся деятельность Государственной Думы в России.

«Для всей Европы, а не только для России, — подчеркивал иностранный обозреватель журнала в июне 1906 г., — крупнейшим событием истекшего месяца было открытие заседаний первого собрания русских народных представителей, как официального и самостоятельного законодательного учреждения» [1, 819]. Далее детально анализировалась позиция лондонской «Times» по данному вопросу. «Весь мир, — отмечало ведущее периодическое издание Великобритании, — будет с глубочайшим интересом следить за начальными фазисами конституционного опыта, более обширного и важного, чем все другие опыты подобного рода, предпринимавшиеся в континентальной Европе со времени событий 1789 г. во Франции» [1, 819].

«Times», выдавая желаемое за действительное, не сомневалась в искренности желаний императора Николая II ввести конституционное правление, против чего, по мнению газеты, восставали как влиятельные придворные круги, так и «мрачные революционные силы». Перспективы дальнейшего военно-политического сотрудничества между двумя странами издание связывало, в том числе, и с перспективами конституционной эволюции России. «Добрые чувства мира, — заключала «Times», — будут сопутствовать работам Думы, и не менее других стран разделяет эти чувства Англия, так как столь важное для нее соглашение с Россией зависит в значительной мере от успешного выполнения задач, лежащих на Думе; и русские депутаты могут только в том случае успешно исполнить эти задачи, если они будут постоянно помнить обширность и величие их и то огромное политическое воспитание, которому должен подвергнуться народ, прежде чем Российская империя реально превратится в конституционное государство» [1, 820].

«Вестник Европы» обращал внимание своих читателей на то, что в номере от 16 мая 1906 г. «Times» высказывала надежду, что верховная власть в России не упустит прекрасной возможности восстановить нормальные отношения со своими подданными и вернуть к себе народное доверие, отбросив колебания и реакционные замыслы, внушаемые неразумными советниками.

В августе 1906 г. русский либеральный журнал писал: «Наиболее решительно и авторитетно выразились симпатии к Государственной Думе в классической стране парламентаризма — Англии» [2, 826]. Иностранное обозрение этого номера содержало обстоятельную информацию об очередном съезде межпарламентской конференции мира, который открылся 23 июля 1906 г. в Лондоне. Собрание заседало в роскошной королевской галерее Вестминстерского дворца, прилегающей к палате лордов. На этот съезд были впервые приглашены шесть депутатов Государственной Думы из России во главе с М.М.Ковалевским. В день открытия форума стало известно о роспуске российского парламента, и это событие вызвало бурную реакцию. Впечатление, произведенное свершившимся фактом, было настолько сильно, что не позволило собранию спокойно заняться обсуждением намеченных вопросов о международном третейском суде и разоружении. «В виду известия о роспуске Думы, — писала «Times», — большой и всеобщий интерес возбуждался присутствием делегатов этого учреждения, профессора М.Ковалевского, М.Острогорского, Ф.Родичева, г.Свечина и профессора Васильева, которым оказаны были многочисленные знаки уважения и сочувствия представителями всех национальностей. Упоминания о Думе, которые делались различными ораторами, вызывали замечательные демонстрации со стороны членов: все неоднократно вскакивали со своих мест, поднимали руки по направлению к тому месту, где сидели русские, и рукоплескали с энтузиазмом» [2, 827]. Центральным собы-

тием первого заседания стала речь премьер-министра Г.Кэмпбелл-Баннермана. Он приветствовал делегатов от имени короля и британской нации и выразил надежду, что совещания конференции помогут более тесному взаимному пониманию и сближению между народами, указал на постепенный рост движения в пользу международного мира и третейского суда. Далее он продолжал: «В связи с этим я не могу удержаться от того, чтобы не сказать от себя и по всей вероятности от имени каждого из участников этого исторического собрания, как рады мы приветствовать в нашей среде представителей самого младшего из парламентов — русской Думы. Мы глубоко ценим обстоятельства появления их между нами. Можно считать хорошим симптомом для нашего движения и для будущности Европы, что первым официальным актом русского парламента в области иностранных дел Российской империи было избрание делегатов для участия здесь в Вестминстере, совместно с нами, в подтверждении тех великих принципов мира и доброжелательства, которые так сильно двинуты были вперед главой русского государства, инициатором первой Гаагской конференции. Я не делаю комментариев по поводу известия, дошедшего до нас сегодня утром; здесь не место и не время для этого. Мы недостаточно знакомы с фактами, чтобы иметь возможность оправдывать или критиковать. Но, по крайней мере, мы, основывающие свою уверенность и свои надежды на парламентской системе, можем сказать: новые учреждения имеют часто тревожную, если не бурную молодость. Дума воскреснет в той или другой форме. Мы можем сказать с полной искренностью: « Дума умерла, да здравствует Дума!»» [2, 827—828]. В своем выступлении М.М.Ковалевский, поблагодарив британского премьера и всех участников за поддержку, заявил от себя и от имени своих коллег, что они считают свою миссию оконченной вследствие роспуска Думы и должны немедленно уехать в Россию с твердыми намерениями продолжать борьбу за свободу и всеобщий мир.

«Вестник Европы» подчеркивал, что речь Г.Кэмпбелл-Баннермана — это, прежде всего, «...выражение безусловного сочувствия к русскому народному представительству, признание его жизненности и законных прав на существование, и торжественное пожелание его скорейшего возрождения» [2, 828].

«Вестник Европы» оперативно откликнулся на конституционный процесс в самой Великобритании, важнейшей проблемой которого в начале XX в. стало реформирование палаты лордов. «Палата лордов, — отмечал «Вестник Европы» в августе 1907 г., — всегда давала и продолжает давать обильный материал для критики и насмешек. С точки зрения целесообразности и логичности государственного строя, что может быть бессмысленнее этого архаического законодательного собрания, состоящего из лиц, единственное право которых на роль законодателей заключается в факте рождения от знатных предков? Почему ничтожный маркиз Бленгейм, обращавший на себя внимание распушенностью своей частной жизни, законодательствует в верхней палате, после того как унаследовал титул герцога Мальборо, а его младший брат даровитый Черчилль должен был самостоятельно в устроить свою политическую карьеру? ... Многие светские спортсмены, совершенно невежественные в вопросах законодательства и открыто насмехающиеся над политикой, имеют по праву рождения решающий голос в важнейших делах государства...» [5, 813]

Журнал отмечал радикализм рабочей партии в этом вопросе, от имени которой была внесена поправка, предлагавшая совершенно упразднить верхнюю палату, «как воплощение интересов, противных общему благу, и как тормоз на пути национального прогресса». После трехдневных оживленных прений палата общин на своем заседании 26 июня 1907 г. большинством голосов отвергла ее, и приняла резолюцию Г.Кэмпбелл-Баннермана, которая предусматривала, что «для обеспечения надлежащего действия воли народа, выраженной его избранными представителями, необходимо ограничить законом право верхней палаты изменять или отвергать билли, принятые палатой общин...»

Очередная парламентская сессия открылась 12 февраля 1906 г. и одним из пунктов тронной речи официально была поставлена на очередь реформа палаты лордов. «Серьезные вопросы, касающиеся деятельности нашей парламентской системы, — говорилось ней, — возникли вследствие печальных несогласий между обеими палатами. Министры заняты рассмотрением этого важного предмета, с целью найти выход из затруднения» [3, 383]. Главным поводом к конфликту было отклонение или, вернее, изменение палатой лордов двух законопроектов, одобренных нижней палатой. Из них наибольший интерес представлял билль о народном образовании, долго и старательно обсуждавшийся в палате общин только для того, чтобы быть бесцеремонно отвергнутым лордами. Лидер консервативного большинства в верхней палате лордов лорд Ленсдоун, напомнил, что при последних парламентских выборах правительство не предлагало стране высказаться о реформе палаты лордов, и, следовательно, оно не могло получить полномочий для возбуждения этого вопроса. Об отвергнутых правительственных биллях названный лорд отозвался крайне пренебрежительно. По его мнению, правительство должно быть благодарно лордам за то, что они их отвергли [3, 384]. Представитель либеральной партии в палате лордов Рипон, отметил явную несправедливость, и даже опасность такого положения вещей, при котором законодательная деятельность либеральной нижней палаты задерживается и контролируется односторонним консервативным большинством палаты лордов. Правительство и парламент ставятся тогда в зависимость от консервативной оппозиции, потерявшей доверие избирателей, но сохраняющей всегда большинство в наследственной верхней палате. Последняя фактически находится в распоряжении одной и той же партии при всяком вообще правительстве и при всяком составе палаты общин [3, 384].

По мнению бывшего премьера А.Д.Бальфура, нелепо было бы предполагать, что при наличии второй палаты возможно избежать конфликтов. Отвечая А.Д.Бальфуру, глава кабинета Г.Кэмпбелл-Баннерман подробно

объяснил парламенту свой взгляд на значение поднятой проблемы. Палата лордов уничтожила два крупных законопроекта только потому, что они внесены либеральным правительством. В течение предшествовавших двадцати лет лорды пассивно принимали все, что им предлагалось. «Это показывает, — говорил премьер, — какой-то фатальный недостаток в действии Конституции. Когда королевское правительство имело определенный политический состав, палата лордов отрекалась от своих полномочий и от своего назначения в качестве контролирующей палаты; но она становилась грубо агрессивной, когда власть переходила к либералам. Лидер оппозиции всегда может рассчитывать на содействие людей, никем не избранных, но рожденных для оказания ему поддержки. Существенная основа британской конституции заключается в представительной системе. Но она перестала бы быть представительной, если бы предводитель партии, потерпевшей полное поражение на выборах, имел возможность прямо или косвенно сохранять верховный контроль над всем законодательством» [3, 384—385].

Сложнейший вопрос о преобразовании палаты лордов, составлявший один из существенных пунктов либеральной программы, попытались разрешить по-своему сами консерваторы, взяв тем самым инициативу в свои руки. Лорд Ньютон внес в палату лордов выработанный им проект частичного преобразования этой палаты и изложил его главные черты на заседании 6 мая 1907 г. Суть предложений сводилась к следующему: во-первых, наследственный элемент в палате должен быть ограничен привлечением только тех пэров, которые удовлетворяют известным специальным условиям или же будут избраны для этого в качестве представителей на срок парламентских полномочий; во-вторых, короне предоставляется право назначать пожизненных пэров числом не более ста, а число епископов в палате должно быть сокращено соответственно уменьшению числа наследственных пэров; в-третьих, способ избрания ирландских и шотландских пэров будет такой же, как и при выборах английских; в-четвертых, наследственные пэры, не желающие становиться представителями в верхней палате или заседать в ней, могут выступать кандидатами на выборах в палату общин [4, 823].

Выступивший лорд Каудор находил нужным повысить законодательную работу верхней палаты, но при этом советовал действовать с большой осторожностью. Лорд Кру высказал мнение, что, прежде всего, следовало бы выяснить пределы полномочий палаты и характер ее отношений с нижней палатой. Другие лорды критиковали билль Ньютона как слишком неясный и поверхностный.

По поводу приведенной выше полемики, обозреватель «Вестника Европы» отмечал: «В сущности, палата лордов — такое дряхлое учреждение, что преобразовать ее на разумных началах представляется почти невозможным: это наследие далекой старины распадется при первом прикосновении к нему реформаторской руки, а так как англичане не любят колебать или переделывать свои старинные национальные институты без крайней необходимости, то они, вероятно, ограничатся более точным определением функций верхней палаты относительно поступающих из нижней палаты законопроектов» [4, 823].

Законопроект Ньютона был в конечном итоге отозван, после чего учрежден специальный комитет для рассмотрения предложений о реформе. Комитет представил свой отчет в 1908 г., который во многом отражал принципы, сформулированные Ньютоном. В частности комитет рекомендовал верхнюю палату, численность которой должна была составить около четырехсот депутатов, большинство из которых являлись наследственными пэрами, избираемыми на срок полномочий одного парламента всеми наследственными пэрами. Комитет предполагал, что в новую верхнюю палату войдут также наследственные пэры в силу своей квалификации (министры кабинета) и ограниченное число пожизненных пэров.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что лорды были озабочены проблемой формирования своей палаты, но не полномочиями, объем которых представлялся им раз и навсегда данным. Речь идет в первую очередь о праве лордов отклонить любой законопроект, одобренный общинами, в том числе и финансовой. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что члены верхней палаты британского парламента позиционировали себя в качестве носителей исконных традиций британской государственности и не желали признавать того, что центр политической жизни давно переместился в палату общин, которая взаимодействовала с кабинетом, опирающимся на ее большинство. При этом, однако, следует отметить, что часть лордов понимала необходимость косметических перемен, которые позволили бы сохранить палату как оплот аристократии и непреодолимую преграду для демократических проектов и устремлений.

Таким образом, и в начале XX в. в годы государственно-правовой трансформации России «Вестник Европы» с прежних либеральных позиций освещал европейский политический процесс. Позитивные комментарии к конституционным событиям в Великобритании давали читателям уверенность в правильности пути, выбранного Россией. Важнейшим приоритетом для журнала оставалась по-прежнему эволюционная парадигма развития.

Литература

1. Вестник Европы. 1906. № 6.
2. Вестник Европы. 1906. № 8.
3. Вестник Европы. 1907. № 3.
4. Вестник Европы. 1907. № 6.
5. Вестник Европы. 1907. № 8.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НАКАНУНЕ ЯПОНСКОГО НАПАДЕНИЯ НА АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА

Япония к 1941 г. настолько увязла в войне с Китаем, что должна была либо прекратить войну, либо блокировать пути снабжения противника, то есть закрыть порты Индокитая и перерезать бирманскую дорогу Лашио — Чунцин. Проведение этих мероприятий означало войну с Британией и почти наверняка с Соединенными Штатами, которые постоянно финансировали Китай. После того как разгромленная Франция уже не могла защищать Индокитай и поэтому согласилась на его временную оккупацию Японией, между последней и США и Британией практически началась экономическая война. В этих условиях перед Японией встал выбор: либо настоящая война, либо экономический крах, и она решила выбрать, по ее мнению, наименьшее зло — войну.

Япония в географическом отношении для захвата колониальных владений западных держав располагалась крайне удобно, однако не могла нанести удар по самим метрополиям. Таким образом, в лучшем случае ее руководство могло надеяться на победу только ограниченного характера.

К середине августа 1941 г. командование японской армии и флота выработало общую стратегическую линию, а штабные органы разработали план наступательных действий в четырех вариантах. Первый план предусматривал сначала захват Голландской Индии, а затем — Филиппин и Малайи. Согласно второму — предполагалось последовательное продвижение японских вооруженных сил от Филиппин через острова Борнео, Ява и Суматра к Малайскому полуострову. Третий — намечал продвижение в обратном направлении от Малайи к Филиппинам. Наконец, четвертый вариант был рассчитан на одновременное нападение на Филиппины и Малайю, за которыми должен был последовать быстрый захват Голландской Индии. Именно последний план — одновременное наступление по двум направлениям — и был окончательно принят командованием армии и флота после совместных штабных учений в Токио в сентябре 1941 г. [13, 105].

По стратегическим соображениям Японии необходимо было разгромить американские и британские войска, расположенные в крупных базах: Сингапур, Манила, Гонконг, Гуам, Уэйк и т.д. Овладение этими ключевыми позициями обеспечивало ей возможность ведения длительных военных действий.

Чтобы обеспечить правый фланг оборонительной линии против возможных действий противника в районе Индийского океана, а также создать выгодные условия для ликвидации в Китае режима Чан Кайши, Японии необходимо было овладеть Бирмой.

Исходя из данных соображений, Ставка определила следующий план ведения войны: «Если Японии удастся захватить Малайю, Суматру, Яву, Целебес, Борнео, Филиппины, Гуам, Уэйк, Гонконг, будет обеспечен захват островов, расположенных западнее группы Маршалловых островов, Япония, обладая этими богатыми районами, сможет обеспечить сырьем свою экономику» [18, 68].

По разведанным японского командования вооруженные силы союзников на Дальнем Востоке на июнь 1941 г. были следующими:

	Малайя	Бирма	Борнео	Гонконг	Филиппины	Гуам	Голланд. Ост-Индия
Самолеты	200	50	—	10	160	300	300
Сухопутные войска	80000	35000	3500	19000	163000	1800	70000

Кроме того, союзники располагали боевыми кораблями: авианосцы — 2, плавучие базы гидросамолетов — 4, линейные корабли — 4—6, крейсера — 39, эсминцы — 35, подводные лодки — 50.

В близлежащих Индии, Новой Зеландии и Австралии на июнь 1941 г. силы вероятного противника оценивались японцами так [19, 54]:

	Индия	Австралия	Новая Зеландия
Сухопутные войска	500000	350000	100000
Самолеты	200	250	100

В целом вооруженные силы США, Великобритании и Нидерландов обладали значительной мощностью. Однако их разобщенность, отсутствие единого командования, низкая боеспособность, невысокий дух колони-

альных войск обуславливали недостаточную подготовку этих стран к организованному отпору. На тихоокеанском театре военных действий в составе вооруженных сил западных держав к началу войны приходилось на местные контингенты 55%. В британской армии 32% составляли солдаты из колоний [15, 511].

Само японское командование довело к концу 1941 г. численность своих вооруженных сил до 2,4 млн. человек, из них свыше 310 тыс. на флоте. Сухопутные войска имели в своем составе 51 пехотную дивизию и 58 пехотных бригад [9, 247]. ВВС в день нападения на Пёрл-Харбор насчитывали 2625 самолетов [17, 178].

Аппетиты японского руководства быстро росли. Планом мероприятий, рассчитанных на легкое завершение войны с США, Великобританией, Нидерландами (принятом на совместном совещании представителей императорской Ставки и правительства 15 ноября 1941 г.) предусматривалось «в первую очередь разгромить и вывести из войны Англию в результате совместных усилий Японии, Германии и Италии». В частности указывалось:

— Япония намерена отторгнуть от Великобритании Австралию и Индию.

— Япония выражает надежду, что Германия и Италия осуществят Суэцкую операцию и будут проводить политику, направленную против Индии, усилят блокаду Англии, а если потребуют обстоятельства осуществят высадку своих войск на Британские острова.

План, разработанный императорской Ставкой, основывался на концепции слияния оперативных сфер Японии и Германии в Индии. Это был единственный и последний случай, когда командование армии разрабатывало план действий сухопутных войск, исходя из общих интересов в войне этих двух стран [17, 80—82].

Развертывание вооруженных сил США и Великобритании в бассейне Тихого океана и Дальнем Востоке и их подготовка к войне проводилась в соответствии с согласованным в марте 1941 г. планом «АБЦ — 1» и разработанным на его основе американским планом ведения войны против держав оси — «Рейнбоу—5». Великобритания должна была защищать свои владения в ЮВА и Южной Азии, особенно Сингапур, и обеспечить коммуникации на Тихом и Индийском океанах [9, 166]. При этом английское военное командование, не возражая против ведения в этом районе стратегической обороны, считало, что американский флот должен взять на себя защиту британских владений.

Американский историк Луис Мортон писал по этому поводу: «По существу английское командование просило гарантировать оборону стран Британского Содружества наций и принять в качестве одного из центральных принципов союзнической стратегии английскую точку ... даже ценой отказа от подготовки удара против Германии при первой возможности» [13, 117]. Американцы, хотя и согласились с английской точкой зрения о необходимости удержания Сингапура, отказались выделить для его обороны свои корабли, мотивируя это угрозой ослабления усилий на главном театре военных действий — в Европе и Атлантике.

Англичане полагали, что если Япония рискнет начать войну с Британской империей и Соединенными Штатами, то японцы постараются захватить Юго-Восточную Азию и Индонезию и что они не будут в состоянии сделать это, не захватив базы на восточном побережье Крайстмус или Малайского полуострова, и таким образом, лучшим вариантом обороны было бы оставить в Сингапуре флот, достаточно сильный, чтобы доминировать в Сиамском заливе и в Южно- Китайском море [3, 268].

Еще 25 июня 1940 г. Комитет начальников штабов сообщил Кабинету, что в связи с невозможностью в настоящее время послать флот на Дальний Восток особенно важно максимально укрепить сухопутную противовоздушную оборону Малайи. Так как выделить для этой цели войска и снаряжение за счет метрополии или Среднего Востока не представлялось возможным, то получить их можно было только из Индии и Австралии. Индия могла послать в тот момент одну бригаду и довести ее численность к сентябрю до дивизии, но эти войска предназначались для Ирана и Ирака. Если бы отпала необходимость отправки индийских частей в эти страны, то их целесообразно было бы послать в Африку [8, 313].

По признанию Черчилля, очередность английских задач на 1941 г. была следующей: 1) защита метрополии; 2) борьба на Среднем Востоке и в районе Средиземного моря; 3) после июня, поставки Советской России; 4) сопротивление нападению Японии. Лишь в конце августа 1941 г. британское командование решило создать дальневосточный флот, базирующийся в Сингапуре, и довести его к весне 1942 г. до 7 линкоров, 1 первоклассного авианосца, 10 крейсеров и 24 эсминцев [20, 265—266]. В октябре сюда прибыли два линкора — «Принс ов Уэллс» и «Рипалс» с четырьмя эсминцами, но без поддержки авианосца.

Сингапур оказался явно неподготовленным к войне. Форты с могучими орудиями, глядевшими в море, не могли помочь в случае наступления противника по суше (во что собственно английское командование не верило). В городе и окрестностях не было никаких бомбоубежищ и укрытий для населения, так как решили их не строить, потому что город расположен в низине, и поэтому в траншеи и доты будет поступать вода. Для возведения наземных оборонительных сооружений требовалось много свободного места, которого в городе не нашлось [5, 156].

Выгодная позиция военной базы на стыке Индийского океана и Южно-Китайского моря давала ей возможность господствовать над обоими и контролировать коммуникации между Тихим и Индийским океанами. Играла свою роль и сравнительно большая удаленность от Японии. Хотя с развитием авиации возникли новые опасности, но расстояние между Японией и Сингапуром было слишком велико даже для новейших самолетов большого радиуса действий.

По мнению лондонских военных специалистов, с суши городу вообще ничего не могло угрожать. Здесь на Малаккском полуострове на несколько сот километров простиралась джунгли, и казалось маловероятным, чтобы Сингапур подвергся нападению отсюда [16, 15].

В городе не было объявлено об обязательном затемнении из опасения, что отключение электричества отрицательно скажется на вентиляции жилых помещений, так как перестанут работать фены. Данные рассуждения иллюстрировали, что британские власти ни в какое нападение Японии не верили и не представляли себе, что такое современная война [12, 88].

Состояние вооруженных сил, дислоцированных в Малайе перед войной, было плачевным, хотя на первый взгляд армия казалась достаточно сильной. Всего она насчитывала около 90 тыс. человек, в том числе 20 тыс. англичан, 15 тыс. австралийцев, 37 тыс. индийцев и 17 тыс. местных жителей. 31 армейский батальон составляли три дивизии — 9-ю и 11-ю индийские и 8-ю австралийскую. Но артиллерия была только береговой, а танковые части вообще отсутствовали, так как в Лондоне считали, что они здесь не понадобятся из-за рельефа местности и состояния дорог. ВВС представляли четыре дивизии новых американских истребителей «Буффало». Пилоты остальных авиационных частей летали на старых самолетах, ожидая поступления из Европы новой техники [5, 162—163].

Главная беда английской армии в Малайе заключалась не в малочисленности, а в низких боевых качествах как солдат (в основном новобранцев из Индии), так и офицеров. Последние в большинстве своем были призванные с началом войны клерки и мелкие колониальные чиновники. Они искренне верили, что японцы воевать не умеют, и каждый англичанин стоит десятка японцев, которые тактически слабы, лишены инициативы, не умеют воевать в джунглях, а командный состав никуда не годится. В действительности японские части имели богатый опыт действий в Южном Китае и Французском Индокитае, а также были прекрасно организованы, в то время как, по признанию английского историка Корелли Барнетта, «ни индийские, ни британские силы в Малайе не были на пике своих возможностей» [2, 446].

На штабных играх в Сингапуре английское командование рассмотрело возможный план высадки японцев не в самой Малайе, а на юге Таиланда — в Сингорра, откуда шли дороги, позволявшие в считанные часы проникнуть в Малайю с севера. Опасаясь японского вторжения, английские власти перебросили сюда некоторые пехотные части из Индии [18, 122]. Был даже принят план «Матадор», по которому в случае высадки японцев в Сингорра, англо-индийские войска должны были быстро перейти границу с Таиландом и сбросить десант в море. В самой Малайе на пляжах, пригодных для высадки десанта, в том числе и в Кота-Бару (который и был избран японцами), выкопали гнезда для пулеметов (из которых в большинстве торчали палки) и протянули из-за нехватки всего один ряд колючей проволоки [5, 170-171]. В реальности для обороны Малайи практически ничего так и не делалось.

Перед самым началом войны британские силы в Малайе состояли из Индийского 3-го корпуса, насчитывавшего всего две недавно сформированные и полуобученные дивизии, защищавшего Северную Малайю, и австралийской дивизии, прикрывавшей Северный Джохор [1, 299].

По иронии судьбы британские силы в Малайе располагались рассредоточено с целью обороны аэродромов, выстроенных для прикрытия военно-морской базы, хотя ни соответствующих сил авиации, ни флота здесь не было. Основную выгоду от этих аэродромов и военно-морской базы впоследствии получили японцы. К тому же японское командование располагало подробным планом — со схемами и таблицами с описанием порядка караульной службы в английской армии и системы береговых укреплений, составленным майором Асида [16, 21].

Задача захвата Малайи и Сингапура возлагалась на 25-ю армию генерала Ямаситы, состоявшую из трех дивизий с подразделениями обеспечения (всего 110 тыс. человек, из них 70 тыс. — боевые части).

Передовой отряд из-за ограниченности транспортных средств всего в 26 тыс. человек должен был захватить аэродромы. Главным же силам предстояло двигаться по суше из Индокитая через Таиланд и далее по перешейку Кра с целью как можно скорее прийти на помощь десанту, а затем развить наступление на юг вдоль западного побережья Малайского полуострова [11, 216]. Противник в этом случае попадал в огромные клещи, из которых ему предстояло спешно вырваться и тем самым открыть путь японским войскам [16, 21].

Английские силы по численности превосходили японские. Однако, по признанию Лиддела Гарта, это были смешанные войска, плохо оснащенные и слабо подготовленные по сравнению с тремя дивизиями Ямаситы, считавшимися одними из лучших во всей японской армии, поддержанными 211 танками и 560 самолетами, что почти в 4 раза превышало число английских самолетов в Малайе. Причем японские самолеты отличались лучшими тактико-техническими данными [11, 216—217].

Английское командование могло надеяться на свои укрепленные базы на Сингапуре и Гонконге (острове в 7 раз меньше, чем Сингапур). Главный порт о-ва Гонконг Виктория, близ которого располагались военно-морская и авиационная базы, защищал гарнизон, состоящий из двух английских и двух индийских батальонов, к которым за две недели до войны присоединились еще два канадских. Гарнизон также имел несколько зенитных орудий, расчеты которых в основном состояли из индийцев [4, 124].

На сооружение военно-морской и авиационной баз с 1934 г. по 1940 г. было затрачено около 11,5 млн. ф. ст. Однако к моменту нападения японцев подготовка к обороне острова так и не была закончена. Несомнен-

но, что значение Гонконга переоценили, тем более, что в этих водах Англия не располагала крупной военной эскадрой, как морской, так и воздушной. Вся система обороны Гонконга была рассчитана на то, что континентальный Китай, особенно Кантонский район, будет дружески поддерживать эту английскую базу, и таким образом нужно будет бороться только с японскими морскими силами с помощью тяжелой артиллерии [14, 34—35]. Но уже после занятия японцами Кантона осенью 1938 г. для многих стало ясно, что главная опасность угрожает Гонконгу не с моря, а с суши.

Хотя гарнизон и получил подкрепления в виде двух индийских бригад, спешно отправленных и плохо обученных, а также английской дивизии, высаженной с кораблей по пути в Египет, толку от этого было мало [1, 300]. Так газета «Таймс» от 4 февраля 1941 г. писала: «Индийские войска, которые прибыли в качестве подкрепления, привезли вместе с собой свой автотранспорт. Индийские части полностью моторизованы, ни в одной нет ни одного мула или другого вьючного животного... Войска вскоре приступили к усиленной тренировке в освоении тактики войны в джунглях» [6]. Но на практике оказалось, что моторизованные части здесь не обладают преимуществами, как на других фронтах. Японцы, в отличие от своего противника, не были привязаны к автотранспорту и дорогам и легко продвигались в джунглях. Поэтому моторизованные части уступали в подвижности японским отрядам, которые чувствовали в джунглях себя как дома [17, 190].

Еще в 1938 г. главнокомандующий английскими войсками в Малайе генерал Добби и затем сменивший его в июне 1939 г. генерал Бонд пришли к выводу касательно возможностей Сингапура, что «...наибольшей опасностью для крепости... является нападение с севера» [12, 29]. Они предприняли определенные меры для укрепления оборонительных позиций, прикрывавших остров с моря, но многое сделать не смогли, так как оставался в силе старый план, предусматривавший нападение только с юга. Даже 8 декабря 1941 г. специальный корреспондент газеты «Таймс» в Сингапуре писал: «Сегодня Сингапур — основа британской мощи на Дальнем Востоке... Густые джунгли северных малайских государств делают маловероятным, чтобы противник когда-нибудь попытался добраться до Сингапура по суше...» [7].

Большой гарнизон обладал достаточными запасами боеприпасов, продовольствия и воды, и внешне положение крепости не казалось безнадежным. Думалось, что она сможет продержаться, по крайней мере, шесть месяцев. Но внутри крепости положение было иным. Оборонявший Сингапур 3-й корпус генерала Хита состоял из 8-й английской дивизии (основные силы которой прибыли только 29 января) и 11-й индийской дивизии Кея, в которую вошли остатки 9-й индийской дивизии. Район действия этого корпуса простирался вдоль северного побережья вплоть до дамбы. Отсюда линию обороны держала 8-я австралийская дивизия генерала Беннета, усиленная 44-й индийской бригадой, прибывшей сюда лишь за несколько дней ранее и состоявшей из молодых частично обученных солдат. Южное побережье охранялось силами гарнизона крепости [20, 359].

Таким образом, гарнизон Сингапура из 70 тыс. человек был организован в пехотные батальоны, из которых 13 являлись английскими, 6 австралийскими, 17 индийскими, 2 местными и 11 смешанными. Но все они оказались плохо подготовленными и без поддержки с воздуха и моря явно не могли в условиях превосходящей японской стратегии и тактики удержать остров. Единственной надеждой Уэйвелла оставалась возможность этим силам продержаться до прибытия подкреплений [3, 294].

В итоге можно констатировать, что английское командование не было готово к ведению современной войны в районе Юго-Восточной Азии, что и предопределило в дальнейшем серьезные успехи японцев в данном регионе.

Литература

1. A concise history of World War II. N.Y., 1964.
2. Barnett C. Britain and her army 1509 — 1970. A military, political and social survey. L., 1970.
3. Collier B. A short history of the Second World War. L., 1967.
4. Elliot J.C. A Roll of Honour. L., 1965.
5. Kirby S.W. The war against Japan. L., 1957. Vol.1.
6. The Times. 1941. 4 Feb.
7. The Times. 1941. 8 Dec.
8. Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959.
9. Вторая мировая война. Краткая история / Ред.: Д.Айхольц, Н.Г.Андроников, А.И.Бабин и др. М., 1984.
10. История Второй мировой войны 1939—1945. М., 1975. Т. 4.
11. Лиддел Г.Б. Вторая мировая война: (очерк). М., 1976.
12. Можейко И.В. «Западный ветер — ясная погода». М., 1984.
13. Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны) / Под ред. С.Л.Иванова. М., 1974.
14. Попов К.М. Тихоокеанский театр военных действий. Ташкент, 1942.
15. Пробуждение угнетенных / Отв. ред. Г.И.Левинсон, Л.Р.Полонская. М., 1968.
16. Тюрк Г. Сингапур. Падение цитадели. М., 1973.
17. Фуллер Дж. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М., 1956.
18. Хаттори Т. Япония в войне 1941—1945. М., 1973.
19. Хаяси С. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964.
20. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Т. 2. Кн. 3.

ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭЛЕКТОРАТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТ В 1886 ГОДУ

В начале 1886 г., когда либеральное правительство готовило свою законодательную инициативу по ирландскому вопросу, страна находилась в состоянии напряженного ожидания. Наконец, в апреле был представлен билль о гомруле. В своем стремлении положить конец кризису министры либерального правительства пошли навстречу национальным чаяниям народа Ирландии значительно далее, чем ожидало большинство современников. Проект билля предполагал создать в Ирландии двухпалатный парламент, правда, с достаточно ограниченными правами. Гомруль фактически расколол страну на два фронта [6, Арг. 9].

Немедленно начались ожесточенные словесные сражения между сторонниками правительства и оппозицией. Единственный вопрос, ставившейся перед избирателями, был вопрос о судьбе гомруля. Основной упор премьер-министр либерального кабинета Гладстон делал не на подробностях билля, отвергнутого палатой общин. Он предлагал решить вопрос в целом, т.е. предоставлять ли ирландцам право самостоятельно управлять своей Отчиной или же по-прежнему вести с ними несправедливую борьбу [3]?

Консерваторы резко ужесточают свои позиции, все большее внимание уделялось разжиганию националистических и шовинистических антиирландских страстей. Так, лидер консервативной партии маркиз Солсбери ранее тоже обещал, что его партия сохранит верность своим традициям по отношению к Ирландии. Но при этом не давалось совершенно никаких разъяснений, каковы конкретно эти традиции. Теперь же особо подчеркивалось, что их суть сводится к сохранению Унии Великобритании с Ирландией практически любой ценой. Гарантировалась защита лояльному ирландскому меньшинству, но с существенной оговоркой «если оно существует». Весной же 1886 г. это объявлялось первой обязанностью, делом чести правительства и нации: «Бросить на произвол врагов тех, кого вы призвали на свою защиту, рисковавших всем ради вас... является бесчестьем, ниже которого невозможно опуститься» [6, Арг. 15].

В другой речи Солсбери уточнил, что под меньшинством он понимает «Землевладельцев, образованных людей, банкиров, купцов, студентов», т.е. социальные слои и группы, являвшиеся традиционным объектом особого внимания консервативной партии как в Ирландии, так и на всей остальной территории Соединенного Королевства. Классовость подхода здесь проявилась еще до того, как Гладстон 1 мая 1886 г. охарактеризовал борьбу вокруг гомруля как «противостояние между привилегированными классами и униженными массами» [6, Febr. 18].

Чтобы сплотить партию и подыграть настроениям общественности (которые считались преимущественно антиирландскими), Солсбери неоднократно подчеркивал свою принципиальную враждебность самой идее гомруля. Националистические круги жаждали твердости и непримиримости — лидер тори охотно демонстрировал и то, и другое. Возможно, самой знаменитой за всю его политическую карьеру речью стало выступление 15 мая 1886 г. перед активом Национального союза консервативных ассоциаций. Солсбери заявил, что «свободные представительные институты» не даются готтентотам или индусам. Маркиз даже выразил сомнение в подготовленности к самоуправлению русских и греков. Только англосаксы и тевтоны заслуживают самоуправления! Таким образом, маркиз отказал в доверии народу, который «приобрел привычку пусть в ход ножи и пули» [2, 192].

В качестве альтернативы дорогостоящим земельным реформам, которые, пугал маркиз, тяжким бременем лягут на плечу британских налогоплательщиков, предлагалось, чтобы ирландцы решали свои проблемы эмиграцией в канадскую провинцию Манитобу. Лидер консерваторов конечно знал, что подобный вариант представляется идеальным и влиятельным кругам в либеральной партии. Но этим его программа отнюдь не исчерпывалась [2, 192; 1, 34—35].

Солсбери с пафосом провозгласил: «Моя альтернативная политика сводится к тому, что парламент должен дать возможность правительству Англии управлять Ирландией (громкие аплодисменты). Если принять в течение двадцати лет это средство честно, последовательно и решительно, то к концу данного срока обнаружится, что Ирландия будет готова принять любые дары в виде местного самоуправления или отмены картельных законов, которые Вы ей пожелаете дать (аплодисменты). Она нуждается в правительстве — правительстве, которое не отступает и не колеблется, правительстве, которое она не могла бы надеется сломить агитацией в Вестминстере, правительстве, решения и настроение которого не изменят происходящие в Вестминстере партийные перемены» [2, 193].

Наконец Солсбери ударил и в имперский набат. Он призвал слушателей решить, будет ли вероятное отклонение палатой общин билля о гомруле «только остановкой в постепенном процессе дезинтеграции и упадка или же станет первым шагом новой и более смелой имперской политики» [5, 1881—1882].

Своего апогея кризис достиг седьмого июня 1886 г. Правительственный законопроект потерпел поражение в палате общин во время второго чтения — за билль проголосовало 313 депутатов, против — 343, из них 93 были либералами, которые проголосовали вместе с оппозицией. В итоге Гладстон, стремясь получить мандат нации на проведение своего курса, назначил даты проведения парламентских выборов на начало июля 1886 г. Началась новая избирательная компания и страсти по гомрулю разгорелись с еще большей силой.

Заметим, что общественное мнение Соединенного Королевства раскололось самым решительным образом. Обычные колкости между консерваторами и либералами, сопутствующие предвыборному периоду, сменились взаимными обвинениями либерал-юнионистов и гомрулеров.

Как отмечали современники все остальные вопросы внутренней и внешней политики отошли на задний план. Консерваторы продолжали активно разыгрывать имперскую карту. Солсбери заявил в Лидсе, что «мы пришли на суд этого великого трибунала английского народа, для защиты дела британской империи». Подлинную сенсацию вызвала предельно резкая речь идеолога концепции торийской демократии Р.Черчилля. О билле Гладстона, к примеру, было сказано, что «соединенное в единое целое гениальность Бедлама и Колнихетта напрасно пытались бы произвести более поразительный набор нелепостей [6, Jun. 19].

Современники обратили внимание и на четкое взаимодействие тори и либерал-перебежчиков (юнионистов), их совместное противостояние кандидатам правительства.

Подобная целенаправленность, в высшей степени энергичная и весьма темпераментно-эмоциональная обработка населения, дала впечатляющие дивиденды. Напротив, надежды Гладстона и его сторонников на чувство справедливости и благоразумие жителей Соединенного Королевства не сбылись.

Таблица 5

Итоги парламентских выборов 1886 г. [4, 580]

Регион	Консерваторы	Либерал-юнионисты	Либералы	Ирландские националисты
Англия	278	55	122	-
Уэльс	6	2	25	-
Шотландия	10	17	43	-
Ирландия	15	2	1	85
Университетские округа	8	1	0	-
Всего	317	77	191	85

Так, на выборах 1886 г. противники ирландского гомруля одержали уверенную победу: в палату общин было избрано 317 консерваторов и 77 либерал-юнионистов против 191 либерал-гладстонианца и 85 ирландских националистов. Таким образом, тори не хватило 19 голосов для абсолютного большинства, и они могли уверенно контролировать ситуацию лишь при помощи союзников [4, 580].

Как отмечает русский посол в Лондоне Е.Е.Сталь, итоги выборов превзошли самые смелые ожидания оппозиции. Налицо были существенные успехи консерваторов и их союзников в аграрных округах, где сельскохозяйственные работники на этот раз проявили откровенную пассивность. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, неспособность правительства Гладстона выполнить предвыборные обещания радикалов. Во-вторых, широким распространением антиирландских настроений. В-третьих, совпадение выборов с сенокосом. Русский посол подчеркивает, что сельское население оказалось менее радикализированным и более подверженным традиционалистским воздействиям, чем считалось ранее. Приятной тенденцией для тори явилось то, что, как и на предыдущих выборах, крупные города выразили им поддержку. Особенно обрадовал Лондон. «Кто мог предположить, найти в Лондоне реальную базу торийским принципам?» — недоуменно и радостно спрашивал Солсбери у лорда Кренбрука [2, 195].

Из вышеизложенного мы можем сделать вывод, что парламентские выборы 1886 г. полностью подтвердили правильность ставки консерваторов на антиирландские настроения, царившие в Соединенном Королевстве.

Следует подчеркнуть, что выборы 1886 г. явились важным рубежным моментом британской империи. Действительно, если раскол 1846 г. на 30 лет отодвинул партию тори на задворки большой политики, то раскол либералов в 1886 г. в значительно степени предопределил почти двадцатилетнюю монополию консерваторов в сфере государственной власти.

Литература

1. Науменков О.А. Некоторые аспекты психологического воздействия на электорат накануне парламентских выборов 1886 г. в Великобритании // Викторианская Британия: события, люди, явления, процессы. Тезисы научной конференции. Уфа, 1995. С. 33—35.
2. Науменков О.А. Роберт Солсбери и его время. Викторианская Англия в лицах. СПб., 2004.

3. См. подробнее: Тивоненко Е.В. Проблема ирландской автономии в политике либеральной партии Великобритании (сентябрь 1885 — март 1894 годов): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.
4. British Parliamentary Elections Results, 1886—1918. P. 580
5. The Annual Register for the Year 1886. L., 1887. P. 1881—1882.
6. The Times. 1886.

Ф.В.Николаи

г. Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет

им. Козьмы Минина

«ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ»: ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В США

Хотя в отечественной историографии довольно много работ о войне США во Вьетнаме, ее социально-психологическим последствиям и, в частности, «вьетнамскому синдрому» посвящено весьма ограниченное количество исследований. Последний если и рассматривается, то преимущественно в плане обоснования внешней политики США или преодоления внутривнутриполитического «кризиса доверия» президентской администрации. В целом такой подход достаточно продуктивен, однако сведение этой масштабной проблемы лишь к ее внешнеполитической составляющей представляется сомнительным. В этом случае совершенно непонятной оказывается «медиализация» дискурса — все более широкое распространение метафор «внутренних ран», «психических травм» и «синдромов» в американской историографии. Trauma- и memory studies подчеркивают глубокое проникновение «вьетнамского синдрома» в кровь и плоть нации как на сознательном, так и на бессознательном (аффективном) уровне.

Напомним, что через Вьетнам — «первую техно-войну, первую войну эпохи рок-н-ролла и постмодерна» [1, 5] — прошло, по разным оценкам, от 2,7 до 3,5 млн. американских солдат. Более 58 тыс. погибло, а 110 тыс. человек умерло уже дома от связанных с войной причин (например, воздействия отравляющих веществ «Агента Оранж»). Около 60 тыс. ветеранов покончили жизнь самоубийством. А от 500 тыс. до 1,5 млн. (т.е. от 20 до 60%) стали жертвами пост-травматического стрессового расстройства (ПТСР) [2, 58; 5, 264]. Таким образом, уже в мирное время собственно в США погибло и оказалось травмировано больше ветеранов, чем на поле боя во Вьетнаме. И эта странная диспропорция, радикально отличающаяся от предшествующих конфликтов, требует объяснения.

С другой стороны, распространенная (особенно среди правых) точка зрения утверждает, что именно общественное мнение стало одной из ключевых причин поражения США во Вьетнаме. Статистика социальных опросов в отношении войны показывает четкую динамику: если в 1965 г. введение войск во Вьетнам считали ошибкой 25% населения, то к 1968 г. это мнение разделяли уже 50% опрошенных. В 1969 г. 25% высказывались за немедленный вывод войск (67% против), а в июне 1970 г. — 47% (49% против). В 1971 г. уже две трети настаивало на выводе войск и лишь 29% высказывались за продолжение войны [3, 105-106]. В декабре 1974 г. опрос Л. Харриса показал, что 72% американцев считают Вьетнамскую войну постыдным, а не героическим событием (против подобного утверждения выступили лишь 8% опрошенных, а еще 20% затруднилось ответить). В 1975 г. 75% населения считали войну «темным пятном» в истории США.

Одновременно на протяжении 1970-х гг. росло скептическое отношение не только к самой войне, но и к ее ветеранам. Если в 1971 г. 49% опрошенных назвали ветеранов «простофилями» (воюющими за чужие интересы или «сосунками» — suckers), то в 1979 г. это мнение разделяли уже 63%. Стоит подчеркнуть, что при этом 80% общества позитивно воспринимало ветеранов (и лишь 20% осуждало их действия на войне). Да и сами ветераны в это время скорее гордились своей службой (60% респондентов), чем стыдились ее (29%) [2, 66].

Сегодня подобные ответы кажутся непоследовательными и не совсем логичными. Эта логическая «нестыковка» заставляет нас рассматривать данные социологических опросов более пристально — не просто как нейтральные цифры, но как внутренне противоречивые и далеко не однозначные, скорее эмоциональные, чем рационально выверенные отклики на проблему. И.М.Савельева и А.В.Полетаев замечают по этому поводу: «...Хотя массовые представления американцев о прошлом в целом основаны на довольно приличных исторических знаниях, в то же время они содержат существенный эмоциональный компонент, подчас перебивающий рациональные соображения» [8, 397].

На наш взгляд, необходимо внимательнее присмотреться к подобной нестыковке или дивергенции, которые получают свое продолжение в так называемом «синдроме ложной памяти». Так, если по официальным данным военного министерства на начало 2012 г. в США было живо от 200 до 450 тысяч ветеранов, то по опросам общественного мнения называют себя ветеранами от 9,492,958 до 13,853,227 человек. Эти люди не

просто оценивают вьетнамскую войну со стороны, но *воспринимают* ее частью своего персонального опыта. Здесь важна специфическая логика *интернализации*: люди не просто занимают некую позицию в отношении войны, но ощущают ее частью своей собственной истории, своего персонального опыта, чувствуют ее изнутри. То есть война во Вьетнаме стала во многом мифологизированным Событием, сформировавшим особое поколение и сохраняющим влияние на его память и самоидентификацию. При этом поколенческая идентичность и эмоционально насыщенная коллективная память подчиняют нейтральное знание о прошлом и субъективную память отдельных индивидов.

Многие исследователи считают, что помимо манипуляций общественным мнением эта интернализация памяти связана с изменением языка описания и репрезентации памяти о войне во Вьетнаме: на смену романтической поэтизации прошлого (когда память рассматривалась как совокупность ментальных образов и вербального содержания) пришел медицинский дискурс психиатрии с его вниманием к автоматическим действиям тела (обладающего собственной аффективной и моторной памятью) [7, 3-4]. В 1970-е гг. ветераны совместно с левыми активистами и психиатрами создали несколько сотен «*garp groups*» — сообществ публичной речи и критики, которые позволяли ветеранам высказаться и поделиться своим трудным опытом. В их деятельности интересна не столько политическая или институциональная составляющая, сколько выработка языка признания ответственности и «невозможности траура», который не может быть нейтрализован терапевтическими средствами [4, 82]. Они стремились изменить не память или сознание ветерана (научить его жить с трудными воспоминаниями), но общество и его политические институты, ответственные за развязывание войны и ее последствия.

В этих условиях под давлением значительной части психиатров и общественности с 1974 г. в США начинается разработка новой психиатрической классификации DSM-III (*Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*), в которую включается новый термин — пост-травматическое стрессовое расстройство. Его сторонники изначально были ориентированы на активную академическую экспансию медицинского дискурса в смежные дисциплины, что способствовало необычайно широкой пролиферации *trauma studies*.

Однако подобная трансформация языка описания в значительной степени предполагала перенос внимания с социально-политической сферы на чисто академическую полемику. Более того, в 1980—1990-е гг. медиализация дискурса стала оружием неоконсерваторов в маргинализации левых. Своего пика деполитизация терапии достигла при Р. Рейгане. Соединение психиатрического дискурса и мифологизированного психоанализа позволяло нивелировать проблему ответственности, рассматривать как жертв не только ветеранов Вьетнама, но и все американское общество в целом. Даже сержант Келли превращался в жертву обстоятельств, а резня в Май Лэй — в аффективное действие потерявших друзей солдат [6, 77].

Переходя к выводам, следует отметить, что выросший из полемики о «вьетнамском синдроме» в США дискурс *trauma- и memory studies* изначально неоднороден. Он ведется с принципиально разных субъектных позиций — участника vs. стороннего наблюдателя. И эти позиции, как справедливо подчеркивают сторонники *trauma studies*, не должны подменять друг друга. Политики, терапевты и историки не могут напрямую «говорить от имени другого». Понятие *травмы* как почти не репрезентируемого шокового опыта отсылает не только к реальному событию прошлого, но и маркирует эту эпистемологическую ограниченность когнитивных ресурсов исследователя. Однако подобный сбой репрезентации не абсолютен. Необходимость диалога понимают все участники полемики — от левых ветеранов до правых политиков. И признание «окопной истории» ветеранов («истории снизу») со стороны академического сообщества является частью этого диалога. Таким образом, первой отличительной чертой дискурса травмы и памяти в США становится проблематизация границ исследовательской позиции: *дистанции vs. диалога с прошлым*.

Вторым важным моментом представляется изменение политических функций дискурса *trauma- и memory studies*. В 1970-е гг. правые республиканцы делали акцент на героизации войны и *памяти* о ней, а левые радикалы — на признании *травмы* как ветеранов, так и всего американского общества. Победа «поколения 1968 г.» в борьбе за общественное мнение по вьетнамской проблеме вызвала устойчивое преобладание понятия *травмы* над *памятью* в американских исследованиях культуры. Однако в 1980-1990-е гг. ситуация существенно изменилась: правые начинают активно пользоваться медиализацией дискурса *trauma studies*, а поэтому левые в 2000-е гг. вынуждены обратиться к переосмыслению самой этой оппозиции *памяти vs. травмы*.

Однако почему левые победили в борьбе с гигантской пропагандистской машиной администрации Р.Никсона (хотя и проиграли во многих других вопросах)? И почему всего через 10 лет неоконсерваторы во главе с Р.Рейганом так легко смогли использовать *trauma studies* в своих интересах, превратив левых ветеранов-активистов в глазах общественного мнения в «сумасшедших»? На наш взгляд, *политическая конъюнктура* и «конструирование» новых понятий в гуманитарных науках неразрывно связана с более глубоким уровнем социальной идентичности — саморефлексией *сообщества*. Именно на этом уровне в 1970—1980-е гг. произошли существенные изменения: американское общество сняло с себя ответственность за войну, присвоив себе статус жертвы. «Через [образ] травмированного ветерана народная память и национальная риторика трансформируют роль США во Вьетнамской войне: кровавая попытка нео-империалистического доминирования превращается в мученичество нации по вине ее порочных лидеров» [6, 9.]. Именно поэтому в 1980-е гг. неоконсерваторы смогли модифицировать дискурс *травмы* — прагматично перейти от героической к трагической риторике, апеллирующей к идентичности сообщества. При этом дискурс *травмы* оказался переведен из социально-политического и этического в чисто медицинское русло.

Литература

1. Beidler P.D. Late Thoughts on an Old War: The Legacy of Vietnam. Athens, Georgia: The University of Georgia Press, 2004. 213 p.
2. Hagopian P. The Vietnam War in American Memory: Veterans, Memorials, and the Politics of Healing. Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 2009.
3. Harmon M.D. Found, Featured, then Forgotten: U.S. Network TV News and the Vietnam Veterans Against the War. Knoxville, TN: Newfound Press, 2011.
4. Lifton R.J. Home from the War: Learning from the Vietnam Veterans. N.Y.: Other Press, 2005.
5. Scott W.J. Vietnam Veterans since the War: The Politics of PTSD, Agent Orange, and the National Memorial. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 2003.
6. Weaver G.M. Ideologies of Forgetting: Rape in the Vietnam War. N.Y.: University of New York Press, 2010.
7. Young A. The Harmony of Illusions: Inventing Post-Traumatic Stress Disorder. Princeton: Princeton University Press, 1995.
8. Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом или знают ли американцы историю. М., 2008.

А.А.Паламарчук

г. Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет

ЦИВИЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ ПРАВО В БРИТАНСКИХ КОМПОЗИТАХ В ПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СТЮАРТОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Историографическая традиция, берущая свои истоки в прологе политического конфликта 1640-х гг. и устойчивая по сей день, утверждает, что английское общее право — одно из ключевых явлений, влияющих на политическое и социальное развитие Англии. И с этим трудно не согласиться. Данная традиция также постулирует, что именно эта правовая система гарантирует незыблемость прав подданных английского монарха; более того, именно общее право исконно было структурообразующим явлением для средневекового английского общества и создало особую правовую и политическую культуру, свойственную лишь Британским островам. Однако вигская историография, доминировавшая в Британии вплоть до середины XX в. дополнил «патриотическую» концепцию общего права еще одним важным тезисом: общее право, с точки зрения вигов, с момента своего зарождения было главным инструментом противодействия королевскому деспотизму и, позднее, «абсолютизму» (прежде всего, абсолютизму Стюартов); оно же гарантировало неприкосновенность свобод и достоинства англичан. Цивильное право, наравне с королевской прерогативой, отождествлялось с королевским самовластием и деспотизмом, а деятельность институтов гражданского права окрашивалась в негативные тона. Масштаб воздействия римской традиции и канонического права виделся вигской историографией минимальным: вплоть до середины XX в. влияние римского права на Брактона и Гланвилла, которым традиционно отводилось почетное место «отцов-основателей» системы общего права, объявлялось несущественным.

Особая роль в становлении «идеи общего права» принадлежит выдающемуся юристу начала XVII столетия Эдварду Коку, который одним из первых предпринял попытку систематизации общего права. Деятельность Кока, направленная на усиление позиций судов общего права, имела не только социо-профессиональное, но и важное интеллектуально-политическое измерение. Немало усилий Кок, на протяжении своей карьеры занимавший едва ли не все ключевые посты в судебных институтах общего права, приложил к тому, чтобы донести до современников следующую мысль: общее право уже сейчас является доминирующей юридической системой, и именно оно, и ничто другое, выражает подлинную «английскость», дух нации. Общее право — свидетельство избранности английского народа, основание первенства англичан в европейской семье.

Однако пристальное рассмотрение того, как функционировали юридические институты раннестюартовской Англии, как формировался состав администрации и судов, какими идеями и установками руководствовались очень неоднородная и подвижная юридическая корпорация Англии, наконец, анализ того, как строил собственную риторику сам Эдвард Кок, приводит к мысли о том, что провозглашенное им доминирование общего права на рубеже XVI и XVII столетий было далеко неочевидным. Концепция, разработанная и успешно популяризированная Коком, и ее производные были подвергнуты ревизии лишь в последние несколько десятилетий в работах Б.Левака [5,] [6], Л.Кнафла [4], Р.Гельмгольца [3], Д.Кокиллетта [1], Р.Циммермана [17]. Суть критики состоит в том, что в риторике, которая выстраивалась в условиях интенсивной полемики

Коком и его сподвижниками, общее право и занимаемое им место в обществе представляло таким, каким оно должно было быть в видении его апологетов, однако создаваемая ими картина далеко не во всем отражала реально существующее положение дел.

Если тезис о гегемонии общего права может быть подвергнут сомнению при обращении к английскому материалу, то еще более интересным представляется вопрос о влиянии на правовую культуру раннестюартовской монархии вхождение в ее состав Шотландии и продолжение колониационного процесса в Ирландии.

Уния корон 1603 г. и политика, проводимая в Ирландии при Якове I и Карле I несли в себе импульсы, которые не могли не оказывать влияние на соотношение сил в иерархии правовых дискурсов, а кроме того — на проницаемость границ каждого из них.

Основой традиционного ирландского и шотландского общества в равной степени была клановая система. Вождь обладал патерналистской властью вершить судьбы членов своего клана или септа, в том числе правом судить и карать их за различные преступления. В то время как королевское правосудие средневековой Шотландии по мере сил пыталось оспаривать у вождей право называться высшей судебной инстанцией для своих подданных, то в Ирландии — по крайней мере, в той части, которая до елизаветинского времени не подвергалась нормандской и английской оккупации, ничто не препятствовало развитию брегонского права — обширному комплексу клановых обычаев и судебных практик.

После возобновления активного колониационного процесса при Елизавете Тюдор оказалось очевидным, что сама возможность закрепления англичан на новых территориях и дело подавления не прекращавшихся ирландских мятежей зависела от того, удастся ли если не уничтожить полностью, то, по крайней мере, поставить под сомнение незыблемость клановой системы, институт вождей и источник их авторитета. Один из путей решения этой задачи английская администрация усматривала в запрете традиционных клановых судищ и замене брегонского права правом общим и парламентскими статутами.

Сам термин «обычай», который у себя на родине виделся англичанам основой английской конституции и сам по себе был синонимом стабильности и справедливости, в ирландских условиях приобретал абсолютно противоположную коннотацию. «Ирландские обычаи», «брегонское право» — все это после неудачной экспедиции Эссекса, а затем, с легкой руки Эдмунда Спенсера, стало синонимом варварства, насилия, произвола, творимого жестокими предводителями кланов, и, разумеется, источником настроений и идей, ведущих к мятежу [7]. Таким образом, возникала проблема: общее право, на английской почве неустанно апеллировавшее к традиции и обычаю, в ирландских условиях лишалось той основы, на которой испокон веков строилась апология и пропаганда этой правовой системы. Убеждать ирландцев, пусть даже образованную часть общества, что насаждение судов общего права на самом деле имеет своей целью охранить древние ирландские обычаи, было бы заведомо бесполезно. Но и настаивать на исключительно национальном, английском характере общего права не было бы оправданным, так как в этом случае терялся «цивилизующий», «колониаторский» смысл его внедрения на варварских территориях. Общее право не должно было остаться правом лишь для англичан, ибо тогда и для них самих оно перестало бы соответствовать традиционному пониманию этого типа права, «общего» для всех подданных Его или Ее величества. В конце концов, ирландская проблема оказалась для общего права своеобразным «тестом на универсальность». Вопрос заключался не в том, самая ли это совершенная правовая система или нет, здесь ответ был очевиден, по крайней мере, для англичан. Вопрос был в том, существовало ли общее право лишь для одной богоизбранной нации, или оно могло быть применимо в условиях иной этнической и социальной реальности.

Одним из тех, для кого правовая сторона английской экспансии стала едва ли не делом всей жизни, был сэр Джон Дэвис. Юрист общего права, родом из Уилтшира, выпускник Миддл Темпл, в 1603 г. он оказался в Дублине в качестве генерального солиситора Ирландии. В последующие шестнадцать лет, до 1619 г. он последовательно занимал должности генерального солиситора и генерального атторнея. В 1615 г. Дэвис представил на суд общественности результаты своей деятельности, опубликовав «Первый отчет о делах, слушавшихся в королевских судах Ирландии» [9]. Судебную и политическую деятельность Дэвис сочетал с антикварными изысканиями: его перу принадлежит трактат «Обнаружение истинных причин, по которым Ирландия никогда не выказывала подчинения английской короне» [8]. Это пространное описание всех неудач, которые претерпели завоеватели, и побед, одержанных ирландцами не столько в силу собственной доблести, сколько благодаря слабости и непродуманности действий противника.

На первый взгляд воззрения Дэвиса кажутся абсолютно ясными. Корпусу отчетов он предпосылает авторское предисловие — апологию Общего права, по сути близкую к воззрениям Эдварда Кока. Однако сам текст значительно усложняет и обогащает картину. Объясняя причины неудач, постигавших в Ирландии сначала нормандцев, а потом и англичан, Дэвис указывает на то, что стремление к завоеванию как таковому не сопровождалось необходимым колониационным процессом. В то время как колонизация диких ирландцев принесла бы благо как последним, так и самим англичанам; начаться же она должна была с замены дурных ирландских обычаев «настоящим» английским правом. Колониационный опыт Римской империи служит Дэвису образцом для подражания: действительно, романизация германских народов начиналась с внедрения норм римского права. И, по его словам, через небольшой промежуток времени враждебные племена, прежде

угрожавшие внутренней стабильности империи, начинали пользоваться всеми благами римского правления, первым из которых был справедливый суд и устоявшееся право частной собственности. На протяжении столетий англичане не использовали возможность подчинения непокорного племени через изменение судебной системы: и вот, это наконец происходит не только на глазах, но и при непосредственном участии пишущего.

Трудность заключалась для Дэвиса лишь в следующем. Как известно, на протяжении своей истории Англия и сама многократно становилась предметом завоевания: сначала римлян, затем англосаксов, затем скандинавов, затем, наконец, нормандцев герцога Вильгельма. Устоявшаяся традиция, к которой принадлежали и Кок, и Сэлден, и Бэкон, а также множество других теоретиков и историописателей, гласила, что английская земля никогда, по сути, не была покорена завоевателями, скорее наоборот: все чужеземцы рано или поздно интегрировались в английское общество, а приносимые ими обычаи трансформировались и становились частью обычаев английских. Последнее завоевание, нормандское, неизменно считалось поворотным моментом английской истории, однако даже роль самого Вильгельма сводилась к систематизаторской деятельности по отношению к уже существующим реалиям. Никакие нововведения и внешние влияния не были способны поколебать устои английской «конституции».

Но, ежели подобное «абсорбирующее» действие обычая наблюдалось в Англии, не та ли самая сила противостояла завоевателям в Ирландии? Доказать обратное представлялось возможным через заимствование из гражданского права концепции завоевания, согласно которой все ранее существовавшие права и обязательства упразднялись в пользу победившей стороны. Как показал Д. Сазерленд, эта идея, берущая начало в дигестах Юстиниана и изначально связанная со статусом захваченного движимого или недвижимого имущества, была развита средневековыми юристами именно ради того, чтобы получить основание для распространения суверенитета на завоеванные территории [12, 33—51]. Использование этой концепции решало для Дэвиса соблазнительно много вопросов: устранялись берущие начало в Средневековье претензии папского престола на светскую власть в Ирландии, снимались земельные споры между предводителями кланов и вопросы наследования; брегонские обычаи теряли статус законов, а общее право оказывалось единственной действующей правовой системой на острове. Возможность слишком многообещающая: ради нее даже такой апологет общего права, как сэр Джон Дэвис был готов слегка поступиться принципами.

Не меньшим вызовом для развития дискурса, порожденного английским общим правом было вхождение в состав объединенного унией композитарного государства Шотландии. В отличие от Ирландии с ее крайне архаичной социальной и правовой системой, Шотландия имела право гордиться не только древней традицией монархической власти, но и самобытной правовой системой. Шотландская юридическая поговорка гласит: «эту страну никогда никто не покорял, кроме христианства и римского права».

Действительно, уже со времени правления Давида I (1124—1153) и еще более явственно в царствование Александра II (1214—1249) и Александра III (1249—1286) королевская власть предпринимает активные шаги к преодолению этнической разнородности королевства (источники XII в. все еще перечисляют среди подданных шотландского короля англичан, французов, фламандцев, скоттов, бриттов (валлийцев) и гэллоуэйцев), в том числе и с помощью активной законодательской деятельности — издания королевских статутов в качестве высшего источника права для всех подданных короны [16, 63—77]. Таким образом, именно королевские статуты, а затем и акты шотландского парламента сыграли в истории Шотландии «этноструктурирующую» роль, подобную той, которую в Англии сыграло общее право. Королевское правосудие, постулируя себя инстанцией, стоящей выше как обычных клановых, так и сеньориальных судов, по возможности использовало понятийный аппарат, процедуру и методы гражданского права, ориентируясь на континентальные практики. Помимо этого, дореформационная Шотландия, в отличие от своего южного соседа, неизменно поддерживала прочные узы, связывавшие шотландскую монархию и шотландскую церковь с Римским престолом. Церковная элита Шотландии, несмотря на ее сравнительную немногочисленность, благодаря связям с континентом была проводником для распространения норм континентального канонического права и его интерпретаций. Значительная часть тяжб мирян рассматривалась в церковных судах с правом апелляции к высшему суду в Риме.

Во второй половине XV в. объем дел, решавшихся в королевских судах согласно нормам гражданского права, резко возрос, что потребовало создания постоянного судебного органа, располагающегося в Эдинбурге, состоявшего из профессиональных юристов, составлявших коллегия правосудия (College of Justice) [16, 90]. При рассмотрении дел этот суд учитывал требования обычного права, облекая их в «романизованную» форму, либо в спорных случаях или в случаях, не регулирующихся обычным правом, напрямую обращался к нормам *jus commune*. Акт шотландского парламента 1583 г. упоминает о «требованиях общего права» (*common law*), подразумевая, однако, отнюдь не английскую правовую систему, а именно *jus commune*, которое полагалось «общим» для всех шотландцев. В 1469 г. шотландский парламента, только что подтвердивший статус короля Якова III Стюарта как императора в своем королевстве, создал комиссию для кодификации шотландского права. Несмотря на то, что задуманное предприятие так и не было реализовано, парламента 1504 г. торжественно провозгласил, что Шотландское королевство «должно жить согласно тем законам, что дает наш суверен, согласно общим законам страны, и никаким более» [13; 16, 95].

Шотландские теоретики (например, в конце XVI столетия сэр Джон Скин, который не только предпринял очередную попытку кодификации шотландских обычаев, но и подверг источниковедческой критике авторитетные правовые собрания, прежде всего *Regiam majestatem* Давида I) подчеркивали, что гражданское право используется в их стране не потому, что оно имеет для Шотландии какую-то особую обязывающую силу, но исключительно из-за его рациональности и справедливости (*equity*) [10, 87].

В трех шотландских университетах — Сент-Эндрюсе, Глазго и Абердине преподавалось гражданское, а вплоть до начала Реформации и каноническое право. Кроме того, в среде шотландских юристов, начиная с высокого Средневековья, а особенно в XVI и XVII столетиях считалось необходимым дополнять свое образование обучением гражданскому праву на континенте, чаще всего в университетах Нидерландов. Их примеру следовали многие знатные семейства, посылая своих отпрысков на континентальные факультеты права. Словом, несмотря на всю обостренность национального чувства, шотландская интеллектуальная традиция, и правовая мысль в частности, не была в какой-либо мере скована инсулярным снобизмом и не оценивала континентальные влияния, исходившие равно из католических Франции и Италии или из реформированных Соединенных Провинций как чуждые или несущие угрозу национальной самобытности.

Однако такая угроза после восшествия Якова VI Шотландского на английский престол стала ощущаться шотландским обществом не со стороны континента, а со стороны Англии. Несомненным раздражителем для шотландской политической и интеллектуальной элиты была сама программа строительства Великой Британии, развиваемая Яковом Стюартом с высоты английского трона. Конструирование единой британской общности подразумевало для короля приведение к единообразию правовых систем трех королевств, и опасения шотландцев относительно неприкосновенности их правовой автономии и самобытности были отнюдь не беспочвенными. Два видных шотландских цивилиста — сэр Томас Крейг из Риккартона и Джон Рассел — высказали сомнения касательно самой возможности совмещения шотландской традиции и английского общего права. Томас Крейг (ок. 1538—1608), юрист, историк и поэт, пользовался расположением короля Якова, написал апологетическое сочинение «*De unione Regnorum Britanniae*», а в 1604 г. был приглашен в Лондон для участия в парламентской комиссии, разрабатывавшей детали унии корон. Но гораздо более значимой работой Крейга стал трактат «*Jus Feudale*», после переиздания в Лейпциге ставший востребованным в Европе учебником для обучающихся гражданскому праву [14; 15].

На страницах «*Jus Feudale*» Крейг ставил перед собой задачу не только исследовать истоки феодальных отношений в Шотландии, но и предпринять компаративный анализ шотландского, английского и континентального феодального права. Кроме того, можно предположить, что многочисленные экскурсы Крейга в область английского общего права задумывались им как своеобразная помощь в адаптации будущих шотландских цивилистов к более тесному соприкосновению с английской юридической практикой.

Приходя к мысли о генетическом единстве и общих закономерностях в развитии европейских феодальных практик, Крейг делает несколько важных наблюдений относительно статуса обычного права. Единственным, что удовлетворяло требованиям Крейга к должным образом писаному праву, были парламентские акты. В спорных случаях юристу следовало обращаться в первую очередь к парламентским документам, и только при отсутствии решения — к иным источникам, т.е. к решениям судов, в которых, в свою очередь, отразились неписанные законы королевства. По мысли Крейга, в судебных практиках обычай никогда не представал в своем «первозданном», непосредственном виде, будучи пристрастно или просто ошибочно толкуем адвокатом или обвинителем. Поэтому обычное право никоим образом не может наступать на авторитет парламентского акта, ибо служит лишь для его интерпретации в спорных случаях.

Невозможно не заметить, что подобные воззрения ставили под вопрос саму суть английского общего права, насаждения которого так опасались в Шотландии [6, 103-110]. Но даже если существование общего права приходилось принять как данность, в глазах шотландских интеллектуалов оно все равно не было уникальной правовой системой, единственно способной исполнять ту историческую миссию «создания нации», на которой настаивали англичане. Последние же, хотя и испытывали по отношению к своим северным соседям сложное чувство, в котором сочетались высокомерие, страх, боязнь конкуренции и необходимое уважение к королю-шотландцу на британском престоле, не могли не отдавать отчет в том, что по сравнению с ирландским «варварством» шотландцы стоят на гораздо более близкой к жителям южной части острова ступени культурной, в том числе и правовой эволюции. А следовательно, серьезность влияний, исходящих с севера, нельзя было недооценивать.

Литература

1. Coquillette D.R. *The Civilian Writers of Doctors' Commons*, London: Three Centuries of Juristic Innovation in Comparative, Commercial and International Law. Berlin, 1988.
2. Ford J. D. *Law and Opinion in Scotland during the Seventeenth Century*. Oxford and Portland, 2007.
3. Helmholtz R.H. *Continental Law and Common Law: Historical Strangers or Companions?* // *Duke Law Journal*. Vol. 1990. N 6. P. 120—1228
4. Knafla L. *Law and Politics in Jacobean England*. Cambridge, 1977.
5. Levack B. *The Proposed Union of English law and Scots Law in the seventeenth Century* // *The Juridical Review*. 1979. Part 2. P. 97-115.

6. Levack B. The Proposed Union of English law and Scots Law in the seventeenth Century // The Juridical Review. Part 2. 1979. P. 103—110.
7. Orr A. From a View to a Discovery: Edmund Spencer, Sir John Davies, and the defects of law in the Realm of Ireland // Canadian Journal of History. December, 2003.
8. Sir John Davies. Historical Tracts of Sir John Davies, Attorney general of Ireland and Speaker of the House of Commons in Ireland. Dublin, 1787.
9. Sir John Davies. Le premier report des causes in les courts del Roy. Dublin, 1615. Английский перевод: A report of causes and matters in law resolved and abridged in the King's courts in Ireland. Dublin, 1672.
10. Stein P. Roman Law in European History. Cambridge, 2004.
11. Stein P. The Influence of Roman Law on the Law of Scotland // Juridical Review. 1963.
12. Sutherland D. Conquest and Law // Studia Gratiana. N15. 1972. P. 33—51.
13. The Civilian Tradition and Scots Law / Ed. by D.L. Carey Millar and R. Zimmermann. Berlin, 1997.
14. Thomae Craigi de Riccartoun Jus Feudale. 1603.
15. Thomae Craigi De unione Regnorum Britanniae. 1605.
16. Wormald J.(Ed.) Scotland. A History. Oxford, 2005.
17. Zimmermann R. The Law of obligations: Roman foundations of the Civilian Tradition. New York, 1990.

Р.В.Петров

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ В 60— 80-е ГОДЫ XIX ВЕКА

Предметом моего исследования при написании магистерской работы является деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и в Палестине в 60—70 годах XIX столетия. Эти годы были временем расцвета «Русской Палестины». Этим термином называют феномен, который состоит из сложной инфраструктуры русских храмов, монастырей, земельных участков и подворий, приобретенных и созданных во второй половине XIX — начале XX в. на русские деньги, трудами и энергией деятелей России, Русской Православной Церкви. Указанный период в истории Русской Духовной Миссии связан с именем ее самого яркого и выдающегося труженика — архимандрита Антонина (в миру — Андрея Ивановича Капустина (1817—1894), который возглавлял Миссию с 1865 по 1894 гг.

Деятельность этого подвижника проходила на территории, подвластной Османской империи, постоянно находившейся в состоянии войны с Россией. Представитель чуждого для османов государства, чуждых религии и идеологии, человек, который кроме своего скромного жалования не имел постоянного источника доходов, к тому же, не имевший законодательного права приобретать землю и недвижимость в Палестине, совершает невозможное. Именно о. Антонин первым начинает активно покупать участки в Иудее, Галилее и других областях тогдашней Палестины в пользу Российской империи. Большинство земельных приобретений и построек на них сделано этим удивительным человеком. Обладая энциклопедическими знаниями в области гражданской и библейской истории, географии, астрономии и других науках, прекрасно владея несколькими языками (немецкий, французский, греческий, латинский, арабский, еврейский), архимандрит Антонин (Капустин) проделал колоссальную работу, не только приобретая земельные участки и строя на их территории храмы и жилые помещения. Этот начальник Русской Миссии собрал множество святынь и артефактов Святой Земли, а также сделал несколько открытий, значительно обогативших мировую библейскую археологию. Главным из этих открытий является обнаружение Порога Судных врат, через которые осужденный на смерть Иисус Христос выходил из Иерусалима к месту распятия, что рассеяло сомнения большинства исследователей относительно местонахождения Голгофы и Гроба Господня.

В своей работе я опираюсь на ряд нарративных источников, описывающих деятельность Русской Духовной Миссии в Иерусалиме во время начальствования в ней архимандрита Антонина (Капустина).

Первым источником для моей работы на данный момент является сборник трудов А.А. Дмитриевского [6]. Составитель сборника и автор предисловия — доктор исторических наук Н.Н. Лисовой, действующий член правления Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). В сборнике представлены монографии, статьи и очерки выдающегося деятеля ИППО, исследователя христианского Востока Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856—1929). А.А. Дмитриевский известен как блестящий историк-византист своего времени, создатель школы русской исторической литургики (науки об истории православного богослужения). По интересующей нас теме в сборнике имеется несколько статей и монографиче-

ских работ. Основная статья: «Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин), как деятель на пользу православия на Востоке и, в частности, в Палестине». Статья посвящена десятилетию со дня кончины о. Антонина (1894 г.). Автор вспоминает всю жизнь этого выдающегося деятеля Русской Палестины, в том числе его семью, детство, юность, годы учебы и выбора жизненного пути, деятельность в России, Греции, Константинополе и, наконец, в Палестине. В работе отмечены не только биографические факты, этапы деятельности подвижника, но и отражен его внутренний мир, личные качества, черты характера, без чего трудно осмыслить столь кипучую и неутомимую деятельность, которой бы могло хватить на десяток человек. А.А.Дмитриевский делает выводы и о значении многолетней работы о. Антонина как для тогдашнего населения Палестины (православных арабов), так и для миллионов русских паломников, прибывавших поклониться святыням Святой Земли. Это значение актуально было не только в XIX веке, но и в наши дни.

Об архимандрите Антонине также говорится еще в ряде статей данного сборника («Памяти члена Русской Духовной Миссии в Иерусалиме игумена Парфения, убиенного 14 января 1909 года на горе Елеонской» (Некролог, 1909 год); «Граф Н.П.Игнатьев как церковно-политический деятель на православном Востоке (по неизданным письмам его к начальнику РДМ архимандриту Антонину (Капустину)». 1909 год; «Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И.Пономарева. По его переписке с архимандритом Антонином и В.Н.Хитрово». Петроград, 1914 год; «Русская Горненская женская община «во граде Иудове в Иерусалиме». 1916 год). Эти статьи содержат сведения о деятельности самого яркого начальника РДМ, о тех трудностях и препятствиях, с которыми ему неоднократно приходилось сталкиваться. Сообщаются и интересные факты о любви и огромном авторитете архимандрита, которыми он пользовался не только со стороны своих единоверцев, соплеменников, других деятелей Русской Палестины, но и со стороны многих представителей османской администрации и арабского мусульманского населения.

Н.Н.Лисовой подготовил также еще один сборник работ А.А.Дмитриевского [5]. Данный сборник является своего рода продолжением вышеупомянутого. Автор и составитель приводит здесь другие статьи и очерки А.А.Дмитриевского, написанные в те же и последующие годы (первая половина XX века). В этом сборнике нас интересует лишь одна статья: «Современное русское паломничество в Святую Землю» (1903 год). В данной статье не просто упоминается об архимандрите Антонине, как начальнике РДМ. Здесь также дается оценка его трудов и заслуг перед Отечеством, благодаря которым стало возможным не только посещение библейских мест Палестины многочисленными русскими паломниками, но и их удобное размещение, даже лечение (на русских участках было создано несколько больниц) в монастырях и подворьях, созданных неутомимым о.Антонином. Новые стороны деятельности архимандрита Антонина, раскрытые А.А.Дмитриевским в этой статье, немало обогащают кругозор исследователя данной темы.

Важную работу об истории Палестины, в которой уделено большое внимание духовно-культурной проблематике, опубликовал Архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской Духовной Академии [1]. Его фундаментальный труд представляет, с одной стороны, подробное историческое, географическое, культурологическое и этнографическое описание библейской земли на территории Государства Израиль (Иерусалим, Вифлеем, Хеврон, Назарет, Галилея, река Иордан и др.), которую ежегодно посещают тысячи современных русских паломников и туристов. С другой стороны, автор много внимания уделяет описанию русских участков (сохранившихся донныне), приобретенных и благоустроенных во второй половине XIX века, и прослеживает их 150-летнюю историю. К сожалению, половина мест, приобретенных трудами о. Антонина (Капустина) сегодня не принадлежит ни России, ни деятелям русского Зарубежья, в связи со знаменитой «апельсиновой сделкой» 1964 года, по которой Хрущев продал русские земли Государству Израиль.

Много приведенных в книге фактов, воспоминаний и описаний перекликаются с теми, что упомянуты в трудах А.А.Дмитриевского. И все же в некоторых главах («Русская библейская археология в Палестине» и др.) читатель встречает новые ценные сведения из жизни и трудов архимандрита Антонина (Капустина). Например, о.Августин (Никитин) прослеживает судьбу некоторых артефактов, собранных о.Антонином во время его археологических изысканий в разных частях Палестины. Одни были переданы в Россию, в Эрмитаж (завещаны после его смерти из личной коллекции), другие были оставлены в Иерусалиме, в основанном самим же о.Антонином музее Русской Духовной Миссии. При написании книги автор использовал обширную источниковую базу, обновленную новыми открытиями в области библеистики и библейской археологии за последние 100 лет (со времени написания трудов А.А.Дмитриевского). В частности, о.Августин нередко ссылается на неопубликованные ранее письма как самого архимандрита Антонина, так и письма, адресованные ему. Все это также значительно расширяет работу исследователя, обогащает его новыми познаниями, открывает новые интересные аспекты деятельности тружеников Русской Палестины того времени. Автор также положительно оценивает результаты работ, проведенных о.Антонином в ходе археологических раскопок. Многие из открытий и предположений о.Антонина были подтверждены позднейшими исследованиями современных израильских и американских археологов.

Об о.Антонине писали также некоторые духовные лица из числа послереволюционных эмигрантов [2]. Автор брошюры архимандрит Киприан (Керн) (1899—1960) — известный религиозный философ и богослов русского зарубежья середины XX века, специалист в области патрологии и литургики, церковный мемуарист.

Хотя о.Киприан родился после кончины о.Антонина (Капустина), но, неоднократно бывая на Востоке и, в частности, в Святой Земле, где в 1928—1930 был непосредственным приемником о.Антонина на посту начальника Русской Духовной Миссии, воочию видел наследие, оставленное своим великим предшественником. Его личность произвела на архимандрита Киприана сильное впечатление, что подвигло этого ученого и писателя к собиранию новой информации и глубокому изучению жизни и деятельности архимандрита Антонина (Капустина).

Книга представляет собой краткую биографию о.Антонина. Несмотря на небольшой объем текста, биография насыщена новыми интересными фактами, раскрывающими характер, интеллект и мировоззрение о. Антонина. И это дает читателю, исследователю еще глубже понять и всесторонне оценить этого славного сына России. Брошюра написана колоритным старым русским литературным языком с большой любовью к герою произведения. Особое внимание автор уделяет ранним — детским и юношеским годам будущего ученого монаха. Именно в юношеские годы, благодаря не только природным талантам и ценным качествам о. Антонина, но и доброму окружению (Андрей Капустин происходил из священнического рода, первого в его родном селе), достойному воспитанию, которые сформировали личность будущего архимандрита.

Еще одна работа архимандрита Киприана (Керна) об о.Антонине (Капустина) входит в состав сборника [3]. Данная работа написана в сороковые годы XX века как отдельная статья, посвященная деятельности архимандрита Антонина на посту начальника РДМ как собирателя земель в Палестине, археолога и исследователя-библеиста. Эта статья ценна тем, что в ней автор ярко рисует не только портрет о.Антонина, высвечивает его яркие качества, которые помогали ему в осуществлении задуманного. Архимандрит Киприан (Керн) наглядно отображает обстановку (политическую, религиозную, бытовую) того времени в Палестине, на фоне которой приходилось действовать о. Антонину. Статья написана как в хорошем литературном, так и в строго научном стиле, не политизирована, написана по влечению сердца автора. Окружающая обстановка того времени и деятельность этого начальника Русской Миссии представляются с разных сторон, открывая их все плюсы и минусы. Воспроизводится реальная картина многочисленных трудов русского подвижника — монаха на территории османской колонии.

Две указанные выше статьи, написанные деятелем русского зарубежья середины XX века, представляют собой, на мой взгляд, научный интерес, как несущие в себе дополнительные, более современные материалы биографии о.Антонина (Капустина) и деятельности Русской Духовной Миссии под его руководством.

В последние годы стали также появляться специальные исследования об увлечении о. Антонина (Капустина) археологией. Это работа кандидата исторических наук, доцента кафедры истории России Российского университета дружбы народов Б.Г.Якеменко [7].

Монография раскрывает одну из интереснейших и важнейших страниц археологической деятельности архимандрита Антонина (Капустина). Это исследование на так называемом «Русском месте», участке, расположенном примерно в ста метрах от знаменитого храма Воскресения Христова в Иерусалиме (также имеет название Храм Гроба Господня). Участок был приобретен еще до начала деятельности о.Антонина — в 1858 году. Однако серьезные археологические исследования на этом месте стал вести архимандрит Антонин (Капустин) совместно с известным немецким архитектором и археологом Конрадом Шиком, который к тому времени провел в Иерусалиме около 40 лет. Основные раскопки и исследования здесь были произведены в течение 1883 года. Работа увенчалась успехом — были найдены остатки древней стены времен Второго Храма (эпоха Ирода Великого) с Порогом судных врат, а также фрагменты входа в храм Воскресения Христова, построенного в IV веке (не сохранился). Эти находки привлекли внимание многих исследователей Святой Земли и подтвердили местоположение древнего ранневизантийского храма на месте казни и погребения Иисуса Христа. Данное открытие, сделанное о.Антонином, в монографии Б.Г.Якеменко описывается весьма подробно и детально. Здесь рисуется образ архимандрита Антонина как увлеченного и неутомимого археолога, сделавшего великое открытие, обогатившее библейскую археологию и историю паломничества в Святую Землю.

Недавно опубликована еще одна исследовательская работа об о.Антонине [4]. Книга Н.А.Воронцова посвящена истории Александровского подворья в Иерусалиме, которое во второй половине XIX века называлась «Русским местом» (о котором говорится в описании предыдущего источника). Материалы, изложенные в данной работе, также расширяют кругозор исследователя относительно того места, на котором архимандрит Антонин проводил раскопки в 1883 году. История самих раскопок (глава «Порог судных врат») в сравнении с упомянутой выше монографией Б.Г.Якеменко, описана кратко. Однако, на мой взгляд, книга Н.А.Воронцова представляет собой определенную ценность. На ее материалах можно проследить дальнейшую судьбу «Русского места» в XX—XXI вв. и в связи с этим дать оценку и значение трудам приснопамятного архимандрита Антонина.

К настоящему времени работа по изучению деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме при начальствовании архимандрита Антонина (Капустина) находится, в сущности, в начальной стадии. Необходимо обобщение того, что уже было сделано русскими дореволюционными исследователями и эмигрантами, введение в научный оборот архивных материалов, а также русской периодики XIX века. На этой основе возможно выявление новых фактов из истории русского присутствия в Святой Земле.

Литература

1. Архимандрит Августин (Никитин). Святая Земля. Издание РДМ. Иерусалим, 2011.
2. Архимандрит Киприан (Керн). Памяти архимандрита Антонина. Париж, 1955.
3. Архимандрит Киприан (Керн). Архимандрит Антонин (Капустин) — создатель Русской Палестины // «Восхождение к Фаворскому свету». М., 2007.
4. Воронцов Н.А. Порог судных врат. Александровское подворье. Императорское Православное Палестинское Общество. Луганск, 2009.
5. Дмитриевский А.А. Деятели Русской Палестины. М., 2010.
6. Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / Под общ. и научн. редакцией Н.Н.Лисового. М., 2009.
7. Якеменко Б.Г. «Раскопки движутся помаленьку...». Архимандрит Антонин и археологические исследования на «Русском месте» в Иерусалиме. М., 2009.

А.А.Побережник

г.Киев

Киевский национальный университет им. Т.Шевченко

МИСТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИИ МИРОВОЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ А.Н.МУРАВЬЕВА НА ПРИМЕРЕ ЕГО КИЕВСКИХ ИНИЦИАТИВ

Андрей Николаевич Муравьев — выдающийся духовный писатель, историк русской церкви, известный в первую очередь своей подвижнической деятельностью на поприще православия. Родившись и проведя отрочество и юность в Москве, Андрей Николаевич называл себя «киевлянином в душе» [4, Л. 2] и в конце своей жизни переехал в Киев, где развернул активную деятельность по сохранению старого, священного Киева. Идеалом мировоззрения Муравьева было православное величие Киева, как места, с которого на русские земли распространилось христианство. Этот идеал и определил его деятельность в городе. Долгое время, занимая должность обер-секретаря Святейшего Синода, будучи почетным членом Императорской Академии наук и европейски известным писателем, Андрей Муравьев имел среди знакомых влиятельных людей, что позволяло воплощать в жизнь его идеи по восстановлению православных достопримечательностей Киева.

Предметом данной статьи являются киевские инициативы писателя. Хронологически киевским временем [2] в жизни Муравьева считаем период от 1859 г. (время приобретения земельного участка напротив Андреевской церкви в Киеве) до 1874 г. (год смерти писателя). Имя Муравьева принадлежит к вновь открываемым именам выдающихся людей Российской империи. До 1990-х годов исследования жизни и творчества известного духовного писателя были фактически под запретом [11, 144]. На сегодняшний день существуют работы, принадлежащие перу российских ученых, объектом исследования которых есть Андрей Муравьев [10]. Абсолютное большинство этих трудов посвящено раннему периоду творчества писателя [11, 144], а также его духовным студиям, киевская же жизнь писателя остается практически неизвестной в историографии [3].

Деятельность Муравьева в Киеве детально им описана в воспоминаниях, а также в письме к Михаилу Семенову [9, 91—113], фактически секретарю и участнику множества киевских инициатив писателя, написанного в январе 1872 года. В это трудное для Муравьева время он опасался возможного переезда из Киева в связи со сложной финансовой ситуацией. При этом автор отметил, что пишет это не для похвалы себе, а для собственного оправдания, если вынужден будет покинуть Киев, где желал бы остаться до конца жизни [9, 91]. Очевидно, что письмо написано «для аудитории», но, по нашему мнению, не для современной Муравьеву аудитории, а для наследников. Так как письмо адресовано Семенову, который на этот момент уже не проживал в доме писателя и теоретически мог не знать о финансовых трудностях Андрея Николаевича. В письме Муравьев детально описал свои киевские инициативы, дополнительными источниками, которые вносят коррективы в визую собственных дел Муравьева, есть многочисленные архивные материалы Центрального государственного исторического архива Украины, г.Киева, Государственного архива г.Киева и Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского.

Отдельной тематикой можно выделить киевские инициативы писателя связанные с культом Св. Владимира. С этим святым, который, бесспорно, занимал центральное место в религиозном мировоззрении Муравьева, идеал которого был в возвращении к первичной, апостольской церкви, связано много инициатив писателя. Св. Владимир, с именем которого связано распространение христианства на Руси, в воображении А.Н. был представителем этой самой апостольской, «первичной» церкви.

В 1859 году, по словам самого Муравьева, записанными в воспоминаниях, митрополит киевский Исидор добился изменений в проекте сооружения Владимирского собора в Киеве, по которым храм должен был

быть построен не на территории ботанического сада, а в пределах Софийского собора [9, 93]. Не добившись успеха в ходатайстве перед митрополитом, Муравьев, воспользовавшись осенним визитом императора, подал императрице записки, в которых красноречиво описал опасность, которая угрожает «священному памятнику» [5, Л. 204]. Результатом стараний Муравьева стало возвращение к прошлому проекту.

Инициативой и стараниями Муравьева в Киеве было восстановлено место крещения детей Владимира [6, 374]. Андрей Николаевич многочисленными письмами добился от киевской власти выделения денег на постройку небольшой церкви над источником крещения Св. Владимира [12, Л. 5], именно он убедил киевского генерал-губернатора князя Васильчикова, что добудет воду с засыпанного колодца [8, 211]. При непосредственном участии Муравьева в Киеве был восстановлен крестный ход имени Св. Владимира [7, 268]. В 1864 году Андрей Николаевич стал членом Свято-Владимирского братства в Киеве, его подпись стоит под актом об открытии братства [1, Л. 5], а характеристика документации организации — протоколов, годичных отчетов, переписки братства — с уверенностью дает возможность сказать про активное участие писателя в его деятельности. Позднее, с 1866 года Муравьев стал председателем организации и занимал эту должность до самой смерти.

Другим приоритетным направлением киевской деятельности Андрея Муравьева стала церковь Св. Андрея Первозванного. Усилиями Муравьева был организован комитет по ремонту церкви и укреплению холма, на котором она построена [13, Л. 16]. Муравьев лично организовал и руководил работами по сохранению этого памятника истории и архитектуры. В заботе о церкви был и личный мотив — Муравьев особенно чтит святого апостола Андрея Первозванного, которого считал собственным небесным покровителем. Кроме личного и общественного мотива, считаем, что деятельность Андрея Первозванного, его миссионерские путешествия с целью проповеди христианства, были близки религиозному сознанию Муравьева.

Таким образом, ведущую роль в деятельности Андрея Николаевича Муравьева в Киеве занимало распространение двух культов — Андрея Первозванного и Святого равноапостольного князя Владимира. Большинство киевских инициатив писателя связано с именами этих святых. Объясняем это обстоятельство религиозным мировоззрением писателя, идеал которого был в апостольской церкви, для Российской империи идеалом православия, по мнению Муравьева, была Киевская Русь, ее первые святые и сподвижники веры. Считаем, что мистическое значения Киева для Российской империи, согласно идеям Муравьева, заключалось в нескольких значениях — Киев как предтеча христианства для Руси (Св. апостол Андрей Первозванный); Киев как предтеча православия (Св. равноапостольный князь Владимир). Практическая же составная идея Муравьева заключалась в его участии и сохранении древностей Киева, актуализации культов святых.

Литература

1. Государственный архив г. Киева. Ф. 14 Киевское Свято-Владимирское братство. Оп. 1. Д. 1. Акт об открытии Киево-Владимирского братства, 1864 г., 10 л.
2. В значительной мере условно датирован период 1859-1874 гг., так как только в мае 1868 г. писатель переехал в Киев навсегда.
3. В 2004 году в Киеве увидела свет статья Н.Хохловой «Діяльність Андрея Муравйова в Києві», это исследование опубликовано вместе с заключительной частью воспоминаний Муравьева. Работа есть широким комментарием к воспоминаниям и является единственным в своем роде трудом о киевской жизни писателя.
4. Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.Вернадского. — Ф. XIII Канцелярия обер-прокурора Священного Синода. Д. 5469 Письма А.Н. Муравьева к митрополиту Арсению, 6 л.
5. ИР НБУВ. Ф. 301. Оп. 690 (Муз. 888). Д. 1863. О Софийском соборе, выписки, заметки А.Н.Муравьева и контр-записка, представленная императрице через Д.С.Арсеньева. Записки, составленные А.Н.Муравьевым и поданные Ее Величеству в Киеве, б/д, Лл. 204—207.
6. Казанский П. Воспоминание об А.Н.Муравьева // Душеполезное чтение. М.: В Университетской Типографии (М.Катков), на Страстном бульваре. 1877. Март. С. 359—389.
7. Муравьев А.Н. Киев и его святыня. Изд. 4-е, исправленное и дополненное. К.: в Типографии Киево-печерской Лавры. 1871.
8. Муравьев А. Мои воспоминания. Заключительная часть // Відкритий архів. Щорічник матеріалів та досліджень з історії модерної української літератури. Т. 1. К.: Критика, 2004. — С.204-244.
9. Семенов М.О. Воспоминания об А.Н.Муравьева. К.: в Губернской типографии, 1875. — 191 с.
10. Хохлова Н.А. Андрей Николаевич Муравьев — литератор. СПб., 2001; Моклецова И.В. Русское православное паломничество как явление культуры (на примере призываний А.Н.Муравьева): Автореф. дис. ... канд. культурологии: спец. 24.00.01 «Теория и история культуры» / И.В.Моклецова. М., 2002; Хавроничев В.П. «История Российской Церкви» А.Н.Муравьева // А.Н.Муравьев История Российской Церкви. М., 2002. С. 461—493.
11. Хохлова Н. Діяльність Андрея Муравйова в Києві // Відкритий архів. Щорічник матеріалів та досліджень з історії модерної української літератури. Т. 1. К., 2004. С. 144—202.

12. Центральный государственный исторический архив Украины, г.Киев. Ф. 127. Оп. 832. Д. 6. Дело о постройке церкви над источником, где стоит старый памятник, в честь равноапостольного князя Владимира, в г. Киеве, 1860—1866 гг., 75 л.

13. ЦГИАК Украины. Ф. 442. Оп. 92. Д. 54. Дело по прошению жителей г.Киева, предместья Гончаров Янковского и Кленицкого и друг. об ограждении домов их от обрушившейся горы. Здесь о движении гор в Киеве вообще. Здесь и об укреплении Андреевской горы, 1861—1866 гг., 251 л.

О.А.Покудов

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ 1870-Х ГОДОВ

70-е годы XIX века — особый период в германской истории. В эти годы в сложных внутривнутриполитических и внешнеполитических условиях проходил процесс становления нового объединенного немецкого государства. В это время государственными властями Германии создавалось единое руководство экономикой, налаживалось экономическое взаимодействие немецких государств в рамках федерации, формировалось правовое поле предпринимательской деятельности и т.п.

Имперские власти Германии, учитывая национальные и исторические особенности немецкого общества, убедительно доказали свою способность эффективного управления экономическими процессами. Был создан механизм выстраивания экономического взаимодействия исполнительных органов империи и рейхстага в рамках федеративного государства.

В формировании «новой экономической политики» объединенной Германии в 1871—1878 гг. активное участие приняли правительство во главе с канцлером О.Бисмарком, рейхстаг, ведущие политические партии страны. В результате их усилий была создана новая экономическая система, которая отличалась своей спецификой и которая на протяжении второй половины XIX века демонстрировала высокие темпы роста экономического потенциала Германии.

В немецкой исторической и политической литературе не было работ, посвященных экономической политике Германии в первые годы после объединения. Немецкие социологи и историки М.Вебер и В.Зомбарт рассматривали генезис современного капитализма, как своеобразную историко-этическую проблематику «духа капитализма», экономические мероприятия 1871—1877 гг. [1]. Многие историки считают «удачной» либеральную экономическую политику 1871-1877 гг, позволившую сформировать в империи банковскую и денежную систему. Л.Бамбергер позитивно оценивал экономическую политику О.Бисмарка до перехода канцлера на позиции протекционизма [2].

Во второй половине XX века немецкие исследователи стали чаще обращаться к процессу модернизации германской экономики; появились новые работы историков. Исследователи положительно оценивали либеральную экономическую политику О.Бисмарка начала 70-х годов, указывая при этом на препятствия осуществления этой политики со стороны крупной буржуазии и германского юнкерства [3].

Однако немецкой историографией разработаны далеко не все направления экономической политики Германии после объединения, в частности, не определены роль и место национал-либералов, новых консерваторов в осуществлении этой политики. Не изученными оставались такие аспекты экономической политики как реакция европейских стран на проводимые экономические мероприятия, причины и последствия грюндерства, значение французских контрибуций и другие вопросы.

В последнее время интерес к истории Германии со стороны отечественных историков упал. Однако монография Д.Травина и О.Марганя, посвященная европейской модернизации особо рассматривала условия экономической модернизации Германии, ее результаты. Процесс преобразования немецкого общества в 1871—1878 гг. они красноречиво назвали «весной». Ученые считали 70-е годы «поворотом в экономической политике, который в корне изменил все принципы, на которых десятилетиями выстраивался фундамент германской (в частности прусской) экономики» [4].

Однако немало интересного представляется в разработке альтернативного подхода к формированию экономической политики Германской империи в 70-е годы XIX столетия.

Канцлер Германской империи О.Бисмарк в 1878 г. пришел к идеи сворачивания либерального направления экономической политики и перехода к жесткой системе государственного регулирования экономических

процессов в Германской империи. Могла ли Германская империя развиваться по пути английского экономического либерализма?

По ходу германского объединительного процесса, при вступлении в северогерманский союз немецких государств юга, во время франко-прусской войны, громче звучали не только общенациональные политические идеи, но и идеи быстрого развития немецкой экономики, вывода ее на уровень развитых европейских держав. Канцлер Германской империи О.Бисмарк заявлял о том, что для него не было ничего так близко к сердцу после политического объединения страны, как экономическое благополучие немецкого народа и формирование экономической политики на национальной основе [5]. Новые политические силы в немецких государствах открыто заявляли о приверженности новым идеалам общественного развития. Речь идет об идеях экономического либерализма. Эти идеи проникали в широкие слои мелкой и средней буржуазии. В Германии было довольно популярным в среде представителей крупного капитала учение английского экономиста А.Смита.

Экономическому либерализму отводилась значительная роль в становлении философии хозяйствования. Представители фритредерской школы занимали заметное положение в правительственных кругах. Австрийский ученый Ф. фон Хайек относил расцвет либерализма к 50—70 годам XIX столетия. Он отличал германское общество от всех остальных тем, что оно оказалось впереди всех государств в принятии идеи экономической свободы [6]. Экономический либерализм занял заметное место в ученых кругах. Ученые и практики Д.Принс-Смит, О.Михаэлис, Ю.Фаухер, Г.Бемерт, Г.Шульце-Делич создавали новые экономические теории. Общественное мнение было на стороне либералов. Фритредеры исповедовали принцип «*Sebsthilfe*», невмешательства государства в экономическую деятельность, характерный для экономического либерализма.

О.Бисмарк привлек для проведения экономической политики известных немецких фритредеров О.Кампгаузена, Р.Дельбрюка, ставших членами правительства. Политика либерализма проповедовалась большинством рейхстага, либерально-национальной партией. Авторы многотомной «Истории Европы», считали что режим власти не задерживал «промышленного и торгового развития... принявшего необычайно стремительный, буржуазный характер». Период 1871—1878 гг. получил название «эры экономического либерализма», так как государство использовало методы лишь косвенного регулирования экономики и придерживалось политики свободной торговли. В мае 1873 г. на Венской фондовой бирже произошел крах, положивший начало «длинной депрессии». Вслед за Веной обрушились рынки в Цюрихе и Амстердаме. Осенью кризис докатился до Германии. Мировая экономическая система не переживала такого разрушительного кризиса до 1870-х годов, который разразился в большинстве развитых стран. Германская экономика, получившая импульс развития в 1871-1873 гг., к 1874 г. достигла дна, многочисленные конкурсные производства привели к эпидемии недоверия. Период бума закончился, предприниматели, немецкие обыватели понимали, что «занимались самообманом, веря в постоянное благополучие» [7]. Экономический кризис, разразившийся в Германской империи, стал катализатором изменений в расстановке политических сил в рейхстаге и имперских органах власти. Пессимизм, сменивший всеобщее ликование после объединения, заставил население Германии пересмотреть отношение к требованиям политических партий. Идея свободы постепенно сменилась идеей патронажа со стороны государства. Тяжелое экономическое положение привело к поддержке со стороны населения империи мер протекционизма.

Серьезным отходом от либерализма, постепенным сворачиванием экономической политики О.Бисмарком стало увольнение чиновников-либералов: Р.Дельбрюка, О.Кампгаузена. На выборах 1877 года фракция национал-либералов потеряла 32 голоса. В 1878 г. эта партия сократила еще своих сторонников, набрав только 98 мест в рейхстаге. Часть либералов перешла на позиции осуждения крайнего фритредерства и выступила в защиту протекционистских мер. В рейхстаге раздавались голоса, требующие пересмотра закона, отменившего импортные пошлины на железо и товары из него. Консерваторы-депутаты связывали удручающее экономическое положение Германии с фритредерством.

Со страниц печатных органов слышались голоса по обвинению либералов в присвоении национальных богатств. Их считали виновными в коррупционных скандалах, катастрофическом падении акций.

Многие немецкие ученые — экономисты выступали с позиции фритредерства, но при этом считали государственную власть организационной силой экономических процессов. Экономисты А.Вагнер, Г. Шмоллер, Л.Брентано представители катедер-социализма выступали с позиции активного государственного регулирования экономических отношений.

Имперское руководство во главе с О.Бисмарком стало ориентироваться на консервативные партии и их интересы. Переход О.Бисмарка на позиции протекционизма привел консервативные партии к активному взаимодействию с правительством в области экономической политики.

Сочетание либерализма и стремления к «прусскому государственному порядку» создало в Германии особую, собственную экономическую модель модернизации, ставшей альтернативой английскому и французскому экономическому либерализму.

Литература

1. Зомбарт В. Современный капитализм. М., 1904—1905: В 2 т.; Он же. Очерки промышленного развития Германии. СПб., 1900; Вебер М. Город. Пг., 1923.
2. Bamberger L. Das Schreiben des Reichskanzlers an den Bundesrath vom 15. December 1878 betreffend die Revision des Zolltarifs, Vortrag, gehalten in der Volkswirtschaftlichen Gesellschaft zu Berlin am 11. Januar 1879. Berlin: Simion. 1879.
3. Treue W. Drei deutsche Kaiser Wilhelm I-Friedrich III- Wilhelm II ihr Leben und ihre Zeit. Würzburg, 1974.; Rosenberg H. Große Depression und Bismarkzeit. Frankfurt/m-Berlin-Wein, 1976.; Bade K., Hg., Auswanderer — Wanderarbeiter — Gastarbeiter. Bevölkerung, Arbeitsmarkt und Wanderung in Deutschland seit der Mitte des 19. Jahrhunderts. Bd. 2. Ostfildern, 1984.
4. Böhme H. Deutschlands Weg zur Großmacht: Studien zur Verhältnis von Wirtschaft und Staat während der Reichsgründungszeit, 1848-1881. Köln, 1966.; Wehler H-U. Deutsche Geschichte : Das Deutsche Kaiserreich 1871—1918. UR Vandenhock und Ruprecht: Göttingen, 1973; Wehler H-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 3, Von der „Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849—1914, Tabelle 77. München, 1995.; Mottek H., Blumberg H., Wutzmer H. Studien zur Geschichte der Industrielle Revolution in Deutschland. Berlin: Akademie-Verlag, 1960; Кучинский Ю. История условий труда в Германии (1800—1945) / Пер. вступ. ст. Г.Б.Герцовича. М., 1949; Он же. Очерки истории германского империализма. Т. I / Пер. А.Ф.Доброхотов. М., 1952.
5. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. М., 2004.
6. Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutsche Reichstags. 24 April. 1878.
7. Хайек Фридрих Август фон. Дорога к рабству. М., 2005. С. 264.
8. Provinzial-Correspondenz. 25 August 1875. № 34.

С.А.Польская

г.Ставрополь

Северо-Кавказский федеральный университет

LES ARMOIRES СОКРОВИЩНИЦЫ АББАТСТВА СЕНДЕНИ В ОПИСИ 1666 г.

Бенедиктинское аббатство Сен-Дени является одним из самых известных памятников средневековой Франции, известным, прежде всего, как королевский некрополь и место хранения королевских регалий. Последнее обстоятельство выступило одной из причин формирования сокровищницы, представляющей собой наиболее значимое собрание артефактов, собираемых французской короной на протяжении практически всей ее истории. Непосредственным местом их хранения выступало специально отведенное для этого помещение базилики, заполненное ценностями. Уже первые исследователи сокровищницы (монахи-эрудиты XVII—XVIII вв.) отмечают наличие шкафов (*les armoires*), аккумулирующих реликварии, королевские регалии для инаугурационных и похоронных церемоний, дары и пожертвования, приобретения наиболее могущественных и предприимчивых аббатов. Поскольку их перечень постоянно пополнялся, то начиная с последних десятилетий XIII в. общие картулярии аббатства преобразуются в реестры, сравнительное изучение содержания которых позволяет проследить динамику появления ценностей на протяжении достаточно долгого времени — от эпохи Людовика IX до событий Великой Французской буржуазной революции, как известно, национализировавшей (по сути, уничтожившей) большинство реликвий сокровищницы и надругавшейся над королевским некрополем [8].

Разумеется, количество и состав *les armoires* менялись. Так, в 1567 г. они были полностью заменены (равно как и в библиотеке аббатства) [2, 198], поскольку до этого их имелось только два, изготовленных по приказу аббата Жиля де Понтюза из позолоченного серебра, но уже не вмещавших в себя все ценности [2, 240]. С 1568 г. *les armoires* дифференцировали, в зависимости от содержимого, на две группы: в первой хранились королевские регалии для инаугурационных, похоронных и ряда придворных церемоний (они никогда не выставлялись публично, вывозились для отправления ритуалов и вновь возвращались в аббатство); во второй размещались реликварии с мощами святых, прочие разнообразные предметы культа, восковые фигуры усопших королей, а также произведения декоративно-прикладного искусства (от античных до современных своей эпохе), которые в большинстве случаев являлись подарками, хотя иногда могли быть и куплены или обменены. В отличие от первых, в случаях королевских похорон, дат рождения, тезоименитства, смерти монархов, членов их семей и аббатов обители или главных христианских празднеств, вкупе с важными для аббатства датами поминовения, например, Святого Дионисия, эти артефакты и реликвии выставлялись в базилике, но с наступлением ночи их возвращали в сокровищницу [2, 270—271]. Дабы оградить их от любопытства публики, *les armoires* отгораживались перилами на расстоянии около полутора метров.

Сохранность содержимого была исключительной прерогативой казначея аббатства, выступавшего одновременно и хранителем сокровищницы. Только он открывал дверцы для лицезрения их посетителями в два часа дня, по окончании дневной службы. Что касается замены деталей шкафов или прочей реставрации, включая изготовление новых, то, начиная с эпохи Франциска I, в 1533 г. были заказано восемь шкафов, а в правление Франциска II, в 1560 г., по приказу кардинала Лотарингского, ставшего 65-м аббатом Сен-Дени, была проведена соответствующая работа плотников и слесарей (замки, например, были заказаны и сделаны в Германии, их открывали четырьмя разными ключами: один оставался у казначея, второй — у аббата, по одному из оставшихся находилось у заместителя последнего и кантора). Но чаще всего заказы были внутренними. Так, еще в 1533 г. Жан Гару, старшина слесарного цеха Парижа, получил, 88 ливров за изготовление замков для *les armoires* сокровищницы, а в 1568 г. — 120 ливров за проверку их рабочего состояния и ремонт [2, 272].

Тогда же стали составляться регулярные описи сокровищницы, в том числе и печатные, среди которых следует выделить реестры: более ранние — францисканца Ж.Дубле 1625 г. [3], доминиканца Ж.Милле 1646 г. [7] и аноним 1659 г. [1], самый объемный (536 страниц рукописи, хранящейся в Национальном архиве и опубликованной в 1977 г.) перечень 1634 г. [4, р. 47—330] и две публикации 1776 г. [6], одна из которых и является предметом нашего изучения [5].

К числу особенностей настоящей описи, к сожалению, анонимной, следует отнести ее краткость и выборочность, исключившие наиболее знаменитые экспонаты сокровищницы: например, т.н. «кубок Птолемея», «камею Клавдия», «камею Тиберия», «кольцо Арнегунды», вазу «Алиенор» («*Vase de cristal d'Aliénor*»), «вазу Людовика» («*Louisrock-crystal*»), скипетр и «руку Правосудия» Карла V и т.д. Трудно сказать, чем вызвано это умолчание, возможно, общеизвестностью артефактов или их особенной ценностью. Кроме того, автор не утруждает себя подробным описанием перечисленных вещей, ограничиваясь краткими экскурсами об истории их появления и уточняя их принадлежность, хотя подлинность реликвий подтверждается как более поздними описаниями, так и экспонатами, рассеянными по музейным фондам, но в большей степени аккумулирующихся в Лувре и Национальной библиотеке. И все же перед нами — путеводитель, описывающий месторасположение реликвий именно по их размещению в *les armoires*, которых насчитывается восемь. Порядок размещения тоже имеет определенный ранжир. Так, первый шкаф содержит наиболее значимые, с точки зрения их сакральной ценности, реликвии.

Приведем их перечень полностью для максимальной репрезентации стиля и смысла излагаемого: «Сначала в первом шкафу, вблизи от входа в сокровищницу. Большой и ценный массивный золотой крест, весь покрытый рубинами, сапфирами и изумрудами, а также весь окруженный множеством прекрасных восточных жемчужин. Богато отделано даже в центре распятия, которое до середины длины деревянное и является собой истинный крест. Эта реликвия была передана в 1203 г. Филиппу Августу, королю Франции, Балдуином, императором Востока, а затем предан в церковь Св. Дени тем же Филиппом Августом. Прекрасный золотой реликварий, в котором находится деревянное распятие из истинного Креста Господа Нашего, собственноручно врученное папой Климентом III Филиппу Августу, который передал его во славу мученичества Св. Дионисия. Распоряжением того же Филиппа Августа великий реликварий был отделан золотом, покрыт снаружи бесчисленными драгоценными камнями; остальное (т.е. изнутри. — *С.П.*) — позолоченным серебром. Там (т.е. в реликварии. — *С.П.*) есть еще тридцать четыре реликвии: названный истинный крест; Шип с [тернового. — *С.П.*] венца Господа Нашего; губка с желчью (Точнее — со смесью уксуса и желчи, предложенной распятому Иисусу Христу римским солдатом для облегчения страданий. — *С.П.*); одежды (распятого Христа, т.е. багряница. — *С.П.*); маленький фиал, наполненный Кровью и Водой, которая окрасила их (одежды Христа. — *С.П.*) с одной стороны (Т.е. от места подреберья, которое пронзила пика римского солдата. — *С.П.*); мирра, которую волхвы поднесли Ему в Вифлееме (т.е. смирна (камедистая древесная смола африканского или аравийского происхождения), в честь Рождества Спасителя, врученная Ему волхвами. — *С.П.*). [Кроме того. — *С.П.*], кости Св. Иоанна Крестителя, Св. Матфея, Св. Фомы, Св. Медарда, Св. Амбросия, священника Клавдия. Одна их слез, которую пролил Господь Наш на кресте, была вручена Карлу Великому Константином V, императором Константинополя и затем передана церкви Сен-Дени Карлом Лысым, внуком Карла Великого. Она (слеза. — *С.П.*) находится в большой скинии из позолоченного серебра, ограненной драгоценными камнями, покрывающими и прочие реликварии. Большой образ Богородицы из позолоченного серебра, держащий в правой руке золотой цветок лилии, в нем (в реликварии. — *С.П.*) находятся ее (Богородицы. — *С.П.*) волосы, молоко и одежды. Этот реликварий передан Жанной д'Эвре, королевой Франции. Еще один большой образ из позолоченного серебра Св. Иоанна Евангелиста, держащего в руке прозрачную колбу, оправленную в золото, в которой находится зуб этого Св. Апостола; эти реликвии были скреплены оправой и помещены в сокровищницу.

Еще один образ из позолоченного серебра Св. Девы, которая держит в рук маленький реликварий, в коем имеется льняной лоскут, в который Она завернула Господа нашего в яслях. Был передан Ги де Монсо, аббатом Сен-Дени. Прекрасный золотой реликварий, вместе с двумя ангелами, выплавленными из железа и покрытыми позолоченным серебром. В этом реликварии их горного хрусталя хранятся несколько костей Св. Плацида, ученика Св. Бенедикта и его (Св. Плацида. — *С.П.*) сестры Св. Флавии, которые вместе были замучены в Мессине на Сицилии тысячу лет назад. Кость руки великого охотника и мученика Св. Евстафия,

вправленная в позолоченное серебро, украшенное драгоценными камнями. Кисть руки Св. Симеона, называемого Господом нашим Камнем (т.е. Симон по прозвищу Кифа (от араб. «камень») — будущий апостол Петр (от греч. «камень»), основатель Святого Престола). Этот реликварий весь из золота и украшен драгоценными камнями. Реликварий из позолоченного серебра, представляющий мученика Св. Ипполита с его костями. Прекрасная рака из позолоченного серебра в виде церкви, в которой находятся части многих реликвий, имевшихся в Сен-Шапель в Париже, кои Жанна д'Эврё отдала в обмен на голову Святого Людовика, ибо она взяла эти сокровища, чтобы перенести их из Сен-Шапель: истинный Крест, шип из венца Господа Нашего, навершие, кое было на Кресте, саван (Иисуса Христа. — *С.П.*), молоко святой Девы, покров с головы Св. Иоанна и т.д. Маленький кристалл, ограненный золотом, в котором находится зуб Св. Панкратия, мученика. Один из кувшинов, в которых Господь Наш пресуществил воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской» [5, 5].

Далее следует перечень гораздо менее значимых артефактов, видимо, находящихся здесь для наибольшей наполняемости полок. «Две короны, которые Генрих IV, король Франции, использовал на своей коронации; одна из них — из золота, вторая — из позолоченного серебра. Скипетр и Рука Правосудия из позолоченного серебра того же Генриха IV. Две митры древних аббатов, бывших прежде, одна из них отделана жемчугом, богато украшена большим количеством драгоценных камней, оправленных в золото. Красивое и великолепное аббатское распятие. Очень хороший жезл из позолоченного серебра, украшенного драгоценными камнями, который служит кантору для службы в церкви» [5, 5—6].

Второй шкаф аналогично заполнен реликвариями с мощами и предметами культа, а также: «... волосы и одежды Св. Маргариты...»; кожа, пораженная проказой, исцеленной сестрой Дагобера I Св. Энимией; и прочие драгоценности, принадлежащие Дагоберту — основателю аббатства, нашедшему здесь последнее пристанище: «Золотой орел, украшенный прекрасным сапфиром и другими драгоценными камнями, который служил аграфом для королевской мантии Дагоберу. Скипетр того же короля, который изготовлен из золота с эмалью» [5, 6—8]. Примечательны и походные кропильницы, принадлежащие самому знаменитому аббату Сен Дени — Сугерию: «Две маленькие вазы, очень драгоценные, названные Склянками Сугерия, которые были даны ему, одна — из горного хрусталя, вторая — из берилла, врезанного в алмаз» [5, 8]. Далее следует мало связанные общим смыслом «Брошь из позолоченного серебра, на которую припаяны два горностая из золота с эмалью; один — из большого, поистине бесценного, гиацинта; это аграф для украшения шляпы. Передан Анной Бретонской, королевой Франции. Две короны для посвящения Людовика XIII, одна из которых золотая, а другая — из позолоченного серебра. Корона из позолоченного серебра, которая была изготовлена для похоронных торжеств королевы-матери Анны Австрийской. Образ Богоматери в золотой короне, украшен драгоценными камнями. Молитвенник, написанный от руки более восьми столетий назад, обложка украшена золотыми пластинами, фигурным литьем и драгоценными камнями. Другая рукопись одиннадцатого столетия, содержит четыре Евангелия, написанные золотыми и серебряными чернилами на пурпурном пергаменте» [5, 8—9].

Описание третьего шкафа подчинено культу Св. Дионисия Парижского, спорно отождествляемого со св. Дионисием Ареопагитом, но для автора реестра это обстоятельство совершенно очевидно, поскольку он перечисляет весь спектр реликвий и сакральных артефактов основателя обители, и поныне хранящихся в аббатстве: «Большая, помещенная в его золотой образ, голова Св. Дионисия Ареопагита, митра которого, вся из золота, полностью покрыта великолепными драгоценными камнями и восточным жемчугом: поддерживается двумя большими ангелами из позолоченного серебра, третий держит большую золотую ризу, всю украшенную драгоценными камнями, в которой находится плечевая кость того же святого. Эта искусная работа была передана Матё де Вандомом в реликварий аббатства Сен-Дени. Чаша и склянки того же Св. Дионисия, частью из отделанного серебром хрусталя. Его (св. Дионисия. — *С.П.*) распятие, в котором находится щепка [Креста Господня. — *С.П.*], оно покрыто цельным золотом и драгоценными камнями. Его (св. Дионисия. — *С.П.*) золотое епископское кольцо, в центре которого имеется прекрасный сапфир. Его (св. Дионисия. — *С.П.*) посох для ходьбы; он из дерева, которое позже покрыли серебром и украсили хрусталем. Его (св. Дионисия. — *С.П.*) греческие чернила. Книга из пергамента, покрытая серебром с драгоценными камнями и фигурками из слоновой кости, содержащая его собственные труды (т.н. «Ареопагитики». — *С.П.*) и комментарии и описания св. Максима, отшельника: эта книга была подарена Мануилом Палеологом вторым, императором Востока» [5, 8—10]. Далее следуют реликвии, относящиеся к культу Людовика IX Святого (не считая его мощей, которые занимают весь шестой шкаф. — *С.П.* [5, 15]), как подчеркивает сам составитель, из-за того, что здесь же находится «Маленький реликварий в виде руки из позолоченного серебра, в котором находится кость Св. Дионисия Ареопагита, его Св. Людовик привел из своих странствий» [5, 11].

Итак, перед нами: «Прекрасный реликварий из позолоченного серебра, со стеклом, за которым полностью видна нижняя челюсть Св. Людовика, короля Франции, поддерживаемая двумя фигурами королей, также и позолоченного серебра, с золотыми коронами, первая представляет Филиппа Смелого, его сына, а вторая — Филиппа Красивого, его внука. Этот реликварий был передан Жилю де Понтюазу, аббату Сен-Дени, который располагал основанием другого реликвария, в коем находилась кость Св. Людовика, архиепископа Тулузского, младшего племянника короля Св. Людовика. Корона того же Св. Людовика из цельного золота, украшенная очень крупными жемчужинами, между которыми один рубин, стоимостью в сто тысяч экю, в который Св. Людовик вправил шип из венца Господа Нашего. Кольцо того же Св. Людовика с одним

ограненным сапфиром, на котором выгравировано его имя, с характерными «S» и «L», что означает «печать Людовика», поскольку она использовалась для запечатывания грамот. Меч, с которым Св. Людовик отправлялся в свое первое странствие в Святую Землю. Чаша из дерева тамарис, из которой Св. Людовик пил, дабы охранить себя от чумы. [...] Рука Правосудия Людовика Святого; она из позолоченного серебра. Аграф от королевской мантии Людовика Святого, он из позолоченного серебра и эмали, украшен очень красивым жемчугом. Большой кусок горного хрусталя, на котором высечено распятие с образами Святой Девы и Св. Иоанна; в толще которого находятся королевские одежды Людовика Святого. Этот хрусталь вправлен в золото, украшен прекрасным жемчугом. Большой кусок горного хрусталя, на котором высечено распятие с образами Святой Девы и Св. Иоанна; в толще которого находятся королевские одежды Людовика Святого. Этот хрусталь вправлен в золото, украшен прекрасным жемчугом [5, 11].»

Закрывает эту часть описи перечень, вероятно, позднеантичных ценностей (за исключением двух корон Людовика VI [5, 12] и артефакта, поименованного, как «Правая рука с плотью и костью Св. апостола Фомы, украшенная оправленными бриллиантами, большими рубинами и крупным жемчугом» [5, 10]) «Ваза Сугерия, аббата Сен-Дени, вырезанная из очень красивого восточного агата прекрасной работы с каймой из позолоченного серебра с драгоценными камнями: ножка из позолоченного серебра, аналогично украшенного. Дискос для этой вазы, сделанный из другого прекрасного камня, украшенного маленькими золотыми рыбками, с золотым бордюром, орнаментированными изумрудами, аметистами и пр. Камень из агата, на которой имеется рельеф с изображением Царицы Савской. Большая лодка (т.е. ваза определенной формы, упоминаемой в оригинале как «*la gondole*», а в описаниях Лувра — как «*la navette*». — С.П.) изготовленная из очень красивого агата — оникса значительного размера. Фиал, по многим оценкам, из оникса» [5, 12].

Следующий шкаф привлекает внимание описанием комплекса королевских регалий Карла Великого: «Корона того же Карла Великого, вся из золота, украшенная крупными рубинами, сапфирами и изумрудами. Она отправляется в Реймс, дабы служить для посвящения королей, вместе с другими королевскими украшениями, требующими особого обращения: скипетром, рукой Правосудия, шпорами того же Карла Великого, все [они. — С.П.] из золота; его (Карла Великого. — С.П.) мечом, рукоять и гарда которого из золота, а верхняя часть ножен украшена жемчугом (имеется в виду легендарный Жуайёз Карла Великого, датируемый от IX в. и до XIX в., включая последующие изменения. Он является единственно подлинной регалией, все прочие — хранящиеся в Лувре более поздние копии. — С.П.); аграфом для королевской мантии, который представляет собой один большой цветок лилии из золота, украшенного рубинами и алмазами с россыпью прекрасных восточных жемчужин; книгой, содержащей церемонии и обряды посвящения» [5, 13].

Отсюда не случайно в этот же пятый *l'armoire* помещен коронационный венец французских королей, как известно, проходящих посвящение не в Реймсе, как их мужья, а непосредственно в аббатстве Сен-Дени — корона Жанны д'Эврэ: «Корона Жанны д'Эврэ, королевы Франции, супруги Карла IV. Она (корона. — С.П.) золотая, украшена рубинами и сапфирами, множеством жемчужин, служит для коронации королей, которые проходят ее в Сен-Дени» [5, 13]. Наконец, завершая тему регалий, следует перенестись в седьмой шкаф, где «...обычно хранятся королевские одежды, которые служили каждому монарху на коронации, как в настоящее время здесь хранятся одежды непобедимого Людовика XIV Великого. Посвящен в Реймсе в 1654 г.» [5, 15].

Не менее привлекательны уже упоминаемые описания античных ценностей, среди которых: «Большая ваза порфирного мрамора, украшенная головой орла, оба его крыла — из позолоченного серебра. Передана аббатом Сугерием (т.н. «орел Сугерия», хранящийся в Лувре. — С.П.). Вторая ваза из горного хрусталя. Передана им же. Ваза с диском из горного хрусталя и эмали. Передана Карлом V, королем Франции. Большая лодка из хрусталя, украшенная золотом, со Св. Илиёй. Передана Сугерием. Очень красивая ваза из восточного агата, которая является самым ценным экспонатом сокровищницы по причине ее величины, древности и мастерства изготовления; считается, что она принадлежала Птолемею Филадельфийскому, по заказу которого и была изготовлена около восемнадцати столетий назад для вакханалий; она представляет собой рельеф, выполненный с такой тонкостью, что мастер должен был трудиться алмазным резцом более тридцати лет. Она (ваза. — С.П.) подарена Карлом III, королем Франции. Еще одна ваза из агата, ножка, ручки и крыша которой изготовлены из позолоченного серебра. Дана Сугерием (датируется X-XIII вв., хранится в Лувре. — С.П.). Большой бокал из горного хрусталя с крышкой и ножкой из того же материала, на котором выгравированы известные древние образы, особенно одна надпись древними символами, которыми могли пользоваться самаритяне, что, равно как и вторая надпись, свидетельствует в пользу того, что он (бокал. — С.П.) мог принадлежать царю Соломону. Золотая ваза в виде блюда, орнаментированная гранатами, гиацинтами и изумрудами с крупным, белым в центре, сапфиром, который выполнен в форме Соломона на троне. Портрет Нерона из восточного агата с теми особенностями, которые заключаются в его исключительной редкости и большой ценности для сокровищницы. Два других больших агата, которые представляют собой две головы, одна — Цезаря Августа, другая — ребенка, который называется «Юлий Цезарь в детстве». Большой, оправленный в золото аметист, на котором выгравирована фигура Аполлона (датируется I в. н.э., хранится в Кабинете медалей Музея монет, медалей и древностей Французской национальной библиотеки. — С.П.)» [5, 14—15]. За подлинность большинства из них ручаться трудно, значительная часть на сегодняшний день утеряна, а оставшиеся артефакты датируются иными эпохами, но от этого ценность предпринятого описания не становится меньше, иллюстрируя совершенно определенные параметры исторической памяти своей эпохи.

Мобилизуя последнюю данность, следует обратить внимание на опись последнего, восьмого, шкафа, содержащего наиболее известные «заморские» дары французской короне в знак признания ее величия и реликвии, составляющие гордость нации. Первая группа — это «Большой рог единорога, в котором более семи футов длины. Коготь грифона огромного размера, отправленный Карлу Великому около 807 г. Аароном, царем Персии (т.е. Харуном аль Рашидом; этот хрестоматийный сюжет описан еще Эйнхардом [9, 87]. — *С.П.*), и позже переданный в Сен-Дени Карлом Лысым. Два зуба морского коня, один из них — замечательно большого размера, переданы в Сен-Дени Давидом (точнее, Давидом II. — *С.П.*), королем Шотландии. Один из светильников, служивший для обнаружения Господа Нашего (в Гефсиманском саду. — *С.П.*), обычно называемый «Светильник Иуды»; отправлен с востока Карлу Лысому, который отдал его в сокровищницу. Шахматы Карла Великого, фигурки сделаны из слоновой кости хорошо обработаны, как и те, что являются одним из символов арабов, которые, как отмечают, принесли их с востока» [5, 16].

Вторая группа — это «Охотничий рог неистового Роланда, племянника Карла Великого. Меч Турпена, которой этот монах Сен-Дени, впоследствии ставший архиепископом Реймским, воевал со своим дядей Карлом Великим против неверных. Меч Жанны д'Арк, Орлеанской Девы. [...] Выше этого шкафа расположено кресло из позолоченной меди, которое служило тронном для короля Дагоберта (датируется VII в., хранится в художественной коллекции Французской Национальной библиотеки. — *С.П.*)» [5, 16].

В качестве некоторого итога, возможно резюмировать, что представленная инвентарная опись, составленная в правление Людовика XIV, т.е. время расцвета французского абсолютизма, в полной мере обнаруживает требования последнего, основанные, в том числе, и на репрезентации исторической памяти, присущей власти.

Литература

1. *Abbrégé de l'Inventaire du Thresor de S. Denys ou les pieces sont mises en l'ordre suivant. Les quelles on montre en chaque Armoire, pour la satisfaction des personnes curieuses.* Paris, 1659.
2. D'Ayzac F. *Histoire de l'abbaye de Saint-Denis en France: 2 vol.* Paris, 1961. Т. 2.
3. Doublet J., fra. *Histoire de l'abbaye de St Denys en France, contenant les antiquités d'icelle, les Fondations, Prérrogatives et Privilèges. Ensemble les tombeaux et epitaphes des roys, reynes, enfans de France, & autres signalez personnages qui s'y treuvent iusques à present. Le tout recueille de plusieurs histoires. bulles des papes, chartees des roys, princes, autres documens authentiques.* Paris, 1625.
4. *Inventaire de 1634 / Éd. de Montesquiou-Fezensac B. de, Gaborit-Chopin D. // Le trésor de Saint-Denis. Т. 1.* Paris, 1973.
5. *Inventaire du Tresor de Saint Denis où sont déclare brièvement toutes les pieces, suivant l'ordre des Armoires dans les quelles on les fait voir.* Paris, 1666.
6. *Le Trésor de l'abbaye royale de S. Denis en France; qui comprend les Corps Saints et autres Reliques précieuses qui se voyent tant dans l'Eglise, que dans la Salle du Trésor.* Paris, 1776.
7. Millet G., dom. *Le Trésor sacré, ou Inventaire des saintes reliques et autres précieux joyaux qui se voient en l'église et au trésor de l'abbaye royale de Saint-Denis en France: ensemble les tombeaux des rois et reines en sépulturés en icelle depuis le roy Dagobert, insques au roy Louys le Iuste. Avec un abrégé des choses plus notables arrivées durant leurs règnes.* Paris, 1646.
8. Souchal Fr. *Le Vandalisme de la Révolution.* Paris, 1993.
9. Эйнхард. *Жизнь Карла Великого / Вст. ст., пер., прим., указ. М.С.Петровой.* М., 2005.

М.И.Романова

г.Хабаровск

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАРЛА ФОН РОТТЕКА

История формирования либеральных доктрин и политической практики либерализма принадлежит к наиболее важным сюжетам исторической проблематики XIX в. Интерес к либерализму в наши дни обусловлен спорами о путях общественного развития и стремлением избежать насилия. Главная идея либерализма — защитить с помощью закона индивидуальную свободу человека, предоставить ему максимальные возможности для самореализации. В разных государствах и в разное время эта идея приобретала свои знаки отличия. Центром либерализма в первой половине XIX в. стала Англия. В Германии в силу исторических и политических условий процесс становления либеральной идеологии проходил сложно. Тем важнее проследить взаимосвязь, сходство и национальные отличия германского либерализма первой половины XIX столетия в сравнении с «классической» английской либеральной моделью.

Центрами генезиса либеральных идей в Германии стали государства немецкого Юго-запада (Баден и Вютемберг). Видного баденского правоведа, политика и историка Карла фон Роттека (1775—1840) можно считать своего рода «отцом» германского либерализма, так как именно в его трудах наиболее четко прослеживаются характерные черты германской раннелиберальной доктрины с ее ориентацией исключительно на политико-правовые вопросы, тесной связью с идеалами Просвещения и стремлением к практической реализации идеи политического единства Германии.

Карл фон Роттек родился 18 июля 1775 г. во Фрейбурге в семье профессора медицины. В 1790 г. он поступил во Фрейбургский университет, окончив который стал ординарным профессором кафедры всеобщей истории в том же университете. Итогом его многолетней преподавательской деятельности стала вышедшая в 1829 г. «Всеобщая история» в 9-ти томах. Она быстро приобрела популярность и выдержала 27 изданий. Важнейшей идеей этого труда было признание норм естественного права. В 1819 г. фон Роттек опубликовал труд «Идеи о государственных чинах», в котором описал идеальную картину народного представительства и взаимоотношений парламента и государства.

В 20—30 гг. XIX в. он принимал активное участие в политической жизни. В 1822 г. фон Роттека избрали на двухлетний срок депутатом в Верхнюю палату Баденского Ландтага, а с 1831 г. (и вплоть до своей смерти в 1846 г.) он был членом Нижней палаты Ландтага Бадена. К. фон Роттек проявил себя как лидер парламентских либералов. Главными направлениями его деятельности стала борьба за отмену десятины, за свободу печати, за идею конституционализма против остатков абсолютизма.

Карл фон Роттек также активно занимался публицистикой. Он был редактором «Всеобщих политических анналов», а с марта по июль 1832 г. редактировал ежедневную газету либерального направления „Der Freisinnig“, где публиковались материалы о подготовке парламентской реформы в Англии и призывы «бороться за свободу и конституцию» [1]. В итоге газету закрыли. Но летом того же года известный экономист Фридрих Лист предложил фон Роттеку взять на себя редактирование «Государственного лексикона» — своеобразного политического словаря, популяризовавшего либеральные идеи.

В этих трудах нашли свое отражение основные воззрения Карла фон Роттека по политико-правовым вопросам. Основой его правовой теории была концепция естественного права, на формирование которой большое влияние оказали работы английских просветителей Т.Гоббса и Дж.Локка. Рассматривая вопрос о происхождении государства, Роттек, вслед за Гоббсом, видит в догосударственной стадии «войну против всех» [5]. Как и Гоббс, он полагал, что жадность и себялюбие способны привести к войнам [2, Bd. 1, S. 16—17]. Роттек выделял две противоречивые причины возникновения государства: военные конфликты и стремление людей к идеалам гуманности.

По его мнению, в естественном состоянии людей объединяет любовь к свободе и в этом состоит основа принципа равных прав [2, Bd.1, S. 85]. Важная роль в становлении государства отводилась собственности. Вслед за Локком, Роттек понимал собственность как фактическую связь вещи с определенной личностью. «В правовом отношении, — писал он, — каждый мог вступить во владение землей или вещами, так как еще никто не унаследовал исключительного права на них, и одновременно они не принадлежали никому, поскольку все обладали равным правом владеть ими, и не было еще случая, который бы нарушил этот порядок и утвердил личное право на имущество» [4, Bd. 4, S. 630]. Как и Локк, Роттек полагал, что нарушение этого права происходит в период перехода к оседлости.

Касаясь вопроса о государстве и собственности, он, подобно Локку и Руссо, считал возможным вмешательство государства в имущественные отношения, но до определенного предела, который устанавливается естественным правом: «Естественное право — это покоящаяся на законодательном разуме правовая система» [4, Bd. 4, S. 177].

В теории естественного права Роттек выделял два основных принципа: свободу и равенство. Его понимание свободы тесно перекликается с трактовкой этого термина, предложенной английскими либеральными деятелями И.Бентамом и Д.С.Миллем. Роттек делил свободу на внутреннюю и внешнюю. Внутренняя свобода — это возможность неограниченного выражения воли человека, опирающаяся на моральные правила. Внешняя свобода — это усмирение собственных желаний, если они противоречат стремлениям других. Внешняя свобода регулируется правовыми законами, т.е. системой принуждения, которая служит охране индивидуальных прав и свобод. [2, Bd. 1, S. 42]. Право дает возможность объединять внешние свободы каждого индивида с волей всех людей. По справедливому мнению Роттека, каждый человек хочет отодвинуть границу своей внешней свободы как можно дальше. Этой границей является право. Право, по его определению, есть совокупность возможностей, которые не противоречат свободе всех. Бесправие — это все, что имеет такое противоречие [4, Bd. 11, S. 170]. Цель права — преодоление этого противоречия и установление разумно-правовой гармонии. Эти воззрения Роттека очень тесно перекликаются с ранними политико-правовыми концепциями «отца» английского либерализма Д.С.Милля.

Второй основой концепции естественного права была идея равенства. «Понятие максимальной свободы, — указывал Роттек, — несет также в себе понятие равенства... Равенство — это равная свобода и равные права. Право — это круг, внутри которого заключена внешняя свобода, находящаяся во взаимодействии личностей,...это система разумных позволений для использования внешней свободы, это максимально возможная и равная свобода для всех» [4, Bd.11, S. 65]. Концепция естественного права К. фон Роттека — это разумный

идеал, основанный на рациональных традициях Просвещения и правовой концепции раннего английского либерализма, но вместе с тем в его воззрениях присутствует несвойственная английской либеральной модели иррациональная чисто германская (заимствованная у И.Канта) идея параллельного действия морали и права. Это придает взглядам Роттека дуалистический характер.

Много внимания в своих трудах К. фон Роттек также уделяет вопросам государства и общества. Вслед за Локком и Гоббсом, он не разделяет эти два понятия. Более того, Роттек вводит термин «государственное общество» [4, Bd. 6, S. 704]. Государство по Роттеку — это совокупность учреждений для удовлетворения субъективных целей без противопоставления их общей цели. Важнейшая функция государства — охрана прав граждан [2, Bd. 1, S. 64—65]. Здесь баденский мыслитель вплотную подходит к идее правового государства, ставшей политической основой английской либеральной доктрины. Государство, по его мнению, должно, в первую очередь заботиться о безопасности граждан, о всеобщем счастье и развитии культуры. «Цель государства, — писал Роттек, — гарантировать право, т.е. такие отношения, которые бы обеспечивали соблюдение всех естественных и унаследованных прав человека и особенно максимальную свободу всех граждан» [3, Bd. 1, S. 235]. Также как и Локк, он считал, что государство должно быть гарантом собственности, поскольку «охраняемая правом собственность есть условие преумножения богатства». Кроме того, государство должно вводить систему налогообложения, чтобы пресекать злоупотребления от частной собственности и восстанавливать равенство между гражданами. Однако Роттек выступал как против возмещения убытков собственникам, так и против экспроприации [4, Bd. 4, S. 633—34]. Защита индивидуальной свободы от абсолютистских и деспотических режимов, но вместе с тем активное вмешательство в частную жизнь граждан — основа представлений Роттека о целях государства. В последнем пункте его взгляды расходятся с воззрениями английских либералов, единодушно выступавших за ограничение вмешательства государства в частную жизнь граждан.

Однако относительно идеальной формы государственной власти представления Роттека полностью совпадают с воззрениями английских просветителей и либералов. Такой формой должна быть республика: государство, «где через систему разделения властей обеспечивается господство общей воли или, по меньшей мере, общественному мнению придается уважение и сила благодаря свободе печати, безразлично стоят ли во главе многие или один» [2, Bd. 2, S. 199]. Роттек выделял два критерия формы государственной власти: внешний (количество людей у власти) и внутренний (благоприятные и неблагоприятные условия для осуществления общей воли в рамках данной формы).

В отличие от английских либералов он вполне прагматично подходил к практической реализации идеальной формы государства. Роттек считал, что идеальная модель в принципе недостижима, а демократическая республика является благом только для маленького народа с неразвитой культурой. Конституционная монархия приемлема лишь для крупных и богатых государств. Что касается аристократической республики, то это вообще не имеющий права на существование в современном ему обществе анахронизм. Применительно к Германии Роттек был сторонником «демократической» конституционной монархии. Дело в том, что его воззрения на демократию резко отличались от традиционного либерального понимания данной формы государственного устройства как республиканского народовластия. Для Роттека демократия — не синоним республики. Она — величие всех, но отнюдь не господство народа. Это равное право для всех, которое, по его мнению, могло вполне ужиться с конституционной монархией.

Подобная трактовка демократии, во многом объяснялась двумя моментами в воззрениях Роттека. Во-первых, стремлением осуществить практическую реализацию своей правовой теории с тем, чтобы она способствовала решению задачи объединения Германии. Роттек понимал, что попытка установления демократической республики в исторических условиях Германского общества первой половины XIX в. стала бы утопией. Но, вместе с тем, ему было трудно отказаться от идеи правового государства, базировавшегося на демократических принципах. Отсюда и вытекает подобное эклектичное понимание демократии. Во-вторых, Роттек не принял революцию 1830 г. во Франции, посчитав ее классическим примером республиканского господства черни. К концу жизни он стал активным противником идеи народовластия.

Общественно-политические взгляды К. фон Роттека оформились под непосредственным влиянием трех основных истоков: идеологии Просвещения, английской либеральной доктрины и немецкой классической философии. Они представляют собой германский вариант раннелиберальной политической доктрины, целью которой было осуществление преобразования абсолютистского государства в конституционное и защита личности от государственного произвола. Стремление Роттека реализовать свое учение в Германии на практике заставило его выступать не за республику, а за конституционную монархию, что отвечало историческим реалиям.

Именно воззрения Роттека во многом, определили особенности германской либеральной модели, сформировавшийся в силу внутри и внешнеполитических условий, с большим опозданием (в сравнении с английской и французской) такие как: ориентацию исключительно на политико-правовые вопросы, стремление приспособить либеральные доктрины к текущему моменту и провести их в жизнь и как следствие консерватизм, эклектичность, деструктивность либеральных идей. Это тормозило процесс развития германского либерализма. Вместе с тем, германская либеральная доктрина содержала очень важные и прогрессивные положения о свободе и правовом государстве, которые явились важным вкладом в развитие европейского либерализма.

Литература

1. Der Freisinning. 1832. № 30.
2. Lehrbuch des Vernunftrechts und der Staatswissenschaften. Stuttgart. 1829—1835. 4 Bde.
3. Rotteck, K.V. Allgemeine Geschichte vom Anfang der Historischen. Kenntniss bis auf unsere Zeiten. Freiburg, 1834. 9 Bde.
4. Staatslexicon oder Enzyklopaedie der Saemmtlichen Staatswissenschaften fuer alle Staende. 1 Aufl. Altona, 1834—1843. 15 Bde.
5. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковная и гражданская // Т.Гоббс. Соч.: В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 93—102.

А.В.Савельева

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ДИСКУССИИ О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Первая мировая война стала событием, оказавшим решающее влияние на развитие многих европейских стран и России. Интерес зарубежных и российских историков к этому событию возник еще в 20-е гг. XX в. В этот период выходили рецензии, предисловия к различным документальным и монографическим изданиям, комментарии и отклики ученых. Эти публикации позволяют сформировать представление о движении научной мысли и первых попытках историографии истории Первой мировой войны.

К первым работам, посвященным проблемам Первой мировой войны, относятся воспоминания канцлера Германии Т.Бетмана-Гольвега «Мысли о войне», которые были опубликованы с предисловием В.Гурко-Кряжина. В.Гурко-Кряжин характеризовал мемуариста как совершенно неспособного, растерявшегося политика, потерпевшего поражение в своей политике компромиссов. Доводы Т.Бетмана-Гольвега касательно миролюбия Германии и ее лидеров накануне и в годы мировой войны он расценивал как трусливую политику выгадывания времени. Этот курс рецензент считал характерным и для Германии 20-х гг. XX в. [1].

В 1926 г. в Ленинграде вышла книга немецкого автора Р.Фирле «Война на Балтийском море». Эта работа была опубликована с предисловием М.А.Петрова, который кроме данных уточняющего характера, ссылок на документы и т.д., оценил некоторые эпизоды и события войны и исторические труды зарубежных авторов 20-х гг. XX в. [4].

Таким образом, вплоть до 60-х гг. XX в. крупных исторических трудов, посвященных проблемам Первой мировой войны, ни в России, ни за рубежом не было.

В 60-е гг. XX в. заметно активизировалась научная мысль в изучении истории Первой мировой войны. В это время советские историографы огромное внимание уделяли критике западной, немарксистской исторической литературы о происхождении войны, международных отношениях в начале века и непосредственно во время войны, политике отдельных держав и блоков в 1914—1918 гг.

В.И.Бовыкин в 1961 г. подробно анализировал труды западных ученых об истории возникновения войны. Он подчеркивал, что при всем разнообразии методов освещения происхождения мировой войны буржуазных историков объединяет стремление обойти вопрос об ее империалистическом характере. Автор обвинял их в подмене анализа действительных причин освещением обстоятельств, послуживших поводом к тому или иному изучаемому событию. Это относилось, в том числе, и к непосредственным причинам войны, когда западные ученые детально прослеживали факты дипломатической борьбы и прочие перипетии накануне войны [2].

В 70—80-е гг. XX в. важное место в историографии истории Первой мировой войны заняли проблемы эволюции политической системы России в период с 1914 по 1918 гг. Существенный вклад в конкретно-историческое изучение и историографическое осмысление этой проблемы внес А.Я.Аврех. Он уделял огромное внимание вопросу о взаимоотношениях либеральной буржуазной оппозиции и царизма в последние три года существования последнего.

В 90-е гг. XX в. обозначились новые тенденции в изучении Первой мировой войны. Это связано с расширением источниковой базы исследований, обновлением и дополнением тематики научных работ, освобождением от идеологической и иной ангажированности и т.д.

С этого времени появляются исследования, посвященные не только основным событиям Первой мировой войны, но и ее историографии. К таким работам относятся труды Д.В.Лихарева, С.С.Бантке и др.

Война 1914—1918 гг. вполне обоснованно называется мировой. И не только потому, что в ней так или иначе участвовало большинство государств, но и из-за того, что боевые действия проходили в самых различных регионах Земного шара — от Фолклендских островов (архипелага юго-западной части Атлантического океана) до полярных широт.

Однако название «Первая мировая война» утвердилось в историографии только после начала Второй мировой войны в 1939 году, а в межвоенный период употреблялось название «Великая война»; в Российской империи ее называли «Второй Отечественной»; неформально (и до революции, и после) — «германской»; в СССР — «империалистической войной».

В исторической литературе проблема причин Первой мировой войны обсуждалась и обсуждается на протяжении длительного времени. По мнению д.и.н., профессора Дмитрия Витальевича Лихарева, немецкого историка консервативного направления Германа Онкена, немецкого либерального историка Фрица Фишера одной из основных причин Первой мировой войны стала гонка вооружений, которая была вызвана научно-технической революцией (коренное качественное преобразование производственных сил на основе превращения науки в ведущий фактор развития общественного производства) [3].

Так, например, В.Л.Лихарев указывает на то, что благодаря гонке морских вооружений Германия и Англия начали войну при следующем соотношении сил: англичане располагали 25 дредноутами и 10 линейными крейсерами, а немцы — 17 дредноутами и 6 линейными крейсерами [3].

По мнению некоторых историков, основной причиной первой мировой войны стал империализм.

Империализм (определение лидера социал-демократии в Германии К.Каутского) — продукт высокоразвитого промышленного капитализма, состоящий в стремлении каждой промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять все большие аграрные области, без отношения к тому, какими нациями они населены.

Империализм (определение английского экономиста Джона Гобсона) заключается в соревновании империй, каждая из которых руководится одинаковыми вожделениями к политическому расширению и к коммерческой выгоде; характеризуется господством над торговыми интересами интересов финансовых.

Эти определения содержат в себе только две основные черты империализма — возникновение финансового капитала и усиление колониальной политики. К ним стоит добавить: возникновение монополий, усиление роли банков в экономике, вывоз капитала.

Таким образом, **империализм** — это высшая и последняя стадия капитализма, начавшаяся в конце XIX — начале XX вв., когда сложилось господство капиталистических монополий и финансового капитала, и закончился территориальный раздел мира между основными крупными капиталистическими державами.

В совокупности именно эти основные черты империализма стали одной из причин Первой мировой войны, поскольку монополии усиливали различия между скоростью роста разных частей всемирного хозяйства, что приводило к возвышению одних стран и в результате к недовольству других. В ряде случаев монополии соединялись с банками, которые были заинтересованы в вывозе финансового капитала, сблизившегося с государственной властью и во многом определявшего ее внешнюю политику в колонизируемых областях. В свою очередь, расширение территорий, как и изменение соотношения сил в хозяйственной и промышленной жизни государств, вело к столкновению интересов держав, к появлению противоречий между странами, разрешить которые можно было при помощи силы, т.е. Первой мировой войны.

Согласно мнению советского историка Самуила Самуловича Бантке еще одной причиной войны стало усиление роли рабочего и социалистического движения. В частности они отмечают, что в конце XIX века рабочие партии и организации стали превращаться в мощный политический сектор, претендовавший на допуск к власти. Правящая элита, желая не допустить рабочие партии к власти, решила устранить их с помощью Первой мировой войны.

Если рассматривать количественное соотношение рабочих накануне войны, то следует отметить, что рабочие в Германии составляли 43% всего населения (1907 г.), в Бельгии — 54% (1910 г.), в Великобритании — 51% (1911 г.) и во Франции — 36% (1911 г.).

По мнению д.и.н., профессора Вячеслава Корнельевича Шаццлло, и английского экономиста Джона Гобсона одной из основных причин Первой мировой войны стала борьба великих держав за колонии и сферы влияния. По расчету Дж.Гобсона, с 1884 по 1900 гг. Англия приобрела 3,7 млн. кв. миль с населением 57 млн. чел.; Франция — 3,6 млн. кв. миль с населением в 36,5 млн. чел.; Германия — 1 млн. кв. миль с 14,7 млн. чел.; Бельгия — 900 тыс. кв. миль с 30 млн. чел. [5].

По мнению ревизионистских историков, борьба великих держав за колонии и сферы влияния вместе с созданием независимых государств на Балканском полуострове и формированием блокового мышления, являлись основными характеристиками ухудшения международных отношений, которое стало еще одной причиной Первой мировой войны.

Таким образом, проблема причин войны 1914—1918 гг. является одной из дискуссионных в научной литературе. Это связано с различными точками зрения зарубежных и отечественных исследователей не только на происхождение данного события, но и на его ход и итоги.

Литература

1. Бетман-Гольвег Т. Мысли о войне. Пер. с нем. М.-Л: ГИЗ, 1923.
2. Бовыкин В.И. Из истории возникновения первой мировой войны. Отношения России и Франции в 1912—1914 гг. М., 1961.
3. Лихарев Д.В. Гонка морских вооружений как причина и следствие Великой войны // Первая мировая война. Пролог XX в. / Под ред. В.Л.Малькова. М., 1998.
4. Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1. От начала войны и до прекращения в феврале 1915 года навигации / Пер. с нем. Л., 1926.
5. Шацилло В.К. «Чудо-оружие» и борьба за моря в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX в. / Под ред. В.Л.Малькова. М., 1998.

С.А.Сальникова

г.Москва

Московский педагогический государственный университет

К ВОПРОСУ О РОЛИ УЧИТЕЛЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Эпоха Возрождения представляет собой качественно новый, своеобразный этап в истории образования. Но новые тенденции в развитии образования стали проявляться в Западной Европе еще в XIII веке. К ним можно отнести расширение социального состава учащихся, завершение процесса формирования системы церковных школ и развитие нового типа школ — городской школы, рост официального внимания, как церковного, так и светского, к организации учебных учреждений, зарождение систематического школьного и университетского законодательства, что в свою очередь способствовало обособлению сферы образования, оформлению школ и университетов, как учреждений, основной вид деятельности которых обучение. Менялись содержание обучения и методика преподавания, появлялись новые учебники и словари. С XIII века предпринимались попытки регламентировать учебный день, семестр, учебный цикл, режим занятий. Но вплоть до XV века градации в образовании не было, деление на классы появится лишь в XV веке, это же касалось и предметов.

Для эпохи Возрождения одной из основных тенденций в развитии школьного образования стало понимание роли учителя в формировании его воспитанников. К этому времени относится появление профессиональных учителей, берущих за свою деятельность плату с учеников. Постепенно исчезла и свобода учителей, ранее они сами организовывали учебный процесс, начиная же с эпохи Возрождения, они включаются в образовательное пространство школы и подчиняются ректору. Отныне не только учителя, но и их воспитанники подчиняются строгим правилам. Введение правил и строгой дисциплины объясняется тем, что эпоха Возрождения возложила на школу заботу о нравственном воспитании подрастающего поколения.

В эпоху Средних веков в обязанности учителя входило лишь обучить своего воспитанника, сообщить ему определенную информацию, но учитель не заботился о его воспитании, о формировании личности ученика, за пределами учебной аудитории ученик был предоставлен самому себе. Томас Платтер, странствующий школяр, описавший в своей биографии все тяготы и невзгоды, выпадавшие на долю ученика его времени, сообщает следующее об условиях жизни учащихся: «[В Бреслау] ученики спали в школе на полу. Летом, когда было жарко, мы спали на кладбище. В субботу перед домами, где обитали сеньоры, мы собирали траву, которая летом росла на улицах. Некоторые сваливали на кладбище эту траву в кучу и спали на ней, как свиньи в соломе. Но когда начинался дождь, мы спасались в школе, и, когда бывали грозы, мы пели почти всю ночь» [1, 447].

Можно сказать, что для Средних веков характерен довольно низкий уровень подготовки учителей, подтверждение этому мы можем найти у Николая из Бибераха, немецкого сатирика XIII века, в его описании высшей школы города Эрфурт, в главе «О том, что приходится делать школьникам, когда им отказывают в посвящении» он пишет: «Здесь учится, думаю я, около тысячи школьников. Среди них есть немало шукарей и бездельников, которые играют в кости, упражняются в ловком надувательстве, не хотят учиться, а только зовутся учащимися. Такие молодцы соблазняют и увлекают на худой путь и других; с течением времени немало их попадает в воры. Из них есть люди, которые могли оказывать успехи, если бы захотели бросить свою леность; но так как они не могут выносить труда ученья, то они нередко остаются просто грубой скотиной» [4, 243]. Но не только нерадивость и леность были причиной низкой образованности будущих учителей и воспитателей. В их защиту стоит сказать, что их учителя не далеко ушли от своих студентов,

телесные наказания стали синонимом обучения: «ибо нет на свете более трудной вещи, как втолковывать другим то, чего сам незнаешь, когда все темно для учащего и еще темнее для учащегося, и вся наука является твердым камнем» [4, 245]. И бедному школяру ничего больше не оставалось, как собрать свои вещи и отправиться на поиски лучшей школы и лучших учителей. «Но школы в общем почти все друг друга стоили, а бродячая жизнь, несмотря на свои лишения и опасности, представляла такую завлекательную противоположность их монастырскому гнету, что многие из этих поклонников знания под конец совсем выкидывали науку за борт...» [4, 245]. Многие из них после долгих странствий становились учителями школы. Но положение их в обществе не слишком менялось к лучшему, скудное вознаграждение за свои уроки приходилось вымаливать как подаяние. Поэтому нет ничего удивительного в том, что такой учитель «со своей стороны в новом своем звании не совсем покидал привычки, вынесенные им из воспитавшей его учительской семинарии — большой дороги, и с необыкновенной легкостью переходил из города в город и из деревни в деревню, меняя места и род занятий, снова вступая в школы для продолжения образования и снова выходя из них, пробуя свои силы то в ремесле, то в военной службе, пока, наконец, старость не приковывала где-нибудь до конца дней эту перелетную птицу» [4, 253].

С конца XIV века появляется особая категория странствующих школяров-учителей, именуемых бакхантами. От ныне они не занимаются поисками лучшей школы и лучшего учителя, а направляются в городские школы, «где они находят место младшего учителя, они немедленно на него нанимаются, хотя, по-видимому, их педагогическая деятельность направлялась главным образом на маленьких мальчиков, которых они уводили с собой в скитания, будто бы для того, чтобы препроводить их в хорошую школу и там с ними заниматься, на самом же деле, чтобы заставлять их собирать для себя милостыню» [4, 254].

Для эпохи Возрождения характерно иное отношение к труду учителя. Гуманисты отводили основную роль в обучении и воспитании ребенка учителю. Гуманист и педагог Яков Вимпфелинг считал, что учитель для учеников должен стать примером не только в области наук, но и в нравственной сфере; учитель должен поучать, наставлять, увещевать доверенных ему учеников и ни в коем случае не прибегать к телесным наказаниям. Нидерландский гуманист Эразм Роттердамский, посвятивший многие из своих сочинений вопросам обучения и воспитания, придавал важное значение в образовательном процессе роли учителя. «Первый шаг к обучению есть любовь к учителю», — утверждал он [3, 45]. По мнению Эразма, первая задача учителя — «обрести любовь, постепенно добиваясь ее не страхом и испугом, но естественным уважением...» [3, 46]. В трактате «О способе обучения, а также чтения и толкования авторов» нидерландский гуманист поднимает вопросы, касающиеся подготовки учителя и требований к уровню его квалификации. Осознавая, что уровень подготовки современных учителей далек от идеала, гуманист настаивал на широкой образованности учителей и наставников (даже для учителей начальной школы он требовал знаний в области *studia humanitatis*), ведь именно образованность поможет их подопечным облегчить и сделать более доступным процесс приобретения знаний.

По многим вопросам обучения и воспитания молодежи Реформация стала преемницей эпохи Возрождения. Одним из выдающихся реформаторов образования в годы Реформации являлся Мартин Лютер, немало своих трудов он посвятил проблемам воспитания и образования. Он также отводил большое значение роли учителя в образовательном процессе. В «Проповеди о том, что нужно посылать детей в школу» он писал, суля возвращение бродяг-учителей в том случае, если учительскому труду не будет оказано должного внимания и уважения: «[Бюргеры] не хотят теперь содержать или поддерживать Богом данных способных, почтенных, порядочных наставников и учителей, которые воспитывают их детей в богобоязненности, в дисциплине, учении и почтении, посредством большой работы, с усердием и трудом и притом малыми затратами и низкой оплатой. Так пусть они за это получают учителей-репетиторов и бродяг, необразованных ослов и болванов, которых они и раньше имели и которые с высокими расходами и за высокую плату ничему не научат их детей, кроме как быть полным ослом, и за это их жен, дочерей, служанок будут бесчестить и сверх того станут господами над их домами и имуществом, как это происходило и доныне» [2, 122]. Особенно актуально звучали эти слова во время упадка школ и школьного обучения. Подтверждение этому мы можем найти в словах гуманиста Эобана Гесса: «Что получаем мы, учителя, в награду за наши труды? Голодное житье, неприятности, надрыв сил, болезни и постоянные огорчения. Всякая другая работа дает человеку возможность жить: школьный учитель влачит свои дни в ужасной нищете, и гордость окружающих смешивает его с грязью. Последний писаришка, подьячий, бродячий монах смотрят на него свысока. Нет, лучше смерть, чем учительство!» [4, 270].

Для эпохи Средних веков подобное отношение к учителю, наставнику, как к человеку, пример которого сыграет главную роль в формировании личности ребенка, было чуждо. Изменение социального положения учителя, иной взгляд на его роль в общественном развитии относятся к эпохе Возрождения, что в очередной раз указывает на то, что эпоха Возрождения явилась особым этапом в истории образования.

Литература

1. Деломо Жан. Цивилизация Возрождения. Екатеринбург, 2006.
2. Лютер М. Проповедь о том, что нужно посылать детей в школу // Мартин Лютер — реформатор, проповедник и педагог. М., 1996.
3. Меньшиков В.М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса. М., 1995.
4. Сперанский Н. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. Возникновение народной школы. Строй западно-европейского образования в Средние века. М., 1896.

А.Б.Сидякина

г. анкт-Петербург

Русская христианская гуманитарная академия

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ ИЗБРАНИЯ МОРИЦА САКСОНСКОГО НА КУРЛЯНДСКИЙ ТРОН

История избрания графа Морица Саксонского герцогом Курляндии достаточно хорошо освещена в литературе. В качестве главной причины неудачи этой авантюры обычно называется вмешательство А.Д.Меншикова. Цель данной работы, не отрицая влияния меншиковского демарша, дать правовую оценку событий с точки зрения законов герцогства Курляндии и Речи Посполитой: то есть именно так, как их должны были оценивать современники и ближайшие потомки.

Герцогства Курляндии и Семигалии, образовавшиеся в 1561 г. в результате унии с польско-литовским государством, в своей правовой жизни опирались на три фундаментальных документа: *Pacta subjectionis* («Договоры о подчинении», 1561), *Privilegium Gothardinum* («Готтхардова привилегия», 1570) и *Formula regiminis* («Формула правления», 1617). Согласно этим документам, Курляндия признавала ленную зависимость от Речи Посполитой, сохраняя лютеранское вероисповедание, законодательство, а также собственную правящую династию в лице герцогов из дома Готтхарда Кеттлера, которые всякий раз должны были получать инвеституру из рук короля. Герцог имел право самостоятельно проводить внешнюю и внутреннюю политику (под контролем совета обер-ратов — высших чиновников герцогства), при условии, что это не нарушало интересов Речи Посполитой. Решения польских сеймов также носили для Курляндии обязательный характер. Особое значение имела конституция сейма 1589 г., согласно которой в случае пресечения рода Кеттлеров Курляндия как выморочный лен должна была отойти к Речи Посполитой на тех же условиях, что ранее Лифляндия [5, 208].

Эта перспектива стала угрожающей реальностью после внезапной смерти в 1710 г. молодого герцога Фридриха Вильгельма. Управление страной перешло к последнему представителю династии, бездетному Фердинанду (1655—1737). Формально Фердинанд считался законным герцогом Курляндии: именно в таком качестве упоминает его конституция сейма 1717 г. [6, 148]. Однако он пребывал в серьезном конфликте с рыцарством еще со времени смерти Фридриха Казимира (1698), когда король Август II назначил его регентом вместо предусмотренного в *Formula regiminis* на случай отсутствия герцога регентского совета из обер-ратов [3, 6—8]. Фердинанд, получивший инвеституру лишь в 1731 г., так и не решился приехать в Курляндию, пытаясь править из Данцига. Фактически же страна находилась под управлением регентского совета. Ситуация с престолонаследием сильно осложнялась тем, что в Митаве проживала вдова Фридриха Вильгельма российская царевна Анна Иоанновна. Политика России, со времен Петра I стремившейся включить Курляндию в сферу своего влияния, привела к тому, что с середины 1710-х гг. курляндская корона ассоциировалась с рукой герцогини Анны.

Курляндским нестроениям способствовало и политическое положение в Речи Посполитой. В XVI в. шляхетские свободы и уникальное политическое устройство привели к расцвету польско-литовского государства. Однако XVII век, когда Речь Посполитая столкнулась с монархиями, переживавшими взлет абсолютизма, не раз ставил ее на грань катастрофы. Тем не менее шляхта крепко держалась за свои привилегии (право «свободной элекции» короля и *liberum veto*), видя только в них залог могущества страны. С другой стороны, выборные короли, следуя примеру других европейских государств, всячески пытались укрепить свою власть. Это противостояние достигло апогея в царствование Августа II, видевшего в Курляндии средство к укреплению саксонского дома: бездетность Фердинанда подавала к тому надежду. Шляхта имела на герцогство свои виды: предстоящая инкорпорация Курляндии сулила новые земли и новые должности. Декларативное лютеранство остзейцев также не могло долго оставаться без внимания. Духовенство и шляхта были весьма заинтересованы в инкорпорации Курляндии и разделении ее на воеводства.

Все эти обстоятельства определяли судьбу герцогств значительно вернее, чем чьи-либо частные интересы. Европейские государства всячески поддерживали шляхетскую анархию («права и свободы»). Сеймом руководили магнатские партии, которые не брезговали иностранными деньгами. Но в поиске нового герцога политика «сохранения статус-кво» сыграла против самих ведущих игроков, коими на тот момент являлись Пруссия и Россия. Упомянутое положение конституции 1589 г. продолжало действовать, и отменить его мог только сейм Речи Посполитой (*де-юре* сюзерен Курляндии), для чего требовалось единодушие трех сеймовых

сословий: короля, Сената и Посольской Избы. Но сейм был раздражен и неуправляем, его было куда проще разорвать, чем склонить к какому-либо определенному решению. Сложилась ситуация, разрешить которую помогло лишь скандальное избрание Морица Саксонского.

В 1725 г. герцог Фердинанд тяжело заболел. Курляндское рыцарство, в большинстве своем не желая инкорпорации, решилось на беспрецедентный шаг: выборы его преемника. Граф Мориц был бы наиболее приятным кандидатом для Августа II. Зимой и весной 1725 г. он провел в Варшаве, активно общаясь с курляндцами, о чем не мог не знать Август. Более того, обер-гауптман Митавы К.К. фон Бракеель, который вел переговоры с Морицем, сообщал рыцарству, что король не будет противиться этому избранию [1, 163]. Обер-раты герцогства оказались в сложном положении: созыв братской конференции (на что они имели право) при живом герцоге мог поставить под сомнение законность выборов, добиться же от Фердинанда созыва ландтага (на что имел право лишь правящий герцог с согласия короля) было невозможно. Они решились на опаснейший шаг: создали ландтаг от имени герцога, что, разумеется, вызвало его горячий протест. Тем не менее, 26 июня состоялись выборы. Тайно поддерживая курляндцев, осторожный Август делал все, чтобы обезопасить себя от гнева поляков: он запретил сыну ехать в Митаву и объявил ландтаг незаконным. И рыцарство, и Мориц прекрасно понимали всю двусмысленность ситуации. Герцогский диплом прямо говорит, что курляндцы «объединят все силы и все возможности, чтобы это *условное* (курсив мой. — А.С.) избрание было одобрено, ратифицировано и утверждено Его Величеством Королем Польши как сюзереном» [4, 168—169]. Надеясь на поддержку России (через Анну Иоанновну) и короля-отца, Мориц вел себя в Курляндии не условным наследником, а законным герцогом, мало обращая внимания на протесты Фердинанда. И тут, как нарочно, появляется Меншиков, похожий, единственный человек, совершенно не отдающий себе отчета в происходящем. Такое вопиющее нарушение международных норм вызвало возмущение в Речи Посполитой и протестную ноту Августа.

Теперь все ухищрения дипломатии ничего не могли изменить: судьба герцогства была решена. 28 сентября открылся сейм, и король поставил курляндский вопрос на повестку дня. К изумлению Морица, последовали два королевских диплома: о ничтожности избрания (26 октября) и об инкорпорации Курляндии (9 ноября) [4, 184-190], дополненные конституцией сейма, подтвердившей, что положения 1589 г. вступают в силу по пресечении дома Кеттлеров в лице герцога Фердинанда [6, 209-210]. Фактически и юридически еще при жизни Фердинанда Кеттлера Курляндия перестала существовать как отдельное государство.

15 сентября 1727 г. в герцогство прибыла комиссия, к которой отныне переходила власть в стране. В Курляндию вошли польские войска, чему Верховный тайный совет не сумел помешать [2, 269]. Комиссары проявили поразительно равнодушие к 30-тысячному русскому корпусу Ласси, отстранив от управления мятежных обер-ратов, принудили рыцарство присягнуть решению Сейма и занялись инвентаризацией имений. Разработанный комиссией проект будущего управления Курляндией в качестве польской провинции (*Ordinatio futuri regiminis*) оставался в силе вплоть до пацификационного сейма 1736 г., на котором судьба герцогства решилась окончательно.

Выборы Морица Саксонского были вызваны желанием курляндского рыцарства избежать инкорпорации, предпринятой основными законами герцогства еще в XVI в. Однако их очевидная незаконность, усиленная демаршем Меншикова, лишь привела к решительному подтверждению прежних положений Гродненским сеймом 1727 г. Попытки сохранения в Курляндии статус-кво продолжали предприниматься как со стороны короля и заинтересованных держав, так и со стороны самих курляндцев. Но решительный перелом ситуации стал возможен лишь в царствование Анны Иоанновны, как результат войны за польское наследство и успешных действий российской дипломатии.

Литература

1. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, февраль — июль 1726 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 55. СПб., 1886.
2. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета, июль — декабрь 1727 г. // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 69. СПб., 1889.
3. *Formula Regiminis de Anno MDCXVII, Pacta subjectionis, Privilegium Sigismundi Augusti* / H.L. Bierkel, Mitau, 1807.
4. *Saxe, Maurice de. Mes Rêveries, ouvrage posthume, augmentées d'une histoire abrégée de sa vie, et de différentes pièces qui y ont rapport, par M. l'abbé Pérau, t. II, Amsterdam, 1757.*
5. *Volumina legum, t. II, Petersburg, 1859.*
6. *Volumina legum, t. VI, Petersburg, 1860.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЦЕРКОВНЫХ СТАРОСТ ЛОНДОНСКИХ ПРИХОДОВ XVII ВЕКА

На протяжении многих веков английский приход являлся не просто административной единицей или церковным округом. Ввиду довольно тесных связей, существовавших между прихожанами, его можно сравнить с общиной, где каждый ее член выполнял определенные функции и вносил свой вклад в жизнь этого сообщества. Со стороны центральных властей на приход был также возложен ряд обязанностей, среди которых, прежде всего, выделяется решение социальных проблем.

Тема местного самоуправления в Англии неоднократно привлекала внимание ученых. В последние годы разработкой вопроса занимались О.В. Дмитриева, В.А. Евсеев, Т.В. Мосолкина, Л.Н. Чернова и др. Затрагивались, преимущественно, такие темы, как деятельность магистратов, констеблей и мировых судей, роль представителей аристократии в управлении, взаимодействие местных и центральных властей и т.д.

В данной статье мы обратимся к институту церковных старост — представителей приходской администрации, сосредоточив внимание на их социальных функциях, как наиболее актуальных для XVII века. Известно, что именно в этот период в Англии особенно острой стала проблема бедности. Тяжелее всего приходилось Лондону, который, не имея ни развитой социальной инфраструктуры, ни системы вспомоществования беднякам, вынужден был аккумулировать огромную массу мигрантов со всех регионов страны [1, 118]. Они мечтали найти работу в столице и разбогатеть, однако в реальности лишь пополняли ряды бедняков, блуждающих от прихода к приходу в поисках подаяния. Здесь они и встречались с церковными старостами.

Насколько велики были полномочия церковных старост, ученые до сих пор спорят. Одни говорят, что они, несомненно, играли важную роль в управлении приходом, но при этом существовали и другие местные чиновники, которые обладали большим авторитетом среди прихожан. Их противники, наоборот, утверждают, что именно старосты обладали решающим голосом в управлении приходскими делами [4]. Бесспорно одно: церковные старосты являлись людьми, в той или иной степени облеченными властью, а значит, она была ответственна за судьбы своих подопечных прихожан.

На должность церковного старосты ежегодно приходским собранием выдвигались только наиболее уважаемые и почитаемые люди. Прихожане доверяли им управление общим финансовым фондом и возлагали на них ряд обязанностей. Так, церковные старосты осуществляли фискальные функции (организовывал сбор прихожан государственных и местных налогов), следил за доходами и расходами, занимались проблемами, связанными со строительными, ремонтными и коммунальными работами, отчитывались перед всевозможными инспекторами, и, конечно, выполняли целый спектр социальных задач [4, 307-308].

Всея деятельность старост фиксировалась ими в ежегодных отчетах. В нашем распоряжении оказались отчеты лондонских приходов Св. Варфоломея у Королевской биржи, Св. Михаила в Корнхилле, а также протоколы собраний прихода Св. Кристофера в Сити. На основе полученных данных мы попытались проследить, какие именно обязанности социального характера были возложены на церковных старост.

Судя по записям в источниках, наиболее уязвимым населением приходов были дети, старики и инвалиды, а также семьи бедняков. Их поддержка являлась первой обязанностью приходской администрации в лице церковных старост. Практически каждый приход в Англии, а особенно столичные приходы, сталкивался с проблемой содержания детей-сирот. Довольно часто в отчетах упоминается, что на пороге того или иного дома, или у дверей церкви нашли брошенного ребенка. Кроме того, для детей, чьи родители умерли, приход также обязан был обеспечить уход и опеку. В XVII веке еще не существовало единой государственной системы детских приютов, поэтому приходы должны были сами решать подобные проблемы. Чаще всего церковными старостами назначались специальные люди — опекуны, которые брали на себя обязательства по содержанию беспризорных детей. Например, практически каждый отчет прихода Св. Варфоломея содержит сведения о выплатах опекунам. Под понятием «содержание» имеется в виду не только предоставление крыши над головой, одежды и питания, но также образование, по крайней мере, начальное (обучение письму, чтению), и религиозное воспитание. Кроме того, приход договаривался об ученичестве детей. Однако в дальнейшей их судьбе он уже не принимал участия, да и, скорее всего, не желал этого делать. Расходы на детей-сирот представляли собой серьезные траты, и если приход Св. Варфоломея, будучи богатым, мог себе это позволить, то для большинства других лондонских приходов это становилось серьезной финансовой проблемой. Поэтому вполне понятна «легкость», с которой они расставались с бывшими своими подопечными.

В обязанности церковных старост также входила помощь инвалидам и больным прихожанам. В первую очередь, ее адресатами выступали бедняки. В XVII веке уровень развития медицины был невысоким, однако спрос на услуги врачей неизменно рос. Согласно данным источников именно церковные старосты приглашали лекарей к больным прихожанам и оплачивали их работу. В серьезных или неизлечимых случаях целого века отправляли в госпиталь. В отчетах прихода Св. Михаила содержатся информация о действиях, принятых

администрацией в периоды эпидемий чумы в 1593—1604 г., бушевавших в Лондоне. В ходе борьбы со смертельной болезнью церковные старосты отправляли зараженных чумой в специальные лепрозории и оплачивали их содержание и лечение, предписывали наносить опознавательные метки на жилища больных, а также выплачивали компенсации людям, чьи дома были сожжены в целях предотвращения распространения эпидемии [6, 184, 193, 196.]. Например, из отчетов прихода Св. Варфоломея мы узнаем об оплате лечения и содержания больной прихожанки Кэтрин Ромни в Вифлеемском Госпитале (известная больница для умалишенных) [5, 176]. Далее в документах она фигурирует как получательница пособия — финансовой помощи от приходской администрации. Среди получателей также были калеки, слепые, инвалиды, солдаты, получившие увечья и т.д.

Часть приходских денег с одобрения общего собрания церковные старосты направляли на помощь беднякам. При этом стоит отметить тенденцию к увеличению со временем этой части расходов, что отражало повсеместный процесс обнищания населения в Англии. В каждом приходе еще со времен Елизаветы I был создан специальный фонд помощи бедным, который пополнялся за счет специального налога и благотворительных взносов. Церковные старосты наряду с попечителями по делам бедняков несли ответственность за эти деньги и контролировали их распределение. По отчетам видно, что церковные старосты обязаны были следить за использованием средств по назначению, особенно это касалось благотворительных взносов, которые делали как отдельные прихожане, так и крупные ливрейные компании Лондона [5, 116, 123, 154; 6, 188]. Распределение денег из фонда, в свою очередь, происходило после обсуждения бедняков-кандидатов на приходском собрании. Исполнение принятого решения возлагалось на церковных старост и их помощников [3, 21, 23, 32; 5, 63, 87, 105, 113].

Кроме пособий помощь беднякам также включала выплату их долгов. Приход оказывал подобную поддержку в тех случаях, когда из-за финансовых проблем человек попадал в одну из лондонских тюрем [5, 101]. Однако ее нельзя назвать обычной практикой. Лишь некоторые разорившиеся торговцы или ремесленники могли рассчитывать на помощь своих прихожан.

Церковные старосты должны были решать множество социальных проблем, используя при этом собственные финансовые средства прихода. Фактически они выполняли те функции, которые до Реформации находились в ведении церкви и монастырей. Однако после их закрытия государство не предложило никакой альтернативы, и местные власти, в том числе и приходские чиновники, вынуждены были взять всю ответственность на себя. Прежде всего, в защите нуждались дети, инвалиды, старики, вдовы, больные и бедняки. Хотя они составляли незначительную долю от общего населения прихода (приблизительно 3%), но поглощали большую часть средств. К концу XVII в. даже состоятельные приходы Лондона тратили на социальную поддержку 50—60% своего ежегодного дохода. Для бедных приходов эта цифра увеличивалась до 80% от общей суммы расходов [2, 254]. Однако, несмотря на эти трудности, столичные приходы и церковные старосты продолжали выполнять свои социальные функции и помогать наиболее нуждающимся людям.

Литература

1. Евсеев В.А. Английский город в Тюдоровскую эпоху. Регионы и города. Иваново, 1995.
2. Macfarlane S. Social policy and the poor in the later seventeenth century/ London 1500—1700. L.; N.Y. 1986. P. 252—270.
3. Minutes of the vestry meetings and other records of the parish of St. Christopher in Stocks, in the City of London. London: Rixon and Arnold, 1886.
4. Pre-Reformation Churchwardens' Accounts and Parish Government: Lessons from London and Bristol // English Historical Review. 2002. Vol.117(471). P. 306—332.
5. The Account books of the parish of St. Bartholomew Exchange in the City of London, 1596-1698. London: Rixon and Arnold, 1895.
6. The Accounts of the Churchwardens of the parish of St. Michael, Cornhill, in the City of London, from 1456 to 1608. London, 1871.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ ПРИ ТЮДОРАХ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Проблемы реорганизации системы управления в Англии при Тюдорах привлекли в середине XX в. внимание английского исследователя Дж.Р.Элтона [5; 6]. Суть концепции Дж.Элтона сводилась к утверждению о том, что в 30-е годы XVI в. в Англии произошла так называемая «тюдоровская революция в управлении», которая означала переход от методов «хаусхолд-управления» страной к методам бюрократического администрирования. На смену королевскому хаусхолду как центру административной деятельности, во многом зависевшему от личности монарха, пришла система, состоящая из относительно независимых от прямого королевского вмешательства и контроля со стороны двора административных и судебных органов. Дж.Элтон, таким образом, разделял сферы «политики» и реального «управления». Ключевыми элементами новой «революционной» организации управления стали независимые финансовые структуры во главе с Казначейством, а также Тайный совет. Королевский хаусхолд сохранил за собой исключительно «лакейские» функции по обслуживанию личных потребностей монарха и превратился в один из весьма специфических секторов государственного механизма. Томас Кромвель, руководивший реформой, по мнению ученого, сознательно стремился ввести так называемое «национальное управление», свободное от воли монарха и его окружения. Дж.Элтон считал, что административные преобразования имели значительные социальные последствия. Реальным носителем власти стала бюрократия, занявшая командные должности в Тайном Совете и Казначействе. Двор остался средоточием старой, потерявшей силу знати, местом интриг. Концепция Дж.Элтона была принята большинством историков и стала основной на протяжении двух последующих десятилетий.

Данная концепция не лишена недостатков, поскольку известно, что придя к власти в 1485 г., Генрих VII стал перестраивать финансовую систему Англии так, чтобы он лично мог контролировать все поступления и расходы. Роль главного финансового ведомства страны при Генрихе VII перешла от Казначейства к дворцовой казначейской палате. Казначей дворцовой палаты стал главным распорядителем почти всех королевских доходов за исключением парламентских субсидий, тем самым, взяв на себя функции Казначейства. Средства поступали, минуя последнее ведомство, прямо в Королевскую Палату. Наконец, была введена система отчетов всех государственных и придворных департаментов перед самим королем и его аудиторами. Ведущую роль в создании новой финансово-фискальной системы играл сам Генрих VII. Он был достаточно деятельным государем, чтобы управлять и контролировать ее работу самостоятельно [5,55-56].

Все министры Генриха VII были лично отобраны королем за их способности, усердие, проницательность и верность, — еще одна модель, которую почти всегда воспроизводили его потомки Тюдоры. Однако на первый взгляд кажется, что Рейнольд Брей, Ричард Эмпсон и Эдмунд Дадли занимали незначительные должности. Брей был канцлером герцогства Ланкастерского; вскоре после его смерти в 1503 г. его преемником стал Эмпсон. Дадли был «президентом Совета», что по сути подразумевало министра без портфеля. Но Брей и другие, подчиняясь королю, обладали авторитетом, намного превосходящим тот, что подобал им по статусу. Дело в том, что Генрих VII в течение удивительно короткого времени сумел создать сеть финансового и административного контроля, и соответствующие документы никогда не выходили из рук государя и немногих избранных, а методы работы были придуманы исключительно ими. Финансовая отчетность, эксплуатация недооцененных земельных ресурсов Короны наиболее современными способами, применявшимися землевладельцами-аристократами, сбор штрафов и повинностей и насильственные меры Генриха VII (сомнительная с моральной точки зрения, но, возможно, необходимая система принуждения политических оппонентов или даже явных сторонников к согласию дать финансовые гарантии хорошего поведения) — всеми этими важными делами занимался только король и его ближний круг. Такая система ничем не была обязана Парламенту; она зависела от Тайного Совета. Ничто не ускользало от проницательного взгляда Генриха VII, а деньги не утекали из его хватких рук. Сохранившиеся книги Палаты, главные документы центра административной координации при Генрихе, подписаны, а значит, проверены (каждая страница и даже каждая запись) самим королем — лучшим предпринимателем из всех когда-либо сидевших на английском престоле [3, 110].

Принятый в 1487 закон возлагал на некоторых членов Тайного совета функцию надзора за действиями, подрывавшими общественный порядок, такими, как мятежи, незаконные ассамблеи, дача взяток и запугивание шерифов и судей, содержание банд из ливрейных слуг. Этот трибунал был назван «Звездной палатой» и стал самым знаменитым из чрезвычайных судебных органов, которыми пользовались Тюдоры в своей внутренней политике, и основной целью ее создания являлось изъятие денежных средств из населения. Палата имела собственное казначейство. Впоследствии его сын — Генрих VIII — продолжит этот финансовый курс, создав Court of Augmentations и Court of First Fruits and Tenth, также включившие в свой состав казначейства.

Именно дворцовая палата стала фундаментом тюдоровской финансовой системы. Поскольку государственные финансы стали зависимы от деятельности и организации хаусхолда, то возникла потребность в его реформе, ввести систему административного и финансового отчета и контроля за придворными департаментами, которые были проведены только в 1526 г. Т.Уолси [11, 8].

В конце 1970-х гг. с критикой концепции Элтона активно выступила группа ученых во главе с его учеником Д. Старки и его сторонники [7; 8; 9; 12; 13; 14]. Молодые ученые попытались оспорить основные положения концепции «кромвелевской революции». Критика вызвала ответную реакцию со стороны Дж.Элтона и его коллег, причем дискуссия велась достаточно жестко, а ее участники обвиняли друг друга в непрофессионализме. Д.Старки и Д.Лоудз на основе изучения архивных материалов пришли к выводу об отсутствии каких-либо серьезных «революционных» изменений в управлении, связанными с деятельностью Т. Кромвеля. Во-первых, многое из того, что по мнению Элтона, составляло содержание кромвелевских реформ, в действительности было задумано и начало претворяться задолго до него — Т.Уолси, в частности, организация Тайного совета. Именно Т.Уолси является «творцом» Тюдоровской Звездной палаты и Палаты прошений, которые почти не реформировались в 1530-е гг. [4, 25] По мнению Д.Старки и его сторонников, можно говорить, только о длительной эволюции в управлении. Во-вторых, Д.Старки убедительно доказал, что королевский хаусхолд сохранил за собой влияние на принятие политических решений, и, что Тайный совет возник как его часть. Перераспределение власти между дворцовой палатой и Казначейством в пользу последнего в период правления Генриха VIII отнюдь не означало перехода к административным методам управления. Реальными носителями власти сделались не бюрократия, а лидеры придворных фракций и высшие королевские слуги. Степень их влияния зависела от степени близости к монарху, которая, в свою очередь, определялась «стилем» королевского управления. Д.Старки причислял Генриха VIII к типу правителей, которые действовали на основе принципа «intimacy» (интимности) в отношении со своим ближайшим окружением, а Генриха VII к тем, кто осуществлял управление по принципу «distance» (дистанцированности). Весь промежуток между 1450 и 1640 гг. являлся периодом «court government» (придворного правительства), поскольку даже «советники» были в действительности королевскими «придворными» [14, 85—86].

В результате дискуссий на обсуждение были вынесены следующие проблемы: 1) Являлся ли Тайный Совет частью королевского хаусхолда? 2) Сохранили ли свое административно-финансовое влияние дворцовая палата и хаусхолд в целом? 3) Какова была степень зависимости государственного управления от личности монарха и стиля его взаимоотношений с подданными? [2, 66]

Кроме того, были затронуты проблемы источниковедческого характера. Д.Старки приравнивал официальные, государственные документы по достоверности получаемых сведений к свидетельствами современников, Дж.Элтон. Речь, напротив, говорил о приоритете первых, защищая свою концепцию истории основанной на источниках.

Необходимо признать, что упомянутая дискуссия в значительной мере активизировала исследования, посвященные двору в целом и отдельным этапам его развития. Она показала неудовлетворительное состояние используемого специалистами понятийного аппарата. Прежде всего, встал вопрос об определении содержания понятия «двор».

Литература

1. Казаков И.В. Становление новой монархии: аристократия и королевский двор: Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.
2. Каменецкий Б.А. Была ли революция во времена Тюдоров // Вопросы истории. 1964. № 1. С. 62—75.
3. Муха М.В. Монетные реформы в эпоху Тюдоров. СПб., 2002.
4. Паламарчук А.А. «Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора // Королевский двор в Англии XV—XVII веков: Коллективная монография. Т. 7. СПб, 2010. С. 9—26.
5. Elton G.R. England Under the Tudors, 2nd ed. 1974, reissued 1977.
6. Elton G.R. The Tudor Revolution in Government: Administrative changes in the Reign of Henry VIII. Cambridge, 1962.
7. Loades D.M. Tudor Government. Blackwell, 1997.
8. Loades D.M. The Life and Career of William Paulet. C. 1475—1572. Ashgate, 2008.
9. Loades D.M. England's Maritime Empire: Seapower, Commerce and Policy, 1490—1690. Longmans, 2000.
10. Mackie J.D. The Earlier Tudors, 1485—1558. L. 1952, reissued 1978.
11. Richardson W. C. Tudor Chamber Administration, 1485—1547. N.Y., 1952.
12. Starkey D. A Reply: Tudor Government: The Facts?// The Historical Journal. 1988. V. 31. № 4. PP. 921—933.
13. Starkey D. The Reign of Henry VIII: Personalities & Politics. L., 1985.
14. Starkey D. Intimacy and Innovation: the Rise of the Privy Chamber, 1485—1547//The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War/ed. by D. Starkey. L., 1987.
15. Stubbs W. The Constitutional History of England. Oxford, 1878. Vol. 3.
16. Williams P. The Tudor Regime. Oxford, 1979.

К.Н.Станков

г.Волгоград

Волгоградский государственный Университет

ДИСПУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ПОСТУЛАТЫ БОРЬБЫ ЯКОБИТОВ В КОНВОКАЦИИ В ПЕРИОД СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНглиИ

Произошедшая в Англии в 1688-1689 гг. Славная революция имел одним из самых важных своих итогов свержение британского монарха Якова II Стюарта и возникновение движения сторонников его реставрации. В историографии, как правило, рассмотрение борьбы Якова II и его сторонников начинается с восстаний якобитов в марте 1689 — октябре 1691 гг. Между тем, остается практически не изученным вопрос о парламентском этапе борьбы в январе—феврале 1689 г., когда Лондоне и Эдинбурге собрались представительные органы, которые должны были решить судьбу двух британских королевств после Славной революции. Однако согласно английскому законодательству статус парламента имел только выборный орган, собранный по указу короля. Поскольку после бегства Якова II во Францию 22 декабря 1688 г. в Британии не было монарха, сословное представительство получило название Конвокации.

Первое заседание Конвокации было назначено на 22 января 1689 г. В ходе работы в составе этого представительного органа выделилось четыре основных политических группировки. Первую составляли вильямисты, выступавшие за возведение на английский престол принца Оранского. Эту партию возглавлял маркиз Галифакс. Вторая группировка (так называемые «марииты») во главе с графом Дэнби требовала передачи короны супруге Вильгельма Оранского — Марии Стюарт. Лоялисты заняли промежуточную позицию между сторонниками Вильгельма Оранского и Якова II. Они не желали возвращения в Англию монарха-католика, но в то же время не хотели, чтобы на английском престоле оказался иностранец. Четвертые — якобиты — добивались восстановления на престоле Якова II на условии принятия предложенных ими ограничений королевской власти. Согласно данным источников, приверженцы Якова II были самой малочисленной группировкой [1, 428-452; 12, 307]. В оценках численности якобитской фракции в Конвокации современные исследователи расходятся. Л.Дж. Скирер считает, что их было не более восемнадцати человек [13, 145]. У.А.Спек полагает, что ряды якобитов насчитывали около полусотни парламентариев [14, 109]. В пользу последнего утверждения говорит несколько фактов. Из 513 членов Конвокации 200 человек заседали в парламенте 1685 г., который продемонстрировал полную лояльность Якову II [2, 310]. Благодаря кампании по замене городских хартий, проведенной в 1687—1688 гг. Яковом II в состав Конвокации также могло попасть определенное количество сторонников бежавшего монарха.

Больше всего сторонников Якова II были представлено в палате лордов. В состав якобитской фракции вошло несколько известных аристократов, возглавлявших партию тори (графы Кларендон, Рочестер, Эйлсбери и виконт Престон) и большая часть епископов англиканской церкви [13, 203—204]. В палате общин, согласно сведениям Н.Латтрелла, группировку якобитов возглавили виконт Фэншо, Т.Клариджис, К.Масгрейв, Э.Сеймур и Х.Финч [9, 499]. Среди якобитов, занявших в ходе парламентской борьбы более пассивную позицию, стоит выделить вига Уильяма Уильямса и трех будущих «неприсягнувших»: Фрэнсиса Чолми, Генри Монсона и Джона Пули [6, 293—295]. Признанными лидерами якобитской партии в обеих палатах стали епископ Или Фрэнсис Тернер и светские пэры — графы Кларендон и Эйлсбери [6, 292; 13, 203; 14, 100, 109—110].

28 января в палате общин виги выдвинули на обсуждение резолюцию о низложении Якова II на основании четырех пунктов: во-первых, король пытался «ниспровергнуть конституцию королевства», во-вторых, нарушил «естественный договор между королем и народом», в-третьих, «по совету иезуитов и других злонамеренных лиц нарушал основополагающие законы», в-четвертых, его бегство во Францию интерпретировалось как отречение от престола. Документ оканчивался фразой, объявлявшей британский престол вакантным [7, 14].

Во время дебатов якобиты решительно выступили против основных положений резолюции. К.Масгрейв напомнил депутатам, что в случае принятия резолюции они могут «оказаться в большой опасности», если Яков II вернется в Англию. К.Масгрейв и Х.Финч выступили в палате общин с речами, в которых отстаивали права бежавшего короля на престол, опираясь на традиционный торийский тезис о том, что подданные не имеют права лишать своего монарха власти. Т.Клариджис заявил, что предположение о том, что королевский трон может быть вакантным, «является умозаключением чрезвычайного свойства», и поставил под сомнение его юридическую обоснованность. Кроме того, в своем выступлении Т.Клариджис пытался утратить депутатов тем, что в этом случае английская монархия из наследственной трансформируется в выборную, а подобная тенденция угрожает, в конечном счете, установлением в Англии республики. Х.Финч в своей речи подчеркнул, что бегство Якова II из королевства не может рассматриваться как отречение от престола, поскольку, если бы король действительно хотел сделать это, то «отречение должно было быть добровольным и публичным». Далее Х.Финч предложил вариант, который бы удовлетворил большинство членов торийской партии: поскольку возвращение католика Якова II угрожало свободам английского народа и протестантской религии, необходимо установить институт регентства. Согласно проекту Х.Финча формально английским монархом должен был остаться Яков II, но на период его пребывания в изгнании предлагалось выбрать регента, который будет править страной от имени короля. Наследовать Якову II должен был его сын — принц Уэльский [4, 2—39].

Затем, во второй раз за этот день (28 января) выступил Т.Клариджис. Он предпринял попытку вынудить Вильгельма Оранского ограничить свои политические амбиции теми обещаниями, которые он изложил в сентябрьской декларации 1688 г. В своей речи якобитский депутат затронул три наиболее болезненных для вильямистов вопроса. Прежде всего, Т.Клариджис отметил, что принц Оранский объявил главной целью своего «визита» в Англию обеспечение свободных выборов в парламент. Выборы состоялись, и сословное представительство собралось для решения государственных дел. Далее Т.Клариджис указал на другой пункт декларации, согласно которому вина за то, что произошло в Англии в правление Якова II, возлагалась на его министров, а не на самого короля. В этом случае якобитский оратор полагал, что, поскольку главные должностные лица, служившие при Якове II были взяты под стражу [9, 493—496; 12, 296—298, 301], этот вопрос исчерпан. Наконец, Т.Клариджис напомнил депутатам, что Вильгельм Оранский в своей декларации публично отказался от личных претензий на престол. Таким образом, якобитский оратор подводил к выводу, что принц Оранский выполнил все взятые на себя перед английским народом обязательства и может удалиться в Гаагу [4, 2—39].

На рассмотрение палаты лордов резолюция о детроизации Якова II поступила 29 января [8, 110]. Верхняя палата английского отнеслась к содержанию резолюции с большой тревогой, считая, что в ее основу положены республиканские принципы. Настроением лордов не замедлили воспользоваться якобиты, которые в первый же день дебатов перехватили инициативу и подвергли критике все пункты резолюции. Граф Кларендон заявил, что Яков II не сделал ничего такого, что было бы достаточным основанием для его низложения с престола [5, 254]. По его мнению, вигская концепция об отречении Якова II от престола вследствие его бегства из Англии противоречила присяге на верность монарху [13, 206]. Граф Пемброк, хотя и не был якобитом, но как убежденный тори выступил против тезиса о вакантности престола. Он заявил, что жизни и свободе короля угрожала опасность, поэтому его эмиграцию из страны следует рассматривать как акт самозащиты, а не как добровольное отречение [14, 101—102]. Эти доводы подхватили якобиты в нижней палате, в частности, виконт Фэншо и Т.Клариджис [2, 320].

Епископ Ф.Тернер пошел еще дальше и заявил, что резолюция нижней палаты является актом государственной измены [14, 99]. Некоторые пэры предложили послать за Яковом II во Францию и предложить ему условия возвращения на престол. Другие подхватили аргументацию коммонера Т.Клариджиса, с которой тот выступал днем ранее в нижней палате, и попытались перенести ответственность за «все ошибки правления», допущенные в царствование Якова II, на его министров [5, 254].

В целом большинство пэров пришло к выводу, что депутаты-коммонеры пытаются представить дело так, как будто Яков II отрекся от престола. Поскольку король формально этого не сделал, общины пытаются истолковать отдельные его поступки как форму личного отречения.

30 января пэры вновь занялись рассмотрением положения резолюции палаты общин о вакантности престола от 28 января. Все прелаты англиканской церкви единодушно отвергли эту формулировку, поскольку считали, что она создает опасный прецедент: коммонеры на том же основании, что отстранили от власти короля, могли обвинить во всех бедствиях народа епископов и удалить прелатов с занимаемых ими кафедр. Епископы единодушно заявили, что составители резолюции — «мятежники и предатели» [13, 208]. Фрэнсис Тернер, граф Кларендон и другие якобиты заявили, что признание трона вакантным отменяет принцип наследственной передачи власти монарха, что, во-первых, является нарушением конституции, во-вторых, создает опасный прецедент для трансформации английского монархии в республику, в-третьих, может привести к войне с Шотландией, поскольку к этому времени в северном королевстве законным монархом по-прежнему считался Яков II. Якобиты привлекли на свою сторону лоялистов и мариитов и огромным большинством в 55 голосов отклонили тезис о вакантности престола [10, 18; 13, 208].

1 февраля в нижней палате «доктор Бэрнет ... с особой настойчивостью требовал немедленной коронации принца Оранского» [12, 307—308]. Э.Сеймур резонировал тем, что «если принц станет королем», то он будет править Англией, опираясь на армию иностранных наемников. Кроме того, якобит-тори напомнил депутатам, что подобный ход неизбежно приведет к политическому союзу с Нидерландами, что является крайне невыгодным для Британии ввиду соперничества между странами из-за «одних и тех же интересов ... , а именно торговли» [12, 308].

Тем не менее, под давлением провильямистки настроенного большинства Конвокации якобиты были вынуждены постепенно сдавать свои позиции. Все же, якобиты еще пытались заявить о своей позиции. В частности, Дж.Триденхэм выступил против новой формулировки вильямистов о том, что английский «престол является *полностью* [курсив мой — К.С.] вакантным» [4, 39—65]. Депутат заявил, что подобное утверждение подразумевает, что государство находится в состоянии междуцарствия, а, поскольку в английской истории не имеется подобных прецедентов, этот тезис противоречит конституции королевства [4, 39—65].

6 февраля для окончательного решения вопроса о политическом устройстве страны собрался специальный парламентский комитет из представителей обеих палат. Дебаты приобрели бурный характер, поскольку из девятнадцати коммонеров, вошедших в состав комитета, восемнадцать были вигами [7, 19—20], а из представителей лордов все были сторонниками регентства [8, 118—119]. От пэров выступало только пять человек, двое из которых были якобитами — епископ Фрэнсис Тернер и граф Кларендон [2, 320; 13, 216]. Последний в своих выступлениях особенно напирал на тезис вильямистов о том, что Яков II лишается короны на основании «нарушения естественного договора». Кларендон заявлял, что этот термин не упоминается ни в книгах по правовым вопросам, ни в судебных протоколах и, вообще, лишь недавно появился в философских работах «небесспорного характера» [3, 299]. Якобитский оратор доказывал, что термин «естественный договор» является понятием неюридическим, поскольку он известен только в теории и никогда не использовался в юридической практике, а потому не может служить основанием для принятия решения о детронизации Якова II [13, 217].

Если граф Кларендон строго придерживался традиционных торийских принципов и отвергал любые нововведения вигов в юридическую теорию, то епископ Или избрал иную тактику. Фрэнсис Тернер признал существование общественного договора, однако заявил, что суть его сводится к тому, что принимать и отменять законы может только парламент, состоящий из трех звеньев: монарха и двух палат. В случае отсутствия одного из них, остальные не могут принимать решения, поскольку это будет являться нарушением общественного договора. Таким образом, ввиду отсутствия в стране Якова II, собравшиеся лорды и общины не могут принять ни одного решения, имеющего силу закона, в том числе резолюции об отречении бежавшего короля. Кроме того, частью общественного договора, по мнению Фрэнсиса Тернера и присоединившегося к нему в этом пункте графа Пемброка, являются все принятые английскими парламентами законы, в их числе — «Тест-Акты», в которых зафиксирована клятва верности действующему монарху [2, 316; 13, 217].

В дебатах в комитете, состоявшихся 6 февраля, коммонер-вильямист Сомерс, который был по профессии юристом, попытался в полемике с пэрами-якобитами опереться на прецеденты, связанные с наследованием престола, известные из английского законодательства. В частности, он указал на парламентский акт от 1399 г., согласно которому английский престол был объявлен вакантным, и его занял герцог Ланкастер, получив титул короля Генриха IV Ланкастера. Однако якобиты и их союзники, продемонстрировав глубокую эрудицию в области английского права, отвергли этот довод. Графы Кларендон и Рочестер отметили, что Генрих IV в правление короля Эдуарда IV Йорка был законодательно объявлен узурпатором. Другой лорд-якобит напомнил парламентариям, что в 1470 г. Эдуард IV покинул Англию, спасаясь от партии графа Уорика, а в 1651 г. после поражения под Вустером бежал во Францию Карл II. Однако оба монарха сохранили свои права на корону. Наконец, пэры-якобиты указали остальным членам комитета на тот факт, что Конвокация отказалась заслушать письмо, направленное ее депутатам Яковом II, а, согласно английским законам, человек не может быть осужден прежде, чем ему предоставят возможность оправдаться перед судом [3, 301—305].

Несмотря на все эти аргументы, 6 февраля английские якобиты потерпели окончательное поражение в парламентской борьбе. К концу заседания комитет Конвокации большинством голосов принял резолюцию палаты общин от 28 января в ее первоначальном виде [8, 118-119]. Согласно «Журналу палаты лордов», «против» проголосовало 39 пэров [8, 118—119]. В то же день (6 февраля) палата лордов большинством голосов приняла решение, что «принц и принцесса Оранские должны быть провозглашены королем и королевой» [8, 119].

Таким образом, якобиты потерпели поражение в ходе парламентской борьбы в Англии в период Славной революции. Однако их деятельность в Конвокации заложила основы влияния сторонников низложенного Стюарта в Англии (которое продолжалось до конца XVIII в.), способствовало расширению социальной и политической базы движения, постепенному формированию его идеологии. Впоследствии вожди якобитской партии в Конвокации стали видными лидерами якобитов и были замешены в заговоры с целью свержения короля Вильгельма III Оранского и реставрации Якова II.

Литература

1. Burnet G. Bishop Burnet's History of the Reign of King James the Second. Notes by the Earl of Dartmouth, Speakers Onslow, and Dean Swift. Additional Observations now Enlarged / G. Burnet. Oxford: Oxford univ. press, 1852.
2. Cherry, G.L. The Legal and Philosophical Positions of the Jacobites, 1688—1689 // The Journal of Modern History. 1950. Vol. 22. № 4. P. 309—321.
3. Clarke J.S. The Life of James the Second King of England: in 2 v. / J.S. Clarke. L., 1816. Vol. 2.
4. Debates of the House of Commons: in 10 v. / ed. by A. Grey. L.: His Majesty's Stationary Office, 1769. Vol. 9.
5. Evelyn J. The Diary of John Evelyn: in 3 v. / ed. by A. Dobson. L.; N.Y.: Macmillan, 1906. Vol. 3.
6. Horwitz H. Parliament, Policy and Politics in the Reign of William III / H. Horwitz. Newark: University of Delaware press, 1977.
7. Journal of the House of Commons: in 13 v. L. : His Majesty's Stationary Office, 1802. Vol. 10.
8. Journal of the House of Lords: in 38 v. L. : His Majesty's Stationary Office, 1767. Vol. 14.
9. Luttrell N. A Brief Historical Relation of State Affairs from September 1678 to April 1714: in 6 v. / Narcissus Luttrell. Oxford: Oxford univ. press, 1857. Vol. 1.
10. Miller J. Proto-jacobitism? The Tory and the Revolution of 1688-9 // The Jacobite Challenge / ed. by E. Cruickshanks, J. Black. Edinburgh: Donald, 1988. P. 1—6.
11. Monod P.K. Jacobitism and Country Principals in the Reign of William III // The Historical Journal. 1987. Vol. 30. № 2. P. 289—310.
12. Reresby J. The Memoirs of the Honorable Sir John Reresby, bart. And Last Governor of York. Containing Several Private and Remarkable Transactions, From the Restoration to the Revolution Inclusive / John Reresby. L.: Samuel Harding, 1734.
13. Schwoerer L.G. The Declaration of Rights, 1689 / L.C. Schwoerer. Baltimore; L.: John Hopkins univ. press, 1981.
14. Speck W.A. Reluctant Revolutionaries: Englishmen and the Revolution of 1688 / W.A. Speck. N.Y.: Oxford univ. press, 1988.

В.В. Степанова

г. Нижневартовск

Нижневартровский государственный гуманитарный университет

АЛЬТЕРНАТИВЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И МЕХАНИЗМ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

Конструирование прошлого является важнейшей функцией истории. Историки дискутируют о правилах конструирования, о критериях истинности такой практики [13, 7].

Выдвигается гипотеза, согласно которой выбор альтернатив развития в начале XIX века в германских государствах проходил в условиях выбора между революцией и реформами. Обобщение исследовательского материала по данной проблеме, определение влияния нереализованных альтернатив на культуру немецкого народа, установление взаимосвязи между нереализованными альтернативами и процессом нарушения синхронности в развитии германских государств, обозначение роли и места субъективного фактора в том, что те или иные альтернативы не были осуществлены, представляют неизученные аспекты немецкой истории.

С.Озмент, профессор Гарвардского университета, подчеркивает, что в немецкой историографии история Германии сводилась, в основном, к истории нацизма и евреев. Такой ракурс истории вплоть до сегодняшнего дня превратил прошлое Германии в изучение предшественников и предвестников нацизма, а также провалов альтернатив немецкой истории [10, 11].

Историки сходятся во мнении, что в начале XIX века Священная Римская империя была огромным конгломератом больших и малых государств, включающих княжества (365), вольные города (51), рыцарские держания (1500), церковные владения и множество мелких карликовых объединений, заводившие свои армии, денежные системы.

И.Гейс отмечал, что германские императоры Священной Римской империи германской нации в конце своего существования способствовали укреплению противников сильной центральной власти и жестко расправлялись с движением рыцарства и средних слоев, что усиливало ее раздробленность [18, 82—84].

Священная Римская империя, просуществовавшая тысячу лет, в начале XIX века должна была отреагировать на новые события, происходящие в Европе, и, в первую очередь, на Французскую революцию. Ю.И.Ивонин отмечает, что Французская революция, наполеоновские войны, секуляризация 1803 года стали третьим системным кризисом, приведшим роспуску Священной империи [6, 3—4].

В ситуации перелома, кризиса в развитии всех немецких государств началось формирование противоположных тенденций — альтернатив. Переломная ситуация обнаружила содержание и направленность различных тенденций. Нарботки советских историков по изучению альтернативности в истории позволяют использовать их в исследовании данной проблемы [5].

Б.А.Айзин рассматривает подходы советских исследователей к анализу проблемы выбора пути исторического развития через определение «критической» или «узловой» точки обострения борьбы всех социальных сил, выбора субъективной и объективной альтернативы развития (возможные варианты решения альтернативных событий и их реализация) и их реализации [1].

Исследование в немецкой истории первой половины XIX века возможностей, альтернатив позволяет искать новые факты, интерпретировать устоявшиеся и расширять представления об одном из сложных периодов немецкой истории.

Французская революция и наполеоновские войны, по мнению И.Шерр, А.И.Патрушева и других историков стали той «критической» точкой отчета для реализации возникших альтернатив. А.И.Патрушев отмечает слабую концентрацию центральной власти, архаические административные структуры Священной Римской империи, зависимость германского короля и римского императора от крупнейших территориальных правителей накануне Французской революции [11, 27].

Н.Ф.Колеснический говорит о 150-летней дискуссии в немецкой историографии по многим проблемам Империи, в том числе по последствиям ее существования для Германии [7].

Были ли программы выхода из «критической» точки для германских государств? Самой реальной альтернативой в существующей исторической ситуации для Священной Римской империи было закрепление раздробленности и, в итоге, присоединение немецких государств к Франции, Австрии. Об этом неоднократно говорили немецкие исследователи и политические деятели XIX века.

В статье предпринимается попытка рассмотрения некоторых альтернатив в Священной Римской империи в период Французской революции и наполеоновских войн

Можно считать одной из упущенной возможности события в Майнце (Майнцкая коммуна) с октября 1792 года по апрель 1793 года, где была провозглашена республика по образу Франции. Однако спорным в литературе остается вопрос о влиянии «немецких якобинцев» на общественные силы в германских государствах и причинах краха первой коммуны в истории Германии [8, 249].

Пруссия и Австрия предложили и реализовали свою альтернативу, состоявшую в военном противостоянии революционной Франции и наполеоновской империи, приняв участие в коалициях против Франции. Цель этой программы состояла в «поддержке легитимности» в Европе [8, 250].

Синтез исследований по истории военных компаний Пруссии, Австрии позволяет выявить причины нереализованной «военной» альтернативы. Е.Копенгаген замечает, что Пруссия с конца XVIII века превратилась в государство «военных и чиновников», Армия формировалась по прусской системе, для которой характерной чертой была муштра, создававшая «бесправие души и тела» [19, 417—418].

Л.Нитхаммер подчеркивает процесс накопления отрицательного потенциала в экономике Пруссии в индустрии, торговле, сельском хозяйстве, обусловленный усилением в политической системе юнкерства и чиновников [20, 42].

Не вызывает возражений у историков тезис о том, что к началу XIX века формирование инновационного общества во всех европейских государствах стало очевидным фактом, завися от множества факторов как внутреннего порядка, так и внешнего, что стимулировало новые процессы в социально-экономической, политической, военной, международной сферах.

Все варианты реализации военной альтернативы против Франции Пруссией и Австрией просчитаны не были, что привело к ряду поражений. Две системы, традиционная и инновационная, демонстрировали в этих военных столкновениях свои возможности, и перевес оказался на стороне новых отношений, зафиксированных в законодательстве Франции.

Пруссия потеряла западные провинции и территории, захваченные в ходе второго и третьего раздела Польши. Под давлением Наполеона и определенных общественных сил в Пруссии начались реформы. Немецкие историки расходятся в мнениях о значимости и последствиях реформ в Пруссии [17, 918—922].

А.И.Патрушев считает главным последствием реформ в Пруссии усиление централизации государственной власти [11, 71]. По мнению автора, высказанному в ряде публикаций, в начале XIX века в Пруссии процесс общественной и политической трансформации начал осуществляться в соответствии не столько общественным, сколько специфическим интересами отдельных групп, в первую очередь, традиционных слоев. Австрия и Пруссия вынуждены были проводить «вынужденную модернизацию». А это, в свою очередь, способствовало формированию общественного мнения о необходимости «революции сверху» [14, 5].

Одним из последствий военных поражений Пруссии и Австрии стало включение западных рейнских территорий после Базельского мира 1795 года в состав Франции. О.Бисмарк в мемуарах с раздражением говорил о немецких землях, находившихся во владении французов [4, 10].

В этих землях альтернативы были сведены к одной возможности: проведению реформ по преобразованию традиционных структур общества по французскому образцу [11, 70].

И.Шерр отмечает «сильнейшую симпатию» населения этих территории к событиям во Франции. Эти земли стали на некоторое время частью Французской империи [16, 153].

У королей, герцогов немецких территорий на левом берегу Рейна после Французской революции были сформулированы несколько альтернатив: самостоятельное существование в рамках собственных территорий или поддержка Пруссии.

Поражение Пруссии и Австрии заставила политическую элиту западных рейнских территорий искать новую возможность существования. Сильный ход в этот период делает Наполеон Бонапарт, Он заключает в 1801 году Люневильский мир, получает все немецкие земли по левому берегу Рейна, германский рейхстаг ратифицирует это решение (1803 год). Наполеон ликвидирует 112 мелких государственных единиц по левому берегу Рейна, насчитывавших 3 млн. населения. Все духовные владения были секуляризированы. Небольшие области включены в состав таких крупных княжеств, как Бавария, Баден, Вюртемберг, Баден, Саксония, которые после битвы под Аустерлицем были провозглашены королевствами, что усилило влияние Наполеона в Рейнской части Германии [6, 3—4].

Южные немецкие государства стали формулировать программы дальнейшего развития. А.А.Александров отмечает, что процесс становления и оформления германских государств в начале XIX века, исключая Австрию и Пруссию, недостаточно изучен в отечественной и зарубежной историографии [2].

Отдельные южные немецкие государства после поражений Пруссии, территориальной политики Наполеона пошли на сближение с ним. В «битве трех императоров» под Аустерлицем (1805 г.) Баден, Бавария, Вюртемберг выступили на стороне Наполеона. В 1806 году из Священной Римской империи официально вышли 16 южных и западных немецких княжеств, что не допускалось имперским правом. И.Шерр констатирует, что Священная Римская империя «тихо» умерла после того, как 16 августа 1806 года Франц II объявил о своем отречении, роспуске рейхстага в Регенсбурге, имперского суда, имперского придворного совета в Вене, окружных собраний (крейстагов, ландтагов) [16, 152].

Д.Травин и О.Маргания, рассматривая модернизацию в германских государствах, выделяют факторы, повлиявшие на формирование реформистской альтернативы в западных немецких землях. В первую очередь, они обращают внимание на то, что немецкую общественность пугали разрушительные последствия Французской революции. С другой стороны, представителям политической, экономической, культурной элиты импонировала решимость Наполеона в проведении реформ в немецких землях по левому берегу Рейна. На этой территории, по их мнению, «зарождавшийся немецкий бизнес получил возможность функционировать на французском рынке» [15, 342—343].

Помимо экономических условий, Д.Травин и О.Маргания выделяют такой фактор реализации реформистской альтернативы, как имеющиеся в немецких государствах силы, настроенные на решительные преобразования, «поскольку были сильны культурные взаимоотношения с Францией», и Наполеон решительно поддерживал именно эти силы [15, 344].

Авторитарное начало Наполеона Бонапарта сыграло немаловажную роль в реализации одного из вариантов развития части немецких государств по реформистскому пути.

12 июля 1806 года был создан Рейнский Союз, в который до 1808 года вошли 39 государств. Правовой основой этого германского объединения явился Рейнский Союзный акт, в котором одну сторону представлял протектор союза — Наполеон, другую — немецкие князья. Протектор обеспечивал безопасность Рейнского Союза. Исполнительная власть принадлежала «первому» князю, которым стал курфюрст и епископ Майнцский. Статья 6 учредила бундестаг из двух палат с местом нахождения во Франкфурте. Пруссия и Австрия оказались вне этого союза [12].

А.И.Патрушев оценивает Рейнский Союз как «чистейшую фикцию» после существования империи [11, 68].

И.Шерр считает, что создание Рейнского Союза было обусловлено длительным существованием устаревших форм во всех сферах жизни и особыми отношением жителей прирейнских земель к Франции. Он подчеркивает значение решения 1803 года в Регенсбурге о предоставлении немецким князьям суверенитетов, что способствовало тому, что они стали добиваться титулов королей и герцогов путем подчинения Наполеону [16, 153].

Неоднозначно в литературе оцениваются итоги деятельности Рейнского Союза. А.И.Патрушев считает, что эта часть Германии потеряла независимость, но «стала свободной и прогрессивной территорией» [11, 70].

А.А.Александров отмечает, что в Рейнском Союзе произошла интеграция государства, земель за счет проведения постепенных реформ, осуществляемых бюрократией, подконтрольной реформаторам. Самым важным, по его мнению, стало формирование традиции реформ, «чьим проводником и двигателем было государство», что явилось условием для создания южно-германского либерализма. Значение Рейнского Союза автор видит в ранней политической модернизации, обусловившей в дальнейшем преобразование в экономической сфере. Автор считает, что важнейшей частью реформ стала новая унифицированная и эффективная система управления. Автор доказывает тезис о том, что реформы преодолели недееспособный режим и поставили на его место централизованное, единое и бюрократическое государство. В той мере, в какой оно подчинило всех государству, оно сделало граждан равными и основало меру частной свободы

Отличие реформ в Рейнском Союзе от реформ в Пруссии, А.А.Александров усматривает в том, что идеи мобилизации народных сил, национального единства использовались в большей степени в Пруссии [3].

9 июня 1815 года на Венском конгрессе было провозглашено создание Германского Союза. Этот союз включал одну империю (Австрия), 5 королевств (Пруссия, Саксония, Бавария, Ганновер, Вюртемберг), 7 великих герцогств, 8 княжеств, 4 города, одно ландграфство и курфюршество (Гессен). Кроме того, в него вошло Люксембургское герцогство.

Как и почему не получила развития альтернатива реформ, предложенная Рейнским Союзом?

Дискуссия о том, как в период Французской революции и наполеоновских войн отдельные немецкие государства справлялись с реорганизацией в структуре управления, просвещения продолжается. Нет ответа на вопросы: почему не удалась синхронизация развития немецких государств в начале XIX века? Самое главное, требует дополнительных исследований синтез различных концепций альтернативности германской истории начала XIX века

Ответ можно получить, анализируя архивные данные, тайную переписку Разумовского (Россия), Меттерниха (Австрия), Веллингтона (Англия), Гарденберга (Пруссия), возглавивших делегации держав, принимавших основные решения Венского конгресса. Венский конгресс санкционировал упразднение Наполеоном в 1806 г. Священной Римской империи, но не вспомнил о Рейнском Союзе [9, 116].

Некоторые выводы предлагаются на основе анализа исследований по немецкой истории.

Во-первых, на тот период Германия не могла реализовать альтернативы, способствующие объединению и модернизации. Срединное положение Германии между востоком (Россией) и западом, в первую очередь, Францией, Англией, требовало от них принятия решений, устраивающих, в первую очередь, страны победительницы.

Во-вторых, позиция Пруссии сыграла важную роль в ликвидации Рейнского Союза и его варианта развития, направленного на ускоренную модернизацию. Создание Рейнского Союза стало крахом ее честолюбивых планов.

В-третьих, крупное поражение в военных компаниях против Наполеона способствовало формированию радикализма в решении проблем, связанных с осуществлением национальной идеи, что выразилось в позиции Пруссии после ее активного участия в разгроме наполеоновской армии на Венском конгрессе по германскому вопросу.

В-четвертых, немаловажную роль играли взаимоотношения между севером и югом в годы поражений наполеоновской империи. А.А.Александров утверждает, что реформирование Рейнского Союза было ориентировано на Францию, что значительно усугубляло противоречия между севером и югом Рейнского Союза. Интересы Пруссии и Рейнского Союза не совпадали и в религиозной сфере [3].

В-пятых, интриги политических деятелей Баварии, Вюртемберга, Бадена, Берга, Гессен-Дармштадского с мелкими немецкими государствами, с Наполеоном, а впоследствии с Пруссией, Австрией, как в ходе подготовки создания Рейнского Союза, так и в период разгрома наполеоновской армии.

Начало XIX века в немецкой истории продемонстрировало возникновение и реализацию важнейших альтернатив развития. Если бы этого не произошло, немецкое общество могло бы быть ввергнуто в политический и экономический хаос или прекратить свое существование за счет новых тенденций в международных отношениях, отчетливо проявившихся в начале XIX века и направленных на поглощение мелких, слабых государств.

Существование Рейнского Союза внесло в политическую жизнь Германии реформистскую идеологию и практику, что в значительной мере повлияет на курс объединения Германии, предложенный О.Бисмарком. В немецком обществе получают в дальнейшем распространение идеи либералов, предлагающих перспективу развертывания объединительного политического процесса по реформистскому пути, что было учтено «белым реакционером» О.Бисмарком.

Реализация «военной» альтернативы сформировала национализм в Пруссии в начале века, который был опробован в борьбе против Наполеона.

Литература

1. Айзин Б.А. Альтернативы германской истории в конце XIX — начале XX века // Новая и новейшая история. 1993. № 4.
2. Александров А.А. Особенности реформирования государств Рейнского Союза. URL: http://vestnik.usru.org/releases/novye_Isle_dovaniy/28_3.
3. Александров А.А. Рейнский Союз — аспекты политико-государственной эволюции. URL: http://vestnik.usru.org/releases/istorya/37_3.
4. Бисмарк О. Мемуары Железного канцлера. М., 2003.
5. Бочаров А.В. Проблемы альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Т. 2002. URL: <http://scabi.ru>.
6. Ивонин Ю.И. Секуляризация 1803 года и конец Священной Римской империи в 1806 г. как системный кризис // Международные отношения: история и современные аспекты. Теория и исследовательские практики / Ред. совет: Е.И.Пивовар, В.А.Шаповалов, А.И.Горбунов, Л.Ю.Косович, И.М.Узнародов, В.М.Юрьев. Вып. 2. М.: Ставрополь.
7. Колесницкий Н.Ф. «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977.
8. Краткая история Германии / Ульф Дирльмайер, Андре Гестрих, Ульрих Херман и др. Пер. с нем. К.В.Тимофеевой. СПб., 2008.
9. Леванский С.А. Германия: федерализм в мононациональном государстве // Политические исследования. 1995. № 5.
10. Озмент С. Могучая крепость: Новая история германского народа / Стивен Озмент: Пер. с англ. М.Жуковой. М., 2010.
11. Патрушев А. Германская история. М., 2003.
12. Прокопьев В.П. История германской государственности XIX—XX в. Калининград, 1985.
13. Савельева И.П., Полетаев А.В. Прагматика истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. № 10.
14. Степанова В.В. Политический кризис 60-х годов XIX века в Пруссии и его последствия для Германии. Нижневартовск, 2000.
15. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 т. М., 2004.
16. Шерр И. Германия. История цивилизации за 2000 лет / Пер. с нем.: В 2 т. Минск, 2005.
17. Denken und Umsetzung des Konstitutionalismus in Deutschland und andere europaischen Lander in der ersten Halfe des 19. Jahrhunderts // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. 1997. № 10.
18. Geiss I. Die deutsche Frage 1806—1990. Leipzig. Wien. Zurich. 1992.
19. Kopenhagen E. Das fruhenzeitlich Militar im Spannungverhaltnis von Struktur und Situation // Zeitschrift fur Historische Forschung. Bd. 24. Heft. 3. Berlin, 1997.
20. Niethammer L. Burgerliche Gessellschaft in Deutschland. F/M. 1990.

В.В.Степанова, С.Г.Исаева

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ДИНАСТИЯ ВИНЗДОРОВ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1901—1952 гг.

Интерес к данной теме обусловлен тем, что существуют различные точки зрения на роль и место династии Виндзоров в истории Великобритании в первой половине XX века. Изучение данной проблемы позволяет обсудить такие проблемы как: отношение общества к королевской власти в целом и монархам в отдельности, влияние личности монарха на историческое развитие общества, взаимоотношения представителей власти и т.д.

Тема исследования фрагментарно представлена в работах Е.Г.Жадько [9], Г.С.Остапенко [13], Ж.А.Абрековой [7], Н.В.Попова [11], В.Г.Трухановского [17] и др.

В зарубежной историографии отдельные аспекты представлены в работах Марты Шад [18], Мартина Пью [15], Эмиля Людвига [10], Сары Брэдфорд [8], и других.

Источниковой базой исследования стали законодательные акты: Акт о престолонаследии 1701 г. (Act of Settlement, 1701) [1]; Закон о королевском браке 1772 г. (The Royal Marriages Act, 1772) [2]; Личные письма

Георга VI [3]; Парламентское заседание лордов от 22 января 1936 года по вопросу кончины короля Георга V [5]; Парламентское заседание лордов от 10 декабря 1936 года по вопросу отречения Эдуарда VII [6]; и т.д.

После Английской революции до 1901 года в Англии правила Ганноверская династия. Эта династия от Георга I до Вильгельма IV была, в целом, чужой для Великобритании не только по происхождению, но и по характеру. Короли не занимались делами Великобритании, отдавая предпочтение родному Ганноверу. Отличительной чертой монархов династии Ганноверов была их готовность передать все государственные дела министрам, а самим предаваться удовольствиям и прожигать выделенные парламентом на корону субсидии. В 1837 году со смертью Вильгельма IV британский престол достался его племяннице Виктории. Королева Виктория была последней представительницей правившей в Англии с 1714 года династии Ганноверов, преобразованной ею в Саксен-Кобург-Готскую, в честь ее супруга Альберта.

После смерти Виктории ее сын Принц Альберт взошел на престол как король Эдуард VII (1901—1910 гг.). Ж.А.Абрекова, отмечает его активное занятие политикой после прихода к власти [7, 67].

В первую очередь, он стал принимать активное участие во внутренней политике. Он установил тесные контакты с правительством, с премьер-министрами консервативных кабинетов, лордом Р.А.Солсбери, А.Дж.Бальфуrom, и главой либерального правительства Г.Кампбеллом-Баннерманом. Все эти мероприятия позволяли ему влиять на принятие отдельных решений в области внутренней и внешней политики.

Эти мероприятия, по мнению С.Г.Остапенко, позволили Эдуарду активно участвовать в политической жизни Англии. Именно Эдуард стал поддерживать У.Черчилля, который, по его мнению, должен был подготовить «далеко идущие реформы» [7, 57].

Сидней Ли считал, что «с той минуты, как Эдуард VII взошел на престол, он ни разу не сделал ни одного ошибочного шага. Он не только оправдал ожидания своих друзей, он их во многом превзошел» [19, 124]. Д.Обри пишет: «Эдуард VII, по врожденным свойствам такта и деликатности, был, как нельзя лучше приспособлен к роли общественного лидера, и надо сказать, что он исполнял эту роль в совершенстве» [12, 65].

Знание и понимание нужд бедных слоев общества, непосредственное участие в социальной политике по улучшению быта и рабочих условий сделали Эдуарда VII «народным королем» [13, 178].

Преемником Эдуарда VII был его второй сын, вступивший на престол под именем Георга V (1910—1936 гг.). Самой трагической страницей в истории Англии этого периода стала Первая мировая война. Именно Георг V взял на себя функцию «двигательного механизма патриотизма» [14, 151]. В военные годы он семь раз выезжал на британские базы, провел 450 инспекций в воинских подразделениях, лично вручил 50 наград, посетил 300 госпиталей и незамедлительно прибыл в районы, подвергнутые бомбардировкам. Королевская прямота, искренность и простота в общении и в быту подкупали солдат.

Несмотря на то, что Эдуард VII был первым представителем династии Виндзоров, в период его правления династия еще носила тройную фамилию отца Эдуарда VII герцога Альберта Саксен-Кобург-Готского. Свое современное название династия получила лишь 17 июня 1917 г, когда, в связи с ростом антигерманского настроения в стране, по настоянию премьер-министра Г.Асквита Георг V провозгласил, что его династия впредь не будет иметь немецких титулов, и немецкое название правящей династии Саксен-Кобург-Готский было изменено на Виндзор в честь резиденции короля.

Как пишет Г.С.Остапенко, Георг V «снизошел к народу» — появлялся среди бедняков, запросто пожимал руки рабочим, беседовал с ними. И, несмотря на трудности послевоенного устройства, король отмечал удивительную лояльность рабочего класса по отношению к своей персоне. В глазах общественности, по мнению М.Шад, король Георг V был идеальным монархом. Как заметила Ж.А.Абрекова: «В любых ошибках в господстве Георга обвиняли плохих советников» [7, 99].

А.Н.Толстой приводит высказывание английских офицеров в беседе с русскими журналистами, командированными редакциями своих газет в Англию: « наш король как личность не является какой-нибудь замечательной, он не блещет остроумием, как его покойный отец Эдуард, и не стоит во главе мужских мод законодателем... Наш король — тихий человек, но король — это герб Англии, это символ и честь Англии, идея незыблемости общественного порядка» [16].

20 января 1936 г. миллионы людей в Великобритании провожали в последний путь Георга V. Его сын Эдуард VIII продержался на троне 10 месяцев (с 20 января по 11 декабря 1936 года). Осень 1936 года ознаменовалась началом монархического кризиса в связи с тем, что король объявил о своем браке с разведенной американкой. 10 декабря 1936 г. Эдуард VIII подписал отречение и обращение к парламенту Англии и парламентам доминионов.

Эдуард VIII предпочел брак с любимой женщиной королевскому трону. Общественное мнение относительно отречения короля разделилось на противоположные точки зрения. Часть подданных, писал В.Г.Трухановский, жалела короля и пыталась понять его поступок [17, 280]. Другая часть населения, по словам С.Брэдфорд, отнеслась резко отрицательно к отречению Эдуарда, т.к. считала, что чувство долга монарха перед государством должно быть выше остальных чувств [2].

Газета Guardian в своей статье обвинила Эдуарда VIII в том, что он нанес английской монархии огромный ущерб своим отречением и связями с фашистской Германией [4].

10 декабря 1936 г., в день отречения Эдуарда VIII, его брат, принц Альберт стал королем под именем Георга VI (1936—1952 гг.). Он пришел к власти в очень трудный для страны и монархии момент. По характеру и стилю правления новый король напоминал отца Георга V. В дальнейшем его так и называли «вторым изданием Георга V» [13, 176].

В период правления Георга VI Великобритания пережила разрушительную и тяжелую для всего мира Вторую мировую войну. Георг VI стал символом нации в ее борьбе за независимость и свободу страны. Он отказался покинуть Букингемский дворец в период бомбардировок [18, 58]. Этот шаг короля был высоко оценен британским народом, и конгресс британских тред-юнионов наградил его за мужество своим специальным знаком [11, 142].

Таким образом, династия Виндзоров с 1901 по 1952 гг. пережила взлеты и кризисы. К 1952 г. династия не только испытала на себе тяготы Первой и Второй мировых войн, но и пережила их последствия в виде внутренних экономических и политических кризисов, перенесла Великую депрессию 1929—1933 гг., устояла во время Дворцового кризиса и т.д.

В отличие от Ганноверской династии, которая воспринималась английским обществом как чужеродная, к тому же была немецкой по происхождению, династия Виндзоров старалась завоевать авторитет своего народа. Эдуард VII своим активным участием во внешней и внутренней политике страны заслужил любовь и уважение подданных. Георг V благодаря своему патриотизму в годы Первой мировой войны, помощи солдатам, офицерам и рабочим занял особое место в общественно-политической жизни страны. Эдуард VIII своим отречением от престола нанес огромный ущерб монархии, но, с другой стороны, английское общество впервые восприняло монарха как человека с присущими ему слабостями.

Георг VI многое сделал для своей страны, особенно во время Второй мировой войны, во время которой был для народа образцом патриотизма и бодрости.

Династия утвердилась в своих позициях, подняла престиж монархии, стала образцом семейных отношений и патриотизма для граждан Великобритании.

Литература

Источники

1. Акт о престолонаследии и статусе государственного устройства 1701 г. (Act of Settlement, 1701). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XVIII/1700-1720/Akty_Parlament/akt_ustroenii_12_06_1701.phtml?id=4900
2. Закон о королевском браке, 1772 г. (The Royal Marriages Act, 1772). URL: <http://www.heraldica.org/faqs/rma1772.html>.
3. Личные письма Георга. URL: <http://www.spartacus.schoolnet.co.uk/MONGeorgeVI.htm>.
4. О контактах Эдуарда с нацистами // Газета Guardian, 29 июня 2002 года. URL: www.guardian.co.uk/Archive/Article/0,4273,4451107,00.html.
5. Парламентское заседание лордов от 22 января 1936 года по вопросу кончины короля Георга V. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1936/jan/22/>.
6. Парламентское заседание лордов от 10 декабря 1936 года по вопросу отречения Эдуарда VII. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1936/dec/10/>

Исследования

1. Абрекова Ж.А. Эволюция английской монархии в первой половине XX века. Ставрополь, 2004.
2. Брэдфорд С. Елизавета II. Биография Ее Величества королевы. URL: <http://www.torrentino.com/torrents/41856>.
3. Жадько Е.Г. 100 великих династий. М., 2001.
4. Людвиг Э. Судьба короля Эдуарда / Пер. с франц. Л.Токарева. М., 2007.
5. Монархи Европы. Судьбы династий / Под ред. Н.В.Попова. М., 1997.
6. Обри Д. Английский двор и король Эдуард VII. М., 1917.
7. Остапенко Г.С. Британская монархия от Эдуарда VII до Елизаветы II // Новая и новейшая история. 2000. № 4—5. С. 167—184, 191—207.
8. Остапенко Г.С. Наследники королевы Виктории и первые британские монархи XX в.: Эдуард VII и Георг V // Новая и новейшая история. 1999. № 6. С. 129—154.
9. Пью М. История Великобритании, 1789—2000. — Н. Новгород, 2003. — 291 с.
10. Толстой А.Н. «Англичане, когда они любезны...»//...Я берег покидал туманный Альбион...». Русские писатели об Англии 1645—1945. (Воспоминания, очерки, статьи и письма). URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/tolstoyan-ss10-10/tolstoyan-ss10-10.html#work001026>.
11. Трухановский В. Г. Новейшая история Англии. М., 1958.
12. Шад М. Власть и мифы. Виндзоры. М., 2008.
13. Lee. Sir Sidney. King Edward VIII? A biography. L., 1948.

НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ МАКС БОРН В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ XX ВЕКА

Судьба отвела Максиму Борну 87 лет. Эти годы вместили причастность к трем эпохам германской истории, вхождение в эмигрантский сегмент населения Великобритании. Причастность к первой эпохе — кайзеровской Германии — начнется на территории, которая никак не являлась исконно немецкой. Речь идет о Силезии, в исторической столице которой 11 декабря 1882 года появится на свет герой очерка. Родители пополнившего еврейскую общину Бреслау мальчика реализовали себя в совершенно не стыковавшихся сферах: отец — в анатомии, мать — в музыке. Глава семьи имел серьезные работы, призванные снять проблемные комплексы в эмбриологии, обеспечивал преподавание анатомии в тамошнем университете. Лекции профессора Борна пользовались успехом у студентов. Мать Макса виртуозно играла на фортепиано. К сожалению, она уйдет из жизни, когда сыну не исполнится еще и четырех лет. В год достижения Максом 18-летнего возраста умрет отец. При жизни последнего он в основном прошел курс местной гимназии имени кайзера Вильгельма. В этом заведении далеко не все дисциплины овладевались Максом с большой охотой. Приоритетом номер один была физика. Доктор Машке, который обеспечивал преподавание этого предмета, оказался мастером своего дела. Борн слушал его, затаив дыхание. Гуманитарии, которые резко превалировали в учительском корпусе, не оказали серьезного влияния на данного ученика. Последний не скрывал, что подобное превалирование его тяготит. Акцент гимназиста Борна на естественные науки детерминировался также влиянием отца, весьма частым общением с друзьями главы семьи из числа ярких представителей этих наук. Один из них — Пауль Эрлих — известен как отец химиотерапии. Можно назвать еще и Альберта Нейссера, имевшего очевидные научные заслуги в области бактериологии.

Была своя логика в том, что выпускник гимназии на старте вузовской ступени стал грызть гранит широкого спектра наук, в котором преобладали именно естественные науки. Такова была воля главы семьи, которого к данному моменту уже не было в живых. Вузовская ступень начиналась в родном городе. Здесь она была достаточно короткой (1901—1902 гг.). Со временем молодой человек стал ограничиваться лекциями профессоров, преподававших математику, астрономию. Была четко и ясно определена цель: высококвалифицированный астроном. Алогизм ситуации заключался в том, что эта цель стала достигаться в учебном заведении, не имевшем соответствующей инфраструктуры, которая была бы сориентирована на общепринятые стандарты. В 1902 и 1903 гг. у Макса Борна была возможность сравнить уровень преподавания в исторической столице Силезии и старейшем отечественном университете, Цюрихском политехникуме. Пребывание в Гейдельберге и Цюрихе заняло по одному семестру. Из студентов существовавшего с 1386 года университета на героя очерка самое сильное впечатление произвел Джеймс Франк. Они стали больше, чем хорошие знакомые. В Цюрихе точно такое же впечатление произвел не студент, а профессор, преподававший царицу наук. Его имя — Адольф Гурвиц. Можно однозначно утверждать, что у Борна главное место в рамках вузовской ступени образовательного процесса занял Гёттингенский университет. Молодой человек был уверен, что именно там он удовлетворит потребность в фундаментальном математическом образовании. В отличие от родного города там существовала математическая школа, известная во всем мире. У всех математиков на слуху были три имени, представлявшие эту школу: Давид Гильберт, Герман Минковский, Вольдемар Фойгт. Борн сразу воочию убеждался, какой мастер-класс дают эти профессора на лекционных занятиях. «Вскоре Гильберт избрал нового студента своим ассистентом с обязанностью вести записи лекций профессора. Однако гораздо более ценной для Борна оказалась возможность участвовать в дискуссиях Гильберта и Минковского, проходивших во время их прогулок по Гёттингену и окрестностям. Будущий ученый также принимал участие в работе нескольких семинаров. Один из них, по электродинамике движущихся тел, привлек его внимание к тематике специальной теории относительности (имя Эйнштейна тогда еще не было известно). Работа над проблемами теории упругости, которые обсуждались на семинаре под руководством Феликса Клейна и Карла Рунге, оказалась столь плодотворной, что, по совету Клейна, Борн представил свои результаты на университетский конкурс и завоевал премию. Эта работа, посвященная устойчивости упругой деформации, легла в основу докторской диссертации молодого физика. Впрочем, отношения с Клейном не были идеальными, поскольку Борн хотел заниматься теорией относительности и поначалу отказывался писать диссертацию по теории упругости. По этой причине в качестве устного экзамена на соискание степени он не рискнул выбрать геометрию, а предпочёл ей астрономию: его экзаменатором в этом случае становился директор Гёттингенской обсерватории Карл Шварцшильд, семинар которого по астрофизике он также посещал. Экзамен прошёл успешно в январе 1907 года» [1].

Защита докторской диссертации означала первую серьезную заявку на признание в науке. Креативный молодой человек стремился в перманентном режиме продолжать служение отечественной науке с тем, чтобы делать очередные подобные заявки. Однако это стремление не всегда согласовывалось с обязанностями, прописанными в германском законодательстве. Прежде всего, речь шла о наполнении реальным содержанием

ем статуса военнослужащего. Правда, оно займёт менее года. Армейская служба сменится шестимесячным пребыванием в весьма престижном Кембриджском университете, традиционно славившимся сильной физической школой. Лицо этой школы определяли ученые с мировым именем: Дж. Дж. Томсон, Джозеф Лармор. Они обеспечивали лекционный курс на том же высочайшем уровне, что и выдающиеся гёттингенские математики. Герой очерка приехал сюда именно для того, чтобы по максимуму взять для себя с их лекционного курса. Весьма удовлетворённым покинув туманный Альбион, он держал путь на историческую столицу Силезии. Тамошние учёные-физики Отто Люммер, Эрнст Прингсгейм, профилировавшие себя как экспериментаторы, сотрудничали с молодым человеком в рамках соответствующих проектов по линии: руководитель — исполнитель. Для исполнителя в лице Борна период сотрудничества был настолько мал, что он не успел по-настоящему развернуться. Такая продолжительность сотрудничества была детерминирована знакомством молодого человека с прорывными идеями автора теории относительности. Твёрдое желание следовать за Эйнштейном, целенаправленно участвовать в развитии данной теории стало для него приоритетом номер один. Конечно, Борн понимал, что Бреслау — не то место, где можно по-настоящему осваивать новое проблемное поле. В тогдашней Германии наиболее подходящим для этого местом был Гёттингенский университет. Известно, что из всей тамошней профессуры больше всех продвинулся Герман Минковский. Когда 1908 год близился к завершению, последний обрел в лице Борна нового сотрудника. К сожалению, в первом месяце следующего года Борну пришлось решать уравнение со многими неизвестными касательно работы в университете. Минковский уходит в мир иной и ничтожно мало проработавший под его руководством сотрудник задался резонным вопросом: что его ждёт? Давая ответ, руководство вуза не могло не прислушаться к мнению авторитетных профессоров. Рунге, Гильберт были едины во мнении, что следует дать возможность Борну заниматься той же проблематикой, на которой он был сконцентрирован под руководством Минковского. Небезразличным к судьбе героя очерка оказался Фойгт. Именно активное участие последнего предопределило появление в вузе нового приват-доцента. Второй временной промежуток, относившийся к Гёттингену, отмечен и появлением тандема: Макс Борн — Теодор фон Карман. Оба талантливых преподавателя тамошнего университета объединились для создания интеллектуальных продуктов, призванных обогатить теорию кристаллических решёток. Со временем приват-доцентом Гёттингенского университета заинтересовались в Новом Свете. Выдающийся американский физик Альберт Майкельсон выразил восхищение тем, как Борн продвигался в исследовательском процессе, связанном с теорией относительности. 1912 год был отмечен в судьбе Борна презентацией в лекционной форме соответствующих научных результатов на американской земле. Лектора из Гёттингена с большим вниманием слушали в Чикагском университете. То, что подобные лекции имели место, следует всецело поставить в заслугу Майкельсону. Это был дебют Борна в качестве субъекта народной дипломатии на американском направлении.

1914—1919 гг. образуют хронологические рамки берлинского этапа научно-педагогической деятельности героя очерка. Этот этап включал несколько довоенных месяцев, весь период перманентного вооружённого противостояния Германии со странами Антанты, пять поствоенных месяцев. Стартовая должностная позиция в столице Германии — экстраординарный профессор — была более престижной по сравнению со статусом Борна в Тюбингене. Именно в этой позиции он переживёт переход от одной эпохи германской истории к другой: от кайзеровской Германии к первой германской республике. Борн пополнил преподавательский корпус Берлинского университета в момент, когда планку среди тамошних профессоров физики задавал Макс Планк.

«Вскоре, в связи с началом Первой мировой войны, Борн оказался вовлечён в военные работы: служил радиооператором военно-воздушных сил, занимался исследованиями распространения звука для нужд артиллерии. Целью работы, в которой принимали участие также Альфред Ланде и Эрвин Маделунг, было определение местоположения вражеского орудия по измерению времени регистрации звука выстрела в нескольких разнесённых пунктах. В берлинский период укрепилась дружба Борна с Альбертом Эйнштейном, с которым они ранее были знакомы лишь по научной переписке. После окончания войны Макс фон Лауэ, работавший в университете Франкфурта-на-Майне и желавший перебраться поближе к своему учителю Макс Планку, предложил Борну обменяться профессорскими позициями. Последний согласился и в апреле 1919 года занял пост ординарного профессора и директора Института теоретической физики во Франкфурте» [1].

Франкфуртский этап научно-педагогической деятельности длился два года, после чего началось многолетнее руководство структурным подразделением в Гёттингенском университете. Как и во Франкфурте речь шла об Институте теоретической физики. В научном плане герой очерка сначала углублял, развивал то, что нарабатывалось ранее в рамках указанного выше тандема. Казалось, этой работе не будет конца. Конец всё же наступит. Пройдет относительно немного времени, и в исследовательском процессе появится акцент на слабо освоенное в тогдашней науке направление — «на квантовую теорию. Плодотворной работе в этом направлении способствовало сотрудничество с талантливыми сотрудниками Вольфгангом Паули, Вернером Гейзенбергом и Паскуалем Йорданом. Результатами этой деятельности стали разработка в 1925 году формализма матричной механики и выдвижение в 1926 году вероятностной интерпретации шрёдингеровской волновой функции. Напряжённая научная и административная работа, а также поездки в США (зима 1925/26) и СССР (1928) подорвали здоровье Борна и привели к нервному расстройству. Он был вынужден

сделать годичный перерыв в исследовательской и преподавательской деятельности, в течение которого, впрочем, написал свою известную монографию по оптике. Тем не менее, как признавался сам учёный, в последующие годы ему так и не удалось вернуть былую работоспособность» [1].

К сожалению, в последний месяц весны 1933 года выдающийся учёный оказывается вне Гёттингенского университета. Соответствующее кадровое решение носителей коричневой чумы предрешило начало эмигрантского этапа в биографии Борна. В том же году и в том же месяце, в котором последует это унижающее и оскорбляющее его человеческое достоинство решение, герой очерка окажется вне своего Отечества. Вначале не был решён вопрос: куда ехать на постоянное жительство? До первого летнего месяца 1933 года Борн, его жена, дети имели в Италии статус отдыхающих в стране германцев. Когда данный драматический год приблизился к своему экватору, был решён вопрос о трудоустройстве этого яркого человека в британском Кембридже. Здесь он стал стоксовским лектором. При этом эмигранту из Германии было чётко и ясно заявлено, что он будет находиться в этом качестве строго определённое время. Естественно, не мог не наступить момент, когда возник вопрос: что дальше? Дальше будет далёкая Индия, находившаяся в колониальной зависимости от Великобритании. На целых шесть месяцев судьба забросит учёного в Бангалор. Всё это время в тамошнем Индийском институте науки можно было постоянно видеть Борна. То, что эмигрант из Германии имел в Кембридже, Бангалоре, конечно же, не могло его полностью удовлетворить. И тут, и там имел место временный характер трудоустройства. Хотелось иного, и гораздо лучшие времена наступили. С октября 1936 года по 1953 год, то есть целых 17 лет, он был профессором натурфилософии Эдинбургского университета. Герой очерка стал ещё более комфортно себя чувствовать на британской земле после того, как он, жена, две дочери, сын Борна в первой половине 1939 года официально станут подданными его величества британского короля Георга VI. Видный учёный продолжил в столице Шотландии поиск решения фундаментальных проблем. Заметим, что профессор натурфилософии также неоднократно успешно решал прикладные задачи.

«В Эдинбурге Борн создал научную школу, привлекавшую многочисленных аспирантов и молодых учёных со всего мира; он получил возможность посещать научные конференции в разных странах, выступать с лекциями, в течение одного семестра преподавал в Египте, в июне 1945 года посетил юбилейные торжества Академии наук СССР в Москве и Ленинграде. В годы Второй мировой войны Борн не принимал участия в проведении каких-либо военных работ» [1].

1953 год принёс очередные весомые изменения в личной судьбе выдающегося учёного. Он пополнил число подданных королевы Елизаветы II, которые стали отставными профессорами британских вузов. И вновь возник вопрос: куда податься? Ностальгия по первому Отечеству, вполне естественная материальная мотивация предрешили причастность Борна к очередной эпохе германской истории, связанной с существованием второй германской республики — ФРГ. Герой очерка держит курс на федеральную землю Баден-Вюртемберг, выбирает в ней красивое, живописное, весьма комфортное место, от которого рукой подать до германского города, в котором Борн жил до эмиграции. Это место — Бад-Пирмонт. В данном городке оказываются жена, две дочери, сын Борна. «Он получил компенсацию за убытки, понесённые в годы нацистского режима, и полную пенсию, которая не могла быть ему обеспечена в Англии. В последующие годы Борн продолжал активно интересоваться наукой, издал несколько книг...

Много внимания, особенно в последние годы, Борн уделял общественным проблемам, анализу той ситуации, в которой оказался мир после Второй мировой войны, и способам выхода из неё. В частности в своих выступлениях и публикациях он обращался к вопросу о роли науки в истории общества, ответственности учёных за разрешение таких насущных проблем, как угроза ядерной войны, разработка новых источников энергии, разрушение традиционных нравственных ценностей. При этом он считал запрет ядерного оружия недостаточной мерой, призывая к отказу от любой войны как политического средства. В этой деятельности Борн был не одинок, находя поддержку среди своих коллег и единомышленников. Так, в 1955 году он вошёл в число одиннадцати интеллектуалов, подписавших манифест Рассела — Эйнштейна, который положил начало Пагуошскому движению ученых. В том же году Борн вместе с Отто Ганом и Гейзенбергом инициировал издание декларации Майнау (англ. *Mainau Declaration*), призыва к отказу от ядерных вооружений, подписанного более чем пятьюдесятью нобелевскими лауреатами. В 1957 году он стал одним из восемнадцати ведущих немецких учёных, выступивших с так называемым Гёттингенским манифестом (англ. *Göttingen Manifesto*) против приобретения правительством ФРГ ядерного оружия...

В последние годы его здоровье начало слабеть, он скончался в гёттингенской больнице 5 января 1970 года. На его надгробном камне на кладбище в Гёттингене выбито одно из его главных достижений — фундаментальное перестановочное соотношение $pq - qp = ih / 2\pi$ « [1].

Представляя читательскому корпусу портрет Максусу Борна, нельзя не сказать об его отношении к религии и этническому самосознанию. Учёный побывает в своей жизни и иудеем, и лютеранином. Получилось так: две части жизненного пути — две несовместимые конфессиональные принадлежности. Почему так произошло? Современные Борну германские реалии поставили этого незаурядного человека перед дилеммой: или он остаётся иудеем и тем самым расстаётся с мечтой о высоких постах в образовательной и научной системе, или он пополняет ряды соотечественников-христиан и тем самым делает шаг, который должен был удовлетворить субъектов однозначно благоприятствовавшей христианам кадровой политики. Решившись на

подобный шаг, герой очерка будет до финальной точки земного пути открыто, чётко и ясно позиционировать себя как представителя лютеранского сегмента еврейского этноса.

Проницательный читатель, любящий рассуждать на тему: «Физики и лирики», обязательно поинтересуется у автора статьи, можно ли Борна взять в качестве примера для подобных рассуждений. Можно однозначно утверждать, что выдающийся физик идеально подходил в качестве именно такого примера. Сев за рояль, он мог подолгу поражать присутствовавших неплохим исполнительским мастерством. Его игру слушали разные люди, в том числе профессионалы высокого класса в музыкальном искусстве. Физик Борн капитально освоил большой пласт классической литературы, написанной на языках Шекспира и Гёте. Прекрасно владея государственным языком своего второго Отечества, он пытался перевести на него отдельные творения, написанные поэтами, представлявшими первое Отечество. Более того, сам пробовал побыть инженером человеческих душ, сконцентрированным на поэтическом творчестве. Объект настоящего анализа вполне мог поддержать беседу между учёными-гуманитариями. Те могли, например, от него услышать оригинальное и в то же время не лишённое логики суждение на предмет последней новинки, относившейся к исторической литературе.

Макс Борн вошёл в историю как ученый с мировым именем. «В знак признания заслуг Борна в 1954 году ему была присуждена Нобелевская премия по физике с формулировкой *«за фундаментальные исследования по квантовой механике, в особенности за статистическую интерпретацию волновой функции»* (точнее говоря, Борн получил половину премии; вторая половина досталась Вальтеру Боте за разработку метода совпадений)» [1].

Была своя логика в том, что нобелевский лауреат получил широкое признание, прежде всего, в странах, гражданином которых он был. Для него, германца трех эпох, было принципиально важно то, что он заимел наградную коллекцию со стороны органов власти и институтов гражданского общества страны, в которой Борн прожил две трети века. За пять лет до приезда в Бад-Пирмонт соотечественники делают его обладателем медали, носящей имя великого Макса Планка. Год приезда в Бад-Пирмонт отмечен признанием на уровне руководства Гёттингена, которое означало, что одним почётным гражданином этого города стало больше. Пройдёт шесть лет, и откликнется федеральная власть, которая наградит выдающегося германца престижным орденом «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». Соотечественниками много сделано для увековечения памяти об этом человеке за период, прошедший с момента его смерти. Уже через три года после этого печального события появляется одноименная специальная премия, состав учредителей которой напоминает о двух Отечествах в биографии героя очерка — германском, британском. Германское Отечество было представлено тамошним физическим обществом, британское — одноименным институтом физики. В 1982 году широко отмечался 100-летний юбилей Борна и его близкого друга Франка. В ФРГ была выпущена специальная марка, на которой два друга изображены вместе. Через год после восстановления германского единства, до которого объект настоящего анализа не дожил 20 лет, в столице объединённой Германии появится известный не только в данной стране, но и далеко за её пределами Институт нелинейной оптики и спектроскопии коротких импульсов, в названии которого также увековечено имя нобелевского лауреата. Этот институт часто называют двумя словами: институт Борна.

Британское Отечество откликнулось не менее внушительно. Уже в кембриджский отрезок британской эмиграции крупный учёный удостоивается медали Стокса тамошнего университета. В 1945 и 1950 гг. последуют медали Макдугалла — Брисбена, Хьюза. Обе медали присудили королевские общества. В первом случае это сделало общество с одноименным названием в шотландской столице, во втором — в британской. Заметим, что указанное общество в ставшем Борну родным Эдинбурге в год окончания Второй мировой войны дважды его награждало. Вторая награда — премия *Gunning—Victoria Jubilee Prize*. Тремя годами ранее Борном была получена первая на британской земле премия — премия Телфорда. Её присудил Институт гражданских инженеров. В год начала Второй мировой войны представители королевского общества британской столицы сочли за честь иметь Борна в качестве своего члена. В шотландской столице он стал почётным доктором тамошнего университета. Аналогичное решение касательно нобелевского лауреата было принято уполномоченным органом Бристольского университета. О кембриджском отрезке жизненного пути ему напоминал статус почётного члена колледжа Гонвилля и Киза.

Крупному учёному было приятно узнать о высокой оценке результатов его научно-исследовательской работы в главной стране западного мира. Его кандидатура без каких-либо проблем прошла при избрании новых иностранных членов Национальной академии наук США. Через двенадцать лет после смерти Борна тамошнее Оптическое общество приняло примечательное решение на предмет увековечения его памяти. Отныне представители научного сообщества стали получать премию, в названии которой присутствовало имя выдающегося германца. Этот факт можно было рассматривать и как достойное отмечание юбилея нобелевского лауреата.

Борн был иностранным членом национальных академий наук и в ряде других стран. Их география достаточно широкая. Они представляют Европу, Азию, Латинскую Америку. Сразу две части света представлял евразийский Советский Союз, Европу — ГДР, Дания, Ирландия, Румыния, Швеция, Латинскую Америку — Перу.

И, наконец, откликнулся известный во Франции университет, расположенный в Бордо. Здесь герой очерка пополнил корпус почётных докторов.

В заключение есть смысл назвать известных ученых, которые прошли школу этой яркой личности. «Борн создал в Гёттингене крупную школу теоретической физики. Среди его учеников, ассистентов и сотрудников в этот период были Вернер Гейзенберг, Вольфганг Паули, Фридрих Хунд, Паскуаль Йордан, Роберт Опенгеймер, Мария Гёпперт-Майер, Виктор Вайскопф, Герхард Герцберг, Эрих Хюккель, Макс Дельбрюк, Юджин Вигнер, Зигфрид Флюгге (англ. *Siegfried Flügge*), Вальтер Гайтлер, Вальтер Эльзассер (англ. *Walter M. Elsasser*), Лотар Нордгейм (англ. *Lothar Nordheim*), Эдгар Кран (англ. *Edgar Krahn*) и другие. Из советских физиков у Борна работали Георгий Гамов, Игорь Тамм, Владимир Фок, Яков Френкель, Юрий Крутков, Сергей Богуславский и Юрий Румер...

Учениками и сотрудниками Борна в Эдинбурге были Герберт Грин, Эмиль Вольф (англ. *Emil Wolf*), Клаус Фукс, Рейнгольд Фюрт и другие»[1].

Литература

1. Борн Макс. Википедия. 12 декабря 2012 года. URL: ru.wikipedia.org/.../

Г.В.Торопчин

г. Кемерово

Кемеровский государственный университет

АНТИЯДЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРАЛИИ И ФРГ В 1991—2011 гг.

Рассмотрение различных особенностей антиядерного движения в Австралийском Союзе и Федеративной Республике Германия на протяжении двух последних десятилетий имеет большое значение для более полного понимания процессов, происходивших в ядерной сфере данных стран в указанный период времени. Сравнительный анализ характерных черт антиядерных движений в этих государствах, лидерах интеграции в своих регионах, крупнейших развитых экономиках, во многом позволяет выделить специфику эволюции антиядерного движения и в мировом масштабе, понять мотивы противников использования атомного оружия и применения ядерной энергии в невоенных целях.

Актуальность выбранной тематики определяется в первую очередь высокой активностью антиядерного движения в обеих странах и безусловной релевантностью ядерного фактора для двух государств. Австралия является мировым лидером по запасам уранового сырья (на территории континента, по различным оценкам, находится от 25% до 30% и более урановых залежей на Земле) и одним из важнейших экспортёров оксида урана(VI)-диурана(V). В то же время, Германия, несмотря на принятые планы постепенного отказа от использования ядерной энергетики, и в начале 2010-х гг. продолжала оставаться в десятке главных производителей ядерной энергии в мире, находясь примерно на одном уровне с Канадой и КНР, если брать абсолютные величины [4].

Для того чтобы получить более разностороннее представление о тенденциях развития антиядерного движения в указанных странах, необходимо обратить внимание на исторический аспект проблемы. Австралийское антиядерное движение уходит своими корнями ещё в 1960-е, и даже 1950-е гг. Именно в это время началась промышленная добыча уранового сырья в стране, а Великобритания проводила ядерные испытания на материке, в частности, на территории штата Западная Австралия. Особенно массовый характер движение приобрело в 1970-е и 1980-е гг. (не в последнюю очередь в связи с тестированием ядерного оружия Францией на атоллах в Тихом океане). Небольшие группы энвайронменталистов вскоре организуются в квазиполитические объединения. В 1984 г. Партия ядерного разоружения получает даже одно место в Сенате. После аварии на Чернобыльской АЭС и резкого падения цен на уран в конце 1980-х гг. (что привело к снижению объёмов экспорта) антиядерное движение пошло на спад. Однако в начале 1990-х гг. формируется австралийская партия «зелёных» («The Greens»), включившая в себя в том числе многочисленных участников антиядерных объединений 80-х (к примеру, активистку Джо Вэллентайн, представлявшую западно-австралийских «зелёных» в верхней палате парламента). Они и стали основной политической силой, объединившей вокруг себя оппонентов использования ядерной энергии. На протяжении 1990-х (в будущем премьерами лейбориста Пола Китинга и либерала Джона Говарда) последовательно блокировались инициативы открытия новых урановых шахт. Однако, на наш взгляд, было бы неверно утверждать, что партия «зелёных» «монополизировала» право выступать с антиядерными лозунгами: как и в 1980-е гг., в 1990-е гг. имели место независимые демонстрации и шествия. В частности, в 1998 г. прошли протестные марши в

крупнейших городах Австралии (Сидней, Мельбурн, Брисбен) против открытия шахты Jabiluka на севере материка (месторождение окружено территорией Национального парка Какаду). Жёсткое общественное неприятие (в том числе на правительственном и парламентском уровне) вызвало и одиозное предложение британско-швейцарской компании Rangepa Resources о создании в Западной Австралии хранилища ядерных отходов, в котором предполагалось захоронить более 20% мирового выработанного ядерного топлива и радиоактивных материалов военного происхождения. Эти общественные акции имели успех: помимо того, что вышеназванные инициативы были осуждены общественностью и не получили продолжения, в начале 2000-х гг. закрылась урановая шахта Narbarlek.

В 2000-е гг. в стране наблюдается постепенное снижение численности демонстраций. Так, в 2000 г. на шахте Беверли собралось не более 100 протестующих. Однако с ростом цен на урановое сырьё и стремлением Австралии перейти на низко-углеродную экономику именно по экологическим соображениям, в середине 2000-х гг. вновь выходит на первый план дискуссия о возможности использования атомной энергии. В последние годы пребывания в должности (в особенности в 2005—2007 гг.) глава австралийского правительства Джон Говард не раз выступал уже как сторонник перехода к ядерной энергетике, несмотря на то, что в докладах экспертов не чувствовалось особенного оптимизма по этому поводу. Наконец, в конце рассматриваемого периода споры относительно различных ядерных аспектов обретают прежний накал. Один из характерных для Австралии примеров в этом отношении — острая социальная дискуссия вокруг перспектив строительства хранилища ядерных отходов в районе Muckaty Station (Северная Территория), которая оказывается особенно актуальной для жизни страны в конце 2000-х — начале 2010-х гг. В борьбу с предложением о создании вступают не только экологи, но и ряд общественных объединений и социальных групп: организации аборигенов, землевладельцы и даже местные лейбористы. Также наиболее радикальными противниками ставятся вопросы закрытия урановых шахт (в т.ч. шахты Ranger, второй по величине в мире [2]).

Что касается исторической ретроспективы антиядерного движения в Германии, то начало антиядерных кампаний здесь можно отнести к 1970-м гг. По естественным политическим причинам, активность такого движения была более характерна для ФРГ, нежели для Германской Демократической Республики. Одной из первых предпосылок для антиядерных выступлений послужило намерение властей построить АЭС в Виле, земля Баден-Вюртемберг. После демонстраций, закончившихся столкновениями с полицией, было решено прекратить сооружение электростанции. Важно, что формирование антиядерного движения в Германии происходило в рамках общеевропейских тенденций (наряду с аналогичными выступлениями в иных европейских странах). Большое влияние на формирование антиядерного движения в Германии оказала Чернобыльская катастрофа, непосредственно затронувшая территорию Германии (в первую очередь, через радиоактивное заражение). В начале 1990-х гг. в процессе объединения Германии происходит слияние ФРГ и появившихся в конце 1980-х гг. антиядерных организаций с территории восточных регионов. Интересно, что с середины 1990-х гг. одним из основных компонентов антиядерной риторики в Германии стало сопротивление транспортировке радиоактивных отходов. Как и в Австралийском Союзе, большое значение для развития антиядерного движения в 1990-е гг. имела политическая организация экологов, местная партия «зелёных», сумевшая самоорганизоваться на федеральном уровне. Немецкие «зелёные», или «Bündnis 90/Die Grünen», вошедшие в 1998 г. в «красно-зелёное» правительство, преуспели в практической реализации таких планов. Большую роль в этом сыграл вице-канцлер и глава МИД страны в 1998-2005 гг. Йошка Фишер, резко выступавший против возможности военного присутствия НАТО на территории Германии и применения ядерного оружия со стороны Североатлантического альянса [3, 77].

Эффективность антиядерного движения в ФРГ в достижении своих целей доказывается неуклонным снижением доли атомной энергии из всех источников энергии, начиная с пикового 1997 г., последнего года перед приходом к власти «красно-зелёной» коалиции [1]. В 2002 г. принимается «Закон о регулируемом прекращении использования ядерной энергии для промышленного производства электроэнергии» (о закрытии АЭС после выработки ими остаточного количества электроэнергии). После же катастрофы на японской атомной электростанции «Фукусима-1» 30 июня 2011 г. Бундестагом был принят законопроект о полном отказе от ядерной энергетики к 2022 г. (8 реакторов были закрыты уже в августе того же года).

Анализ социальной базы антиядерного движения в обеих странах показывает, что в целом его составляют люди с достаточно высоким образовательным уровнем: зачастую среди противников ядерных вооружений и ядерной энергии можно найти авторитетных экспертов (например, Марк Дизендорф в Австралии). Помимо этого, большой вес в Австралии имеют и организации аборигенов, выступающие против разработок урановых месторождений, которые находятся на их территориях.

Антиядерное движение оказывало реальное влияние на процесс принятия решений в ядерной сфере в обоих государствах последние два десятилетия. Антиядерные движения обеих рассматриваемых стран обнаруживают извечные сходства в этом отношении: австралийское и немецкое движения включали и включают в себя как элементы гражданского общества, так и отдельные политические партии (а именно, «зелёных», которые с 1990-х гг. играют определённую роль в парламентах двух стран). Важной особенностью антиядерного движения в обоих государствах является то, что активисты выступают не только против испытаний и применения атомного оружия, но зачастую и против использования энергии атома в мирных целях (т.е. ядер-

ной энергетики), что выражается в полном отсутствии атомных электростанций в Австралии и стремлению сократить количество таковых в ФРГ.

Тем не менее, следует сказать и о некоторых различиях: в Австралии процесс формирования антиядерного движения начался гораздо раньше и происходил скорее «снизу», в то время как в ФРГ на него, безусловно, повлияло существование двух Германий, вызвавшее организационное переформливание антиядерного движения в 1990-е гг. Если для Австралийского Союза характерно большое значение местных инициатив в ядерной сфере (такие, как запрет на использование ядерной энергии на уровне отдельных штатов), то в Германии особенно заметно влияние мировой конъюнктуры (в частности, имеются в виду события марта 2011 г. на АЭС «Фукусима-1»).

Принципиальной позицией представителей движения в Австралии является непосредственное увязывание ядерного нераспространения с отказом от использования ядерной энергии и, более того, закрытием урановых шахт (такая антиядерная риторика в принципе характерна в последнее время для стран АТР, пример — Филиппины). Германия, напротив, лишь одно из двух европейских государств, сокращающих количество реакторов (то есть, в отличие от Австралии, не вписывается в этом плане в общую тенденцию регионального развития).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что антиядерное движение сыграло в рассматриваемый период времени важнейшую роль в препятствовании расширению использования атомной энергетики в обеих странах. В Австралии серьёзное сопротивление встретили планы открытия новых урановых шахт, были заблокированы намерения соорудить хранилища ядерных отходов, а также расширить мирное использование ядерной энергии. В ФРГ, с получением партией «Союз 90/Зелёные» возможности влиять на политические решения и консолидацией гражданского сообщества в конце 1990—2000-х гг., на государственном уровне были приняты законодательные акты об отказе от использования ядерной энергии в среднесрочной перспективе (несмотря на партийный состав правительства: будь то альянс «зелёных» и СДПГ в 2002 г. или ХДС/ХСС как доминирующая политическая сила в 2011 г.)

Литература

1. Production d'électricité — à partir d'énergie nucléaire (% de la production totale). Allemagne [Электронный ресурс] / Perspective Monde — Université de Sherbrooke. URL: <http://perspective.usherbrooke.ca/bilan/tend/DEU/fr/EG.ELC.NUCL.ZS.html>
2. Ranger Uranium Mine, Australia / Mining Technology. URL: <http://www.mining-technology.com/projects/rangeruraniummine>
3. Toroptschin G.W. Die Persönlichkeit von Joschka Fischer und seine Bedeutung für die deutsche Außenpolitik / G.W. Toroptschin // ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ — вклад молодых исследователей. Материалы VI (XXXVIII) Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Кемерово, 2011. С. 76—78.
4. World Nuclear Power Generation and Capacity / Nuclear Energy Institute. URL: http://www.nei.org/corporatesite/media/filefolder/World_Nuclear_Power_Generation_and_Capacity.xls

М.Ю. Федорович

г. Москва

Московский педагогический государственный университет

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА II И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Император Максимилиан II — фигура противоречивая не только для нынешних исследователей, но и для современников. Католик по вероисповеданию он терпимо относился к лютеранам, к князьям, исповедовавшим его.

Воспитание будущего императора проходило в Вене, в центре наследственных земель Габсбургов. Придворные, окружавшие наследника престола, симпатизировали лютеранам или даже принадлежали к этой конфессии. Естественно, такая обстановка не могла не влиять на Максимилиана. Знакомство с жизнью испанского двора в 1550-е годы лишь усилило его симпатии к протестантизму. Император Фердинанд I опасался, что его сын может поменять вероисповедание. Он пытался убедить Максимилиана в ошибочности лютеранского учения, хотел избавиться от окружения, пагубно, по его мнению, влиявшего на принца, чем наоборот породил длительные споры с наследником.

Сменив отца на главе Империи в 1564 г., Максимилиан II не изменил своего отношения к лютеранству. Называя лютеранских священнослужителей и приверженцев данной конфессии «сектантами» и «богохульниками», он относился к ним в то же время с явным расположением. В ответ на жалобы католического клира

Вены на стремительное распространение лютеранской веры и подрыв авторитета римского папы в ленных владениях императора 28 января 1570 г. Максимилиан направляет письмо клиру и прихожанам собора святого Марка, в котором в частности пишет: «Во время нашего присутствия в нашем городе Вене мы не заметили какой-либо деятельности сектантских проповедников, направленных против власти» [3, 39]. Император считает, что в лютеранских проповедях нет ничего противозаконного, пока они не направлены против власти. Для него это всего лишь религиозные ритуалы, к которым император относился безразлично. Поэтому он призывает подданных «не обращать внимания на проповедников. Но как только сектантские священники и проповедники будут обольщать простой бедный люд, направлять их помыслы против нашей власти, то такие их действия следует прекратить, а самих богохульников изгнать из пределов Вены и передать их в руки светских властей» [3, 41]. Письмо завершается повторным обращением с призывом к жителям Вены о спокойном отношении к лютеранскому богослужению.

В письме жителям Вены от 17 февраля 1570 г. по делу о переходе настоятеля центрального собора Вены в лютеранство и его проповедях среди прихожан собора, император просит канцлера города и церковные власти наложить на данного священнослужителя церковное наказание, не прибегая к светскому судопроизводству. Император отмечает, что «этот священник отступился от веры и поступил противозаконно, призывая простой народ к перемене веры, тем самым приобретя множество сторонников из челяди, но все же он достоин христианского прощения, так как не призывал к борьбе со светской и духовной властью» [3, 57].

Максимилиан II, возглавляя такой сложный по своему религиозному, политическому и этническому составу конгломерат земель, каким была в XVI в. Священная Римская империя, пытался стать выше религиозных противоречий, охраняя, прежде всего интересы Империи и светской власти. Он нейтрально относился как к католикам, так и к протестантам, не высказывая предпочтения какой-либо из сторон. В то же время, оставаясь хотя бы даже формально сторонником католицизма, этот монарх стремился поддержать авторитет римской церкви в наследственных землях Габсбургов, стараясь найти компромисс между сторонниками двух конфессий.

Симпатии императора к лютеранам отражались и на его внутривнутриполитическом курсе. На протяжении своего 12-летнего правления император Максимилиан II проводил курс на сохранение и укрепление мира внутри Империи, основанного на взаимодействии умеренных католических и лютеранских князей. По мнению М. Рудерсдорфа, Максимилиану удалось сохранить внутривнутриполитическую стабильность в Германии и Империи в целом лучше, чем всем его предшественникам и ближайшим преемникам [2, 112]. Император опирался на доверие со стороны немецких князей и курфюрстов, использовал только законные рычаги воздействия на светских и духовных правителей, как то межконфессиональные браки. Вместе с тем, в правление Максимилиана II нарастали противоречия между различными субъектами империи, такими как лютеранская Саксония и кальвинистский Пфальц. Но императору удавалось усадить противоборствующие стороны за стол переговоров. Тем не менее, кальвинисты так и не получили равных прав с лютеранами, что способствовало обострению межрелигиозной борьбы в преддверии Тридцатилетней войны [1, 83].

Таким образом, Максимилиан II, оставаясь католиком вплоть до своей кончины, показал подданным, что только путь межконфессионального диалога и строгого следования условиям Аугсбургского мира 1555 г. может сохранить хрупкий мир в Империи.

Литература

1. Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555—1648. СПб., 2008.
2. Шиндлинг А. Циглер В. Кайзеры. Ростов н/Дону, 1997.
3. Reitzes J. Zur Geschichte der religiösen Wandlung Kaiser Maximilians II. Leipzig, 1870.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА КОНЦА XVI ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО

На рубеже XX—XXI вв. в интеллектуальном поле современной исторической науки произошли радикальные изменения, выразившиеся в так называемом «культурном повороте», в активном обращении историков, в частности, к проблемам восприятия современниками фактов, событий, явлений, к тому, как они их интерпретировали и оценивали, каким образом хранили информацию об увиденном/услышанном [5, 9].

В данном контексте интересно обратиться к анализу восприятия социального пространства Лондона конца XVI в. современником — гуманистически образованным швейцарским путешественником Томасом Платтером — и попытаться показать, каким образом его субъективные представления, преломляются в «ином» социокультурном пространстве.

О Томасе Платтере известно не много. Определенно можно сказать, что родился он в 1574 г. в Базеле, был младшим сыном известного немецкого (швейцарского) гуманиста Томаса Платтера-старшего (1499—1582 гг.), ученого друга Эразма Роттердамского и почитателя Ульриха Цвингли. Его старший брат, Феликс, прославился как врач и один из основоположников медицинского образования в Базельском университете. И Томас Платтер-мл. стал профессором ботаники, анатомии и практической медицины в том же университете.

Совершая поездку по Франции и Англии, осенью 1599 г. 25-летний Томас Платтер, пока еще студент-медик, прибыл в английскую столицу и оставался здесь пять недель, с 18 сентября по 20 октября. В течение последующих шести лет он перерабатывал свои «Путешествия по Англии», содержащие целую главу, посвященную Лондону.

Довольно длительный промежуток времени, разделяющий собственно пребывание путешественника в английской столице и момент письменной фиксации его впечатлений, с одной стороны, порождает определенные сомнения и трудности, заставляет с большой долей осторожности подходить к тому, о чем и как сообщает Платтер, учитывая в целом субъективность всякого рода личных записей. Но, с другой стороны, нас интересует именно субъективность, отражающая специфику восприятия городского пространства конкретным современником. Надо отдать должное Платтеру: когда он не был уверен в чем-то, о чем писал, обязательно подчеркивал это, не боясь предстать в невыгодном свете. «Если я правильно запомнил», «если я правильно помню» — фразы, иногда встречающиеся в «Путешествиях» швейцарца.

Уже в самом начале своего повествования Платтер определяет значение Лондона, делая ценные замечания относительно того, что «... по отношению к другим городам Англии он занимает главенствующее положение, так как говорят, что не Лондон в Англии, а Англия в Лондоне...» [3, 187]. Путешественник сумел точно уловить и зафиксировать особое место Лондона с точки зрения истории английского урбанизма. К концу XVI в. Лондон стал одним из важнейших центров западноевропейского мира. «... И тот, кто осматривает Лондон, — пишет Платтер, — ... может утверждать без колебаний, что он близко познакомился со всей Англией...» [3, 188]. Таким образом, для Томаса Платтера Лондон — это своего рода микрокосм, уменьшенная реплика макрокосма — Англии, это место, «которое путешествующим европейцам стоит посетить...» [3, 188]. В такой оценке значимости Лондона Платтер шел «в ногу со временем»: посещение английской столицы входило в обязательный «культурно-образовательный тур» европейской молодежи.

Важнейшая характеристика Лондона, на которую путешественник обращает внимание, — это его масштабность. Платтер неоднократно замечает, что «...Лондон большой... он густо населен, ...населен так, что нельзя просто идти по улицам из-за толпы» [3, 189]. Такое восприятие города имело под собой серьезные основания. Оценки численности лондонского населения, которое росло довольно быстро и постоянно, могут быть только приблизительными, но в литературе приводятся такие цифры: в 1500 г. — свыше 75 тыс. чел. [2, 141], в 1565 г. — 85 тыс., а спустя 40 лет — уже 155 тыс.; если добавить сюда жителей той зоны вне городских стен, на которую распространялись городские вольности, то цифры увеличатся еще более чем на 20 тыс. человек [1, 123].

Восприятие городского пространства Лондона Томасом Платтером социально наполнено. Процветание города он справедливо связывает с развитием торговли, которую в значительной степени обеспечивает судходная Темза. Соответственно, как неотъемлемый элемент социально-профессиональной действительности Лондона Платтер отмечает огромное количество лодочников, которые буквально «толпились на берегах [Темзы]...» [3, 188].

Большинство же жителей, по его мнению, «заняты коммерцией, они продают, покупают, торгуют по всему миру, к их услугам водные пути, поскольку корабли из Франции, Нидерландов, Германии и других стран приходят в город, доставляя товары и загружая другие взамен привезенных...» [3, 189]. Словно в подтверждение этих слов путешественник пишет: «...я сам проплыл на большой галере вдоль всего города от при-

города Св. Екатерины до моста, встретив на пути сотни кораблей, и ни в одном другом порту я не встречал столько кораблей» [3, 188].

Весьма точно Платтер сумел уловить коммерческий дух английской столицы. Он обращает внимание на то, что «...там [в Лондоне] много купцов...» [3, 189], «...богатых купцов и банкиров, некоторые из них торгуют дорожными товарами, в то время как другие занимаются только вкладами или оптовой торговлей» [3, 189—190].

В Лондоне, как замечает путешественник, «... продаются разные товары» [3, 189]. С этой точки зрения Платтер оказался весьма наблюдательным, запечатлев в своем отчете поистине бурлящую торговую жизнь города. Действительно, к концу XVI в. столичные купцы осуществляли торговлю с Германией и Нидерландами, Францией, Испанией, Португалией, Балтийским регионом, Москвией, Северной Африкой, Сирией и Малой Азией, испанской Вест-Индией и в Бразилией [4, 78—107].

Большое впечатление на швейцарца произвела Лондонская биржа — «огромная, как и в Антверпене, однако немного меньше, там два входа и только один большой сквозной коридор, где выставлены все товары на витринах... Семьсот человек можно встретить там два раза в день, до ланча, в 11 часов, а потом снова после ужина в шесть, покупают, продают, обмениваются новостями, в общем, ведут дела» [3, 190].

Как человек образованный, Платтер обратил внимание и на то, что вокруг собора св. Павла торговцы и переплетчики торгуют «самыми разными книгами, и на большом крыльце Вестминстерского аббатства купцы продают книги...» [3, 196]. Эти штрихи особенно важны в многоплановом портрете елизаветинского Лондона, нарисованном швейцарцем, воспитанным в гуманистической среде.

Не осталось без внимания Платтера и то, что «после войны с Нидерландами и Францией там [в Лондоне] появилось множество семей, которые переселились туда по религиозным причинам...» [3, 189]. И далее замечает, что «их приняли весьма благосклонно, устроили для них специальные места для проведения религиозных обрядов, откуда доносятся молитвы на их родном языке...» [3, 189]. Уже на следующий день после приезда в Лондон, 19 сентября, Томас ходил «во французскую церковь и отслужил там службу на французском» [3, 189]. И вообще Платтер обратил внимание на большое число французов, проживавших в Лондоне: «...я прошел по французской улице, населенной только одними французами» [3, 197].

Много места путешественник отводит так называемым «горячим точкам» социального пространства Лондона — проблемам бедности, нищеты, проституции, преступности, которые были необычайно актуальны для городской действительности.

В своих «Путешествиях» Платтер не только фиксирует большое количество тюрем, из окон которых заключенные просят милостыню у прохожих...» [3, 197], но и пишет о неблагополучной криминальной обстановке в целом. «Там много убийств и повешений... Редко бывает такой день судебных заседаний в Лондоне, в любой из четырех дней в году, когда бы ни были повешены 20 или 30 человек, и мужчин и женщин... стража ходит по улицам каждую ночь, чтобы наказывать преступников» [3, 197].

По мнению путешественника, «...хороший порядок в городе заведен и в отношении проституции, для чего создаются специальные комиссии, и когда они рассматривают дело, то наказывают мужчину заключением и штрафом. Женщин же отправляют в Брайдуэлл, королевский дворец у реки, где палач бичует их, обнаженных, на глазах у толпы...» [3, 196]. Однако, Платтер вынужден признать, что, несмотря на все эти меры, «...огромные тучи таких женщин наводняют городские таверны и игорные дома» [3, 197].

Видимо, сильное впечатление на путешественника произвело посещение 25 сентября королевского госпиталя Христа. Платтер пишет, что «...в этом госпитале на полном пансионе содержатся 700 мальчиков и девочек, а читать и писать их учат в специальной школе... Туда попадают дети бедных родителей. В госпитале они содержатся в чистоте — у мальчиков в большой комнате 140 кроватей по каждой стороне, где они спят, а рядом стоят небольшие сундучки, где они хранят свою одежду. Девочек меньше, и комната у них поменьше» [3, 197]. Но содержат их там, «пока они не постигнут ремесло, затем их забирают отсюда или выгоняют, и они полагаются уже только на себя» [3, 197]. На расстоянии, отмечает Платтер, был другой госпиталь, «где в изоляции содержат больных сифилисом, раненых содержат и кормят отдельно» [3, 197].

Таким образом, Томас Платтер оказался наблюдательным в плане восприятия и фиксации так называемого социального пространства. Он совершенно справедливо отметил демографический «взрыв», переживаемый Лондоном в XVI в., стремительный рост его богатства, торговой активности, непосредственно отразившиеся на структурировании и наполненности городского пространства. Платтер весьма точно подметил «болевые» точки английской столицы, связанные с постоянным притоком сюда массы нищих и обездоленных, последствия Реформации, в результате которой в Лондоне оказалось множество иммигрантов — французов, немцев, фламандцев.

Литература

1. Beier A.L. Social problems in Elizabethan London // The Tudor and Stuart town. A Reader in English Urban History, 1530—1688 / ed. by J. Barry. L.; N.Y., 1990.
2. Gray R. A History of London. L., 1978.

3. Thomas Platter's Travels in England // London 1066-1914: Literary Sources and Documents / ed. and with Introductions by X. Baron: in 2 vols. Mountfield, 1997. V. 1: Medieval, Tudor, Stuart and Georgian London. 1066—1800.

4. Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953. Appendix.

5. Репина Л.П. Представления о прошлом и связь времен в историческом сознании // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / Под ред. Л.П.Репиной. М., 2010.

Т.Г. Чугунова

г. Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет

им. К.Минина

«ПОСЛУШАНИЕ ХРИСТИАНИНА» У.ТИНДЕЛА И ФОРМИРОВАНИЕ АБСОЛЮТИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В АНГЛИИ XVI в.

В 1528 г. был опубликован трактат английского реформатора У.Тиндела «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять», ставший одним из самых популярных сочинений в Англии первой половины XVI века. Это сочинение было написано за шесть лет до Реформации в Англии, однако в нем реформатор дал теологическое обоснование королевской супрематии. Традиционно считается, что идею о божественной природе светских властей выдвинул и обосновал М.Лютер, оказавший большое влияние на взгляды английских реформаторов. Однако при этом должным образом не учитывается роль самих английских реформаторов, чьи труды были посвящены активной апологетике монархической власти.

Полное и дословное название тинделовского трактата звучит гораздо шире: «Послушание христианина и как христианские власти должны управлять, где также (если ты отличишься старанием) ты сумеешь открыть глаза на все уловки шарлатанов». «Послушание» — самый длинный из всех трактатов реформатора. Структура «Послушания» трехчастная. Первая часть — предисловие — «Уильям Тиндел, иначе называемый Хатчинс, к читателю», вторая — «Повиновение всех степеней согласно Божьему слову», третья — заключение. Вторую часть можно расчленить на несколько разделов. В первом разделе рассматривается повиновение детей родителям, жен мужьям, слуг хозяевам, подданных светским властям, во втором разделе анализируются обязанности отца, мужа, хозяина, лендлорда, короля, судьи, чиновника, в третьем — разбираются наиболее важные богословские вопросы и библейские категории.

Основная мысль заявлена уже в самом начале сочинения, в короткой вводной части, где Тиндел говорит о беспрекословном повиновении всех граждан государства, в том числе и духовенства, светской власти, какой бы несправедливой она ни была [1, 105]. «В настоящее время мы видим, что папа римский и его приближенные не подчиняются светской власти, устанавливают свои собственные законы, отказываются платить налоги и натравливают королей друг против друга. Королям следует выполнять свои обязанности и направлять работу священников», — пишет Тиндел [1, 105].

Короля Тиндел рассматривал как управленца, напрямую подчиняющегося Богу. «Бог поставил в каждой земле короля править над всеми, а над ним нет судьи. Кто судит короля, судит Бога, кто преклоняется перед королем, преклоняется перед Богом, а кто сопротивляется королю, сопротивляется Богу и проклинает божий закон и управление. Если подданные грешат, их надобно привести на суд короля. Если король грешит, он будет приведен на суд, под гнев и осуждение Божие», — пишет Тиндел в своем трактате [1, 111].

Из приведенного отрывка можно сделать вывод, что Тиндел являлся поборником сильной королевской власти. «Один король, один закон, одно божественное руководство каждой страной, — пишет он в «Послушании» [1, 137]. Тиндел даже пытается найти оправдание действиям короля-тирана, дабы не допустить анархии в стране: «Будь король хоть величайший тиран на свете, для тебя он будет великим благословением от Господа и тем, за которого ты должен благодарить на коленях. Лучше иметь хоть кого-то в свою защиту, чем вообще никого, легче платить десятину, чем потерять все, легче терпеть одного тирана, чем многих и терпеть обиду от одного, чем от многих» [1, 112]. В своем стремлении избавить светскую власть от давления духовенства, Тиндел утверждает: «Лучше иметь тирана своим королем, чем призрак, пассивное бревно, что и себя не защитит, а лишь терпит от других то, что они хотят с ним сотворить и ведомое ими туда, куда они захотят. Ведь тиран, пусть и обижает тебя невинного, все же наказывает злых и заставляет всех людей повиноваться и не терпит, чтобы кто еще распоряжался кроме него» [1, 112]. Реформатор пытается донести до своих читателей мысль о том, что сильная королевская власть — единственная на земле гарантия справедливости и законности, поскольку монарх несет ответственность за свои поступки перед Богом. Однако Тиндел еще далек от позиции абсолютизма. Сильный монарх не обязательно является абсолютным монархом, правящим без участия своих подданных. «Пусть короли приостановят свою тиранию и приуменьшат свой гнев», — предупреждает реформатор в «Послушании», — «короли должны щадить своих подчиненных и спасти их от всякой тирании, которая угрожает им каждый день» [1, 137]. Его привлекает демократичный парламент, к сожалению, не такой, каким он являлся во времена реформатора. «Парламент находится в рабстве у

королевского совета, как соборы у папы и кардиналов», — отмечает Тиндел [1, 137]. Реформатор являлся поборником сильной и стабильной государственной власти, но институт абсолютной монархии не носил в его глазах претензии на ведущее привилегированное положение.

Наряду с идеей о божественном происхождении королевской власти, а также о праве короля управлять церковью, Тиндел пишет об обязанностях всех подданных, в том числе и духовенства, беспрекословно подчиняться королю: «Не может профессия монахов, ни что другое, что папа и епископы придумывают себе, изъять их от меча императора или королей, если они нарушат законы, ибо написано: да покорится всякая душа произволению высшей власти» [1, 111]. Каждый христианин, по мнению Тиндела, должен подчиняться светским властям, будь те хорошие или плохие: «Пусть каждая душа подчиняется авторитету светских властей. Нет власти, кроме как от Бога. Все власти одобрены Богом. Кто сопротивляется власти, сопротивляется воле Божией» [1, 109]. Этот фрагмент из «Послушания» является аллюзией на известную паулинистскую доктрину, изложенную апостолом в Послании к Римлянам, 13.

В отличие от швейцарских реформаторов (Цвингли, Кальвина), которые допускали и даже одобряли право на сопротивление подданных монархам, если те нарушали принципы евангелизма, Тиндел отвергал право на сопротивление даже в том случае, если монарх вел себя как деспот, считая, что право наказания принадлежит только Богу: «Главы и правители поставлены от Бога и суть дар божий, добры они или дурны. И что с нами они бы не делали, то делает Бог, добро это или зло. Если они дурны, то это за нашу злобу, ибо, если бы они были добры, мы бы не воспринимали ту доброту из рук Бога и не были бы благодарны, подчиняясь его законам и установлениям, но поругались бы над Божией благостью нашими плотскими похотями» [1, 118]. Однако реформатору очень бы хотелось, чтобы король по-настоящему являлся воцерковленным человеком. «Король находится на службе у Бога и законом Бога ему следует руководствоваться», — пишет Тиндел [1, 137].

Таким образом, английский реформатор отрицал какое-либо сопротивление светским властям. Тиндел писал о недопущении мятежей против государственных чиновников. Возмездие он оставлял за Богом. Реформатор излагал доктрину повиновения и в более широком аспекте: детей — родителям, слуг — господам, жен — мужьям. В конечном итоге, тинделовская концепция теологического обоснования королевской супрематии была востребована королевской властью. Положение о божественном происхождении власти короля было использовано Генрихом VIII в противостоянии с католической оппозицией, не признававшей его верховную власть, а положение о беспрекословном подчинении подданных государства власти короля, основанное на идее англиканских реформаторов «о повиновении светским властям», во многом оправдывало жестокие репрессии (что вряд ли предполагали авторы идеи), которым подверглись те, кто не подчинился новой церкви во главе с королем.

Литература

1. Tyndale W. The Obedience of a Christian man and how Christian rulers ought to governe // The Whole works of W. Tyndall, John Frith and Doct. Barnes, three worthy Martyrs and principall teachers of this Church of England collected and compiled in one tome together, being before scattered now in print here exhibiten to the Church / Ed. by J. Foxe. London: Printed by J. Daye, 1573.

О.К.Шевченко

г.Ялта

Крымский гуманитарный университет

КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УКРАИНЫ И РФ

Актуальность

Ялтинские встречи 1945 года явились крайне важной точкой в отношениях трех стран: США, Великобритании и СССР. Они оказали определяющее воздействие на разгром Германии и Японии. Выявили контур и принципы мирного урегулирования в Европе и Азии. На основе принятых документов и джентльменских соглашений во дворцах Южного берега Крыма значительные территории Центральной и Восточной Европы, Дальнего Востока и Азии поменяли своих хозяев. Миллионные миграции поляков, немцев, белорусов и иных европейских народов буквально перекроили европейскую этническую карту. Наконец принцип ялтинских решений оказал сильнейшее воздействие на международное право.

Очевидно, что событие столь масштабных форматов не могло не войти в университетские курсы по праву, политологии и, разумеется, истории. В своем тексте ограничусь именно историей.

Итак, *объект* исследования — Крымская конференция 1945 г. *Предмет*: Крымская конференция в образовательном поле РФ и Украины.

Цель: выявить характерные черты освещения Крымской конференции в высшей школе.

Задачи: Определить исходные методологические тезисы преподавателей высшей школы в преподнесении материал; оценить достоинства и недостатки существующей практики; предложить варианты разрешения выделенной кризисной ситуации.

Предшественники. Среди ученых занимавшихся проблемой следует отметить исключительно талантливые усилия А.Р. Давлетова [2].

Традиционно в учебниках, как России так и Украины существует стандартная, универсальная формулы раскрытия темы. 1. Общая характеристика на фронтах к моменту февраля 1945 года. 2. Выбор места проведения конференции. 3. Несколько абзацев из совместного коммюнике и соглашения трех держав о дальнем Востоке. 4. Выводы автора о Крымской конференции как начале холодной войны. При этом Российские учебники акцентируют внимание на дальнем Востоке и плане Маршала, Украинские авторы на создании ООН и «Декларации об освобожденной Европе».

Казалось бы, чего еще? Но нетрудно заметить, что приведенный стандарт, который в рамках незримого колледжа можно считать канонем, несколько далек от смысла учебников и учебной литературы как особой формы творчества. По прочтению абзацев становится неловко за авторов. Тексты учебников о «Ялте-45» фактически представляют собой некую энциклопедическую сводку. Набор, строгий набор абсолютно всем известных фактов. Их интерпретация хоть и присутствует, но не меняет сути изложения.

Задачам научения и овладения методикой поиска, анализа и вывода в исторической сфере современные учебники похвастаться не могут. А между тем Крымская конференция великолепный, можно сказать незаменимый источник для творческой лаборатории историка. Начать с того, что по сути стенограмм заседаний конференции — нет. Были рабочие записи переводчиков, сведенные в единый блок редакторами и сшитые в «папку Сталина». Из этой папки и черпались как советские классические публикации, так и современные попытки ее обработки [4, 5]. Но ни одна из публикаций этих материалов не может быть признана исчерпывающей. И представлять из себе безукоризненный архивный документ.

Многие договоренности Ялты, ставшие военным или политическим фактом прошлого были достигнуты устно и не отражены в итоговых официальных документах. Создание конструктов: Реальность февраля 1945 г. — Дипломатические схватки в Ялте — Претворение в жизнь итогов игр дипломатов на Потсдамской конференции. Это прекрасная тренировка аналитики и масштабности мышления студентов и аспирантов. При условиях восполнения стенограмм мемуарами, вычленения характерных недостатков в публикациях документов... заявленный материал просто роскошен для педагогического процесса формирования специалиста-историка. Причем, следует отметить доступность и разносторонность информации по заявленным проблемам.

Несколько иной пласт лабораторных работ связан с проблемами отсутствия сравнительного анализа американских и советских стенограмм (вернее, как это было отмечено выше, псевдостенограмм). Повторюсь все материалы опубликованы и доступны в Интернет режиме, даже сборники госдепа США [1].

Однако открывающиеся образовательные перспективы можно считать проигнорированными отечественными (и не только) авторами.

Явно недостаточно внимания оказывают Крымской конференции и структура учебных планов вузов. Практически отсутствуют спецкурсы по данной проблематике. Вернее их основная тяжесть падает на Международные отношения, а вот что касается источниковедения или специальных исторических дисциплин — молчок. Для характернейшего примера достаточно взять известнейшего автора учебников по Новейшей истории, вошедшего в серию «Классический университетский учебник» от МГУ — Е.Ф. Язьков. Так в его великолепных пособиях о Ялте говорится вскользь, мимоходом... Или весьма популярную методичку Е.Н. Пашенцева [3].

Отсутствие усилий именно историков в освящении Крымской конференции и именно в рамках университетских курсов, приводит к печальным диссертациям.

Так, автор данной статьи, после проведенного анализа диссертационного фонда РГБ не нашел ни одной диссертации исторического плана посвященной Крымской конференции. Лишь несколько диссертаций имели разделы посвященные Ялте. Более того, основная тяжесть исследований падала на сферу политологии и отчасти международных отношений.

Собственно историческая тематика, исторические методы анализа, структурный или системный исторический подходы в связи с Ялтой — не наблюдались вовсе. Аналогичная ситуация вырисовалась и после ознакомления с фондами Национальной библиотеки в Киеве.

Вывод. Можно предположить, что системное и всеохватное игнорирование Крымской конференции в процессе подготовки историка-профессионала вызывает серьезные кризисы уже академической науки. Препятствует формированию отечественной традиции изучения события, обустройства научных школ и направлений.

Учитывая все выше сказанное, представляется, необходимым обратить внимание общественности на затронутые вопросы и приложить усилия по их разрешению. И прежде всего в рамках повседневной, кропотливой работы по созданию методических рекомендаций, организации семинаров и проведения творческих лабораторных исследований.

Литература

1. The Yalta Conference // United States Department of State Foreign relations of the United States. Conferences at Malta and Yalta, 1945 U.S. Government Printing Office, 1945.
2. Давлетов А.Р. Генезис Ялтинской системы международных отношений и его освещение в современных учебниках по истории в Украине и Германии: попытка сравнительного анализа // Три подхода к войне и миру: Сталин, Рузвельт, Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и уроки для формирования новой системы международной безопасности / Материалы международной научной конференции (5—7 февраля 2004 г.) / Под ред. С.В.Юрченко. Симферополь, 2004.
3. Пашенцев Е.Н. Новейшая история стран Европы и Америки: методические рекомендации к изучению курса. 3-е издание. М., 2003.
4. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Сборник документов. Том IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1984.
5. Ялта-45. Начертания нового мира / Отв. ред. Н.А.Нарочницкая. М., 2010.

Д.В.Шмелёв

г.Казань

*Казанский национально-исследовательский
театрический университет им. А.Н.Туполева*

КНИТУ-КАИ ФРАНЦУЗСКИЕ КАТОЛИКИ И НАРОДНЫЙ ФРОНТ

В период между двумя мировыми войнами политическая история французского католицизма и христианской демократии в немалой мере оказалась связана с политической и идеологической ситуацией, сформировавшейся вследствие прихода к власти Народного фронта и активности советской дипломатии на международной арене. Критический анализ советской модели и поиск форм отношений с набирающим силу во Франции коммунизмом стали важными вехами на пути эволюции политического католицизма и обретения христианской демократии собственной идентичности.

В апреле 1936 г. глава французских коммунистов М.Торез заявил, что коммунисты готовы «протянуть руку» католикам [1]. В октябре того же года в одном из выступлений он уточнил параметры этой стратегии, проводя различия между католиками и коммунистами. В своем анализе он исходил из того, что хотя коммунисты являются сторонниками светскости, материалистами, в то же время существует фактическая материальная, экономическая и социальная солидарность между рабочими-католиками и коммунистами [2, 59]. «Сосуществование коммунистов и католиков, — отмечал далее М.Торез, — сотрудничество между ними возможно в режиме демократии и, само собой разумеется, в высшей форме демократии, какой является советский режим» [2, 72].

Какова была реакция католиков на этот призыв? В целом, можно утверждать, что эта реакция была сдержанно-негативной. Называя призыв М.Тореза электоральным маневром, Франсуа Мориак на страницах правой газеты «Фигаро», отмечал что «коммунизм не противостоит христианству по тому или иному пункту, они являются несводимыми один к другому. Первый основывается на руинах второго. Марксизм может водвориться лишь в человечестве без Бога. Борьба против Бога приняла в России официальный характер» [3]. Отсюда постановка вопроса: имеют ли католики моральное право сотрудничать с противоположным режимом, который разрушает человеческую личность и его связь с Богом?

Католические журналы «Ви энтеллектюэль» и «Сет» подчеркнули свой отказ от сотрудничества. «Масса коммунистов имеет иллюзии относительно социальной системы партии и в действительности не принимает ее метафизическую доктрину. Даже среди безбожных пропагандистов, существует спиритуализм, который игнорируется и презирается, так как посвящение себя материализму является неосознанной данью уважения рассудку: материя не способна на самопожертвование и жертву. Французский коммунизм, к тому же не является полностью сформировавшимся и способен на непредсказуемые эволюции» [4], — отмечалось на страницах журнала «Ви энтеллектюэль». Таким образом, общий вывод сводился к несовместимости католицизма и коммунизма.

С конца 1935 г. до своего исчезновения в августе 1937 г. другой католический журнал «Сет» публикует серию статей о коммунизме. Направленность статей была предсказуемой. Россия представлялась страной, где свирепствует одиозная диктатура. Результатом выполнения ленинских обещаний является рост бюрократии, создание всемогущей полиции, национализация земли не в пользу крестьян, а в пользу государства. Комментарий к только что принятой новой советской конституции подчеркивал ее антидемократический

характер и растущее влияние партии на советскую общественную жизнь. По мнению авторов журнала, в СССР свобода личности не уважается, система внутренних паспортов лишает население свободы передвижения, существует мощный репрессивный аппарат и система заложников, доказательством чему являются крупные процессы. «Благодаря стахановскому движению — то есть методу, известному еще со времен американского сверхкапитализма — правительство еще больше усугубляет положение русского пролетариата. Оно стремится подчинить рабочего изнуряющему и всегда растущему, попирающему во имя коллективного блага рабству конвейера», — отмечалось на страницах журнала. Более того, такой трудовой режим разрушает семью. После того как в СССР был провозглашен принцип свободного союза и освобождения женщины, правительство вернулось к старой семейной политике, но в гораздо худших экономических условиях.

Применительно к французской политике, на страницах журнала «Сет» отмечалось, что Москва дала приказ расширить «красный фронт» в сторону «народного фронта», поэтому католики не должны впадать в заблуждение от этого маневра: «Москва не изменила фигуры, а лишь сменила маску». В ответ на призыв М.Тореза сотрудник журнала Марк Шерер пишет: «Следовательно, мы говорим «нет» возможному сотрудничеству с коммунистами, потому что мы не согласны ни в чем... Цивилизация, о которой мечтают коммунисты, исключает цивилизацию, которая остается полем усилий и амбиций католиков... Призывы к союзу и сотрудничеству не исключают методичную антирелигиозную пропаганду. Этот пункт является основополагающим: в тот момент, когда коммунисты протягивают руку молодым католикам, они подтверждают свое желание разрушить то, что является самым дорогим сердцу союзников, к которым они стремятся. Утверждение уважения религиозных убеждений сопровождается антирелигиозной пропагандой, которая делает крайне подозрительными заявления о дружбе». Согласно М.Шереру, антифашизм также не может быть общей целью, поскольку коммунисты называют фашистами всех своих политических противников.

Наконец, еще одной важной тенденцией публикации журнала «Сет» стало отождествление большевизма и нацизма. В передовице журнала от 21 февраля 1936 г. отмечалось: «Если мы мало доверяем правительству Сталина, то мы имеем столько же доверия правительству Гитлера... Большевизм, гитлеризм — это всего лишь различного рода материализм, различающийся образом и мистикой. И тот, и другой ведут к одному и тому же результату и, в конечном итоге, признают лишь один моральный критерий: государственный интерес» [5, 140—149].

Статьи Марка Шерера легли затем в основу его книги. В ней он, приводя в пример опыт сотрудничества между мэром-коммунистом в Иври и местным кюре по проблемам безработицы или положения рабочих, отмечает, что такое сотрудничество ведет к потере католическими активистами своей идентичности, риску слияния с коммунистическими организациями. По его мнению, существует ряд тем, по которым коммунисты и католики дают разные оценки: антикапитализм, антифашизм, борьба против войны, революция, защита культуры [6].

20 июня 1936 г. газета «Ви католик» на своих страницах воспроизводит заметку официального органа Ватикана «Osservatore Romano», где отмечается, что «сотрудничество католиков и коммунистов в некоторых пригородах Парижа по поводу борьбы с безработицей» вызывает коллизию, что «на пути к социальной справедливости не является возможным, ни даже воображимым отказ от приверженности Христу». Наконец, 27 марта 1937 г. газета повторила свою позицию, опубликовав полный текст папской энциклики «Divini Redemptoris» с осуждением «атеистического коммунизма» [7].

Однако в отличие от католических изданий позиция христианской демократии была более нюансированной. Французская христианская демократия дала два варианта ответа на призыв М.Тореза. Левая лига «Молодая республика» в июле 1935 г. присоединилась к Народному фронту, что свидетельствовало об определенном успехе инициативы коммунистов и поражении инициативы по политическому объединению католиков, инспирированной Ф.Гэ и издаваемой им газетой «Об» (ее тираж в 1935 г. насчитывал менее 10 000 экземпляров). 17 мая 1936 г. один из основателей «Молодой республики» М. Санье приветствовал победу Народного фронта, «победу народных масс».

Не меньший энтузиазм испытывали издатели журнала «Эспри» Ж.Изар и Э.Мунье, призывая «марксистских революционеров» отказаться от классовой политики во имя еще более широкого объединения пролетариата вокруг «фундаментальных человеческих ценностей» [8, 443].

Правоецентристская Народно-демократическая партия, наоборот, отказалась поддержать Народный фронт, оставшись в лагере его противников [9].

В политических конструкциях французских христианских демократов того времени Советскому Союзу отводилась исключительная и противоречивая роль. Довольно часто в их текстах звучал вопрос о причине и характере «русской революции» и большевизма (коммунизма) как явления мировой истории. При этом в зависимости от исторической конъюнктуры Россия могла выступать как «враг» или как «союзник», способный оказать помощь на пути реализации собственных проектов.

В целом, эпизод французской истории, связанный с Народным фронтом, имел большое значение в дальнейшей эволюции христианской демократии. Во-первых, был проведен критический анализ марксизма как учения и советского опыта строительства партии и государства. Во-вторых, на низовом уровне был предпринят первый опыт сотрудничества во имя решения конкретных, главным образом социальных, задач. Это сотрудничество, еще ограниченное в силу традиции и противостояния двух систем ценностей, в последующие

годы, в период Соппротивления и освобождения, сделало возможным новое сближение между коммунистами и левым флангом христианской демократии. Это сближение нашло выражение в тесном взаимодействии между партией МРП и социалистами, а также в развернувшемся после второй мировой войны в среде католицизма движении «прогрессивных католиков».

Литература

1. L'Humanité. 1936. 17 avril.
2. Thorez M., Waldeck Rochet, Marchais G. Communistes et chrétiens. P., 1976.
3. Le Figaro. 1936. 26 mai.
4. Christianus Communisme et catholicisme // La Vie intellectuelle. 1936. 25 juillet.
5. Coutrot A. «Sept». Un journal, un combat (mars 1934 — aout 1937). P., 1982. P. 140—149. Вышло три специальных номера: 22 марта 1935 г., 26 июня 1936 г., 27 ноября 1936 г., а также цикл статей 26 марта 1937 г.
6. Scherer M. Communistes et catholiques. P., 1936.
7. La Vie Catholique. 1936. 20 juin; 1937. 27 mars.
8. Mounier E. Rassemblement populaire // Esprit. Juin 1936.
9. Christophe P. 1936. Les catholiques et le Front populaire. P., 1986.

Л.М.Шмелёва

г.Казань

Институт истории, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛОВ И ПОСОЛЬСКОЕ ПРАВО ПО ДАННЫМ ТРУДА ТИТА ЛИВИЯ «ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА»

Труд Тита Ливия «История Рима от основания города» содержит информацию о различных сторонах жизни и деятельности римлян [6]. Особенно большое внимание Ливий уделяет вопросам общественного и политического развития римского государства, войнам и дипломатии Рима. В этом плане сочинение Ливия является одним из основных источников по истории римской дипломатии, так как он детально рассматривает дипломатические функции органов государственного управления Рима, положение послов, процедуры заключения мира и объявления войны.

При рассмотрении вопроса о положении послов и посольском праве необходимо учитывать то обстоятельство, что римляне отправляли только временные посольства с конкретными целями (объявление войны, заключение мира, организация покоренных провинций, третейское улаживание международных конфликтов и т.д.).

Прежде всего, необходимо отметить статус послов. Личность послов была неприкосновенной, так они стояли под охраной богов и международного права (Liv. XXI. 25. 6—7; XXX. 25). Показателен в этом плане эпизод с римским и карфагенскими послами в конце Второй Пунической войны. Карфагеняне напали на римских послов, а Сципион отпустил карфагенских послов в город, сказав им, «что карфагеняне нарушили не только перемирие, но и право народов, защищающее послов», но он, однако, «не сделает ничего недостойного римских обычаев и собственных его правил» (Liv. XXX. 25.10).

О неприкосновенности послов писали также Цезарь (B.G. III. 9), Тацит (Tac. Hist. III. 80) и др. Римский юрист Помпоний писал, что «если бы кто-либо оскорбил действием неприятельского посла, то таковое деяние признается нарушением международного права (contra jus gentium id commissum esse exstimatur), ибо послы считаются неприкосновенными (quia sancti habentur legati). Потому-то, если бы у нас находились послы от какого-либо народа, которому объявлена война, и было решено, чтоб они оставались свободными, ибо это согласно с международным правом (id enim iuri gentium conveniens esse), и тот, кто оскорбил бы посла, должен быть выдан неприятелю, от которого посол был прислан. Такой ответ давал несколько раз Квинт Муций» (Pompon. D. 7. 18(17)).

Решение вопроса об оскорблении послов и определение наказания принадлежало фециалам. Они же ведали выдачей виновных оскорбленному государству и совершали при этом необходимые религиозные обряды [1, 212]. Ливий описывает акт выдачи самнитам консула Постумия, заключившего невыгодный римлянам мир после поражения в битве при Кавдинском ущелье (Liv. IX. 10). В данном случае речь идет о выдаче римского гражданина противнику, чтобы снять вину с государства в целом (Liv. IX. 9. 3.). В 188 г. до н.э. двое римлян Луций Минуций Миртил и Луций Манлий были выданы фециалами карфагенским послам по приказанию городского претора М.Клавдия, за то что были обвинены в их избиении (Liv. XXXVIII. 42. 7).

Важным аспектом древнеримской дипломатии был вопрос о формировании посольств. Посольства в Риме назывались легациями (*legationes*) (Liv. I 10.1; IV.52.7; XXI.9.3), а послы — легатами (*legati*) (Liv. VII. 38.4; X. 45.4), ораторами (*oratores*) (Liv. I. 15.5; II.13.7; V. 16.1; IX. 43.21; X. 11.11; XXI. 24.3; XXV. 29.1; XXXII.16.14; XXXV. 51.6) и жезлоносцами (*caduceatores*) (Liv. XXVI. 17.5; XXXI.38.9; XXXII. 32.5; XXXVII.45.4; XLIV. 46.1). Право посылать посольства принадлежало в древнейший период царю, а послами становились фециалы (Liv. VII.32.1; VIII. 23.3; X. 12.1-3). В период Республики право назначать послов принадлежало уже народу, сенату и высшим магистратам (консулам, диктатору), а также командующим армией (Liv. VIII. 25.2; XXX. 25. 2) [1, 211; 7,343]. Данная эволюция связана с изменением в конце VI в. до н.э. политического устройства римского государства — здесь была установлена Республика. В этой связи дипломатические функции перешли к народному собранию, сенату и высшим должностным лицам (консулу, военным трибунам с консульской властью, диктатору) [2;3; 4].

Посольство состояло из нескольких лиц [1, 211; 5, 63]. Например, посольство в Дельфы при Тарквинии Гордом (Liv. I. 56. 5—13). Ливий писал, что в доме Тарквиния случилось знамение, и он «решил послать в Дельфы к самому прославленному на свете оракулу». Тарквиний Гордый отправил в Дельфы своих сыновей Тита и Аррунта, в «спутники им был дан Луций Юний Брут, сын царской сестры» (Liv. I. 56.1-3).

В царский период послами чаще всего были фециалы, представители специальной коллегии, набираемой из патрициев и осуществлявшие некоторые дипломатические функции, но могли быть и другие лица, например, родственники царя (Liv. I. 56. 5—7) или (Liv. I. 22.4—5). В республиканский период истории Рима послами как правило были сенаторы (Liv. II. 15.1; III. 25.6; IV. 52.7) [1, 211]. Это связано с тем, что после установления Республики в Риме большая часть компетенций царя сосредоточилась в руках сената. По мнению М.В.Белкина, в области внешней политики «особенно отчетливо проявляется положение сената как правительства римской республики»[2], в ведение сената поэтому попали все вопросы, связанные с подготовительными мероприятиями, относящимися к войне и миру [2]. Утверждение же объявления войны, заключения мира и ратификации договоров принадлежало комициям (Liv. II. 22; IV.7, 59.9; V.36; VI.10, 14; 22).

Вопрос о назначении послов обсуждался в сенате и по этому поводу издавалось специальное постановление (*senatus consultum*) (Cic. Pro Sestio. 14. 33). Ливий не описывает сами совещания в сенате по вопросу назначения послов. Он пишет только о том, что посольства уже были отправлены (Liv. IV. 45. 4) или сенат постановил отправить послов (Liv. II. 39.9; XXX. 26.4). По окончании миссии послы отчитывались перед царем: «Между тем римские послы и первыми потребовали удовлетворения, и отказ получили первыми; они объявили альбанцам войну, которая должна была начаться через 30 дней. О том они и доложили Туллу» (Liv. I. 22.5), а в период республики перед Сенатом.

Цели посольств могли быть самыми различными: объявление войны и заключение мира, подписание различных договоров, организация покоренных провинций, третейское улаживание международных конфликтов и разрешение религиозных споров. Посол при всех условиях обязан был выступать в соответствии с достоинством и пользой римского государства (Liv. XXXIV.57).

При царе Тулле Гостилии было отправлено посольство в Альбу с требованием возмещения убытков. Ливий подчеркивает, что своим послам Тулл Гостилий «наказал идти прямо к цели, не отвлекаясь ничем: он твердо знал, что альбанцы ответят отказом и тогда можно будет с чистой совестью объявить войну» (Liv. I. 22. 4—5).

Царю принадлежало право принимать посольства других общин и государств. Так, Тулл Гостилий принимал послов из Альбы. Ливий пишет, что «альбанцы действовали намного беспечнее [римских послов, отправленных в Альбу — Л.Ш.]; встреченные Туллом гостеприимно и радушно, они весело пировали с царем» (Liv. I. 22. 5.)

В республиканский период право принимать послов перешло к Сенату. Прибывшие в Рим посольства делились на две категории: 1) посольства враждебных государств и 2) посольства дружеских государств.

Посольства враждебного государства в город не допускались. Они останавливались за городской чертой, на Марсовом поле, в особой «общественной вилле» (*villa publica*) (Liv. XXX. 21. 12). Здесь они ожидали приглашения от Сената на аудиенцию. Прием послов проходил в храме Беллоны (богини войны) (Liv. XXX. 21. 12), который находился рядом с «общественной виллой». После приема послы в назначенный срок должны были покинуть пределы римского государства.

Послы дружественных государств поселялись в Риме недалеко от курии. Их приглашали на празднества и представления. Здесь также можно сослаться на пример пира устроенного царем Рима Туллом Гостилием для альбанских послов (Liv. I. 22. 5). Для более позднего периода можно привести пример с посольством царя Пруссия, прибывшего в Рим в 168 г. до н.э. после победы римлян над Македонией. Ему было разрешено совершить жертвоприношения в храмах Рима и Италии, навестить друзей своих и гостеприимцев (Liv. 45.44. 6), также сенат выделил ему животных для жертвоприношения, отдельный дом для проживания в Риме и флот (Liv. 45.44.7, 15, 16).

О цели своего пребывания послы сообщали римским магистратам, которые докладывали об этом в Сенате. «Послам Карфагена и царя Филиппа, которые тоже прибыли и просили, чтобы их допустили к сенату, диктатор по приказу сената ответил, что их представят сенату новые консулы» (Liv. XXX. 40.4). Решение сената

объявлялось послам дружественных держав в курии, а послам враждебных держав о нем сообщали магистраты. В случае сложных и запутанных вопросов назначалась особая комиссия и каждый вопрос решался самостоятельно [5, 64—65]. Так Ливий достаточно подробно описывает рассмотрение вопросов, связанных с прибытием послов от Филиппа из Македонии и заключением мира с Карфагеном (Liv. XXX. 42—43).

Таким образом, в труде Тита Ливия содержится информация о положении послов, составе посольств, их миссиях, правах и обязанностях. Ливий обращал внимание на отдельные особо выдающиеся случаи, происшедшие с посольствами как римскими, так и других общин и государств, прибывших к римлянам (пренебрежение своими функциями послов из Альбы, избивание карфагенских послов в 188 г. до н.э., прибытие больших посольств в Рим, запутанные вопросы взаимоотношений эллинистических стран между собой и с Римом). Все это позволяет использовать сочинение Тита Ливия «История Рима от основания города» как один из основных источников для исследования римской дипломатии VIII — II вв. до н.э.

Литература

1. Александренко В.Н. Международное право Рима // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1995. № 4. С. 206—219.
2. Белкин М.В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI—IV вв. до н.э. Проблемы эволюции // <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk012.htm> В: «Аристей» <http://www.centant.pu.ru/aristeas>. 2001. дата доступа 26.01. 2013.
3. Белкин М.В. Римский сенат в эпоху сословной борьбы VI—IV вв. до н.э. Проблемы эволюции // <http://centant.spbu.ru/aristeas/monogr/belkin/belk013.htm> В: «Аристей» <http://www.centant.pu.ru/aristeas>. 2001. дата доступа 26.01. 2013.
4. Дементьева В.В. Римское республиканское междоусобие как политический институт. М., 1998.
5. История Дипломатии. М., 1959.
6. Ливий Тит. История Рима от основания города: В 3 т. Т. 1—3. Тит Ливий. М., 2002.
7. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Кн. 1 / Т. Моммзен. М., 2001.

Е.А.Шумилин

г.Нижевартовск

Нижевартовский государственный гуманитарный университет

ГЕНРИ УИЛЬЯМ КАРЛЕС ДЕЙВИС И ГЕРМАН ФОН ПЕТЕРСДОРФ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА ГЕНРИХА ФОН ТРЕЙЧКЕ

Личность и деятельность Генриха фон Трейчке, особенно в период его становления, не нашла достаточного освещения в литературе. Для изучения ранних этапов жизни этого политического деятеля требуется анализ зарубежных источников, а также исследований английских и немецких ученых.

Одним из исследователей раннего периода жизни и деятельности Генриха фон Трейчке был английский историк Генри Уильям Карлес Дейвис (1874—1928 гг.). Он окончил колледж Уэймаус, а так же Баллиол-колледж, преподавал в Оксфордском университете, занимался написанием книг. Среди самых известных его работ — «Средневековая Европа» и «Политическая мысль Генриха фон Трейчке» [3]. Перед написанием книги о Генрихе фон Трейчке английский историк ставил перед собой задачу разобраться в немецкой политике того периода, проанализировать события, повлиявшие на Генриха фон Трейчке, его политическую мысль [2, 1].

Генри Уильям Карлес Дейвис, описывая жизнь и деятельность Генриха фон Трейчке, обращается к переписке политика со своими близкими людьми, друзьями, учителями и наставниками.

В свою очередь, немецкий историк Герман фон Петерсдорф, представил результат своего исследования жизни и деятельности Генриха фон Трейчке в виде развернутой статьи во Всеобщей немецкой биографии [1]. Отталкиваясь от работ вышеупомянутых ученых, представляется возможным рассмотреть интересующий нас ранний этап жизни Генриха фон Трейчке.

Генри Уильям Карлес Дейвис большое внимание уделяет семье, детству Генриха фон Трейчке. Генрих фон Трейчке родился в Дрездене 15 сентября 1834 года. Огромное влияние на формирование этого человека, его мировоззрения, взглядов, выбор профессии и жизненную позицию, по мнению автора, оказывала семья. Его отец был офицером саксонской армии, участвовавшим в битве против Наполеона. Дед, по материнской линии, воевал за Джорджа Вашингтона в войне за независимость США [2, 1]. Такие семейные традиции объясняют тот энтузиазм, с которым Генрих фон Трейчке пишет о войне, как о самом благородном занятии для граждан, как о «школе наиглубочайшего и самого настоящего патриотизма» [2, 1].

Генри Уильям Карлес Дейвис говорит о том, что в его жилах течет и славянская кровь, а это, по его мнению, может послужить объяснением его горячему темпераменту, сделавшему из него политического деятеля XIX века [2, 1].

Генри Уильям Карлес Дейвис отмечает интеллигентный характер отца Трейчке. Он читал литературу на нескольких европейских языках, писал в прозе, в стихах, был переполнен старомодной верностью Саксонскому королевскому дому [2, 1].

Отец оказал огромное влияние на сына: он привил ему любовь к литературе, но относительно политических и религиозных вопросов у них было множество разногласий [2, 2].

Генерал был убежденным протестантом, в то время как его сын не интересовался религиозными вопросами; он отдалился от вероучений ещё до того, как закончил свою преподавательскую карьеру.

С матерью у Генриха фон Трейчке, по мнению Генри Уильяма Карлеса Дейвиса, было больше общего, нежели чем с отцом. Она отрицательно относилась к партикуляризму, выражала поддержку политическим высказываниям сына о будущем Германии, о политическом устройстве единой Германии [2, 2].

Не вызывает сомнения тот факт, что помимо семьи, ближайшего окружения на человека огромное влияние оказывает та историческая эпоха, в которой он рос и вырос. С самого раннего возраста будущий историк интересовался политическими вопросами. Его школьные дни прошли в Дрездене. Это был сложный политический период в жизни как Саксонии, так и Германии. В 14 лет он стал свидетелем неудачной революции, сопровождавшейся несколькими жесткими стычками на улицах Дрездена. Один из учителей его гимназии стал лидером революции; а маленький фон Трейчке сочувствовал ему. Директор гимназии делал все возможное, чтобы держать учеников подальше от политических споров, которые, тем не менее, возникали во время занятий.

В Дрездене он изучил классические языки и познакомился с греческой литературой. В последующие годы он был ярким противником современной идеи об образовании как системе накопления разнообразных знаний, превращающих учеников в «ходячие энциклопедии» [2, 3]. Он говорил: «сегодня преобладает мнение, что каждый человек должен держать в голове огромное количество информации, и это называется общим образованием» [5, 182].

Генрих фон Трейчке считал, что образование должно не только прививать привычку думать, но способствовать развитию широкого круга интеллектуальных интересов.

В 16 лет начинается учеба Генриха фон Трейчке в университетах, где проявляется его интерес не к классике, а к политической экономике, политологии и истории. Он пытался найти для себя ответы, в первую очередь, на политические вопросы, он хотел сформировать свою политическую позицию.

Генрих фон Трейчке посещал один университет за другим в поисках профессоров, которые могли бы удовлетворить его потребность в знаниях, или библиотек с необходимой ему литературой. По мнению Генри Уильяма Карлеса Дейвиса, среди известных личностей, оказавших влияние на Генриха фон Трейчке в эти годы особенно стоит выделить Фридриха Далманна и Вильгельма Рошера. Трейчке познакомился с Далманном в Бонне в 1851 году.

Фридрих Далманн — историк, выдающийся политический теоретик, являющийся создателем прусской школы истории; сторонник конституционной монархии, надеявшийся на объединение Германии при либеральной конституции и лидерстве Пруссии [1].

В 1852 году в Лейпцигском университете Трейчке прослушал лекции Вильгельма Рошера, впоследствии изданные под заголовком «Основы национальной экономики» [2, 3].

Автор говорит о том, что Генрих фон Трейчке был впечатлен передовыми мыслями В.Рошера, такими как значимость экономического роста, таможенного союза, национального благосостояния, открывающимися перед каждым человеком возможностями [2, 3].

Немецкий исследователь Герман фон Петерсдорф говорит о серьезном влиянии на Генриха фон Трейчке, помимо Далманна и Рошера, Генриха фон Гагерна, являвшегося видным немецким политическим деятелем того времени, Альфреда фон Гутшмидта, занимавшегося изучением Древней Греции и эллинского Востока, а также немецкого поэта и историка литературы Роберта Прутца и многих других видных деятелей того времени [4].

Идеи этих великих учителей способствовали формированию будущей политической программы Генриха фон Трейчке. Потребовалось несколько лет, прежде чем он нашел для себя модель обучения, которая отвечала его способностям и интересам. Он интересовался теорией эстетики, журналистикой, поэзией. Однако его политические взгляды формировались и развивались гораздо быстрее и решительнее, чем он сам замечал.

Генрих фон Трейчке очень серьезно увлекался поэзией. Первый выпуск стихов «Стихи о Родине» 1856 (*Vaterlaendische Gedichte*), был пронизан его недовольством отставанием Германии. Он стремился в стихах выразить боль за Германию, остававшуюся, по его мнению, в рамках «средневековых зол» [2, 4]. Его поэзия была вдохновлена политическими убеждениями и широким, но не систематизированным курсом чтения исторической литературы. Однако Генрих фон Трейчке решил отказаться от карьеры писателя в пользу карьеры академической. Он обнаружил свое призвание в чтении лекций. Он легко выражал свои взгляды, имел энергичную и вдохновляющую манеру выступлений.

Генри Уильям Карлес Дейвис говорит о том, что Трейчке рано осознал новизну своих политических взглядов о будущем Германии. Он окончательно принял решение о том, что будет заниматься изучением политологии.

Безусловно, данный этап в жизни Генриха фон Трейчке был отправной точкой для развития его как историка, так и политического деятеля. Именно в детском и юношеском возрасте начинают формироваться и складываться жизненные принципы. Благодаря отцу, Трейчке с детства знакомился с политическими темами. Он испытывал огромную тягу к знаниям, посещал один университет за другим, читал литературу на нескольких языках, встречал множество великих людей, впоследствии повлиявших на его будущую профессиональную жизнь.

Литература

1. Allgemeine Deutsche Biographie URL: <http://www.deutsche-biographie.de/index.html>
2. Davis, H.W. Carless, The political thought of Heinrich von Treitschke. London, 1914
3. Henry William Carless Davis. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_William_Carless_Davis
4. Heinrich von Treitschke. URL: [http://de.wikisource.org/wiki/ADB:Treitschke, Heinrich von](http://de.wikisource.org/wiki/ADB:Treitschke,_Heinrich_von)
5. Heinrich von Treitschke, Politik: Vorlesungen gehalten an der Universität zu Berlin, 1. Band, 2. Auflage. Leipzig: Hirzel, 1899.

Л.А.Якубова

г.Нижневартовск

Нижневартовский государственный гуманитарный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии отсутствует писаная конституция; в этой связи основным актом, регулирующим образовательные отношения, является закон. Все законы (акты обеих палат Парламента, прошедшие определенную процедуру принятия, подписания монархом и обнародования) обладают равной юридической силой. В Шотландии действует собственный национальный Парламент, полномочия которого в сфере правового регулирования образования достаточно широки.

В Великобритании правовое регулирование образования на законодательном уровне представлено сотнями разрозненных законов и актов делегированного законодательства, часть из которых устарела или была отменена.

Условно законы об образовании Великобритании можно разделить на профилирующие и иные. К профилирующим законам, т.е. законам, предметом правового регулирования которых являются преимущественно отношения в сфере образования, относятся следующие.

Закон об образовании 1996 г. (Education Act 1996) — базовый нормативный правовой акт в сфере образования.

Закон об образовании 1996 г. впоследствии несколько раз изменялся. Самостоятельный Закон об образовании в Шотландии появился в 2000 г. (Education and Training (Scotland) Act 2000). С 1999 г. молодой Парламент Шотландии принял еще несколько законов об образовании, в частности: в 2001 г. — Закон «О поддержке студентов (Education (Graduate Endowment and Student Support) (Scotland) Act 2001)»; в 2002 г. — законы: «О стратегии охраны лиц с ограниченными возможностями и образовательных записях», «Об изменении школьного законодательства», «Об органах управления квалификациями»; в 2003 г. — Закон «О школьных завтраках»; в 2004 г. — законы: «О дополнительной поддержке образования», «О школьном образовании (министерских полномочиях и независимых школах)»; в 2005 г. — законы: «О дальнейшем и высшем образовании», «О гаэльском языке»; в 2006 г. — Закон «О шотландских школах».

Не меньшее значение для среднего образования Англии и Уэльса имеет Закон 1998 г. «О школьных стандартах и их структуре» (School Standards and Framework Act 1998). Согласно этому Закону министр образования Англии вправе устанавливать предельное наполнение классов в управляемых образовательных учреждениях.

Вопросы высшего и послевузовского образования регулируются Законами 1992 г. — «О последующем и высшем образовании» (Further and Higher Education Act 1992); 1998 г. — «О преподавании и высшем образовании» (Teaching and Higher Education 1998); 2004 г. — «О высшем образовании» (Higher Education Act 2004).

К иным, не профилирующим Законам Англии и Уэльса можно отнести Законы: 1998 г. — «О правах человека» (Human Rights Act 1998); 1975 г. — «О половой дискриминации» (Sex Discrimination Act 1975); 1995 г. — «О дискриминации ограниченно дееспособных» (Disability Discrimination Act 1995); 1995 г. — «О специальных образовательных нуждах и недееспособности» (Special Educational Needs and Disability Act 1995).

Ежегодно примерно шестая часть всех законов Англии так или иначе затрагивает сферу образования. Например, Закон об инспектировании и образовании (Education and Inspections Act 2006). Предметом его правового регулирования стало наложение на местные органы управления образованием дополнительных обязанностей: выявлению на своей территории постоянно проживающих лиц обязательного школьного возраста, не зарегистрированных ни в одной школе муниципального образования; улучшению организации материально-технического обеспечения школ; организации внеклассных и внешкольных мероприятий. Был дополнен перечень органов, которые могут инициировать создание новых школ. В Законе преимущественно речь идет о государственных школах. Внесены изменения в государственный учебный план, ужесточены дисциплина и надзор за ее соблюдением, внесены изменения в порядок установления политики дисциплины администрациями школ.

Закон внес дополнения в порядок исключения из школ и приема в общеобразовательные учебные заведения. Учреждено новое юридическое лицо — «Управление по образовательным стандартам, обслуживанию ребенка и навыкам» (Office for Standards in Education, Children's Services and Skills). Увеличен объем полномочий главного инспектора Департамента образования и навыков.

В связи с принятием этого Закона десятки поправок внесены в Закон об образовании 1996 г.

Закон об охране детства (Childcare Act 2006). Он принят в целях повышения вовлеченности родителей в процесс воспитания и образования ребенка с раннего возраста. Введен дополнительный механизм сторонних проверок организации дошкольного образования на местах. Предусмотрены дополнительные обязанности местных образовательных органов по организации дошкольного обучения детей работающих родителей и предоставление родителям детальной информации о развитии ребенка в дошкольном учреждении.

Закон о равенстве (Equality Act 2006). Статья 49 Закона ввела запрет местным органам управления образованием и администрациям независимых и спецшкол на создание таких условий поступления в школу, при которых имела бы место дискриминация по признаку вероисповедания, как она понимается в терминах ст. 45 данного Закона.

Закон об утверждении ассигнований на поддержку образовательных потребностей граждан и лимитов на субсидии (Appropriation Act 2006). Он регулирует ассигнования и вводит лимиты применительно к программам Департамента образования и навыков по поддержке слабо защищенных семей, имеющих детей школьного возраста, и некоторых других категорий граждан.

Закон о комиссаре по пожилым людям (Уэльс) (Commissioner for Older People (Wales) Act 2006). Статья 9 Закона уполномочивает Комиссара поддерживать научные исследования и другие мероприятия в сфере образования, проводимые пожилыми людьми.

Закон о государственных лотереях (National Lottery Act 2006). Статья 7 Закона обязывает отчислять 50% доходов на одну из четырех возможных заявленных целей проведения лотереи, в частности, «относящуюся к образованию».

Данный закон важен применительно к дополнительным источникам финансирования образования в Великобритании.

Закон о снижении тяжких преступлений (Violent Crime Reduction Act 2006). Этот правовой акт внес поправки в Закон об образовании 1996 г., в частности школьные работники (учителя, завучи и др.) были наделены правом обыскивать учеников на территории школы при наличии обоснованных подозрений в наличии у учащегося холодного и иного оружия. Аналогичное право установлено для сотрудников вузов.

Закон о правительстве Уэльса (Government of Wales Act 2006). Этот закон уполномочил Комиссию Ассамблеи Уэльса выделять гранты лицам, которые предоставляют обучение по образовательным программам, нацеленным на информирование жителей о структуре выборной системы членов Ассамблеи.

Закон о благотворительности (Charities Act 2006). Статья 2 Закона называет улучшение образования в качестве одной из благотворительных целей. Также имеет большое значение в свете проблемы поиска альтернативных государственным и муниципальным бюджетам и внебюджетным фондам источников финансирования системы общего образования.

Закон о естественной природной среде и сообществах сельских жителей (Natural Environment and Rural Communities Act 2006). Он предоставил право местным органам в целях улучшения маркетинговой политики, улучшения производительности и экологичности агропредприятий учреждать специальные советы, которые, в свою очередь, уполномочены в числе прочего повышать профессиональную квалификацию отдельных работников агрокомплекса.

Таким образом, анализ законодательных актов, принятых британским Парламентом, свидетельствует о том, что сфера образования регулируется целым комплексом профилирующих законов, наряду с иными и тесно связана с другими важнейшими национальными вопросами — с обеспечением безопасности, экономикой, управлением, экологией.

ШАРЛЬ-ЛУИ МОНТЕСКЬЕ И ЕГО ВЗЛЯДЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Шарль-Луи Монтескье де Секонда, позднее барон де ла Брэд, родился в семье дворянина, принадлежавшего к одному из старинных родов «дворянства мантии», в 1689 году и умер в 1755 году, за тридцать с лишним лет до революции. Что собой представляла его семья? Французское дворянство имело несколько делений по знатности и способу получения дворянства. В основном известна классическая «триада»: «дворянство расы» (*noblesse de la race*) — лица, чьи предки настолько давно стали дворянами, что невозможно проследить историю их рода до приобретения ими дворянского звания [6, 36] (хотя часто существовало другое деление: «дворянство расы» и уроченное дворянство, то есть дворяне во втором поколении), «дворянство шпаги» и «дворянство мантии». К этим последним категориям примыкали откупщики, которые имели шанс пополнить ряды аноблированных, то есть причисленных к дворянству путем покупки грамот, земель или личного королевского указа. «Дворянство шпаги» являлось одним из самых распространенных примеров дворянского сословия, его численность была значительно больше остальных групп дворян, исключая уроченных и аноблированных. Так, из них состоял центральный королевский аппарат и генералитет, заполненный более чем наполовину именно этим видом «благородного сословия» [6, 60—61]. «Дворянство мантии», к которому принадлежал отец Монтескье и он сам, находилось на более скромных позициях: потомки бывших судебных чинов и членов парламентов, связанных административными узами с королевской властью, они не имели такого широкого социального влияния, как прочие группы. Изначально эта группа была искусственно создана королем для поддержания абсолютизма путем поощрения выходцев из буржуазии против непокорной фрондирующей знати. Однако, с течением времени, одни дворянские роды «мантии» заменялись другими, как в силу их личных способностей к службе, так и в силу милости короля. У вершины административной пирамиды задержались лишь немногие роды: семья канцлера Пьера Сегье — герцоги де Вильморы и герцоги де Ла Врийер — бывшие Фелипо [6, 38]. Другим менее повезло — так, бывшего канцлера Фуке казнил Людовик XIV за чрезмерное взяточничество и попытки ограничить власть молодого короля.

Семья самого Монтескье была далека от придворной жизни: Шарль-Луи родился в фамильном замке, где безвыездно проживала его небогатая семья, занимавшаяся сельским хозяйством. Сам Шарль-Луи закончил духовное училище — ораторианский коллеж, а потом изучал право. Ничего необыкновенного в таком образовании не было: иезуитские коллежи считались необходимыми и полезными для молодого дворянина, давая как необходимое общее гуманитарное образование, так и знание древних языков. До смерти своего дяди, бывшим президентом парламента Бордо, Шарль-Луи де ла Брэд еще не носил той фамилии, которая его позднее прославит — он принял и фамилию бездетного родственника, и его должность по наследству, что давало неплохой постоянный доход. Должности и чины тогда являлись наследственными, даже духовные, несмотря на то, что католическое духовенство соблюдало celibat — их можно было передать племяннику при условии соблюдения им своих обязанностей, продать или даже заложить. Так, например, произошло назначение Армана Жана дю Плесси, будущего герцога Ришелье, на должность епископа Люсонского [2, 51—53].

Монтескье с ранних лет проявлял склонность к научной работе, которая не мешала его судебским обязанностям, и был вскоре избран членом Бордоской академии. В это время он работает над несколькими статьями в виде эссе на различные темы (в их числе — «Политика римлян в религиозных делах» и «О системе идей»), а также над своим первым художественным произведением — «Персидские письма». Кроме своих литературных и научных занятий, вся его жизнь с тех пор проходила в хлопотах по изданию произведений и их защите в суде от обвинений в «*lese-majeste*» («оскорблении величества»), довольно распространенных в годы позднего абсолютизма. Не избежала критики и первая крупная проба пера неизвестного автора. Как было принято в XVIII веке, роман в письмах был жанром, призванным ввести в обман читателей — автор скрывался под маской издателя писем, якобы достоверных. Но здесь был особый случай — предлагалось проникнуть не просто в мысли своего современника, а в мысли человека иной культуры и образа мыслей: «Персияне, которыми написаны эти письма, жили в одном со мной доме; мы вместе проводили время. Они считали меня человеком другого мира и ничего от меня не скрывали... Они сообщали мне большую часть своих писем; я их списывал. Мне попалось даже несколько таких, с которыми персияне остереглись бы познакомить меня: до такой степени эти письма убийственны для персидского тщеславия и ревности. Я исполняю, следовательно, только обязанности переводчика...» [5, 13] Тем не менее, это не просто литературное произведение, претендующее на оригинальность — сам сюжет составляет лишь малую часть романа, а сосредотачивается в основном на размышлениях персов — Узбека, Рика и других. Однако автор имеет весьма специфическое понятие о нравах восточных народов: начать хотя бы с арабских названий месяцев года, которые он временами путает, до взглядов героев своей истории. Узбек, при рассмотрении, кажется великодушным и

образованным человеком, который удивляется запретам ислама («Отчего наш законодатель лишает нас свиного мяса и всех видов говядины, называя их нечистыми»? [5, 38]), призывает к установлению мира между евреями и мусульманами [5, 101] и проливает слезы над историей двух зороастрийцев — брата и сестры, которые собираются вступить в брак [5, 111—119]. В то время как его друг Рика замечает смешные и странные черты парижского великосветского общества, Узбек является своего рода глашатаем авторской позиции — так, он размышляет о вреде смертной казни применительно к человеческим нравам [5, 135—136], негодует над рабским состоянием солдат персидской армии [5, 147] и удивляется «малонаселенности» мира по сравнению с прежними временами [5, 180—182]. Подобные взгляды, как можно заметить, вряд ли соответствуют истинному положению персидского вельможи, который думает и ведет себя в атеистической и демократической манере тогда, когда дело не касается его собственного гарема. Он бдительно контролирует своих жен и часто пополняет их количество, поощряя доношительство и шантаж.

Несмотря на то, что Монтескье не был знаком с восточной культурой в должной мере, чтобы составить правдивый портрет персидского придворного, меткие замечания Узбека и Рика по поводу французских нравов с присовокуплением собственных мыслей автора породили широкую волну романов на экзотические восточные темы, столь же далекие от истины, как и первоисточник. Однако здесь необходимо сказать об образе самого автора, который представлялся его ближайшим современникам, и о характере его идей. Вот что писал о Монтескье министр Людовика XVI Мальзерб: «Президент Монтескье был человеком знатного происхождения, известным в качестве такового в своей провинции, но очень мало при Дворе и в Париже, где должность председателя парламента неблагоприятным образом свидетельствует о происхождении... Поскольку президент Монтескье был преисполнен этим чувством, он не упускал случая защищать дело дворянства в качестве заинтересованного человека: это было не столь грубо, чтоб быть замеченным непосвященными, но если читать его книги с этим ключом, то обо всем легко догадаться» [6, 93]. В то время в экономике уже начало укрепляться движение за возврат дворян к прежним, архаичным методам ведения сельского хозяйства, названным позже «дворянской реакцией», что нашло отражение в теории «дворянского расизма».

Это направление зародилось как ответная реакция старого дворянства на получившие распространение концепции просветителей, таких, как Вольтер и отчасти Фенелон, и собственного положения в стране, когда богатство и близость ко двору тали заменять доблесть и древность рода. Одним из таких защитников был граф де Буленвилье, считавший дворян прямыми потомками франков, которые предпочли не смешиваться с покоренными ими галлами и создали собственный государственный строй [7, 61]. Таким образом, проблема соотношения сословий в государстве приобрела характер национальной; при этом идеологи дворянства не считались с тем важным обстоятельством, что во Франции существовало множество субэтнотосов, таких, как бретонцы, провансальцы, баски, эльзасцы и другие, которые имели собственную культуру и антропологический тип, а также собственное дворянство и крестьянство. Таким образом, подобная теория была лишена какого-либо научного смысла. Большинство из подобных мыслителей было сторонниками представительного органа наподобие Генеральных штатов и даже заводило собственные печатные издания для пропаганды своих взглядов, где прямо указывалось: «Истинные дворяне — это Дворяне расы, Дворяне по крови, по происхождению» («Всеобщий словарь» Фюретьера, 1690) [7, 65].

В 1728—1731 годах Монтескье совершил путешествие по Европе, посетив Италию, Голландию, Германию и Англию, что позволило ему начать работу над своим вторым большим произведением — «Размышления о причинах величия и упадка римлян». Несмотря на то, что эта книга должна была бы считаться исторической, автор постоянно упоминает в ней современную ему действительность. Нельзя назвать «Рассуждения...» строго республиканским трудом, поскольку Монтескье считал, что каждая форма правления зависит не от справедливого общественного устройства, а исключительно от честолюбивых личностей, которые управляют народом: «Рим, изгнав царей, установил должность ежегодных консулов; это возвело его на вершину могущества. В жизни каждого государя бывает период честолюбия; но за ним следуют периоды господства других страстей и даже лености. Но консулы республики, сменявшиеся каждый год и стремившиеся прославить свое правление, чтобы вновь получить свою должность, не теряли ни одного мгновения для проявления своего честолюбия: они побуждали сенат предлагать народу объявлять войну и каждый день указывали ему новых врагов» [5, 263—264]. Таким образом, он признавал двигателем государственного прогресса на первоначальных этапах становления государства личные амбиции и внешнюю экспансию. Кроме того, Монтескье считал справедливым использование солдат командующими как бесплатную рабочую силу (порядок этот был особенно распространен в Российской империи) [5, 268]. Как и многие писавшие до него деятели Возрождения и Просвещения, Монтескье особенно восхищался выносливостью римского солдата, широким распространением патриотизма среди всех классов населения и материальным равенством жителей республики. Принципы, которыми руководствовался мыслитель в этом сочинении, не являются либеральными или консервативными: так, он признает преобладающее значение военной организации перед гражданской: «Государства, основанные благодаря торговле, могут существовать долго, если ведут себя скромно; но они существуют недолго, если становятся великими» [5, 277]. Монтескье нельзя считать апологетом создания государства современного типа, поскольку его главным комплиментом Риму являлось именно использование им своей военной силы и дипломатии для своекорыстных целей [5, 290]. Это знаменательное произведение можно было считать всего лишь логическим упражнением, подобно двум сочинениям

Макиавелли, высказывающим противоположные взгляды, если бы не убежденность автора в практическом применении его труда. Однако, если быть точным, подобное устройство и так довольно широко применялось во Франции старого режима: «Те, кто повинуются царю, меньше терзаются завистью и ревностью, чем те, кто живет при режиме наследственной аристократии» [5, 301].

Монтескье часто сравнивают с предшествовавшими ему английскими просветителями вроде Гоббса и Локка, а также Гиббона, но никто из французских философов не испытал столь сильного влияния Макиавелли, как он. Например, он до сих пор считается одним из предшественников французских конституционалистов: «Его представления о политической свободе и разделении властей получили непосредственное отражение в конституционных актах первых лет революции... Внимание Монтескье к содержанию законов социально обусловлено. Французская буржуазия первой половины XVIII в., политические воззрения которой нашли отражение в трудах Монтескье, мечтала не просто об установлении законности, а о законодательном проведении существенных социальных и политических реформ, об освобождении от ряда наиболее нетерпимых феодальных пут, стесняющих ее свободное развитие» [1, 179—180]. Однако, при внимательном чтении «Рассуждений...» можно заметить, что автор отнюдь не разделял идеи буржуазного парламентаризма. В позднем его произведении, «О духе законов», где прямо написано о разделении властей и двухпалатном парламенте, однако это была, возможно, лишь уступка, призванная сохранить господство аристократии, которая должна была составлять верхнюю палату и представлять исполнительную ветвь власти, однако советская историография была не согласна с таким определением [1, 182—184].

Без сравнения Монтескье с Макиавелли не будет понятно значение трудов первого, равно как и способ его рассуждения. В частности, знаменитый секретарь Флорентийской республики написал два противоположных по духу произведения: «Государь», где прославляется Чезаре Борджа [3, 309—312] и провозглашается, что «не стоит волноваться о дурной славе пороков, не впадая в которые трудно спасти государство» [3, 332], и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», главная мысль которых — «чтобы сохранить добрые нравы, необходимы законы, а для соблюдения законов нужны добрые нравы» [4, 57]. При этом популярность «Государя» сделала Макиавелли «монархистом» в глазах историков, а успех «Духа законов» заставил забыть о том, что Монтескье не являлся буржуазным либералом. Подобная слава была одной из причин, послуживших для оправдания своих действий различными политическими группами периода Французской революции, нуждавшимися в философском обосновании своей идеологии.

Теперь стоит обратиться непосредственно к тексту «О духе законов», дабы понять степень заимствования и принятия взглядов предшественников на этот капитальный политический трактат. Так как мануфактура не освобождала рабочих и укрепляла их сознание, в противовес мнению марксистов, так и обоснованием для разделения властей у Монтескье являлись географические и климатические условия, которые порождали его взгляд на отсталость азиатских стран: «Власть в Азии всегда являлась деспотической, но если порабощение там не доходило до крайней степени, это происходило оттого, что население этих стран не могло больше выдерживать угнетение. В Европе же, врожденное разделение земель формировало множество государств средней величины, в которых законное правительство находилось в тесных взаимоотношениях с состоянием государства, иначе, если условия этому благоприятствовали, государство клонилось к упадку и поглощалось другими. Всё это сформировало дух свободы, который заставлял каждый общественный слой трудным для подчинения и поглощения какой-либо иностранной силой, только если тому не препятствовали законы выгоды торговли. В противоположность этому, в Азии царит дух рабства, который никогда не исчезнет, и во всей истории этих земель нельзя встретить ни одного проявления свободного духа — даже героизм здесь является лишь героизмом рабов» [8, 11]. Народами, заложившими основу современной Монтескье западноевропейской свободы, являются вовсе не республиканские римляне и греки, а готы. Завоевав Римскую империю, они «насадили повсюду монархию и свободу» [8, 9]. Азия, по его мысли, заселена людьми «киснеженными, женоподобными и нерешительными» [8, 5], и подобное состояние вещей не может быть уничтожено путем реформирования, оно неизменно [8, 6]. Следственно, принципы законодательства, которые Монтескье почел за благо разъяснить в своем труде, относятся исключительно к западноевропейцам.

Главной заботой автора является процветание данных государств и сохранение ими «духа свободы», которое возможно путем сочетания разумного законодательства с климатическим и географическим фоном. Монтескье восхищается духом горцев, сохраняющими суровую добродетель и свободу из-за малого плодородия почв и невозможности нападения извне, открытая и широкая местность служит удобному ее завоеванию. Однако, уже в XVIII веке, плодородие почв значительно повысилось, что не могло не заставить автора восхищаться устройством Пруссии, которая путем увеличения военной мощи значительно увеличила степень своей свободы. И вообще, «законы служат для того, чтобы создать условия для создания такого порядка вещей, когда различные люди разделяются по иерархии» (*les lois ont un tres grand rapport avec la facon dont les divers peuple se procurent la subsistence*) [8, 21]. Как видно из заглавия главы X «О величине населения по отношению к тому, как они подчиняются иерархии» [8, 22], можно заключить, что идея Монтескье состояла не столько в установлении отдельной свободы индивида, сколько в установлении и обосновании границ его свободы, с тем, чтобы никто не смог сомневаться в благотворном влиянии этих границ, которые имеют давнюю историю — таких, например, как салическое право. Естественно, что в этом исконно германском обычае

автор усматривает один из коренных принципов западноевропейской цивилизации: «Салическое право исходило вовсе не из того естественного предпочтения одного пола другому, оно имело в виду только продолжение рода, его фамильного имени и недопустимости перехода земли в другие руки... Это был по преимуществу экономический закон» [8, 36].

Тем не менее, те общественные деятели, которые заимствовали данную концепцию, не являлись дворянами. «Декларация прав человека и гражданина», провозглашенная 26 августа 1789 года, была создана «старой» буржуазией в лице депутата от третьего сословия Мунье и других и содержала параграфы, призванные подчеркнуть роль религии и короля, в то время как часть оппозиционного дворянства считала, что люди созданы равными по природе [1, 198—199]. Дворяне — в основном незначительные и деклассированные — составляли наиболее радикальный элемент Национального собрания в лице Мирабо, братьев де Ламет и Сийеса. Крупная буржуазия давно и фактически завоевала власть, осталось только обезопасить ее согласно букве закона. И этой буквой закона стали сочинения Монтескье, содержавшие немалый запас сентенций идеологии «дворянского расизма», к которой крупная буржуазия не должна была бы иметь никакого отношения.

Литература

1. История буржуазного конституционализма. XVII—XVIII вв. М., 1983.
2. Леви Э. Кардинал Ришелье и становление Франции. М., 2007.
3. Макиавелли Н. Государь. М., 2007.
4. Макиавелли, Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Макиавелли, Н. Государь. М., 2007.
5. Монтескье Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян. М., 2002.
6. Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.
7. Пименова Л.А. Просвещение и «дворянский расизм» (особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века) / Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология. М., 1988.
8. Montesquieu De l'esprit des lois, par Montesquieu, precede de l'analyse de cet ouvrage par d'Alembert. Tome deuxieme. P., M DCC XXXIV/ libgen.info/view.php?id=359967

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВА ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

<i>Башмакова Е.В.</i> ПРОБЛЕМЫ УЛИЧНОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА В АНГЛИЙСКИХ ГОРОДАХ ЭПОХИ ТЮДОРОВ.....	3
<i>Беликов А.П.</i> ПОПЫТКИ ПОСТРОЕНИЯ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ, СССР И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	5
<i>Бельцер А.А.</i> АНГЛИЙСКИЙ СЕВЕР В ПИСЬМАХ РАЛЬФА СЭДЛИ.....	6
<i>Беспалова Л.Н.</i> НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ О МЕТОДАХ УПРАВЛЕНИЯ ОТТО ФОН БИСМАРКА.....	8
<i>Бородина С.Н.</i> СТАТУС ЖЕНЩИН В ДРЕВНЕМ РИМЕ I в. н.э.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ.....	12
<i>Василенко Л.В.</i> СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ МОРСКИХ ВООРУЖЕНИЙ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ».....	14
<i>Василенко Л.В., Латыпов Э.С.</i> БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ В АКВАТОРИИ ТИХОГО ОКЕАНА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ИХ ИТОГИ.....	16
<i>Ващук Л.В.</i> ВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИСКА I ВАЛУА: ОПЫТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФРАНЦИИ И ПОРТЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА.....	18
<i>Величко Е.О., Дронова Н.В.</i> ДИСКУССИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ ВИЗИТА ПРИНЦА УЭЛЬСКОГО В ИНДИЮ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ (1875 г.).....	21
<i>Волошин Д.А.</i> МОГЛО ЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АСБЕСТА СТАТЬ ПРИЧИНОЙ ДЕПОПУЛЯЦИИ И УПАДКА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ?.....	23
<i>Герасименко О.А.</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ АФГАНИСТАНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х — СЕРЕДИНЕ 60-х гг. XIX в.....	26
<i>Гибаленко А.В.</i> ФУНКЦИИ ГАЛЛЬСКИХ СОБОРОВ.....	28
<i>Глеб М.В.</i> КОНЦЕПЦИЯ ЛИБЕРАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XIX в.....	30
<i>Горбунова С.В.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ РУССКОГО ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДИ КАЗАХОВ: ШКОЛА ПРИ ОРЕНБУРГСКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ.....	31
<i>Горбунова С.В., Нафикова П.М.</i> СУЛТАНЫ-ПРАВИТЕЛИ МЛАДШЕГО КАЗАХСКОГО ЖУЗА В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XIX — НАЧАЛА XX вв.....	
<i>Горбунова С.В., Рустамова Р.И.</i> «УСТАВ О СИБИРСКИХ КИРГИЗАХ» 1822 г. И НАЧАЛО ИНТЕГРАЦИИ КАЗАХОВ В ОБЩЕИМПЕРСКОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ.....	35
<i>Гордиенко Д.О.</i> «ВО ГЛАВЕ ПОЛКА, КАК ПРОСТОЙ ПОЛКОВНИК...»: СЕМЕЙСТВО БЕРТИ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В XVII в.....	36
<i>Гришакова Л.В., Мячина Н.М.</i> НРАВЫ АНГЛИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ И ИХ ОЦЕНКА РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ.....	39

<i>Гусева М.А.</i> ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ ГОРОДА КЕМБРИДЖ В XIII ВЕКЕ	44
<i>Девятайкина Н.И.</i> «ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ» ГУМАНИСТА ПЕТРАРКИ (НАУЧНЫЙ ЭТЮД ПО МАТЕРИАЛАМ ОДНОГО ТРАКТАТА).....	45
<i>Демичев К.А.</i> ПОЗЕМЕЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ В ПАНДЖАБЕ В ПЕРИОД ПРОТЕКТОРАТА АНГЛИЙСКОЙ ОСТ-ИНДСКОЙ КОМПАНИИ.....	48
<i>Демичева И.Ю.</i> К ПРОБЛЕМЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ И ПТИЦ В ТЕРРАКОТОВЫХ СТАТУЭТКАХ МАЙЯ I ТЫС. Н.Э.....	50
<i>Добровольский Е.С.</i> КАТОЛИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЦЕНТР КАК ПРЕДШЕСТВЕННИК ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА В ГЕРМАНИИ.....	52
<i>Дудниченко Г.В.</i> РЕФОРМЫ БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ 70-х гг. XIX ВЕКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ.....	54
<i>Евсеев В.А.</i> К ВОПРОСУ О РЕГУЛИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ В КОЛОНИИ МАССАЧУСЕТС В 30-е гг. XVII ВЕКА (ИЗГНАНИЕ «ЕРЕТИКОВ»).....	56
<i>Егоров А.А.</i> «ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ»? КОНСТИТУАНТЫ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ НОВОЙ КНИГИ С.Ф.БЛУМЕНАУ	58
<i>Еремин С.В.</i> ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОГО РЕЖИМА В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПРЕССЫ (1933—1939 гг.).....	62
<i>Жолудов М.В.</i> БРИТАНСКИЕ ЛИБЕРАЛЫ И ИЮЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА ВО ФРАНЦИИ.....	65
<i>Золотарева Я.И.</i> РОЛЬ ПОПРАВКИ Г.ДЖЕКSONА — Ч.ВЭНИКА В АМЕРИКАНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЯХ II ПОЛ. 70-х гг. XX ВЕКА.....	68
<i>Ковалева О.А.</i> ЛИГА НАЦИЙ И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	70
<i>Котляров П.Н.</i> ГУМАНИСТ-ТЕОЛОГ В ПОЛИТИКЕ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ФИЛИППА МЕЛАНХТОНА О ПРАВЕ НА ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ	72
<i>Котлярова Е.Н.</i> СУЕВЕРИЯ О СМЕРТИ: ПРИЗРАКИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ	76
<i>Кутарев О.Ю.</i> О ПОЖАРЕ В РЕЙХСТАГЕ И ДОКТОРЕ ГЕББЕЛЬСЕ.....	78
<i>Лазновская Г.Ю.</i> РУССКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ВОСПИТАНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.....	82
<i>Малкин С.Г.</i> АГЕНТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРНОЙ ШОТЛАНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.: ЛЭРД КАЛЛОДЕН КАК АГЕНТ И ЭТНОГРАФ.....	84
<i>Мартынов Д.Е.</i> СОЦИАЛЬНО-УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ЛЮ ШИ-ПЭЯ	86
<i>Милявский Ю.В.</i> ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ВЕДОВСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОВОЙ АНГЛИИ В XVII ВЕКЕ.....	88
<i>Минаев А.И.</i> БРИТАНСКАЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИНОСТРАННЫХ ОБОЗРЕНИЯХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» НАЧАЛА XX ВЕКА.....	90

<i>Мостяев Ю.Н.</i> ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ НАКАНУНЕ ЯПОНСКОГО НАПАДЕНИЯ НА АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВЛАДЕНИЯ В ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА.....	93
<i>Науменкова Е.О.</i> ПРИЕМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЭЛЕКТОРАТ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В ПАРЛАМЕНТ В 1886 ГОДУ	97
<i>Николаи Ф.В.</i> «ВЬЕТНАМСКИЙ СИНДРОМ»: ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В США	99
<i>Паламарчук А.А.</i> ЦИВИЛЬНОЕ И ОБЩЕЕ ПРАВО В БРИТАНСКИХ КОМПОЗИТАХ В ПРАВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ СТУАРТОВ: ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ.....	101
<i>Петров Р.В.</i> НАРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ В 60—80-е ГОДЫ XIX ВЕКА.....	105
<i>Побережник А.А.</i> МИСТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИИ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ А.Н.МУРАВЬЕВА НА ПРИМЕРЕ ЕГО КИЕВСКИХ ИНИЦИАТИВ	108
<i>Покудов О.А.</i> АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ 1870-х ГОДОВ.....	110
<i>Польская С.А.</i> LES ARMOIRES СОКРОВИЩНИЦЫ АББАТСТВА СЕНДЕНИ В ОПИСИ 1666 г.....	112
<i>Романова М.И.</i> ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ АНГЛИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА НА ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ КАРЛА ФОН РОТТЕКА.....	116
<i>Савельева А.В.</i> ДИСКУССИИ О ПРИЧИНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	119
<i>Сальникова С.А.</i> К ВОПРОСУ О РОЛИ УЧИТЕЛЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ.....	121
<i>Сидякина А.Б.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ ИЗБРАНИЯ МОРИЦА САКСОНСКОГО НА КУРЛЯНДСКИЙ ТРОН.....	123
<i>Соколова Т.В.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЦЕРКОВНЫХ СТАРОСТ ЛОНДОНСКИХ ПРИХОДОВ XVII ВЕКА.....	125
<i>Соусова Ю.И.</i> РЕОРГАНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ ПРИ ТЮДОРАХ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК).....	127
<i>Станков К.Н.</i> ДИСПУТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ: ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ И ПОСТУЛАТЫ БОРЬБЫ ЯКОБИТОВ В КОНВОКАЦИИ В ПЕРИОД СЛАВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АНГЛИИ.....	129
<i>Степанова В.В.</i> АЛЬТЕРНАТИВЫ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА И МЕХАНИЗМ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ	132
<i>Степанова В.В. Исаева С.Г.</i> ДИНАСТИЯ ВИНЗДОРОВ В ИСТОРИИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1901—1952 гг.....	136
<i>Стрелец М.В.</i> НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ МАКС БОРН В ИНТЕРЬЕРЕ РЕАЛИЙ XX ВЕКА	139
<i>Торопчин Г.В.</i> АНТИЯДЕРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В АВСТРАЛИИ И ФРГ В 1991—2011 гг.....	143
<i>Федорович М.Ю.</i> КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВЗГЛЯДЫ ИМПЕРАТОРА МАКСИМИЛИАНА II И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВНУТРЕНнюю ПОЛИТИКУ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.....	145

<i>Чернова Л.Н.</i> СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЛОНДОНА КОНЦА XVI ВЕКА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО.....	147
<i>Чугунова Т.Г.</i> «ПОСЛУШАНИЕ ХРИСТИАНИНА» УТИНДЕЛА И ФОРМИРОВАНИЕ АБСОЛЮТИСТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В АНГЛИИ XVI В.	149
<i>Шевченко О.К.</i> КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1945 ГОДА В ИСТОРИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ УКРАИНЫ И РФ	150
<i>Шмелёв Д.В.</i> КНИТУ-КАИ ФРАНЦУЗСКИЕ КАТОЛИКИ И НАРОДНЫЙ ФРОНТ	152
<i>Шмелёва Л.М.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛОВ И ПОСОЛЬСКОЕ ПРАВО ПО ДАННЫМ ТРУДА ТИТА ЛИВИЯ «ИСТОРИЯ РИМА ОТ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА»	154
<i>Шумилин Е.А.</i> ГЕНРИ УИЛЬЯМ КАРЛЕС ДЕЙВИС И ГЕРМАН ФОН ПЕТЕРСДОРФ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСПЕХА ГЕНРИХА ФОН ТРЕЙЧКЕ.....	156
<i>Якубова Л.А.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ	158
<i>Яцук Н.А.</i> ШАРЛЬ-ЛУИ МОНТЕСКЬЕ И ЕГО ВЗЛЯДЫ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ	160

